

ЭЛИКСИР КНЯЗЯ СОБОДИНА

Annotation

Герой романа, молодой предприниматель Петр Алексеевич Собакин, находит рецепт таинственного эликсира, записанного его прадедом, приятелем самого Менделеева. Чтобы разгадать тайну снадобья, он отправляется на поиски зашифрованных ингредиентов в компании московского пиарщика, надежного питерского музейного работника и очень подозрительной французской кухни. Их ждут веселые приключения в обеих столицах, провинции и деревни, встречи с водочными королями, исконно русскими сионистами, актуальными художниками, великими дегустаторами, а так же вооруженными и очень опасными борцами за чистоту русской орфографии...

- [Ольга Лукас, Андрей Степанов](#)

- [Пролог](#)

- [Часть первая](#)

-

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Часть вторая](#)

-

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Часть третья](#)

-

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Часть четвертая](#)
 -
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Житие Вакха Волосатого](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Часть пятая](#)
 -
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Ольга Лукас, Андрей Степанов

Элексир князя Собакина

Пролог

В самом начале января 1905 года, поздним вечером, некий господин высокого роста, в длинном пальто, с зонтиком и в синих очках — совершеннейший человек в футляре — переходил Фонтанку по Обуховскому мосту. Дойдя до середины, он остановился и раскрыл свой широкий зонт. Сделано это было очень кстати: сверху начинал валить хлопьями снег, а внизу, по белой глади реки, уже всюю мело; поднималась метель.

От Сенной площади до Главной палаты мер и весов, что на Забалканском проспекте, не было и версты, однако человек в футляре добирался туда не менее получаса: он не спеша обходил сугробы и, прикрываясь зонтом от ветра, внимательно оглядывал всех проезжавших конных. У здания Константиновского артиллерийского училища за ним пристроился ночной ванька, однако упорный пешеход на зазывания извозчика ничего не отвечал и продолжал упрямо месить калошами глубокий снег. Вскоре он свернул к трехэтажному дому с итальянскими окнами, стоящему торцом к проспекту, и нажал кнопку электрического звонка.

— Здравствуй, Михайло! — сказал он открывшему дверь пожилому служителю.

— Здравия желаю, ваше сиятельство! — ответил тот, низко поклонившись.

Сиятельный посетитель снял свои совсем не княжеские очки и тщательно их протер. Глаза у него оказались с хитроватым прищуром и в то же время с небольшой, но явной и несомненной безуминкой.

Служитель помог гостю развязать башлык и, с трудом согнувшись, освободил его от калош.

— Как там? — вполголоса спросил князь, указывая на дверь, ведущую во внутренние покои.

— Пишут-с, — шепотом сообщил Михайло. — С самого утра с формулой воюют. Говорили за обедом — больно рогатая-с вышла и никак сокращаться не желает. Оттого сердиты — страсть.

Гость улыбнулся:

— Ну, доложи!

Однако докладывать не пришлось.

— Левушка, ты? — послышался громкий голос из-за двери.

— Я, Дмитрий Иванович! — радостно откликнулся гость, входя в кабинет.

На диване сидел старик необыкновенно благородной наружности: длинные, ниспадающие до самых плеч серебристо-пушистые волосы, напоминающие львиную гриву, большая борода, высокий лоб. Он что-то писал, склонившись над крошечным столиком, хотя к его услугам был располагавшийся тут же огромный письменный стол.

— Бери мои папиросы, ты знаешь, что я чужого табака не люблю, — сердито сказал старик, не поднимая головы. — Покури пока что, мне тут еще минут на шесть работы... Михайло! Принеси Льву Сергеичу чаю.

Манера говорить у старика была своеобразная: он начинал фразу густым баритональным басом, но к середине вдруг сбивался на высокие нотки и заканчивал ее почти дискантом.

Служитель принес гостю кружку. Чай оказался черным, как кофе, и чрезвычайно сладким.

— И мне долей! — приказал хозяин.

Михайло долил доверху высокую чашку с крышкой и с поклоном удалился. Старик, не оборачиваясь, привычным движением швырнул окурок в стоявшее возле дивана ведро с водой и тут же достал новую папироску.

Гость тоже закурил и огляделся.

Обстановку кабинета составляли высокие стеклянные шкафы библиотеки с ключами в дверцах и конторка для писания в стоячем положении, на которой лежала открытая тетрадь. В специальном стеллаже были аккуратно расставлены склянки для химических опытов, рядом гордо возвышался на треноге самодельный фотоаппарат. Центр большого стола занимала шахматная доска с расставленными фигурами — то ли недоигранной партией, то ли нерешенной задачей. Подле нее лежало несколько газет и блестел золотым обрезом заложенный на середине том — по-видимому, какой-то роман. Гость взял в руки книгу, посмотрел на ее название и усмехнулся: Эдгар Поэ, «Таинственные рассказы».

В этот момент старик бережно положил перо на столик, перечитал написанное и заключил довольным голосом:

— Ганц аккурат!

Затем протянул листок гостю. Тот взглянул на последние строки и восхищенно покачал головой:

— Поддалась! Поздравляю, профессор! Никогда не мог понять, как у вас все так изящно выходит.

— Еще бы она не поддалась! Терпение и труд! А я ведь тебя всегда

учил этой премудрости: сокращать, сокращать и сокращать.

После победы над рогатой формулой хозяин дома явно пришел в хорошее настроение. Он встал с дивана и прошелся по комнате, разминая ноги.

— Все ли у вас благополучно, Дмитрий Иванович? — почтительно спросил ученик.

— У меня-с? Благополучие, Левушка, бывает только внутреннее. А за внешнее приходится незамедлительно платить. Вон орден очередной прислали, так теперь четыреста рублей за него вычтут из пенсионера.

Старик подошел к большому столу, взял картонную коробочку и, вытряхнув из нее какие-то гвозди и бумажки, извлек сияющий золотыми орлами и рубиновой эмалью новенький крестик ордена Александра Невского.

— Большая честь, — вежливо заметил гость.

— Че-есть! — тонким голосом протянул старик, небрежно кидая орден обратно в коробку. — Было бы что есть... Лучше бы деньгами дали. У меня, ты же знаешь, семеро по лавкам, а доходов — раз-два и обчелся.

— Я слышал, вам в этом году сулят премию Нобеля...

— Был такой слушок-с. Да только господа доброжелатели не учли, что я от Нобеля ничего не возьму. Пусть лучше немцу этому отдадут, как его... с бензолом...

— Фон Байеру? — догадался гость.

Старик рассердился:

— Что ты мне подсказываешь? Разве я сам не знаю?! Конечно, Байеру. Ты думаешь, я совсем из ума выжил? Вовсе нет, память у меня еще работает. Все помню! И герра Нобеля этого помню, и братьев его саблезубых. Да-с! Много они кровушки из нашей земли высосали. И еще бы больше высосали, если бы я им не ставил в колеса палки-с. А теперь мне от них премию! Ха!

Старик как-то всхрипнул, что, по-видимому, обозначало смех, и уселся обратно на диван.

— Что в городе? — спросил он, отхлебнув чаю.

От этого вопроса гость помрачнел.

— Завтра, видимо, начнется, — ответил он после паузы. — Ходят слухи, что сегодня ночью введут военное положение. Я специально прошелся пешком и два раза видел казачьи патрули. Однако не думаю, что это поможет. Утром рабочие все равно пойдут с петицией ко дворцу. И значит, в них будут стрелять. Смотрите с утра в окно, Дмитрий Иванович, — здесь у вас все будет видно.

— Да что ж ты так обо мне, Левушка? — обиделся старик. — В окно... Разве я зритель в театре? Сделаю все, что в моих силах. Я к Сергею Юльевичу поеду!

Посетитель покачал головой:

— Дмитрий Иванович, это бесполезно. Витте самоустранился. К нему ходила депутация во главе с писателем Горьким, и совершенно без толку. Говорит, что знать не знает этого дела.

Старик вскочил и в волнении прошелся по кабинету.

— А, черт побирай! — воскликнул он плачущим голосом. — Так что ж мне делать прикажете? Что я могу, кроме как писать? Я и пишу. Книгу. «Заветные мысли». Духовное завещание мое, весь в ней выскажусь, да-с! А ведь я давно предлагал! Предлагал всех социалистов да анархистов свезти на остров Святыя Елены — и пусть там экспериментируют себе на здоровье. А мало покажется — так Антарктиду им отдать! Пингвинов только жалко!

Сиятельный ученик пожал плечами:

— Это прожект утопический, а вы ведь практик, — ответил он холодным тоном — Что же до заветных мыслей ваших, то историю изменить они не смогут. Поднимается стихия. Завтра начнется революция, которая отбросит Россию на сто лет назад. И тут надо не мысли записывать, а применять крайние средства. Вот ответьте мне начистоту, Дмитрий Иванович, как вы полагаете: пошли бы пролетарии со своей петицией, если бы им дали по ложечке моего эликсира? Нашего эликсира?

— Опять ты за свое, Левушка! Я ведь уже отвечал тебе: в экспериментах над русским народом я не участвую.

Гость вдруг вскочил.

— Но ведь у нас с вами одна цель! — горячо воскликнул он. — Вы сделали аппарат, а я только нашел ему более широкое применение.

— Нет, Левушка, цели у нас разные-с! — не менее горячо отозвался хозяин. — Я-то хотел всего лишь пьянство победить. А вот ты задумал штуку весьма опасную. И, признаться честно, я до сих пор твою идею до конца не понимаю.

— Могу объяснить!

— Ну-с, попробуй.

Сиятельный очкарик прошелся от кресла до окна и обратно, поворачиваясь, как на пружинах, а затем остановился точно посередине комнаты и поднял руку вверх.

— Первое и главное зло в русской истории есть пьянство! — объявил он, энергично рубанув рукой воздух.

Старик кивнул:

— С этим я согласен.

— Вот! И средство борьбы с ним у нас уже есть. Вам оно известно лучше, чем мне, и останавливаться на нем мы сейчас не будем.

Профессор снова кивнул.

— Второе зло, по моему мнению, это холуйство и холопство. Виной ему тысячелетнее рабство и оставшаяся от него заразная привычка к слепому повиновению. Мы и когда надо, и когда не надо кланяемся и ломаем шапки.

— И это верно! Вот за что я всегда любил тебя, Левушка, так это за то, что ты стихийный демократ, хоть и княжеской породы.

— ...поэтому главный вопрос, — не слушая учителя, продолжал стихийный демократ, — вопрос, который еще Достоевский задавал, состоит в следующем: способен ли наш русский народ к свободе? Господа философы и софисты отвечают на него то так, то этак, в зависимости от кривизны своих силлогизмов. Я же, отвергая метафизику и красноречие, отвечаю строго научно и сугубо практически!

— Да как так — практически, Левушка?

— А вот как. Выпивший моего напитка тут же перестает быть холопом и холуем и чувствует себя царем.

— Царе-ем... — присвистнул старик. — Эк куда хватил! Да если каждый вообразит себя царем...

— ...то революции в России никогда не будет, — закончил за него князь. — И потому эликсир, по моему убеждению, есть единственное средство избежать катастрофы!

— Да, Левушка, помилуй! Как же жить, когда вокруг одни самодержцы?!

— А разве они хуже, чем холопы?

— Ну, не знаю, не знаю... Ну-с, продолжай. Еще с каким злом собираешься бороться?

— Следующее зло — охранительность, леность, инерция. Боятся перемен наши мужички! Петр Великий при помощи дубины учил их перенимать у заграницы все лучшее, однако не преуспел. Из этого я заключаю, что дубиной общечеловека не сделаешь, нужно другое средство. Согласны вы?

— Продолжай, продолжай... Дослушаю до конца — скажу. Какое еще зло ты усмотрел в нашем бедном народе?

— Падение веры и нравственности. Бога забыли! Надо возродить древнее благочестие и нестяжание.

Старик покачал головой и вздохнул:

— Ох, Левушка, и всегда ты был такой сумбурист... Нет, не научил я тебя сокращать формулы. Что ж это будет: все люди у тебя окажутся и трезвенники, и сами себе цари, и общечеловеки какие-то, и святые. И материя у тебя, и дух, и Петр Великий, и древнее благочестие — и все в одной склянке?

— Да! И это еще не все! Эликсир поможет образованному сословию объединиться с народом, и тогда наступит то соборное единение, о котором мечтали лучшие умы России!

Выпалив это одним духом, князь опустил в кресло без сил, словно из него выпустили воздух.

— Соборное единение... — негромко повторил старик. — Ты прямо как покойный Владимир Сергеевич Соловьев говоришь. А еще кричал, что софистики не любишь.

Он резким движением поднялся с дивана, пересел за большой стол и стал задумчиво передвигать шахматные фигуры. Перебрав несколько вариантов, решительно смахнул их с доски:

— Нет! Не получается! Ничего не получается! Вот тебе мое последнее слово, Левушка: не надо всего этого. Химические средства в достижении социальных целей всегда опасны, потому что мы не можем предвидеть последствий их применения. Пусть русская история идет своим чередом. Соборное единение... Да разве не наобъединялись уже? — старик вдруг сморщился и продолжил плачущим голосом, тыча пальцем в лежавшую на столе газету: — Ми-истический экстаз у них, понимаешь ли, Левушка? Батюшка Гапон — пророк, он для освобождения босяков с небеси нам послан.

— Я о другом единении, — глухо отозвался ученик.

— А не надо нам никакого! — отрезал учитель. — Революция победит, и ничем ее не остановишь, тут ты прав. Однако победит она ненадолго. Я все посчитал. При современных темпах развития до полного благоденствия, по моим расчетам, остается лет двести пятьдесят-триста, а социалисты не продержатся и ста. А вот когда их сбросят, можно будет попробовать и с твоим эликсиром.

Сиятельного изобретателя эта перспектива явно не устроила:

— Что же, прикажете мне еще сто лет жить? — спросил он прежним холодным тоном.

— Ты, Левушка, хотя еще совсем не стар, но до конца смуты, разумеется, не доживешь, — развел руками профессор. — Так что выход у тебя один: оставить рецепт потомкам.

Князь пожал плечами:

— Вы же знаете, Дмитрий Иванович, у меня нет детей. Не до того всю жизнь было.

— То-то и оно! Жили вы, ваше сиятельство, всегда только для себя.

— Не для себя, а для науки!

— А я, по-твоему, не для науки? — прищурился старик. — Я, между прочим, семерых деток растил. Семерых! И ничего-с, кое-что сделал и в науке. Запомни, Левушка, что я тебе скажу: есть у каждого из нас цель превыше всех целей — продолжаться в потомстве.

— Значит, жениться?

— Жениться, и как можно быстрее!

Князь снова встал, походил по комнате и остановился у окна, глядя на совершенно пустой проспект, по которому мела поземка.

— Скорей всего, вы правы, Дмитрий Иванович, — сказал он задумчиво. — Однако план ваш осуществить непросто. Я уже немолод, и если родятся дети, они к моменту моей смерти едва ли будут достаточно взрослыми, чтобы им можно было все растолковать. К тому же мы с вами сошлись на том, что победит революция, а это значит, что все мои вещи и бумаги могут пропасть. Как же я передам свой секрет потомкам?

— А вот подумай и реши задачу, — ответил учитель. — Подсказать ничего не могу, кроме одного: если хочешь хорошенько спрятать какую-то вещь, положи ее на самое видное место.

И он потянулся к томику Эдгара Поэ, давая понять, что разговор окончен.

Глава 1

Духи предков

Прозрачные холодильники заполняли весь офис. В коридоре, ведущем к кабинету директора, они выстроились в шеренгу, словно истуканы с острова Пасхи. Эти истуканы, как известно, изображали духов предков, и теперь Петру Алексеевичу Савицкому казалось, что предки нашептывают ему, пока он шагает мимо:

«Смотри, как нас много! А будет еще больше! Ты уже придумал, куда остальных поставить? Ох, и дурак же ты, Петька, такое дело разорил... Выпороть бы тебя...»

Петр Алексеевич вздохнул. Он уже забил истуканами весь склад АОЗТ ««Газинап», а теперь из-за них и в офисе стало не пройти. А какая хорошая была идея — выставлять газированные напитки из ностальгической серии ««Запахи детства» в стендах-холодильниках, напоминающих советские автоматы с газировкой. Савицкий сам их придумал и спроектировал, вложил кучу денег в их изготовление, и поначалу результат был просто ошеломляющим: покупатели как с цепи сорвались, проект окупился меньше чем за три месяца.

Вдохновленный этим успехом, Петр Алексеевич решил, что для него нет ничего невозможного, и тут его, можно сказать, понесло. Творческие решения, которыми он одарил рынок позднее, теперь даже и вспоминать не хочется. Ну что за бес в него вселился, ей-богу? Будто мало было позора с «Огуречным лосьоном»...

Петр Алексеевич встряхнул головой, чтобы отогнать неприятные воспоминания, вошел в свой кабинет, пощелкал выключателями, немного подумал, включил кондиционер и уселся за стол.

Дел никаких не было. Народ перестал покупать не только последние творения Савицкого, но и прежние хиты ««Газинапа» и, кажется, окончательно перешел на кока-колу. Все способы борьбы за живучесть газированного корабля были испробованы, теперь оставалось либо идти ко дну с песней о «Варяге», либо прибегнуть к практической бизнес-магии. В последнее время Савицкий все больше склонялся к последнему варианту, и коллеги из смежных отраслей даже подсказали ему верное средство.

Это была Книга.

Петр Алексеевич придвинул к себе лежавший на видном месте увесистый том и нежно погладил суперобложку, украшенную

голографическими символами твердых валют. Поверх валют было выведено золотом:

Джеймс Рамакришна Гопкинс

СРЕДИННЫЙ ПУТЬ ДЛЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Практическое руководство по просветленному менеджменту

Последние три месяца Рамакришна поселился у Савицкого на правах самого дорогого гостя и стал для директора чем-то вроде Книги Перемен. Петр Алексеевич приобрел привычку раз в десять минут открывать всезнающего Гопкинса на случайной странице, чтобы получить ответы на вопросы: что было, что будет, чем дело закончится, чем душа успокоится?

На этот раз выпала тринадцатая страница. Савицкий поморщился, ткнул пальцем пониже, чтобы не попасть на тринадцатую же строчку, и прочел:

Бывают минуты, когда действовать становится неблагоразумно или невозможно. Предайся тогда уединенным размышлениям и жди Слова или Знамения. А пока ждешь, лучше всего занять ум чем-нибудь однообразным и монотонным, не требующим затрат чистой энергии и не беспокоящим Голодных Духов.

Петр Алексеевич мысленно поблагодарил гуру — чистой энергии у него и так почти не осталось, вся ушла на спасение бизнеса. Что бы такого поделывать монотонного? Взгляд его упал на портрет жены Нади, стоявший тут же, на столе, и он сразу вспомнил данное ей обещание: отсканировать студенческие и свадебные фотографии, сделанные задолго до наступления цифровой эпохи. Давно собирался, но все было некогда, а поручать это личное дело секретарше Юле он не считал возможным.

Зазвонил телефон. Забыв о сбережении чистой энергии, Савицкий вцепился в трубку так, словно это был прибор для измерения силы.

— Оплатите услуги телефонной связи до 29 июня, или линия будет отключена. Оплатите услуги телефонной связи...

В таких случаях гуру учил без промедления думать о светлой стороне вещей.

— А ведь могли и Голодные Духи позвонить, — пробормотал Петр Алексеевич, ослабил побелевшие пальцы и осторожно положил трубку на рычаг.

Раньше за оплатой счетов следила Юля. Теперь она в отпуске. В долгосрочном, неоплачиваемом, без всяких перспектив возвращения «отпуске», как теперь стали стыдливо называть увольнение. Там же и все остальные сотрудники «Газинапа». Еле-еле движутся только три линии: лицензионные «Байкал» и «Тархун», а также первое, самое удачное детище

Петра Алексеевича — «Квас из бочки». Их обслуживают люди, которых просто невозможно выставить на улицу: многодетная мать из Инты Марь Иванна, бывший алкоголик, а ныне трудоголик Семен, да еще Миша — непутевый сын домработницы Савицких тети Зины. Три линии из четырнадцати! А ведь прошлым летом завод не останавливался даже ночью...

Завтра привезут оставшиеся холодильники из сети магазинов «Эконом-классик». Уж если даже экономай отказываются от сотрудничества, то, значит, дело совсем труба. Сливайте всю газированную воду, которая найдется на складе, причем в самом что ни на есть печальном и буквальном смысле...

«Стоп, стоп! Где-то тут должна быть светлая сторона!» — оборвал свои размышления Савицкий.

Неужели нет?

Есть: уже нашлись желающие купить пару холодильников. Правда, за четверть цены, но ведь это только начало. А там, глядишь, пойдет слух, люди захотят иметь у себя дома оригинальные и экономичные агрегаты, дела наладятся, и через полгода Петр Алексеевич станет директором завода по изготовлению креативных криогенных установок для дома, офиса и торговых помещений. «ООО «Криогений»» — отлично звучит. Да что там холодильники! Микроволновки, стиральные машины, плиты газовые, плиты электрические, тостеры... Петр Алексеевич улыбнулся своим фантазиям, любовно погладил Рамакришну Гопкинса и потянулся к лежащей рядом стопке фотоальбомов.

На самом верху покоился старинный альбом с золотым обрезом. Через всю первую страницу тянулась каллиграфическая надпись:

Дорогому Петечке от бабули в день окончания шестого класса.

Люби меня, как я тебя, и вечно будем мы друзья

Давно это было.

В день, когда внучек закончил шестой класс на все пятерки, бабушка торжественно вручила ему аккуратный сверток, перевязанный алой шелковой ленточкой. Начинаящий филателист решил, что внутри, конечно же, тот самый альбом для марок, который он клянчил с начала второй четверти, но в свертке оказался совсем другой альбом — старый и потертый, с фотографиями каких-то древних предков. Последние страницы были еще пустыми.

— Тебе предстоит их заполнить! — торжественно объявила бабуля.

Петька тогда своей миссии не оценил. Он пролистал альбом, поглядел на бородатых дяденек в странных очках на веревочках и засунул это дело в

самый дальний угол книжного шкафа — между собранием сочинений Анатоля Франса и книгой «Как себя вести».

««Если уж сканировать — то с самого начала», — подумал Петр Алексеевич и провел ладонью по гляncy старинной фотографии, на которой его бабушка — кудрявая кукла в платьице с рюшами — была запечатлена сидящей на коленях у своего отца, князя Льва Сергеича Собакина.

«Я была очень капризное и непоседливое дитя, — вспомнил Савицкий рассказ бабушки. — Для того чтобы заставить меня сфотографироваться, папа пришлось сводить меня в кофейню к Саврасенкову и напоить горячим шоколадом... »

Петр Алексеевич улыбнулся. Бабуля была жива до сих пор, через месяц ей исполнялось 96 лет, и он подумал, что к празднику надо преподнести старушке новое кресло. Говорят, в Японии разработали каталку, управляемую силой мысли, а сила мысли у бабули была до сих пор недюжинная.

«Да где же я теперь возьму денег на такое кресло?» — тут же спохватился Петр Алексеевич. Он тяжело вздохнул, но сразу опомнился: «Думаем позитивно! Воображаю, куда бы бабуля укатила на силе своей мысли. Сколько бы денег на одни телефонные переговоры ушло!»

Он перевернул страницу.

Следующей шла фотография Льва Сергеича Собакина соло. Фотограф запечатлел князя во время одной из его многочисленных экспедиций. Судя по сдвинутой набекрень папахе, а также по парящему в небе орлу, путь легендарного предка в то время пролегал по хребтам Кавказа.

Прадедушка-князь был человек, мягко говоря, необычный. Он с юных лет проявил себя отступником света и большим оригиналом. Потомок старинного рода решительно отказался от службы в гвардии и поступил в Петербургский университет, причем не на юридический и не на историко-филологический, а на химический факультет. Учился Лев Сергеич у самого профессора Менделеева и даже написал под его руководством магистерскую диссертацию по теории растворов.

«Димитрий Иванович очень, очень высоко ценил папа», — любила повторять бабуля. При этом она делала такое лицо, будто узнала об этом от Димитрия Ивановича лично.

Как бы то ни было, профессором князь так и не стал — не позволил порывистый и неумный характер. Он никогда нигде не служил, в родовом имении подолгу не засиживался, а большую часть жизни провел в разнообразных, часто загадочных и всегда опасных экспедициях. В наше

время сказали бы, что его сиятельство был большой любитель экстрима. Он разыскивал мамонтовую кость на Крайнем Севере и стоянки людей каменного века на альпийских озерах. В компании писателя Мамина-Сибиряка сплавлялся на барках по реке Чусовой. Пару лет прожил в своей псковской деревне Зайцево и, говорят, работал там на земле наравне с крестьянами. Принимал участие в Уральской экспедиции Менделеева и не прерывал контактов с учителем до самой его смерти.

Успехом у дам князь, несмотря на титул и богатство, не пользовался. Уже в юности, пришедшейся на 1880-е годы, он фраппировал людей света клочковатой бородой, синими очками и крайне нелюбезным характером. «Какой-то разночинец, *un toujik*», — фыркали дамы. Кроме того, князь пугал всех — и аристократию, и особенно интеллигенцию — своими убеждениями, представлявшими собой дикую смесь монархизма, анархизма, прогрессизма, сциентизма и самого пылкого патриотизма. Еще студентом он опубликовал в газете ««Гражданин»» статейку, где доказывал, что Русский Дух не есть метафорическая или метафизическая абстракция, а напротив, представляет собой «химическую действительность», которую рано или поздно откроет наука. Передовая общественность встретила статью ухмылками, а ретрограды — улюлюканьем. ««Он химик, ботаник, он Духа избранник, князь Лева, из света изгнанник», — изгалялся Виктор Буренин. После этого случая князь печатно никогда не высказывался, однако часто писал что-то, запершись у себя в кабинете.

С годами его характер окончательно испортился. Он опростился, зимой и летом ходил в мужицком нагольном тулупе, за что получил от крестьян прозвище Дикий Барин. Последние десять лет жизни Лев Сергеевич прожил домоседом в деревне. Засев в домашней лаборатории, он смешивал привезенные из дальних поездок вещества, отчего из окон иногда валил пугавший мужиков вонючий зеленый дым. К прозвищу Дикий Барин добавилась кличка Вельзевул.

— Кто Бога боится, тот не станет заниматься такими делами, — качали головами крестьяне.

Савицкий перелистнул страницу и открыл свадебную фотографию прадедушки.

Женился князь только в шестьдесят лет, перед самой мировой войной, и его избранницей стала Екатерина Васильевна Дурново, дочь соседнего помещика, уже не первой юности девица с кротким лицом и тихим нравом. Вскоре после этого родилась их единственная дочь Елизавета, которой предстояло прожить долгую жизнь, скрывая во всех анкетах свое княжеское происхождение. Однако матушка, благоговевшая перед своим

супругом, не убоилась Советской власти и воспитала Лизу в духе почитания традиций славного рода и в особенности гениального отца. Сама же бабуля уверяла Петю, что прекрасно помнит папа, и с детских лет угощала внука рассказами о нем, так что в воображении Петра Алексеевича князь Собакин постепенно превратился в какого-то былинного богатыря.

Умер князь очень вовремя — в сентябре 1917 года. После революции усадьбу сожгли, и все рукописи, коллекции и приборы погибли. Впрочем, по сравнению с соседями мировой пожар в поместье князя не разгорался довольно долго: крестьяне не решались подступиться к логову Вельзевула, опасаясь, что Дикий Барин воскреснет и изрыгнет на деревенскую бедноту адское пламя.

Из всех родовых реликвий в семье сохранились только три предмета: синие очки Льва Сергеича, древняя икона святого апостола Петра и вместительный, зеленого стекла старинный штоф с бронзовой пробкой в виде кабанчика в камзоле, неуверенно стоящего на задних ногах. По легенде, штоф был подарен предку князя Собакина самим Петром I, после того как кряжистый боярин перепил всех тонконогих иноземцев на устроенной царем в Преображенском пьяной ассамблее.

Савицкий перевернул еще одну страницу.

Тут он увидел любимую бабушку Лизу в самом цветущем возрасте. Юная красotka сидела подле трюмо и прихорашивалась. Она только что отставила хрустальную пудреницу и потянулась к тюбику с помадой, хотя зеркало, кажется, уже утомилось кричать, кто именно тут всех милее, румяней и белее. Фотограф — поклонник, не иначе — попросил прелестницу хоть на минуточку поглядеть не в зеркало, а в объектив фотоаппарата. За спиной у бабушки виднелась невысокая горка с хрустальными вазами, рюмками и давно утраченным сервизом. На самом почетном месте высился, как каланча, знаменитый петровский штоф — увы, тоже давно пропавший.

Бабушка улыбалась иронически — видимо, у поклонника-фотографа не было совсем никаких шансов. Савицкий подмигнул ей и включил сканер.

Когда фотография появилась на экране, Петр Алексеевич увеличил ее и еще раз любовался выражением лица бабули: смешливым и чуть лукавым. Хороша чертовка!

Потом немного сдвинул фото мышкой, чтобы взглянуть на штоф, — и вздрогнул.

На той грани квадратной бутылки, которая была повернута к объективу, явственно виднелась приклеенная бумажка с ровными,

написанными от руки строчками. Савицкий дважды щелкнул по кнопке “zoom in”. Строчки прояснились, и он прочел:

Р. Д.

Восемь чарокъ отрезвит. изъ аппарата д. и.

Патины змьиной $\frac{1}{2}$ зол.

Отъ березы моей из Зайцова, ежели вырастѣть, коры 1 зол.

Полоумь-травы Вакховой 3 зол.

Отъ всего

Дальше было не разобрать — на этикетку падала тень от стоявшего рядом пузатого графина.

Не было никаких сомнений, что писал сам князь: про его жизнь в псковской деревне Зайцево Савицкий слышал много раз. Но что же это мог быть за рецепт, если Лев Сергеич решил записать его не где-нибудь, а на петровском подарке, самой главной семейной реликвии? И какие странные слова: «Патины змеиной». Ладно бы еще змеиного яду, а то патины. Патина — это же только на металлах бывает... На каких, кстати? Нет, не помню.

Петр Алексеевич снова открыл кавказскую фотографию князя и гордо приосанился. Все-таки не каждый может похвастаться таким необычным, можно даже сказать — выдающимся предком.

«Да ну тебя! — тут же оборвал он сам себя. — Глупости какие... Ну, был прадедушка ненормальный, ну и что? Все его психом считали, кроме жены и дочери, конечно. Химичил там чего-то, запершись, вот и съехал, как тогда говорили, с глузду. Патины змеиной...»

Савицкий достал из сканера альбом, перевернул страницу и принялся за следующее фото. Пока машина жужжала, он еще раз посмотрел на штоф. А что, если не съехал? А вдруг тут скрыта удача, а вдруг это шанс все поправить? Нет, не может быть...

Чтобы разрешить все сомнения, он открыл наугад Рамакришну.

Я согласен с Вивеканандой, что все знания, полученные от предков, на самом деле идут из глубины твоей собственной души, но добавлю при этом: да не заморачивайся ты такими вопросами, а лучше попробуй получить за свои знания реальные деньги. Предки часто дают нам шанс заработать как раз в те минуты, когда мы считаем, что идем на дно, — ответил Неомраченный.

Так вот оно в чем дело! Значит, прадедушка не просто так руку протягивает, поздороваться. Значит, он помощь предлагает, хочет, чтобы внучек уцепился и выплыл на поверхность. Ну, раз так, будем думать над посланием.

Савицкий поклонился учителю, закрыл книгу, поудобнее расположился в кресле и принялся анализировать текст.

Перед нами явно рецепт какого-то медицинского снадобья. Или же, поскольку он написан на водочном штофе, рецепт приготовления алкогольного напитка. В обоих случаях должны быть указаны дозировки ингредиентов. Следовательно, слово «зол.» — это не золото, а какая-то мера веса.

Савицкий быстро забил в поисковик «русские меры веса». Да, точно. Это золотник — 4,27 грамма. Ага, кое-что получается! Поехали дальше. Слово «чарка», по всей видимости, тоже должно значить не просто большую рюмку, а что-то конкретное. Ага: «Русская единица измерения объема жидкости. Иначе называлась соткой и представляла собой сотую часть ведра или 0,123 литра». Значит, восемь чарок — это без малого литр. А сколько влезало в штоф?

Петр Алексеевич окинул оценивающим взглядом бутылку на фотографии. Оригинал он, увы, никогда не видел: по словам бабушки, реликвию украли задолго до того, как он родился. Сколько же туда могло войти?

Так... Википедия. «Штофы»... Штофы бывали либо на десять чарок, либо на восемь. Ну, и каков же был собакинский? Вопрос, как говорил Холмс, на одну трубку. Даже на одну затяжку. Ясно, что самый большой: не мог же Петр подарить первому русскому винопийце какой-то шкалик?! Да и на фотографии штоф выглядит солидно, литра полтора с виду войдет. Значит, бутылку на две трети заливается каким-то «отрезвитом», а сверху еще что-то доливается или досыпается. Патина змеиная, блин...

Деревня Зайцево в Псковской губернии — это найти можно, а вот береза за сто лет наверняка не только выросла, но и погибла. Ну ничего, поскребем соседнюю.

Дальше. Какая-то «полоумь-трава», да еще и «Вакхова»... Н-да...

Что еще остается? Первая строчка: «Р. Д.». Черт его знает... Дальше — «аппарат д. и.». Тоже не пойми что.

И еще эта проклятая патина!

Но все-таки это дело просто так бросать нельзя. А вдруг прадедушка и впрямь что-то такое открыл? Некоторые слова совершенно непонятны, к тому же никак не разобрать конец рецепта. Да и о том, для чего это все, ни слова не сказано. Но сразу сдаваться, тем не менее, не стоит.

Петр Алексеевич закрыл глаза, откинулся в кресле, и воображение тут же принялось услужливо рисовать ему радужные картинки. Вот он восстанавливает открытый предком состав — допустим, эликсир

молодости. Вот несется сломя голову в патентное бюро. Вот дает интервью «Комсомольской правде». Вот делает доклад в Академии наук. Вот ему вручают нобелевку по химии, а он, скромно потупившись, говорит на чистом английском: это, мол, не я, это все прадедушка, *Doctor Sobakin*. Вот он запускает эликсир в массовое производство на той линии, где сейчас гонят «Буратино». А вот академик и миллиардер Петр Алексеевич Савицкий на своей вилле в Монте-Карло: сидит в кресле-качалке и ведет неспешную беседу с самим Рамакришной Гопкинсом. Хотя о чем с ним говорить? Срединный путь и так пройден.

Есть, есть в мире справедливость! Будем рассматривать все случившееся как награду со стороны высших сил за предпринятые нами усилия по спасению отечественного производства.

Савицкий открыл глаза. Надо к бабуле ехать! Вот кто разъяснит все слова и развеет все сомнения.

Подхватив под мышку Рамакришну, директор «Газинапа» двинулся по коридору к выходу из офиса. На этот раз холодильники совсем не напоминали пасхальных истуканов. Они смотрели на Савицкого с полным одобрением и, казалось, готовы были, как в детстве, угостить его газировкой всего за три копейки. А может быть, и совсем бесплатно.

Глава 2

Креативная газировка

Автомобиль в Москве уже давно не роскошь и даже и не средство передвижения, а ставка в большой игре. Москвичи, предпочитающие передвигаться по столице на личном колесном транспорте, — люди отчаянные и азартные. Они играют с магистралями и развязками на время, а время в столице свободно конвертируется в такие ценности, которые не способны обесценить ни кризисы, ни постановления правительства. Можно отправить все казино за Уральские горы, но любой москвич, садящийся в шесть утра в машину в районе Чертаново, чтобы прибыть к девяти в свой офис в Медведково, выработает по пути столько же адреналина, сколько все посетители казино “Golden Palace”. И при этом обязательно проиграет.

Савицкий азартными играми не интересовался, а вот в московскую автомобильную рулетку играл регулярно. Решил рискнуть и на этот раз. Сверился для надежности с «Яндексом», «Авторадио» и Рамакришной, но все-таки проиграл: завяз в гигантской пробке, прочно закупорившей Ленинградский проспект.

««Мыслим позитивно, — пропел он вполголоса свою любимую мантру. — Значит, судьба дает мне шанс собраться с мыслями».

Петр Алексеевич открыл дверцу и вышел из автомобиля, чтобы оценить масштабы трагедии. Стоя посреди эстакады у Белорусского вокзала, он невольно залюбовался величественным зрелищем: вереница машин, как огромная змея, уползала за горизонт. Казалось, что она опоясывает весь земной шар, чтобы укусить себя за хвост где-нибудь в районе Кремля.

Петр Алексеевич вернулся в салон и потянулся к верному Рамакришне, который всегда ездил с ним в бардачке или на переднем сиденье. На этот раз Светоносный изрек следующее:

Жажда общения есть признак предрасположенности к бизнесу; хороший бизнес делается лишь теми, у кого она не проходит ни в автомобиле, ни в кабинете, ни даже в туалете. Потянись к людям, и тогда Шива обратит на тебя свой сияющий взор.

Словно почувствовав сияющий взор Шивы, пробка дрогнула, машины сдвинулись — но тут же снова встали, прижавшись друг к другу еще плотнее. Петр Алексеевич огляделся. Соседом с левой стороны оказался бронированный джип с тонированными стеклами, надежно скрывавшими

владельца, а с правой — симпатичный «Ниссан Микра» — вполне дружелюбный, с открытыми окнами. В нем сидела спортивного вида мамаша с сыном лет шести. Адепт Рамакришны опустил правое стекло и приготовился к взаимовыгодному диалогу.

— Купи! Купи! Купи!.. — настойчиво тянул мальчишка.

Мать, видимо, привыкшая к этой песне, флегматично рассматривала картинки в глянцево́м журнале.

— Купи лимонад! — на полтона выше произнес малыш и продолжал уже чуть громче: — Купи лимонад! Купи лимонад! Ну купи лимонад!

— Приедем домой — выпьешь экологически чистого кефира, — спокойно отозвалась мамаша. — Лимонад вредно. Там химия.

— Ну купи лимонад!

— Если будешь пить лимонад — станешь дурачком, как Сережа из пятого подъезда. Ты же не хочешь таким стать?

— Он не пьет лимонад! Ему денег не дают, — с вызовом ответил ребенок. — Потому что у него папа водку пьет!

— Лимонад — это первый шаг к водке! — объяснила мать. — Ты же не хочешь стать таким, как Сережин папа?

Малыш помолчал, видимо, обдумывая перспективу, а потом веско сказал:

— Купи лимонад!

— Если хочешь пить — возьми у меня в сумке бутылку воды. В ней хотя бы нет вредных примесей.

— Сейчас возьму и примешаю! — посулил вредный карапуз и в самом деле потянулся за бутылкой. — Наплюю в нее!

— Ладно! — сдалась мать. — Приедем домой — отец поговорит с тобой о здоровом питании. Какого тебе лимонада?

— «Новогодний мандарин»! — радостно выпалил мальчик.

— Ну спасибо, что хоть не кока-кола. Тогда на ужин — творог со шпинатом! И чтоб мне не ныть!

— Ладно! — выдохнул сын.

Автомобиль любительницы экологически чистого кефира взобрался на тротуар, немного проехал и остановился возле магазина. Мамаша с ребенком вышли и направились в «24 часа».

Петр Алексеевич закрыл окно. Может быть, не все еще потеряно, раз дети выбирают «Новогодний мандарин» от Савицкого?

Когда Петя заканчивал школу, его родители, оба химики, настоятельно рекомендовали сыну продолжить трудовую династию. Под их давлением он чуть не подал документы в МХТИ имени Менделеева, но в последний

момент внезапно передумал и выбрал Московский технологический институт пищевой промышленности. Как он признался предкам впоследствии — для того, чтобы учиться вместе с Надей Кудрявцевой из параллельного класса. Это ребячество нисколько не повредило его будущей карьере, даже скорее наоборот. После окончания учебы красавица Надя стала его женой, а Петр Алексеевич по протекции тестя устроился инженером на Моспивзавод, будущий «Очаковский пиво-безалкогольный комбинат». Отслеживая качество «Фанты» и «Пепси», сладкого наследия «Олимпиады-80», он уже тогда задумался о том, чтобы вписать свое имя в мировую историю безалкогольных напитков.

Однако вскоре в стране начались перемены, и стало не до изобретений. Петр Алексеевич успел сменить массу занятий, прежде чем в 1998 году, по стечению многих обстоятельств, стал совладельцем крошечного предприятия по производству газированной воды в Зеленограде. Через четыре года дела у фирмы пошли на лад. Еще через год старший компаньон развелся с женой, продал коллегам свою долю в бизнесе, сдал квартиру какому-то дипломату из Восточной Европы и уехал жить на Гоа. Примерно в то же время средний компаньон ударился в политику и тоже отошел от газированных дел. Петр Алексеевич стал единоличным владельцем предприятия. На радостях он выпил с друзьями и перерегистрировал организацию как АОЗТ «Газинап». Название не слишком благозвучное, но что уж теперь...

В начале своей славной карьеры газированного короля Савицкий не стал закрывать производство самого ходового товара — классического «Буратино», но ассортимент решил расширить: купил лицензии на производство «Байкала» и «Тархуна» и получал небольшой, но стабильный доход.

Петр Алексеевич и по сей день имел бы этот доход, несмотря на все кризисы, если бы однажды его не осенила креативная идея. То есть это потом он узнал, что осенившая его идея была именно креативной, а не какой-нибудь еще. А в тот момент он просто попытался вернуть давно забытые детские ощущения: лето, жаркое солнце, тополиный пух катится по асфальту, в кармане — пятак, найденный возле песочницы. Дальше — очередь к бочке с квасом, веселая продавщица в ситцевом платье перешучивается с покупателями, запотевшая кружка из толстого стекла в руках... Так возник «Квас из бочки» — газированный напиток со вкусом и ароматом того самого кваса — личная разработка Савицкого и краеугольный камень в фундаменте ставшей впоследствии знаменитой серии «Запахи детства».

Следом за квасом на прилавках появились еще четыре напитка с ностальгическими ароматами: ««Газировка за 3 копейки», «Новогодний мандарин», «Шоколад “Аленка”» и «Компот из сухофруктов». На этом стоило бы остановиться, но Петр Алексеевич, войдя в творческий раж, остановиться уже не мог. Сказались, видимо, прадедушкины гены.

«Кофе бочковой», выпущенный через год после «большой пятерки», как называл Савицкий свои первые и самые успешные изобретения, уже не вызвал особого интереса. Следом на прилавках появились арт-объекты, несовместимые в сознании простых граждан с понятием «газированный напиток»: «Лосьон “Огуречный”», «Шампунь “Кря-кря”» и даже «Папиросы “Беломор”». Петр Алексеевич ждал общественного признания, дипломов и медалей международных выставок, но получил лишь насмешки и недоумение.

Подобно своему предку, князю Собакину, он удалился в деревню: уехал на подмосковную дачу, отключил все телефоны и неделю не выходил на контакт с миром. Из депрессии его вывело предложение одного сувенирного магазина, решившего продавать у себя последние изобретения газированного гения — при условии предоставления столь же оригинального демонстрационного стенда. Савицкий вернулся к людям, и вскоре ностальгические холодильники, похожие на советские автоматы с газировкой, заполнили не только сувенирные магазины, но и супермаркеты. Вдохновленный успехом, Петр Алексеевич решил изготовить для некоторых напитков серии ««Запахи детства» подарочную упаковку. Он подарил миру ««Газировку за 3 копейки» в граненых стаканах, «Лосьон “Огуречный”» в стеклянных флаконах и «Папиросы “Беломор”» в картонных коробочках с толстой, чуть замятой пластмассовой трубочкой, напоминающей папиросную гильзу. Над новинками снова начали смеяться, остряки в Интернете изощрались кто во что горазд, а «креативные упаковки» стали возвращаться на зеленоградский склад «Газинапа». Для того чтобы спасти репутацию фирмы, Савицкому даже пришлось нанять специалистов, обещавших улучшить имидж фирмы с помощью публикаций в Интернете.

Наверное, ««Газинап» выкарабкался бы из этой ямы, потому что продукция у Петра Алексеевича и в самом деле была отменная. Но тут в довершение ко всему грянул кризис, и продажи упали почти до нуля. Однако упрямый потомок князя Собакина не сдавался. Закрывая линию за линией, он в то же время думал о новом проекте, который обязательно принесет успех. Недавно ему в руки попался справочник «Старинные рецепты», в котором добрая треть была посвящена напиткам, в том числе и

безалкогольным. А ведь никто до сих пор так и не додумался выпускать замечательные прохладительные напитки, столь любимые нашими прадедушками и прабабушками, такие как ««Изюменная водица», «Шиповка Маседуан», «Бишоф из померанцев», «Яблочный напиток очень вкусный», «Апельсинник», «Апельсинник другим манером» и так далее. Поддержал его и Рамакришна, многословно и витиевато сообщивший, что сперва следует переждать, чтоб потом удивить. Но ожидание так томительно!

Петр Алексеевич выглянул в окно: нет, все без изменений, пробка стоит. Он вставил в магнитолау диск Тимура Шаова и уставился в окно, тихонечко подпевая:

*Из тупты не делай драму, мир прекрасен, жизнь идет,
Глянь-ка: мама моет раму, Саша кашу смачно жрет...*

А что, если рецепт прадедушки — это никакой не эликсир вечной молодости, а прохладительный напиток, который князь Собакин сначала изобрел, а потом так полюбил, что решил запечатлеть на фамильном штофе? Кстати, очень возможно. По словам бабули, «папа в рот не брал спиртного». Но ведь не воду же он целыми днями пил в своей усадьбе?

Из магазина вышли мамаша с ребенком: мальчик сжимал в каждой руке по откупоренной бутылке «Новогоднего мандарина» и отпивал из них по очереди, а мать несла в руках пакет с настоящими мандаринами и, видимо, пыталась объяснить сыну, что натуральные продукты куда полезнее химических.

Мир в самом деле был прекрасен, жизнь действительно шла своим чередом. Вскоре пробка рассосалась, и Савицкий за каких-то двадцать минут, без единой остановки — регулировщики расступались, светофоры давали зеленую улицу — добрался до двухэтажного домика в самом конце Яузского бульвара, где жила бабуля.

Глава 3

Бабуля

Это был почти кукольный особняк в венском югендстиле, украшенный недавно восстановленной мозаикой, с круглой башенкой на углу. В детстве Пете казалось, что бабуля его, как сказочная королева, живет в собственном замке. Весь дом он считал ее собственностью, а прочих жильцов — ее вассалами. С годами сказка не потускнела и не потеряла свой аромат: входя под своды этого дома, Петр Алексеевич всякий раз погружался в воспоминания детства, где правила своенравная владычица бабушка Лиза, становившаяся то доброй волшебницей, то жестокой Снежной королевой, то милой бабулечкой, то всевластной владычицей морской.

После реставрации в домике разместились различные фонды, союзы, общества и прочие загадочные организации. Но Елизавета Львовна, благодаря своим заслугам перед отечественной культурой, продолжала жить в прежней квартире, не обращая внимания на непонятных ей соседей.

— Ну, как она там? — заботливо спросил Савицкий у домработницы Полины Андреевны, открывшей ему дверь.

— Капризничает. Вчера велела выкинуть корвалол. Требовала красного вина. Вообще ведет себя возмутительно.

Полина Андреевна ухаживала за бабулей уже тридцать лет, и все эти тридцать лет ее подопечная вела себя возмутительно. Сама же Елизавета Львовна много раз объясняла внуку, что секрет ее долголетия и бодрости состоит в том, что она всегда все делает неправильно.

В прошлом бабуля была актрисой — не самой известной, но весьма любимой публикой. Приходя в ее квартире была увешана старыми театральными афишами и фотографиями, и Савицкого каждый раз удивляло отсутствие на них женщин-комиссаров, человек с ружьями, любовью яровых и прочих примет великой эпохи: здесь были исключительно принцессы и француженки. Когда-то бабуля играла в знаменитом московском театре, ставившем только западные пьесы и нахально не желавшем служить злобе дня. После того как этот театр закрыли, Елизавета Львовна ушла со сцены, чтобы, как она выражалась, сесть на шею мужу — шестому по счету, последнему и самому любимому — дедушке Савицкого. С тех самых пор бабуля запрещала себя рисовать и фотографировать. Петр Алексеевич постоял перед афишей, с которой улыбалась из-под маски лукавая принцесса Брамбилла, потом взглянул в

зеркало и подумал, что бабуленька, пожалуй, права: через год, когда стукнет сороковник, надо будет последовать ее примеру.

Он прошел в гостиную.

Бабуля восседала в кресле-каталке, которое Петр Алексеевич презентовал ей на девятостолетие, — к сожалению, не японском. Осанка у нее была идеальная: все эти годы Полина Андреевна каждое утро зашнуровывала на Елизавете Львовне корсет. На голове у бабушки была «Клеопатра» — один из трех ее любимых париков: домработница по очереди возила их в парикмахерскую, где опытный специалист мыл, завивал и причесывал искусственные локоны. Бабушкины глаза, ясные и по-прежнему пронзительно-синие, были слегка подведены, губы подкрашены бледно-розовой помадой, а в ушах сверкали огромные жемчужные клипсы — ими Елизавета Львовна прикрывала слуховой аппарат. На старинном круглом столике рядом с креслом-каталкой стоял пустой бокал: видимо, Полина Андреевна все же сдалась, и бабушка недавно угощалась красным вином.

— Здравствуй, бабулечка, — сказал Петр Алексеевич, почтительно целуя ее в щечку. — Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно. У меня прошли все болезни. Я даже велела Полине выкинуть пилюли. Я собираюсь умереть абсолютно здоровой.

Бабушка никогда не жаловалась на здоровье и, сколько ее помнил внук, держала себя в форме. Вообще, русское слово «бабушка», которое иноземцы превратили в понятие “*babushka*” и определяют в своих словарях как «пожилая леди в платочке, сидящая на скамейке у дома», или “*female Santa Claus*”^[1], — ей никак не подходило. Ее можно было бы назвать «старой дамой», если бы этим выражением в России не обозначали только пожилых гражданок развитых стран. Елизавета Львовна за границей никогда не была.

— Ну, с чем пришел? Я же вижу по глазам, что ты не про здоровье хочешь меня спросить.

Скрыть что-либо от бабули было крайне сложно. Это Савицкий понял очень давно, когда ему было лет пять, и с тех пор ни разу не пытался.

— Да, есть один вопрос. Точнее, два.

— Ну так спрашивай! Иначе я сама начну спрашивать про твою торговлю, и тебе сразу станет неприятно со мной разговаривать. И мне тоже. Потомок Собакиных продает ситро! Кошмар!

— Бабуля, я не торгош, а художник! Ты же пробовала мои напитки...

— Ну да, ну да, прости. Я знаю, мой мальчик. Ты все-таки настоящий правнук Льва Сергеича. Полина Андреевна, принесите моему художнику

чаю. С крыжовенным вареньем, как он любит.

Домработница, ворча, направилась в кухню, а бабуля повернулась к Савицкому и сказала:

— Ну.

— Бабулечка, ты только не удивляйся, — начал Петр Алексеевич. — Мне очень нужно узнать, как у тебя пропала бутылка.

— Какая бутылка?

— Ну, штоф. Собакинский штоф.

— Ах, штоф! Так и говори. А то «бутылка». Вы все вообще ужасно говорите, прямо как русский народ. Штоф украл Кошкин.

— Какой Кошкин?

— Ну, Кошкин-Бакин. Сашка. Из этих, из внебрачных.

— Бабуля, ты хочешь сказать, что укравший штоф Сашка Кошкин-Бакин был внебрачным сыном Льва Сергеича?

— Я всегда говорю только то, что хочу сказать. Сын Льва Сергеича? Еще чего! У твоего прадедушки, слава Богу, бастардов не было. У него была только я, и если бы ты знал, как он меня любил! Папа вообще был ангел... Вот помню, как раз накануне революции мы гуляли по Кузнецкому. Идем по тротуару, он держит меня за ручку, и вдруг видим в витрине газированную воду...

— Хорошо, хорошо. Бабулечка, так чей же сын был Кошкин?

— Зачем мне помнить, чей он там сын? Я же тебе говорю: Кошкин был из Бакиных. А Бакины — это убудочное потомство Гаврилы Собакина, того самого, которому Петр подарил штоф.

В последние двадцать лет бабуля все чаще вспоминала о своем аристократическом происхождении, которое ей пришлось скрывать всю жизнь, и выражалась самым что ни на есть феодально-крепостническим образом. Впрочем, ей это шло.

— А, понимаю! — догадался Савицкий. — Сокращенная фамилия: Бакин — Собакин. Стоп! А почему Кошкин?

— Это все Екатерина.

— Какая Екатерина?

— Великая, какая же еще? Она решила пошутить и подарила одному из Собакиных, Ивану Сергеичу, деревню Кошкино. Пятьсот душ. А князь Иван, чтобы избавиться от такого позора, проиграл ее в карты купцу Бакину, из этих, из бастардов. А тот присоединил название имения к своей фамилии. Стал Кошкин-Бакин и ходил гордый, как князь. Им всегда хотелось встать с нами вровень. Но яблочко не падает далеко от яблони. Все Бакины были торгаши и воры.

— Бабуля, но ведь Кошкино — наша деревня. Имение Льва Сергеича. Ты же столько раз мне рассказывала...

— Конечно, наша. Объясняю. При государе Александре Николаевиче мой дедушка, а твой, стало быть, прапрадедушка, князь Сергей Львович, Кошкино выкупил. А Лев Сергеич там потом поселился и занялся хозяйством... Он вообще был идеальный хозяин, муж и, главное, отец... Идем мы с ним по Кузнецкому мимо Дациаро...

— Бабуля! Пожалуйста! Сосредоточься! Расскажи, как Кошкин украл штоф.

— Ах, Петя, вечно ты спросишь о чем-нибудь неприятном! Ну, этот Кошкин нашел меня в тридцать девятом, когда я была замужем за Костей...

— Бабуля, замужем за Костей Савицким ты была на десять лет позже.

— Да? Ты точно знаешь?

— Ну конечно, это же мой дедушка. В тридцать девятом ты была замужем за Пашей Орловым.

— Да? Ну, пусть так. Я их иногда путаю, этих шестерых. Потому что все они были настоящими мужчинами, а все настоящие мужчины похожи друг на друга. Так вот, про Кошкина. Он околачивался у нас каждый день и приносил мне подарки. Звал тетушкой, ты представляешь? Я ему говорю из «Мертвых душ»: я вам такая же тетушка, как вы мне дедушка. А он мне...

— Бабуля! Штоф!

— Так я и рассказываю про штоф. А он мне говорит: тетушка, продайте штоф. У вас мужа посадили, этого, как его...

— Орлова.

— Да, Орлова. Паша Орлов служил в Большом театре. Я тебе про него, кажется, не рассказывала. Он пел тенором. Хотя нет, подожди. Его же не сажали...

— Бабуля! Штоф!

— Так я про штоф и говорю. И вот этот Кошкин, который работал в Наркомпищеторге... Они всегда устраивались при торговле, эти Кошкины. Еще их прародитель Михайло торговал салом. Ты представляешь? И эти люди набивались нам в родню!

— Бабуля!

— Да, да, про штоф. И вот этот Кошкин мне говорит: продайте штоф. Я ему отвечаю: да как у вас язык повернулся мне такое сказать? Да разве вы не знаете, кто его нам подарил? Да этому штофу цены нет! Он у нас на гербе на самом видном месте.

— А он?

— А он мне отвечает: тетушка, вам же будет лучше, если эта штука —

штука, ты слышишь? — от вас уйдет куда подальше. Лучше бы всем забыть, из каких вы Собакиных. Это он намекал, что может на меня донести за княжеское происхождение.

— А что ты?

— А я ему говорю: товарищ Кошкин, если вы собираетесь сдать меня в НКВД, то знайте, что я не стану скрывать своих родственных связей. Вас, дядюшка, не только выпрут из этого вашего пищеторга, но и самого сделают пищей для сибирских комаров.

— И он испугался?

— Еще бы! Стал уверять, что у него ничего такого и в мыслях не было. А на следующий день притащил мне цветы. Целую охапку желтых роз, довольно противных. А пока я эти розы обрезала и ставила в вазу, он цапнул штоф и сбежал.

— Как? Разбил стекло?

— Да нет же! Я открыла шкаф, чтобы взять вазу, и пошла в ванную. А он цапнул штоф и выскочил за дверь. И что мне было делать? Идти в милицию и говорить, что я княжна Собакина, отдайте мне царский штоф?

— Нет, конечно.

— Я и не пошла. Я поступила проще. Я просто помолилась Богу, и Бог его немедленно покарал. Его буквально через неделю выперли из пищеторга, а потом арестовали и отправили в ссылку.

— Посадили?

— Не посадили, а всего лишь выслали в Среднюю Азию. Это потому, что я молилась о мягком наказании. Кстати, я полагаю, что его взяли за дело. Сейчас считают, что всех сажали зря. Но таких, как Кошкин, надо было сажать и сажать. Наверняка он обокрал не только меня, но и государство.

— И что с ним было дальше?

— Откуда мне знать? Я этим больше не интересовалась.

— А штоф?

— Штоф поехал с ним. Сашку же не могли заподозрить в родстве с Собакиными. Да и, по правде говоря, какое там родство...

— И больше ты про него ничего не слышала?

— Про него нет. Но лет двадцать назад мне пришло письмо из Парижа. От некоего *prince Mathieu Kochkine*. Торговца, разумеется. Это оказался Матвейка, родной сын того самого негодяя Сашки. «Пренс»! Ты представляешь? Называл меня бабушкой и звал к себе в Париж. Я, конечно, не ответила.

Бабуля гордо выпрямилась в своем кресле и протянула руку к чашке

чая, принесенного Полиной Андреевной.

Про то, что в Париже у него есть родственники, Петр Алексеевич хорошо знал, но все эти родственники были Собакиными. То, что среди них затесались еще и Кошкины, он слышал впервые.

Он отхлебнул пару глотков чая, чтобы потянуть время и решить, как приступить к главной теме — рецепту, — и, ничего не придумав, пошел ва-банк:

— Бабуля, на этом штофе был наклеен какой-то рецепт! Рецепт Льва Сергеича!

— А ты откуда знаешь?

Бабуля отставила чашку и посмотрела на внука очень строго.

— Ты что, связался с Кошкиными? Про рецепт не знал никто, кроме меня!

— Я сегодня рассматривал старые фотографии. Из того альбома, который ты подарила мне в детстве. Там есть очень хороший снимок, где ты делаешь макияж... Видимо, самый конец двадцатых годов. Помнишь?

— Конечно, помню! Это фотографировал Саша Киш, мы вместе учились в студии. Он умолял меня выйти за него замуж, но я вышла за Костю.

««Значит, я угадал», — мысленно порадовался своим дедуктивным способностям Савицкий. Правда, бабуля опять путала эпохи — ей казалось, что она всю жизнь была замужем за дедом Костей, а остальные мужья по очереди выпадали у нее из памяти, и о них приходилось напоминать. Но сейчас это было неважно.

— Бабулечка, на этой фотографии позади тебя очень хорошо виден штоф. Я увеличил фото в компьютере и прочел рецепт.

— Чудеса ты говоришь. Как там можно что-то прочесть? Ну, и что же ты прочел?

Савицкий достал бумажку, на которую переписал все, что смог разобрать, и зачитал загадочное послание князя. Бабуля слушала очень внимательно.

— Да, это рецепт Льва Сергеича. Я никогда его не переписывала — не думала же я, что штоф могут украсть! Но кое-что помню. Особенно вот эту часть, которую ты прочел. Что там в конце — совсем не помню.

— И что же это значит?

— Я могу только догадываться. Папа не объяснял мне этого, конечно, — я ведь была дитя.

— Ну, давай попробуем догадаться вместе. «Р. Д.» — что это такое?

— Безусловно, название, — пожалала плечами бабуля. — Может быть,

какой-то химический термин, откуда мне знать?

— Хорошо. А вот дальше: «Восемь чарок отрезвит. из аппарата дэ и». Тут ты что-то можешь подсказать?

— «Д.И.»? Разумеется, Димитрий Иванович. Кто же еще? Димитрий Иванович очень, очень высоко ценил Льва Сергеича.

Савицкий хлопнул себя по лбу и мысленно произнес слова, которые при бабуле не решился бы сказать ни один смертный. Ну конечно, Менделеев!

— А что же он делал? Алкоголь? Тогда почему «отрезвит.»?

— Конечно, не алкоголь! Димитрий Иванович был убежденным сторонником народной трезвости. Он пытался найти отрезвитель! Матушка передавала слова папа: Димитрий Иванович хранит у себя в кабинете отрезвляющий аппарат.

Ух ты! Савицкий почувствовал легкое головокружение. Рецепт безалкогольного напитка от самого Менделеева! Но дальше, дальше — надо ковать железо...

— Бабуля, а ««патина змеиная» — что это может быть?

— Не знаю, не знаю... Но что-нибудь петербургское, это точно. В этом змеином городе патины полно.

Северную столицу бабуля, коренная москвичка, не жаловала.

— А вот про березу... ««Ежели вырастет». Ты не слышала про нее?

— Нет. Но ты должен съездить в Зайцево и все узнать. Там могли сохраниться уникальные реликвии!

— Я съезжу, бабуля, обязательно. А вот это — «Полоумь-травы Вакховой... »

— Не знаю, не знаю... Помню, матушка говорила, что Лев Сергеич очень интересовался каким-то юродивым... Как раз, кажется, Вакхом. А может, я путаю...

— А где он жил, этот Вакх?

— Вот этого я не знаю.

Савицкий вытер пот со лба. Кажется, он узнал почти все, что можно было узнать. Оставался последний вопрос.

— Бабуля, а для чего вообще был нужен этот напиток?

— Не знаю. Но могу сказать одно: твой прадед был великий человек, и он, несомненно, создал нечто грандиозное! И ты просто обязан этот эликсир восстановить!

Похоже, больше бабуля ничем помочь не могла. Но рассказала она уже достаточно, чтобы Петр Алексеевич твердо решил: надо немедленно приниматься за поиски. И начинать по порядку: первым делом попытаться

найти менделеевский аппарат.

««Завтра и начну», — думал он, целуя бабуле на прощание ручку.

— Ты должен это сделать! — напутствовала его Елизавета Львовна. —
Иди, найди рецепт и возвращайся со щитом. Да поскорее, потому что долго
ждать я уже не могу.

Глава 4

Живой

Петр Алексеевич вернулся домой, в просторную четырехкомнатную квартиру на юго-западе Москвы, и первым делом включил свет везде, даже в декоративном навесном стеклянном шкафчике на кухне, в котором супруга хранила чайную коллекцию. Как же он соскучился по своим, кто бы знал! Но им сейчас гораздо лучше на даче в Икше, среди зелени и грядок, вдали от озверевших кредиторов и таинственных семейных преданий.

Кстати, о преданиях. Все-таки Савицкого не покидали сомнения: может быть, прадед решил просто посмеяться над своими потомками? Интересно, что по этому поводу скажет бизнес-гуру? Страница 148, второй абзац сверху:

Меня часто спрашивают: как я узнаю - правильный ли путь я выбрал? Вдруг я иду в неверном направлении? На это мы с Буддой всегда отвечаем так: неправильных путей просто не существует. Это не вы выбираете путь, это он выбирает вас. Вы же, в свою очередь, вольны идти пешком или воспользоваться каким-нибудь средством передвижения.

Средством передвижения, значит? А ведь верно. Менделеев всю жизнь прожил в Питере — значит, в этот змеиный город и надо ехать в первую очередь. Можно прямо сейчас заказать билет на самолет через Интернет. Итак, прочь сомнения: будем считать, что прадедушкин штоф сам выбрал Петра Алексеевича, как Матрица выбрала Нео!

Его размышления прервал звонок домофона. Кто бы это мог быть на ночь глядя?

Заложив страницу бабушкиной фотографией — той самой, с которой началась история с собакинским наследством, — Петр Алексеевич поднялся с дивана и неторопливо направился к входной двери.

— Кто там? — спросил он.

— Свой. Живой, — ответил мурлыкающий голос.

— Ах, это вы, Паша, — поморщился Савицкий, но на кнопку домофона все-таки нажал.

Два года назад этот тип по фамилии (а может быть, по прозвищу) Живой помог ему провести рекламную кампанию в Интернете. Написал пару сотен восторженных откликов, получил денег больше, чем заслуживал, — и испарился. А неделю назад напомнил о себе: позвонил на

рабочий номер и доверительным шепотом произнес:

— Слышал, вы на грани банкротства. Есть идея, как разрулить это дело.

— Что за идея?

— Не задаром и не по телефону. Встретимся, перетрем, составим смету.

— Отлично! Завтра в десять у меня в офисе. Адрес запомнить?

— Нет, в офис я не могу. Утром я сплю, а днем у меня сиеста. Давайте-ка я к вам в гости как-нибудь забегу?

— Не как-нибудь, а когда я назначу! — строго ответил Савицкий.

И назначил время. Ну да, кажется, как раз на сегодня. Но совершенно забыл о встрече из-за всей этой кутерьмы вокруг прадедушкиного штофа.

Петр Алексеевич распахнул дверь и замер на пороге, чтобы во всеоружии встретить нежданного, хоть и званого гостя.

Лифт нежно тренькнул и бесшумно распахнул двери, выпуская на площадку не крупного подвижного парня с нахальным и одновременно удивленным выражением лица.

Голова его была украшена дредами, на шее и в ушах болтались многочисленные амулеты и цацки, джинсы казались сшитыми из целой россыпи заплаток, и на фоне всего этого пестрого растаманско-клошарского безобразия каким-то нездешним светом сияла идеально чистая белая майка.

В левой руке гость держал рюкзак, увитый разноцветными бусами, увешанный значками и пестрящий нашивками, а правой бережно прижимал к себе картонную коробку с пиццей.

— Здорово, начальник! Прикурить не будет? — обезоруживающе улыбнулся карнавальный посетитель.

— Здравствуйте, Паша! Я не курю, — вежливо, но холодно ответил Савицкий.

— А спичек, скажем, у вас на кухне не найдется? — подсказал обаятельный нахал. — Кстати, мы ведь не на лестнице бизнес-план обсуждать будем?

Петр Алексеевич глубоко вздохнул и мысленно досчитал до десяти. Затем повернулся и жестом предложил Паше следовать за собой.

Живой проворно сбросил кеды и зашвырнул их под вешалку. Рюкзак кинул посреди коридора. Коробку с пиццей аккуратно поставил на пол и босиком, налегке прошлепал на кухню по прохладной шершавой плитке, которой был выложен коридор.

— Вот. Спички, — с нажимом произнес Петр Алексеевич, протягивая

гостю коробок.

— Мерси.

Паша опустил подношение в одну из многочисленных дырок на джинсах, оказавшуюся по совместительству карманом, и переместился к тому самому стеклянному шкафчику, в котором супруга Савицкого хранила свою чайную коллекцию.

— О, да вы, как я посмотрю, тоже большой любитель чайных церемоний, — светским тоном заметил он.

— Может быть, к делу, Паша? — напомнил хозяин. — Мне вообще-то некогда.

— М-м... Юняньский! О-о! Хуняньский! У-у-у! — закатывал глаза посетитель, перебирая баночки, коробочки и пакетики. Наконец его внимание привлекла жестянка с золотым драконом, и тут он вообще впал в экстаз. — Позвольте... позвольте понюхать это... сокровище!

— Да пожалуйста, — буркнул Петр Алексеевич.

Разговоры о чайных церемониях, о чайной культуре и тому подобном навевали на него скуку. Все эти «распустившиеся верхние листья молодого чайного дерева» — чужь и вышибание денег из простодушного народонаселения. Пить надо газированные напитки. От Савицкого. Желательно — серию «Запахи детства».

Живой тем временем открыл баночку с драконом и сунул в нее свой длинный нос. На физиономии ценителя чайных сокровищ читалось примерно следующее: «У меня священный экстаз, и я долго еще не сдвинусь с места, если, конечно, мне не позволят испить этого прекрасного напитка».

— Ставьте чайник на плиту, я тоже тогда чайку выпью, — смилостивился Петр Алексеевич.

Живой немедленно отмер, метнулся туда, сюда, достал с верхней полки стеклянный чайничек и принялся над ним колдовать.

— Прекрасный китайский чай, я даже не мечтал попробовать его, и вот благодаря вам моя немечта сбывается. Знаете, все-таки китайцы, как ни крути, оказались ближе всех к пониманию сути Срединного пути. Тут даже на банке написано, что вкушающий чай не должен быть слишком сытым или слишком голодным. Понимаете?

Савицкий покрутил в руках банку. Ничего, кроме иероглифов, на ней написано не было.

— Паша, скажите, а вы не голодны? — спросил он.

— Я — голоден! — охотно подтвердил Живой.

— Ну, с этого и надо было начинать!

Через полчаса гость уплетал за обе щеки обильный и сытный ужин.

— Так, погодите, у вас же с собой вроде какая-то пицца была. Почему мы тогда ее не едим? — спросил Савицкий, будто очнувшись от гипноза.

— А, это не пицца. Это мой ноутбук.

— Не понял?

— Ну, я его в коробку положил, потому что он в рюкзак не помещается. Чего непонятного?

— О'кей. Непонятно только одно: почему мы до сих пор не перешли к делу.

— Да не могу я во время еды о работе! Пищеварение нарушается. А мне доктор сказал: Паша, береги здоровье, оно у тебя одно. Или это бабушка так говорила? Павличек, кушай и не отвлекайся. А не о деле я могу говорить, это пищеварению только способствует. Знаете, я сдал свою квартиру каким-то баловням судьбы, и теперь мне негде жить. Я, конечно, со дня на день пойму, куда мне деваться: в Эквадор, на Гоа или в Канаду — везде друзья, все ждут. Но каждый легко без меня обойдется и плакать не станет, если я полечу к другому. А можно ведь и работенку с жильем подыскать. Я не рассказывал, как гурувал в йога-клубе? Между прочим, четыре месяца работал просветленным учителем. Сам чуть не просветлел. А потом один посетитель, алчущий тайного знания, так меня достал, что я его послал в самое сакральное место, какое только вспомнил. Не, ну в самом деле, откуда я ему тайное знание за тридцать баксов возьму? Как маленький. Короче, турнули меня йоги. Расторгли договор и написали в трудовой: «Уволен за неблагодарность». Поэтому теперь мы с моей командой занимаемся фальсификацией и подменами — дело привычное, наработанное. Внушаем всей доброй сетевой общественности, что простое русское слово «тяпнуть» произошло от фамилии нашего благородного и благодетельного Тяпова И.И., да хранят его Аллах, Будда и Эру Илуватар! Вообразите, Савицкий, этот святой человек заплатил мне и моим ребятам втрое больше, чем вы, и совсем не придирался! Теперь скидываю ему отчет раз в два дня. Знаете, Савицкий, какие отчеты пишет моя команда? Впрочем, да, знаете.

Петр Алексеевич знал. Когда он окончательно понял, что «Запахи детства» — его призвание и на пяти напитках останавливаться не стоит, к нему в офис явился этот самый Паша Живой. В красках и потрясающих подробностях проходимец расписал рекламную кампанию, которую он и его команда готовы организовать в Интернете. Денег он запросил не то чтобы много, но и не слишком мало, так что Савицкий, не понимавший в интернет-рекламе ровным счетом ничего, согласился.

За пару месяцев Живой и его команда организовали в блогах и форумах советско-ностальгической ориентации сотни дискуссий, посвященных лимонадам Савицкого. Это неплохо отразилось на продажах. А может быть, просто так совпало. Когда же Петр Алексеевич захотел взглянуть на людей, сделавших такое славное дело, Паша скромно признался, что от имени двухсот виртуальных персонажей пишет он сам, один. И деньги, причитающиеся «команде», тоже достаются ему одному.

Савицкий сразу разочаровался в виртуальном общении. Со стороны вроде кажется, что собрались люди обсудить интересные темы — а оказывается, что это какой-нибудь Живой сам с собой разговаривает.

Но это было потом, а поначалу Петр Алексеевич прислушивался к Паше, так и фонтанировавшему идеями и то и дело предлагавшему такие варианты, по сравнению с которыми лимонад «Папиросы “Беломор”» выглядел сладким нектаром.

«Послушайте, господин хороший, вам не хватает размаха, — вещал этот гений пиара на второй встрече с клиентом. — Совершенно необходимо добавить к вашей ностальгической сюсипусечной линейке еще одну — “Ароматы лихих девяностых”. Ну подумайте сами! Лимонад “Утюг на животе” — с запахом и вкусом утюга на животе. Для бандитов в отставке. Или возьмем темы помасштабнее — “Штурм Белого дома” — с запахом пороха. “Финансовая пирамида”, сладко пахнувшая халявой... Что вы на меня так смотрите? Я бы на вашем месте записывал».

«Я еще раз обдумал все за и против, — размахивал он руками на следующей встрече. — И хочу предложить вам поскорее наладить выпуск лимонада “Манна небесная”. Никто же не знает, какова она на вкус. Может, у нее вообще не было вкуса. Вот и делайте простую газировку — пусть каждый сам, внутри своей головы, придумает вкус и расскажет об этом другим. Мы станем свидетелями грандиозных побоищ. Сторонники вкуса “Березовый сок с тонкой нотой первого снега” ополчатся против сторонников вкуса “Немного солнца в холодной воде горного ручья, спешащего в долину”. И тех, и других будут решительно не одобрять Уловившие Истинный Смысл — те, кто почувствует в нашем несравненном зелье “Изысканный аромат перьев ангелов, сдобренный милостью Божьей”. Люди станут создавать партии и коалиции. На Первом канале в прайм-тайм откроется ток-шоу, посвященное нашему загадочному продукту. Шпионы транснациональных корпораций попытаются выкрасть у нас рецепт этого напитка, таинственного, как сама русская душа, но не смогут — потому что когда нет тайны, то и украсть ее нельзя. И обратите внимание на мою скромность — за эту непревзойденную идею я прошу всего-то две трети с

общего дохода. Все уже придумано — вам останется только разлить водичку в бутылки и приклеить к ним лаконичные этикетки».

Надо ли говорить, что в конечном итоге Петр Алексеевич отверг все предложения Живого? Создание новых вкусов и ароматов было для него делом личным, интимным, можно сказать — актом творчества, и в соавторах он не нуждался. Он даже любимой жене отказал, хотя ее проект по созданию линейки элитных прохладительных напитков «Чайная коллекция народов мира» был, надо признать, вполне серьезным коммерческим предложением.

Когда Савицкий окончательно отверг все креативные идеи Живого, тот покачал головой, поцокал языком и печальным голосом произнес:

««Знаете что, господин Советский? В вашей фирменной линейке определенно не хватает лимонада “Запах детской неожиданности”. Кстати, у меня тут появилась неплохая идея. Вы оплачиваете мне и моим ребятам еще пару месяцев работы, а мы, в свою очередь, не понесем эту чудесную шутку в массы. По-моему, выгодное дело. Тарифы, несмотря на инфляцию, останутся прежними — мы уважаем постоянных клиентов».

Савицкий, всей душой ненавидевший шантаж, выгнал Живого вон. «Запах детской неожиданности» и в самом деле просочился в Сеть, но антиреклама, как всегда, оказалась рекламой, а затем волна быстро затихла. Видимо, Живому надоело развлекаться даром, а может быть, он нашел других клиентов или сменил сферу деятельности.

Теперь этот шутник сидел на кухне у Петра Алексеевича и как ни в чем не бывало раскуривал маленькую резную трубку.

— Курить — только на балконе. В доме не должно быть запаха табака! — строго сказал Савицкий.

— Запаха табака точно не будет, — ухмыльнулся гость, но с места все же встал и проскользнул сквозь открытую дверь на балкон. Там он уселся на пол, скрестив ноги, — ну совсем как индеец с трубкой мира.

Живой торчал на балконе довольно долго — Савицкий успел сходить в гостиную за Рамакришной, немного полюбовался бабушкиной фотографией и даже прочитал очередную вдохновляющую главу «Извлечение прибыли из убыли».

Понятие убыли есть убыль сама по себе, - писал Просветленный. - Человеческий разум до сих пор не породил ни одной убыли, которая не содержала бы в себе скрытую прибыль. И если ты понял, где скрыта прибыль, значит, Шива обратил на тебя свой сияющий взор.

По словам гуру выходило, что все люди, сколотившие сколько-нибудь серьезное состояние, обязательно терпели неудачу в одном из своих первых

начинаний, но не сдавались, а шли дальше. «Судьба испытывает вас, а богатство ищет достойных», — прочитал Петр Алексеевич — кажется, вслух. Как раз в этот момент с балкона вернулся Живой. Он взглянул на книгу, потом на бывшего работодателя, улыбнулся каким-то своим мыслям и плюхнулся на табурет.

— Знаете, я, пока там курил, придумал два лимонада. Первый — «<Не плюй в колодец дракона», а второй я забыл. Кстати, если вы куда-то уезжаете, я могу посторожить квартиру. Я очень хорошо сторожу. Знаете, как я умею гавкать? Исключительно убедительно. Р-р-раф-аф-аф! А вот какая у вас фоточка на столе лежит — позволите? М-м-м, какая ретровумен. Состоите с ней в родстве?

Савицкий не успел опомниться, как Живой схватил со стола бабушкино фото.

— Положите на место, — холодно произнес Петр Алексеевич.

— Повинуюсь, — повиновался Живой. — Очень, знаете, линия носа, плавно переходящая в линию лба, у вас похожа. Это ваша старшая сестра?

— Это моя бабушка.

— Какая роковая женщина! Небось дореволюционной сборки?

— Да. Княжна, между прочим.

— Да ну! А из каких князей? Волконские? Оболенские?

— Собакины.

— Таких князей не бывает.

— Бывают. Бабушка — дочь князя Льва Собакина. Любимого ученика Менделеева, между прочим. Слыхали о таком, я надеюсь?

— Слышал ли я о знаменитом химике Собакине? О, да-да, конечно! Русский галлюциногенный миф! На Лепре в свое время об этом очень подробно писали. Говорят, он чуть было *LSD* не синтезировал. А может, и синтезировал, пустил его в народ, и в народе случились разные брожения, а потом произошла революция. А сам Собакин будто бы помер от такого известия.

— Вы это точно знаете? — ошеломленно спросил Савицкий.

— Ну, точно или нет — сказать не могу, — заюлил Живой. — Но читал. А вы, стало быть, решили перейти с безалкогольных напитков на безалкогольные вещества? Ценю ваше мужество. Я буду в числе ваших первых клиентов. Надеюсь по дружбе получить сногшибательные скидки.

— Паша, вы мне вот что скажите, по дружбе или так. Вы мне что-то предложить хотели, я помню. Ну так давайте уже к делу.

— К делу... Знаете анекдот про Ходжу Насреддина, который обещал шаху обучить ишака говорить? Мол, через десять лет кто-то из нас точно

помрет — либо шах, либо ишак, либо я. Когда я впервые услышал этот анекдот, мне очень захотелось перенестись на десять лет вперед и выяснить, кто же из них все-таки помер.

— И какое отношение эта история имеет к делу?

— Да прямое. Десять лет прошло, а все живы. Вот ты не согласишься, начальник, а я честно думал, как тебе помочь. Но так ничего и не придумал.

— Так зачем же было мне голову морочить?

— Я верил в себя. Ну, и в силу разных веществ, окружающих нас. Думал, в последний момент в голову стрельнет — а оно не стрельнуло. Казни меня, Савицкий, — неожиданно громко вскрикнул Паша, упал на колени и стукнулся лбом об пол. — Казни меня или милуй, но я так ничего и не скреативил!

— Вставай, креативщик, — насмешливо произнес Петр Алексеевич. — Не буду я тебя казнить. Ты мне лучше, как большой специалист по галлюциногенным мифам, вот что скажи...

— Все что угодно! — Паша моментально вскочил на ноги, отряхнулся, сел на табурет и приложил к ушибленному лбу холодную столовую ложку.

— Слышал когда-нибудь про такое вещество, как «полоумь-трава Вакхова»? — спросил Савицкий. Эта трава больше всего не давала ему покоя.

У Паши загорелись глаза. Он заерзал на табурете, достал из кармана смартфон и быстро начал стучать по кнопкам.

— Полоумь-трава... Хрен там был... — бормотал он себе под нос. — Я ее уже хочу. Вакхова полоумь-трава... А если так? А точно Вакхова? Это чего, древнерусское что-то?

— Дореволюционное как минимум.

— Секрет утраченной шмали! — задохнулся Живой. — И мы ее найдем! И ее назовут нашим именем! Полоумь-трава Живого-Савицкого. Дяденька, хочешь, я тебе полы вымою, только дай еще какую-нибудь наводку на эту чудо-травушку!

— Ну, если даже ты не знаешь о такой... — погрузился Савицкий.

— Я буду искать! — заверил его Живой.

Он притащил на кухню ноутбук и приступил к перекрестному поиску. Постепенно на Пашиной физиономии стало проступать прежнее нахально-удивленное выражение. Наконец он провел рукой по дредам, откинул голову назад и объявил:

— Итак, теперь я знаю место, где произрастает или произрастала раньше Вакхова полоумь-трава. Строго говоря, у меня нет оснований делиться с вами этой информацией. Тем более что вы запалитесь на этом

деле, как школата, и заветная травушка попадет не к страждущим просветления, а в руки властей. Но мы имеем и встречную проблему. Паша Живой сейчас совсем без денег. Вчера отдал долги и еще столько же остался должен. Значит, мне не на что путешествовать. Поэтому у меня есть предложение. Молчание в обмен на комфорт. Вы меня кормите, поите, обеспечиваете проездными билетами. А я не информирую широкую интернет-общественность о месте произрастания нашей чудо-травки.

— Вам невыгодно рассказывать об этом всем, если вы хотите, чтобы трава носила ваше имя, — спокойно парировал Савицкий.

— Ошибаешься, начальник. Когда я напишу о траве — а я буду первым, кто о ней напишет, — она будет называться травка Живого. Стану я Вакха вспоминать, вот еще! А уж многочисленные пытливые отроки и отроковицы добудут ее и принесут мне сами. Но у меня есть идея получше. Я хоть и не бизнес-гуру, но все же человек добрый и готов взять в долю господина Савицкого Пэ А. И давайте по такому случаю окончательно перейдем на ты. А на брудершафт покурим, как только достанем нашу полоумь-траву.

— Не нашу, а Вакхову. Вам... тебе сколько лет, Паша?

— Да тридцатник вот недавно стукнул, — безмятежно улыбнулся Живой. — Ну все, Алексеич, значит, мы с тобой договорились!

— Ни о чем мы с ВАМИ не договаривались, — охладил его пыл Петр Алексеевич. — Покиньте мою квартиру немедленно. Мне пора спать, завтра утром у меня важные дела.

— Да прям-таки. Дело всего одно, и оно, можно сказать, на мази. Дяденька Савицкий, ну возьми меня с собой за сокровищами! Я всю жизнь мечтал пойти туда — не знаю куда и непременно убить дракона.

С этими словами Паша взял со стола вилку и стал тыкать ею в глаза золотому дракону на чайной жестянке, приговаривая: «Не моргать! Не моргать!»

— А ты тут наркотики, часом, не употреблял? — Савицкий от возмущения снова перешел на «ты» и сам этого не заметил.

— Употреблял! Употреблял! Не моргать! Вот прямо здесь и употреблял!

— А если я вызову милицию?

Паша положил вилку на место и сладко улыбнулся:

— Тогда тебя посадят за содержание притона. А если ты меня просто прогонишь, то весь Интернет завтра узнает о травушке. А еще о том, что известный бизнесмен Савицкий отправляется в экспедицию за утерянным наркотическим зельем.

— Никакой экспедиции не будет. У вас, Паша, не по годам бурная фантазия. Пора взрослеть!

— Пора! Пора! — запел Живой. — Пара-пара-рура! Ну, значит, я без опаски пишу обо всем в Интернет. Может, найдутся энтузиасты, романтики своего дела, которые не испугаются трудностей и вернут в этот мир божественную Вакхову полоумь-траву. Я тогда пойду, ладно? Закрой за мной дверь, меня ждет... — кто там у нас дальше по алфавиту? «Галерея “Достоевский”»? Нет, не могу, достали они меня своим искусством. Уж лучше Галя. Надеюсь, что она и в самом деле меня ждет. Не на улице же ночевать.

— А почему я у тебя в алфавите на «Г»? — прищурившись, спросил Савицкий.

— «Г» — значит «газировка». Ничего личного.

Сказав это, бесстыжий шантажист поднялся на ноги, засунул свой ноутбук в коробку из-под пиццы и решительно направился к выходу. Однако на пороге кухни замер, обернулся и посмотрел на хозяина: мол, что скажешь, дружище?

Савицкий затравленно огляделся по сторонам. Может быть, убить болтливого свидетеля?

— Нет, не получится, — покачал головой свидетель. — Консьержка видела, как я сюда заходил, и запомнила мои особые приметы — а их у меня много. Я, можно сказать, весь состою из особых примет. Не убивай меня, добрый молодец! Я тебе пригожусь!

Савицкий оглядел кухню еще раз, но взгляд его остановился только на Рамакришне. Стукнуть гада Рамакришной по голове? Нет, лучше попробуем мыслить позитивно. Вакхову траву он нашел? Нашел. Значит, и в дальнейшем может пригодиться.

— Давай я посуду помою? — тут же начал пригοждаться Живой. — Я, когда накурюсь, всегда такой хозяйственный делаюсь. Моя бывшая эту тему очень быстро просекла и эксплуатировала меня, как жестокий строительный магнат бесправного таджикского гастарбайтера.

Судя по мечтательному выражению лица «бесправного гастарбайтера», ему такое обращение даже нравилось.

— Ладно, беру на испытательный срок, — решил Савицкий. — С тебя — полный отчет по полоумь-траве, чтоб утром был на столе. И со всеми ссылками — я проверю лично каждую, а то знаю тебя. До отъезда поживешь в комнате моей тещи. Не смей ничего трогать, и уж тем более — не вздумай там курить!

— Понял, начальник, — козырнул Живой. — Отнесусь к тещиной

комнате с уважением. Ну что, я с утра за билетами сбегаю, или нам их курьер подгонит? А куда едем-то, кстати?

— Не суетись. Билеты закажем, — зевнул Савицкий. — Следующая остановка — Санкт-Петербург. И никому ни слова, пожалуйста! А то сладкого лишу.

— Понял. Коммерческая тайна. Слушай, а где теща? Ты ее, часом, не грохнул? Слишком много знала?

— Моя семья на даче все лето, — сухо ответил Петр Алексеевич.

— Семья-я... Савицкий, а усынови меня?

— Что-что, прости?

— Ну, усынови меня. Со мной никаких проблем не будет! Ну, только если я дуну чего-нибудь некошерного и в панику ударюсь. Но тогда просто надо меня запереть, например, в ванной, я там немного попаникую и вскорости попущусь.

— Вот насчет «дуну» — это ты мне брось. Только не в моем доме. Если не хочешь, чтобы тебя усыновило целое отделение милиции. Ближайшее.

— Заманчивое предложение. Я подумаю над ним во время вечерней медитации. А пока пойду в тещину комнату, займусь Тяпкиным заказом.

Глава 5

Голубой песец

Кто же такой этот Тяпка, которому Паша Живой оказывает свои бесценные рекламные услуги? Заглянем на всеведущий сайт www.chemodan_compromata.ru.

Иван Ильич Тяпов появился на свет в 1956 году в Архангельской области, в селе Тяпове, неподалеку от родных мест Михайлы Ломоносова. Это село, в наше время ставшее едва ли не прижизненным музеем-заповедником Ивана Ильича, раньше было ничем не примечательно. Народ там с незапамятных времен хлебопашествовал, ходил в море, а зимой, случалось, бил от скуки пушного зверя. Правда, Советская власть несколько переменяла жизнь поморов: в Тяпове была построена звероферма, где выращивали песцов.

Будущий магнат начал свой трудовой путь именно с пушного животноводства, хотя особой тяги к этому роду деятельности и не испытывал. Ваню Тяпова резко отличали от односельчан три качества: во-первых, он совсем не пил водки, во-вторых, не ругался матом, а в-третьих, с молодых ногтей хотел руководить каким-нибудь трудовым коллективом и имел к этому явные способности. Талант его был замечен: бойкого молодого человека назначили директором зверофермы, и вскоре предприятие расцвело. Тяпов механизировал кормокухню, повысил среднюю нагрузку на самца во время гона до шести самок, рационализировал сдирание шкур и довел их качество до экспортных кондиций. Ферма неизменно перевыполняла план, и портрет Тяпова красовался на районной Доске почета.

Все шло как нельзя лучше, пока однажды осенью не случилось чрезвычайное происшествие: в райком партии прибежал песец.

Прежде пушные звери обходили органы власти стороной, а этот не только пришел сам, но еще и оказался каким-то странным: он был наполовину, от хвоста до правой передней лапы, выкрашен голубой гуашью, пах алкоголем, дрожал, на вопросы не отвечал и только смотрел на коммунистов умоляющими глазами. Первый секретарь райкома, как следует подумав, решил, что песец — это очень нехороший знак, и велел провести расследование. Звероферма в районе была только одна, и бюро тут же назначило комиссию по проверке тяповского хозяйства. На следующее утро в Тяпово без всякого предупреждения приехали две

черные «волги».

Оказалось, что ферма обнесена забором с колючей проволокой. У единственных ворот приезжих встретила вооруженная охрана, одетая в черные телогрейки со странными знаками на воротниках: голова песца, перечеркнутая молнией, а под ней один или два ромбика. Резиновые сапоги бойцов блестели, как хромовые. Столь же причудливую униформу носили бригадиры, рабочие, повара и уборщики производственных помещений. Комиссия переглянулась и проследовала в бараки.

Песцы выглядели изможденными, а на их чисто прибранных клетках были вывешены какие-то сложные таблицы и графики. Из расспросов выяснилось, что директор обязал смотрителей каждый день выставлять зверькам оценки за поведение. Провинившихся наказывали так: вделанная в клетку миска-вертушка, в которую клали корм, закреплялась при помощи специальной задвижки таким образом, чтобы песец не смог повернуть миску лапой. Целый день он бегал по клетке, вдыхая ароматный запах и испытывая танталовы муки. Для самых злостных нарушителей был построен карцер. Но особенно поразил ревизоров отдельный барак, в котором вместо песцов содержались в клетках коты домашние. Комиссия тут же отправилась на склад, где подтвердились ее самые худшие подозрения: кошек на ферме перекрашивали в песцов. Здесь же нашлось немало настоящих песцовых шкур, покрытых еще не просохшей голубой краской.

Справедливости ради надо сказать, что на тяповской звероферме была разработана не только система репрессий, но и система поощрений. Как потом утверждала на суде защита, особо отличившихся сотрудников директор лично поил самогоном, причем зелье получали и люди, и звери. Однако этот эпизод тоже обернулся против Тяпова: самогон он не покупал в деревне, а гнал сам, используя при этом корма из запасов вверенного ему государственного предприятия.

Дело о фашистской символике замяли: начальство тоже любило фильмы про Штирлица, а кроме того, это могло бросить тень на весь район. Тяпова судили только за самогонование, жестокое обращение с животными и нецелевое использование государственных кормов. Иван Ильич на суде своей вины не признавал и уверял, что песцов, как и все семейство собачьих, он нежно любит. Что же до самогона, то тут Тяпов бил себя кулаком в грудь, кричал, что его бес попутал, клялся, что это в самый-самый последний раз, и обещал, что никогда он больше первач гнать не будет.

Суд к этим аргументам остался глух. Тяпову дали два года условно,

сняли с директорской должности и исключили из партии. Казалось бы, его карьера на этом должна была завершиться: выпавших из номенклатурного гнезда назад никогда не принимали. Но тут грянуло ускорение, потом перестройка, потом гласность, и, наконец, широко распахнулись врата свободного предпринимательства. Иван Ильич сразу же шагнул в эти врата и дальше шел только прямым путем, никуда не сворачивая.

В 1988 году он переехал в Москву и открыл собственное предприятие — семейный кооператив «Тяпушка». Помещение кооператива располагалось в цокольном этаже сталинского дома на углу улицы Правды и переулка Марины Расковой и состояло из трех комнат. В первой комнате, в которую можно было зайти с улицы, сидели две дочери Тяпова в кокошниках и помешивали в расписных бадьях старинный напиток русского Севера — тяпушку: питье из толокна и намятой клюквы, разболтанной в квасе. В следующей комнате руководители кооператива — сам директор и двое его сыновей — разбавляли водой неочищенный спирт и разливали его по бутылкам. Впоследствии недоброжелатели утверждали, что вода была из батареи, но Иван Ильич эти наветы всегда с негодованием отметал, заявляя, что воду он брал только из-под крана. В третьей комнате супруга Тяпова наклеивала на бутылки этикетки от водки «Столичная». Там же находилось забранное решеткой окно, выходившее на так называемый пьяный угол. Утром кооператоры подбирали пустые бутылки, валявшиеся прямо под окном и в соседнем скверике у школы — и производственный цикл начинался заново.

В 1992 году, после отмены монополии на алкоголь, Иван Ильич легализовался и открыл новое предприятие: ООО «Тяпка». Теперь комнат было четыре, а спирт, который использовали предприниматели, тщательно очищался — для этого как раз и понадобилась четвертая комната. Синтетический неочищенный спирт заливали в ведро и поджигали. Пока ведро дымило, акционеры спокойно сидели в четвертой комнате, играли в очко на деньги и ждали, пока выгорят примеси. Как только появлялось синее пламя, то есть начинал гореть спирт, они набрасывали на ведро кошму, охлаждали его в ванне, а дальше технологический процесс шел точно так же, как в годы перестройки и гласности. Поменялось только название: продукт стал называться «тяповка». Через год Тяпов, не дожидаясь налоговой проверки, закрыл ООО и сразу же открыл ЗАО «Тяпа».

Дела шли хорошо, и в 1994 году Иван Ильич за мешок ваучеров приобрел завод «Красный витязь», который тут же переименовал в «Тяповскую мануфактуру». Это предприятие и стало краеугольным камнем

его алкогольной империи. В эпоху залоговых аукционов к нему присоединились еще шесть ликеро-водочных заводов.

В девяностые годы, пока рынок изощрялся в названиях, заполняя прилавки льдинками, кристалликами и красными шапочками, Тяпов, не мудрствуя лукаво, гнал все ту же «тяповку». Однако на рубеже тысячелетий его вдруг словно какая-то муха укусила. Он вообразил себя чуть ли не художником и решил обновить ассортимент, преобразовав как форму, так и содержание напитков. После тяжких раздумий сам Тяпов сумел выдумать только два сорта виски: “*Tiapnem? Red Label*” и “*Tiapnem! Black Label*”. Иван Ильич, как уже понял читатель, был неравнодушен к своей фамилии. Кстати сказать, словом «виски» он называл все тот же разбавленный спирт, не до конца очищенный от эфиральдегидной фракции, другими словами — лютую косорыловку. Бренд не пошел, и Тяпов решил бросить самодеятельность и нанять профессиональных креативщиков.

Креативщики были отобраны по творческому конкурсу и влились в отдел пропаганды и агитации: так, на советский манер, Иван Ильич именовал рекламный отдел.

Впрочем, советские названия подразделений были не единственной и не главной странностью тяповского предприятия. В структуре холдинга была одна особенность, отличавшая его от всех ему подобных. Логистика, склад, финансы, планирование, кадры, маркетинг, внутренняя логистика, мерчандайзинг — все это было как у всех. Но кроме них и над ними было еще Управление делами — буйно разросшаяся служба безопасности, которую сотрудники между собой называли «<гестяпо» (Иван Ильич об этом названии знал и никак не возражал). В задачи гестяпо, помимо поддержания дисциплины, входили также охрана Тяпова и членов его постоянно растущей семьи (первый отдел); охрана предприятий (погранотдел); промышленный шпионаж (отдел внешней разведки); борьба с промышленным шпионажем (отдел контрразведки); борьба с внутренними врагами и предателями (ГПУ, Главное политическое управление); реклама и креатив (уже упомянутый отдел пропаганды и агитации); содержание провинившихся под стражей, управление спецобъектами и т. д. В начале 2000-х годов на тяповских сотрудниках появилась черная униформа со знаками различий. На левой петлице пиджака — две перекрещенные бутылки «тяповки», а на правой — малые и большие рюмки, обозначающие ранг данного офицера. Сам Тяпов всегда ходил в штатском. А все корпоративные правила поведения, а также система поощрений и наказаний были полностью скопированы с тяповской зверофермы, причем гестяповцы в данном случае играли роль охранников,

а прочие сотрудники — песцов.

На следующий день после того, как Паша Живой нанес Савицкому незабываемый ночной визит, в штаб-квартире Тяпова случилось ЧП.

Шеф приехал на работу только к обеду и обнаружил у себя в приемной четырехрюмочного офицера, который не был записан на прием. Позади него маячила какая-то девица в форме без знаков различия. Иван Ильич, едва взглянув на капитана, понял, что дело серьезное. Учитывая строжайшую иерархию, царившую в холдинге, сотрудник гестяпо мог решиться на прямой контакт с вождем в обход всех инстанций только в самых крайних обстоятельствах: например, если собирался сообщить о готовящемся покушении.

Поэтому Тяпов спрашивать ничего не стал, а только движением головы велел капитану войти за собой в кабинет и закрыл дверь.

— Иван Ильич, — чуть подрагивающим голосом сказал гестяповец, — стажер Голубкова из нашего отдела обнаружила крайне важную информацию. Угроза интересам компании. Разрешите ей лично доложить?

— А ты кто такой? — спросил Тяпов. Он сразу расслабился, и физиономия его стала менее красной, чем обычно: речь шла не о покушении.

Офицер не сразу ответил на этот простой вопрос. Он странно посмотрел на шефа и после паузы представился:

— Усов, замначотдела внешней разведки. Неужели забыли, Иван Ильич?

— А почему мне всех знать? — проворчал Тяпов, усаживаясь в свое кресло. — Холдинг огромный, одних менежеров три тыщи кормлю. Ну, зови свою практикантку!

— Разрешите присутствовать при разговоре?

— Присутствуй.

Усов распахнул дверь, и в кабинет вошла спортивного вида девица с гладко зачесанными, согласно дресс-коду холдинга, волосами.

— Голубкова Мария, кодовое имя Мурка-терминатор, стажер отдела внешней разведки! — бойко отрапортовала она.

— Вольно, вольно, — добродушно откликнулся Тяпов. — Присаживайся, терминатор, в ногах правды нету, даже если они железные. Ну, докладывай. У тебя три минуты.

— Проведенная мною проверка работы внештатного сотрудника, — затараторила девица, игнорируя предложение сесть, — показала, что в ближайшее время планируется крайне подозрительная и невыгодная для нас операция. В качестве доказательства имею предъявить скриншоты

постов, размещенных на ресурсе лайфджурнал дот ком с расшифровкой оных.

— В лайфжоре-то в этом в рабочее время пасешься? — прищурился Тяпов.

Маша Голубкова потупилась. Она понимала суть вопроса. Естественно, что при таких раздутых штатах работы на всех не хватало. Сотрудники гестяпо проводили время в Сети, в основном — в социальных сетях и блогах, поскольку более фривольные маршруты могли привести к встрече с ГПУ.

— Я же не развлекаться туда лазила, — обиженно сказала девушка.

— Ну, ну, не дуйся, как мышь на крупу, — смилостивился босс. — Верю, что не развлекаться. Ну, и кто фигурант?

— Некто Савицкий Петр Алексеевич, гендиректор АОЗТ «Газинап».

— Знаю молодца, — сразу посерьезнел Тяпов. — А ну-ка, Усов, напомни мне, откуда я его знаю.

Усов, видимо, успел заранее подготовиться к этому вопросу. Он извлек из внутреннего кармана зеленую папочку, раскрыл ее и зачитал:

— В 2004 году по вашему распоряжению велись переговоры с П.А.Савицким о приглашении его в отдел пропаганды и агитации на должность старшего креативщика. Приглашение было связано с потенциально прибыльным проектом Савицкого — линейкой безалкогольных напитков «Запахи детства», которую вы намеревались конвертировать в алкогольную продукцию.

— Четко работаешь, — похвалил разведчика Тяпов. — Выпишу тебе бонус. Ну, — продолжал он, обращаясь к Мурке, — и ты хочешь сказать, что он нам конкурент?

— По основному профилю и масштабам своей деятельности — конечно, нет, — снова затараторила сотрудница. — Однако, как показало расследование, Савицкий задумал воспроизвести алкогольный напиток, открытый самим Менделеевым и улучшенный его учеником князем Собакиным. Между прочим, родным прадедом Савицкого.

Повисла пауза.

Генеральный как будто окаменел, устремив взор в пространство. Прошло не меньше минуты, прежде чем Тяпов перевел наконец взгляд на сотрудников.

— Это песец... — сказал он очень тихо.

Маша Голубкова взглянула на шефа с удивлением. Коллеги заверяли ее, что Сам никогда не ругается.

— Какой песец? — спросил Усов.

— Голубой, — непонятно ответил Тяпов.

— А в чем вы видите... эээ... возможные неприятности? — осторожно поинтересовался разведчик.

— Да в том, что они сделают такое пойло, из-за которого люди вообще перестанут бухать! — гаркнул Тяпов. — Менделеев же против алкоголизма всю жизнь выступал! Это только придурки долдонят, что он водку изобрел.

Образованность и быстрота соображения неотесанного на вид шефа приятно поразили Машу. Все-таки она сделала правильный выбор, когда пошла сюда работать.

— А есть и второй вариант, — продолжал Тяпов. — Может, Менделеев и вправду какой коктейль на старости лет придумал. Тогда этому коктейлю цены нет. Усекаете?

— Так точно! — хором ответили разведчики.

— Можно попробовать нейтрализовать Савицкого, — тут же предложил Усов. — Взрыв бытового газа, например. Или вот машинка у него, «вольво»...

— Или проследить за ним и забрать рецепт, — тихо сказала Маша.

Грозный босс ответил не сразу. Он поглядел сначала на Усова, потом на его подчиненную, потом опять на Усова.

— Нет, Усов, не будет тебе бонуса. Мышей не ловишь. Не девяностые у нас лихие годы. Гибкости учись и смекалке — вот хоть бы у нее. А ты молодец, девчужка. Значится так, разведчица, слушай сюда. Раз ты всю эту бадью откопала, тебе ею и заниматься. Усов, выйди-ка за дверь! Нам тут поговорить надо. Но помни: ты мне ее привел, и ежели она дело провалит, то я тебя уволю из Управления и переведу в отдел прямых продаж. Будешь водку хачам на рынке продавать. Усек?

Усов, сверкнув глазами, вытянулся в струнку, кивнул и вышел.

— Так вот, слушай задание, — обратился Тяпов к Мурке. — Войдешь в доверие к Савицкому, предложишь ему какие-нибудь услуги, — тут Иван Ильич осмотрел девушку повнимательнее. — Ну, или не предлагай — тело твое, хе-хе. В общем, станешь его помощницей. А как только этот гений приготовит пойло, заберешь его вместе с рецептом — и бегом ко мне. Задание понятно?

— Так точно!

— Ну и умница. Налево кругом, на работу шагом марш!

Прежде чем выполнить команду, Мурка-терминатор задумчиво посмотрела на шефа и гордо улыбнулась каким-то своим мыслям.

Для нее начиналась новая жизнь — та, о которой она давно мечтала.

Глава 6

Речь держала Мурка, звали Терминатор

Гавайи. Отель «Шератон». Мурка-терминатор в бикини обыскивает люкс босса наркомафии. Входит большой негр.

- Кто вы? - спрашивает он, доставая кольт.

- А вы меня не узнаете? - улыбается Мурка и идет на него грудью.

Охранник отступает в замешательстве. Мурка заламывает ему руку с пистолетом и ударом по тестикулам вышибает его через стену в соседнюю комнату. В проломе стены обнаруживается хорошо оборудованный пыточный кабинет.

- Сядь в кресло, детка! - приказывает Мурка, наводя на него кольт. - Нам надо серьезно поговорить.

- Нам надо серьезно поговорить! — неожиданно раздался за спиной рассерженный голос.

Ну вот, опять.

Маша Голубкова еще только собиралась стать самой высокооплачиваемой актрисой в истории Голливуда. Или, может быть, телохранителем босса международной наркомафии. Ну, в крайнем случае — наемным убийцей. А пока судьба не подбросила ей таких шансов, Маша служила стажером в холдинге И.И.Тяпова. На стажерскую зарплату квартиру не снимешь, поэтому ей приходилось довольствоваться комнатой в панельной девятиэтажке на Петровско-Разумовской и жить под одной крышей со своей школьной подружкой Ниной — девушкой совсем не героического склада, но зато готовой ежемесячно вносить две трети квартплаты из своего кармана.

Нина была барышней основательной. Она работала секретарем-референтом в российско-французской фирме, занимавшейся продажей водонагревательных приборов.

— Что там у тебя опять случилось? — устало спросила Маша, поворачиваясь лицом к подруге-соседке, а спиной к обшарпанному хозяйскому трюмо, перед которым она частенько примеряла на себя героические роли и образы.

— Ты когда будешь посуду за собой мыть? — в упор спросила Нина. — Я вернулась с работы голодная, как собака, а все кастрюли грязные! Ты что, джинсы варила? Совсем уже умом тронулась?

— Это костюм. Мне надо для роли, — коротко объяснила Маша.

— Ой, Маха, тебя что, все же взяли в театр? — сразу подобрела Нина.

— Куда круче, — таинственно улыбнулась ее подруга. — Важное задание!.. Слушай, у тебя же с письменным французским лучше, чем у меня? Не сможешь перевести одну статейку? Мне бы завтра к утру. А я сейчас посуду быстренько помою, ужин сварганю, и хочешь, дам тебе поносить ту футболку с блестками? Ну, которая тебе нравится?

— Ох... Я сегодня чего-то запарилась с переводами. А надолго дашь поносить?

— Да пока не надоест.

— Ну ладно, давай сюда свою статью. А клипсы мамы твоей заодно не одолжишь? На форуме «Космо» писали, что мода восьмидесятых возвращается.

В школе кумиром Маши Голубковой была актриса Дженнифер Гарнер, звезда сериала “*ALIAS*”, который у нас переводили грубым русским словом «Шпионка». Прочитав в восьмом классе биографию Дженнифер, Маша перевелась в химический класс и записалась в драмкружок. А поскольку, как всем известно, Гарнер сама исполняет все свои трюки, будущая шпионка пошла еще и на занятия по акробатике. В десятом классе случилась крайне неприятная вещь: российское телевидение отказалось транслировать третий сезон «Шпионки». Но Маша не сдалась: она достала оригинал и благодаря этому добавила к своему неплохому французскому еще и английский язык. Надо ли говорить, что все пять сезонов “*ALIAS*” она знала наизусть.

В то время будущее было кристально ясно. Надо поступить в театральный институт, а потом к ней уже на первом курсе подойдет интересный мужчина в темных очках и предложит поработать на некий «Питерский альянс» — секретное подразделение ФСБ. В качестве первого задания ей наверняка поручат разыскать портрет какой-нибудь Моны Нонны работы Леонардо да Винчи. Дальше она будет жить двойной жизнью — в институте появляться редко, только чтобы сдать сессию, а в остальное время будет ездить на задания по всему миру: стрелять, проникать, очаровывать и карать. С интересным мужчиной в темных очках она постепенно заведет постоянный релейшеншип. Когда же портрет будет найден, то окажется, что изображенная на нем Нонна как две капли воды похожа на нее, Машу (ну и на Дженнифер, конечно), а в раме обнаружится припрятанный Леонардо эликсир молодости или еще какая-нибудь фигулина.

А когда задание будет выполнено и рассекречено, ее немедленно пригласят на Первый канал играть саму себя, и тогда десять миллионов

русских Нонн раскроют рты, и... в общем, дальше все будет очень хорошо. Ну и, разумеется, о ней, как и о героине Гарнер, напишут двенадцать романов, но это так, мелочи.

Жалко только, что потерянных родителей искать не придется: папа и мама были живы, здоровы и относились к увлечениям дочери резко негативно. Впрочем, Маша подозревала, что родители у нее ненастоящие. А ну их! Даже с Нинкой жить интереснее, чем с ними.

После школы Маша два года подряд поступала одновременно в ГИТИС, Щуку и Школу-студию МХАТ, и даже один раз дошла до третьего тура, но на нем-то и срезалась. В конце концов родители согласились оплатить ее обучение в дешевой «Академии театрально-циркового искусства Сюзанны Бесноватых», которое и завершилось прошлым летом дипломным спектаклем «Запахи и звуки закулисья». О спектакле были очень хорошие отзывы в районной газете «Бутовские ведомости» и в блогах самих актеров. Три недели Маша ждала, что ее начнут заваливать предложениями лучшие московские театры, а не дождавшись, решила слегка поторопить события и обошла всех главных режиссеров столицы. Возможно, она была слишком настойчива и излишне прямолинейна (хотя ей так не казалось), так что один режиссер даже посоветовал милой барышне устроиться в силовые структуры. Через несколько дней, прочитав в Интернете о том, что Управление делами АОЗТ «Тяповские мануфактуры» производит конкурсный набор стажеров в службу безопасности, Маша решила сходить на собеседование. Вдруг судьба столкнет ее в лифте с самим владельцем алкогольной корпорации? Уж ее-то артистизма и обаяния хватит для того, чтобы вскружить ему голову и разбить сердце.

Однако Ивана Ильича в комиссии не оказалось, что, несомненно, помогло ему сберечь голову и сердце. Собеседование проводили младшие офицеры одного из отделов — Главного политического управления. Артистизм будущей сотрудницы их не впечатлил, зато неплохое базовое знание химии и владение двумя языками сыграли решающую роль. Добавьте к этому инициативность и желание трудиться — и нет ничего удивительного в том, что агент Мурка-терминатор была зачислена в штат с испытательным сроком полгода. И даже получила черную, превосходно облегчающую фигуру униформу. Правда, пока без знаков различия — но за этим дело не станет.

Честно говоря, Маша надеялась, что работа в таком учреждении будет поинтереснее: ей чудились погони, перестрелки и невыполнимые секретные миссии. На деле же ей пришлось сидеть в душном офисе и

выполнять задания нудного замначотдела Усова. Начальник отдела внешней разведки Семибатюшный перманентно отсутствовал («На задании», — таинственно шептали сотрудники). Что же касается Ивана Ильича Тяпова, то его Маша до вчерашнего дня видела только по телевизору. Нареканий не поступало, с заданиями она справлялась быстро, да их почти и не было, — и оставалось только от скуки вести дневник в Интернете.

В дневнике Маша называлась Люси де Ла Фер. По легенде, она жила в Париже и работала киллером. Виртуальные друзья были ей под стать — трое наемных убийц из Японии, наркобарон, глава мафиозного клана, два разнокалиберных бога смерти и один демон-дворецкий.

Единственное, что отличало их от Маши, — они брали себе имена персонажей из фильмов и аниме и отыгрывали уже готовые роли, а Маша сочиняла свою историю сама. В профиле висела ее настоящая фотография с двумя пневматическими винтовками наперевес. В эпитафии дневника значилось: «Вас приветствует Люси де Ла Фер, хотя друзья могут звать меня просто *Lucie Fair*. Помните, что вы находитесь на территории частного дневника и хозяйка в любой момент может вышвырнуть вас вон без объяснения причин. Добро пожаловать и чувствуйте себя как дома!»

Сегодня утром Люси де Ла Фер легко расправилась с тремя греческими негодяями и собиралась подробно описать эту историю, но тут про нее вспомнил Усов и велел проверить отчет какого-то внештатного клеветника.

За каждое задание — настоящее, не вымышленное — Маша бралась с энтузиазмом. Она верила: вот сейчас ей удастся что-то разнюхать, кого-то вычислить, и тогда все поймут, что ей можно доверить нечто посерьезнее беготни с бумагами с этажа на этаж.

Сначала отчет показался Маше делом бесперспективным — целая куча ссылок на блоги и форумы, и везде примерно одно и то же. Какой-то простодушный человек интересуется, откуда взялось смешное слово «тяпнуть», и получает от сведущего пользователя развернутый ответ со множеством ссылок: «Это слово произошло от фамилии Тяпов, о чем вы можете прочитать вот тут, тут и тут». Весомые «тут», «тут» и «тут» отсылали, в свою очередь, к другим блогам и форумам, а также к Википедии и корпоративному сайту алкогольного холдинга. А все это масштабное надувательство было организовано одним-единственным человеком по имени Паша Живой (его имя и контактный *e-mail* были указаны в шапке отчета). Живой, да еще и Паша. Уж не тот ли это самовлюбленный юзер-тысячник, отказавшийся добавить в друзья Люси де

Ла Фер из-за «низкого литературного качества контента», как он изволил выразиться? Умри, Живой!

Но, к сожалению, придраться к отчету Маша не смогла — все было сделано в соответствии с требованиями. Она даже оценила некоторый артистизм исполнителя: выступая под разными масками, Паша всякий раз четко придерживался выбранной роли. Трудно было поверить, что все это — один человек.

Позавидовав негодяю Живому, который в этот солнечный летний день может гулять по улице в свое удовольствие, а не торчать на работе с 10:00 до 19:00 с перерывом на обед с 13:00 до 14:00, Маша решила ознакомиться с дневниками многочисленных клонов Живого. Как знать, может быть, там отыщется рецепт свободной жизни?

Она приступила к чтению:

«Менделеев + @in - интересная формула», — писал Придурук Жора.

«Да уж... — подумала Маша. — Но вряд ли мне это поможет».

«Сладкого он меня лишит, ага, разбежался!» — возмущалась Пупсик Жанна.

«Так тебе и надо, воображала!» — позлорадствовала в ответ Маша.

«Да и не нужна ему эта трава, он законопослушный, как сто тысяч китайцев», — презирал кого-то Подзамочный Журнал, почему-то без замка.

«Зря Алексеич мне не верит. Он же меня совсем не знает», — сетовала Песя Житомирская.

«Может, он очередной напиток с неожиданным запахом задумал? А может, чего покруче?» — размышлял Папа Жора.

«Круче только напиток с неожиданным звуком!» — подумала Маша.

«Чего бы ему такую таинственность разводить?» — вопрошал Пивной Живот.

«Действительно. Лучше пусть разводит кроликов — они плодятся быстрее, чем таинственность».

«Трава - не главное, это понятно, иначе при чем тут Питер? Трава же не в Питере растет», — рассуждала Петрова Женька.

«Что, совсем не растет? И на газонах травы нет? Ни фига себе! А мужики-то не знают!»

Записи были сделаны вчера, около часа ночи. Если точнее — между часом и половиной второго. Просто так, от скуки и любви к точности, Маша выстроила их в хронологическом порядке — и не поверила своим глазам.

Бессмысленные строки сложились во вполне связный текст!

Зря Алексеич мне не верит. Он же меня совсем не знает. Трава - не главное, это понятно, иначе при чем тут Питер? Трава же не в Питере растет. Да и не нужна ему эта трава, он законопослушный, как сто тысяч китайцев. Менделеев + @in -интересная формула. Может, он очередной напиток с неожиданным запахом задумал? А может, чего покруче? Чего бы ему такую таинственность разводить? Сладкого он меня лишит, ага, разбежался!

Затаив дыхание, Маша перечитала получившееся еще раз. Таинственность — это неспроста. Менделеев плюс — плюс что? Менделееву много за что можно плюс поставить. Считается, что он водку изобрел — но это, конечно, просто миф. Напиток с неожиданным запахом — это как? Алкоголь без запаха алкоголя? Пока непонятно, но в любом случае это что-то интересное, раз тут замешан сам Менделеев.

Вот оно, дело, о котором Мурка-терминатор давно мечтала! Теперь главное — его не упустить.

Итак, что такое «@in»?

Это может быть, к примеру, пользователь Твиттера. Пользователь in в Твиттере действительно был, но не отметил ни одной записью. Маша предприняла поиск по блогам. Яндекс выдал такое количество ссылок, что на их проверку можно было потратить несколько лет службы. Не то, не то. Слишком прямолинейно.

Тут Машин взгляд упал на чью-то подпись: «@ злая страшная».

Ну конечно!

Собака in — что это такое? «Собакаин»? Коктейль на основе водки и какой-то травы, которая растет где угодно, но только не в Питере? Коктейль «Менделеев плюс собакаин». Если «Менделеев» — это водка, то «собакаин» — это что? Бред какой-то.

Маша отложила «собакаин» и взялась за расшифровку следующего пункта: «напиток с неожиданным запахом». Первые десять ссылок вели на разобранный по разным ресурсам текст, содержащий фразу: «Снейп протянул Гарри напиток с неожиданным запахом». Затем ей предложили выбрать мужчину по запаху, купить моющее средство с неожиданным запахом, добавить в кофе неожиданный запах, выяснить, почему неожиданно возникает запах изо рта... И вдруг — уже знакомый Пивной Живот довольно внятно сообщил, что «некто Савицкий надумал выпускать напитки с неожиданным запахом, то есть, буквально, с запахом детской неожиданности. Всем вам известны его запахи детства - так вот, он впал в детство окончательно».

Появилось новое действующее лицо — Савицкий. Философ,

художник, политический деятель, писатель, еще один художник, директор крупной радиостанции, летчик. Перед Машей прошла целая галерея замечательных людей. В третьем десятке обнаружился Петр Алексеевич Савицкий, владелец фирмы «Газинап», выпускающей прохладительные напитки. Наведавшись на сайт компании — довольно заурядный и даже скучный, — Маша узнала самое главное: «Запахи детства» — это общее название лимонадов, которые папа с мамой любят настолько, что даже ездят за ними после работы в супермаркет на Красной Пресне, потому что в мини-маркетах около дома их никогда нет.

Она перечитала исходный текст: *«Зря Алексеич мне не верит»*.

Уж не Петр ли Алексеевич Савицкий не верит болтуну Паше Живому?

Маша заглянула во внутреннюю рабочую базу, в каталог всех производителей напитков, даже безалкогольных. Вот он, Петр Алексеевич Савицкий. Симпатичный какой дядя. И он не верит Паше Живому. Правильно, кстати, делает. Нет, правда очень симпатичный. Взгляд такой добрый — не то что у алкогольных магнатов.

Маша прочитала досье. После не слишком обнадеживающей фразы «Женат, прекрасный семьянин» значилось: «Дополнительные сведения по спецдопуску № 3».

Спецдопуск № 3 был у Усова. Два часа назад Усова вызвали на совещание. Обычно такие совещания длятся до пяти вечера, после чего начальник долго курит на лестнице и отвечает на все вопросы односложно.

Вообще-то, конечно, рискованное это было дело — заходить в интранет под чужим паролем, да еще и с чужого компьютера. Но Усов как раз перед совещанием дописывал еженедельный отчет и не заблокировал доступ — удача!

Маша села за стол начальника и ввела в поисковое окно фамилию Савицкий...

И выяснила интересные подробности! Оказывается, Иван Ильич предлагал этому красавцу сотрудничество, но получил отказ. «Талантлив, амбициозен, но выше головы не прыгнет», — сказал о нем босс. Никаких темных дел за Савицким замечено не было. Далее шел полный перечень продуктов его компании с описанием конкурентных преимуществ. На отдельной странице подробно рассматривалось несколько откровенно провальных проектов — с выводами и обобщениями, имеющими отношение к алкогольной промышленности. Маленькое приложение: «Дополнительные сведения о семье». Женат с двадцати двух лет, на однокласснице, какая жалость. Прадед — князь Л.С.Собакин, химик. Собакин?

Не собакаин, а Собакин!

Маша закрыла интранет и поспешила к своему компьютеру.

Менделеев + Собакин. Довольно быстро она отыскала список учеников Дмитрия Ивановича, среди которых значился Лев Собакин. Не просто любимый ученик, но еще и доверенное лицо!

Поискав информацию о князе Собакине, Маша выяснила, что это был взбалмошный персонаж, которого даже собственные крестьяне считали слегка чокнутым. Путешествовал по всей России, выезжал с экспедициями за границу. Проводил химические эксперименты. Скандализировал и фраппировал светское общество. В дореволюционном, совсем не смешном фельетоне было написано, что он настаивает водку на «алеутской траве» и «заячьих хохряшках». Это уже совсем интересно!

Маша оторвалась от поисков и суммировала полученную информацию.

Итак, Петр Алексеевич Савицкий старается держать в тайне что-то, что связано с его прадедом — Львом Собакиным, любимым учеником Менделеева, который настаивал водку на «алеутской траве». За этой травой Савицкий, возможно, снарядил Живого. Потому что сам законопослушный. Но тут еще как-то фигурирует Питер, в котором этой травы нет. А что есть? «Заячьи хохряшки»? Это, наверное, какое-то чисто питерское словечко, типа поребрика. На Заячем острове, возможно, растут какие-то заячьи хохряшки, на которых Лев Собакин настаивал водку.

Из всего этого получалось, что Петр Алексеевич Савицкий решил выйти на алкогольный рынок с никому доселе не известным продуктом. С менделеевским изобретением! И этот продукт, безусловно, должен принадлежать Ивану Ильичу Тяпову.

Ай да Маша! Ай да @та дочь!

В тот же день состоялась уже известная нам встреча. Она прошла так, как Маше не грезилось даже в самых смелых фантазиях. Это был всамделишный, не киношный шанс: все знали, что Тяпов щедро вознаграждает верных и толковых работников (о том, как он наказывает провинившихся, тоже знали, но об этом никто в холдинге старался не думать). Теперь ее ждали настоящие приключения.

До конца рабочего дня Маша, которой тут же, без промедления, оформили спецдопуск № 3, штудировала досье на «Алексеича» и выписывала из доступных источников информацию об исследованиях его прадедушки — Льва Собакина. Информации было мало, и выглядела она весьма сомнительно и жалко, но это была хоть какая-то отправная точка.

Сам Петр Алексеевич был человеком закрытым, блогов не вел, ничего

лишнего о себе не говорил. И только в одном интервью расслабился и кое-что рассказал о своих предках:

Корр. Правдивы ли слухи о вашем дворянском происхождении?

П.С. Это совсем не слухи. Мой прадедушка - князь Лев Сергеевич Собакин - был представителем древнего рода, особенно прославившегося при Петре I.

Корр. Вы - единственный потомок?

П.С. Нет, конечно. Младший брат моего прадеда вместе с семейством эмигрировал в Европу сразу после революции.

Корр. А сам прадед решил остаться в России?

П.С. Он умер еще до их отъезда, в семнадцатом году. Насколько мне известно, в начале двадцатых Собакины окончательно осели в Париже. К сожалению, связь с ними была утеряна - по вполне понятным причинам. Хотелось бы восстановить отношения. Надеюсь заняться этим сразу же после того, как налажу производственный процесс.

Настоящий фанатик своего дела! У него в Париже братья и сестры, а он производственным процессом занимается.

Наличие у Савицкого дальних родственников, с которыми (вот удача!) он как раз мечтает восстановить отношения, подсказало Маше идею с перевоплощением. Нет ничего трогательнее, чем увлеченная наукой девушка из Парижа. Четвероюродная сестра. Правнучка дедушкиного брата. Милая, талантливая, но с небольшим — чисто собакинским — приветом.

Прошлым летом Голубковы всей семьей — и даже с тогдашним Машиным бойфрендом, отправленным в отставку несколькими месяцами позже, — две недели жили недалеко от Парижа, у папиных институтских знакомых. Одежда и косметика для перевоплощения в наличии имеются, наблюдения за местными жителями еще не стерлись из памяти. А поводом для случайной встречи с «Алексеичем» будет исследование трудов великого родича.

Весь вечер Нина отработывала футболку с блестками и, двуязычно сквернословя, переводила на французский язык статью «Теория растворов Льва Собакина». Этот сомнительный научный труд ее подруга состряпала из собственной еще школьной работы по химии и наименее противоречивых материалов, почерпнутых из Интернета.

В три часа ночи Маша проснулась с мыслью о том, что звать ее будут Вера. Княжна Вера Собакина. И для завершения образа ей непременно понадобятся Нинкины компьютерные очки.

Глава 7

Княжна Вера Собакина

Оставлять Живого одного в квартире было, конечно, опасно. Однако верный Рамакришна успокоил Савицкого:

Доверяя людям, вы посылаете Шиве положительный сигнал. Вы как бы говорите ему: я с тобой заодно. Приносящий Благо всегда поделится с теми, кто с ним заодно.

Живой чуть не до утра посылал кому-то сигналы: полночи просидел в Интернете. Заснул он на диване в гостиной, закутав в плед и себя, и свой ноутбук, а утром, едва только Савицкий вышел на кухню, этот подарок судьбы уже сидел за столом и гипнотизировал холодильник.

— Хозяин, ты чего так рано подорвался? — поинтересовался он. — Нам уже пора?

— Доброе утро, Паша, — хмуро ответил Петр Алексеевич. Он не переваривал обращение «хозяин». — Когда будет пора, я скажу. Мне нужно хотя бы два дня для того, чтобы привести дела в порядок. Сейчас я уеду, а ты пока закажи нам по Интернету билеты на самолет. На послезавтра, часов на девять утра. Можно раньше. Справишься?

— Запросто. Давай паспорт.

Савицкий с сомнением взглянул на Живого.

— А знаешь что — лучше я сам.

— Как будет угодно вашему сиятельству, — пожал плечами Живой.

Он сбегал в тещину комнату и притащил свой паспорт. Петр Алексеевич с интересом открыл первую страницу. Он ожидал увидеть все что угодно — но только не это. С фотографии на него смотрел печальный тонкошей юноша в очках — не хватало только скрипочки в руках. Впрочем, вероятно, она просто не влезла в кадр.

— Ключик оставишь, чтоб я за пивом прогулялся? — прервал его размышления Живой. — Или привезешь мне пару бутылок велкопоповицкого?

— Привезу, — от неожиданности пообещал Савицкий и снова разозлился — на этот раз сам на себя. — Постарайся ничего не натворить в мое отсутствие. Сиди в своем Интернете. На телефонные звонки не отвечай. Дверь не открывай. Если начнется творческий зуд, можешь помыть пол — швабра в туалете.

— Хорошо, папочка, — покладисто кивнул Живой и на мгновение как

будто превратился в тонкошеего юношу с фотографии. Но тут же снова стал самим собой и принялся бесцеремонно шарить по полкам холодильника.

Лучше всего, конечно, было бы зацементировать дреды мерзавца дверью платяного шкафа, а шкаф закрыть — пусть так сидит, меньше будет вреда. Впрочем, можно просто запереть нахала в ванне, пожертвовав шампунями и полотенцами. Вместо этого Петр Алексеевич всего-то навсегда закрыл двери на все замки, настроился на встречу с главным голодным духом и постарался не думать о том, что творится у него дома.

...Надо сказать, что за время его отсутствия в квартире ничего существенного не произошло — если не считать того, что Живой действительно вымыл пол. Может быть, этот тип только поначалу кажется несносным, и к нему надо просто привыкнуть, как, скажем, к запаху сыра с плесенью?

На следующее утро Петр Алексеевич даже не стал будить своего компаньона, вновь уснувшего в гостиной в обнимку с ноутбуком, и напрямик отправился в офис: раздавать последние указания.

Холодильников в коридоре прибавилось, но теперь Савицкий их уже не боялся. Наведя порядок в документах, он позвонил своему однокурснику и заместителю по финансовым вопросам Толе Синягину. Финансовый заместитель отнесся к отъезду шефа философски: ну да, корабль идет ко дну, ну да, капитан садится в шлюпку и уплывает в неизвестном направлении на поиск команды спасателей (не мог же Савицкий прямо сказать, что он плывет за кладом!), но есть и хорошие новости: одна фирма собирается закупить большую партию «Огуречного лосьона» для того, чтобы на время корпоративного пикника наполнить им специально арендованный бассейн.

Петр Алексеевич дал добро на такое варварское использование пищевого продукта, отвечающего всем российским и даже международным стандартам, и оставил Толю за главного.

— Ну вот, — сказал Савицкий, глядя в пространство. — Вот так-то. Ну и что-то вроде того.

Он мог бы сказать еще много столь же содержательных слов, если бы этот монолог не прервал телефонный звонок.

— Савицкий, — произнес Савицкий в трубку.

— Ах, здравствуйте, здравствуйте, шэр-фрэр! — приятно грассируя, заворковала трубка. — Не чаяла вас найти, позвонила наудачу.

— Здравствуйте, — напрягся Петр Алексеевич. — Вы, наверное, не туда попали. Шерфферы тут не проживают.

— Ах, извините! Я должна была представиться, как некрасиво получилось! Вы могли думать, что я думала, что вы — это другой. Меня зовут Вера. Вера Собакина, и, понимаете, я ваша... как это сказать... четырежды сестра.

— Четвероюродная! — быстро сориентировался в родственных связях Петр Алексеевич.

— Да, да, четверо дная. А я, представляете, потеряла адрес отеля, в котором мама забронировала мне номер. Но добрый таксист подвез меня от аэропорта всего за три тысячи. *Ком сэ жантий!*

— Из аэропорта? За три тысячи? — хватая ртом воздух, переспросил Савицкий.

— Да, он сказал, что ско... скопил цену вдвое. Теперь я сижу в ресторане «Яр». Вы знаете эту песню: «Аль поехать лучше к Яру, разогнать шампанским кровь»? Это значит, поедem к цыганам. Цыган пока что тут нет, и, честно говоря, я не очень понимаю, где есть я. Таксист уехал, а он был моим единственным знакомым в России. Тогда я решила позвонить вам. Это так *ан эгоист*, но я подумала, что раз в интервью вы говорите, что хотели бы поддерживать с нами отношения, то вы захотите меня видеть...

— Цыгане там за углом, — вздохнул Савицкий. — В театре «Ромэн». А познакомиться, конечно, хочу. Вы откуда звоните?

— Прямо отсюда, из ресторана. Мой портабль не работает в России, но гарсон был так мил, что позволил мне позвонить. Всего за пятьсот рублей.

— Вера! — патетически воскликнул Савицкий. — Ради всего святого! Постарайтесь ничего не делать до моего приезда. Я сейчас заберу вас из этого «Яра» и отвезу в отель, совсем бесплатно. А если вам принесут счет — не оплачивайте его до моего прихода.

«Четырежды сестра! Три тысячи из аэропорта в один конец! Цыгане еще! Только их не хватало... И как не вовремя это все!» — подумал Савицкий и вцепился в Рамакришну, совсем как Живой в свой ноутбук.

Часто нам кажется, что события происходят не вовремя: мы не успели к ним подготовиться или, напротив, устали ждать, пока они произойдут. Но поверьте - это оттого, что мы не видим всю картину целиком, оперируем слишком малым количеством фактов. С нашей кочки событие видится несвоевременным, но если подняться над ним, то становится понятно - все случилось как нельзя более кстати.

Да, прав просветленный! Четырежды сестра позвонила очень вовремя. Петр Алексеевич отложил монолог перед холодильниками до возвращения из похода за дедушкиным наследством и отправился вызволять бедную девушку из лап алчного гарсона.

Бедная девушка, она же Вера Собакина, она же Маша Голубкова, она же Мурка-терминатор, она же Люси де Ла Фер (и это в неполных 25 лет!) сидела за столиком в ресторане и изнемогала от излишнего внимания представителей противоположного пола. Да, возможно, она перестаралась с гримом: для имитации полного отсутствия макияжа требуется куда больше косметических средств, чем для обычного боевого раскраса. В итоге скромная девушка-химик, приехавшая из Парижа и заблудившаяся в огромной и страшной Москве, больше была похожа на роскошную фарфоровую куклу, одетую в костюм скромной девушки-химика.

Пока что роль Маше удавалась. Нинка признала маскарад годным. Таксист, который вез ее в «Яр» (за сумму гораздо меньшую, чем три тысячи рублей), все время шутил и под конец даже попросил телефон. Публика в ресторане — к счастью, немногочисленная — оживилась с ее появлением.

Сохраняя на лице испуганно-удивленное выражение, самозваная княжна пыталась дозвониться до офиса Савицкого. Этот номер значился на сайте компании, и было вполне понятно, почему французская родственница воспользовалась именно им. Автоответчик любезно предлагал оставить сообщение. Через полчаса телефон оказался занят — Петр Алексеевич раздавал последние указания. Еще через десять минут состоялся исторический разговор.

Честно говоря, Маша не ожидала, что все будет настолько просто: шэр-фрэр оказался отличным мужиком. Даже по голосу понятно, что у него дел — выше крыши, но он, однако же, все бросает и спешит на помощь придурковатой родственнице, о которой раньше никогда не слышал.

Петр Алексеевич ничуть не удивился визиту французской сестрицы. Он не сомневался в том, что рано или поздно одна из сторон сделает шаг навстречу другой, ведь железный занавес давно уже переплавили на банки для кока-колы.

Савицкий любил экономить деньги — неважно, свои или чужие. Лучше, конечно, свои, но любая экономия была ему мила и любезна. Поэтому-то он велел непрактичной Вере сидеть на месте и ждать его. Подумаешь, забыла, в каком отеле забронировала номер! Да он ей с ходу найдет десяток самых лучших отелей. А можно даже сделать так: отдать барышне ключи от квартиры и поселить ее у себя. Отличная мысль! Все сходится, все действительно происходит очень своевременно — как и пишет Рамакришна! А если девушка окажется уж совсем не приспособленной к московским реалиям, то ее можно будет отправить на дачу. Жена и теща позаботятся о ней, помогут, обогреют. Жаль, конечно, что надо уезжать, что не получится пообщаться с родственницей... Ну,

ничего, главное, что мосты наведены. Или будут вот-вот наведены.

Сестренку Петр Алексеевич обнаружил сразу: нежный цветок сидел за столиком, а вокруг вились какие-то подозрительные типы. Багажа при нежном цветке не наблюдалось, и это значило...

— Здравствуйте, вы Вера? — поздоровался Савицкий.

— Здравствуйте, Пьер! — застенчиво улыбнулась княжна и поправила очки. Жест был не надуманный: очки постоянно сползали.

— А где ваш багаж?

— Я оставила его возле входа. Так непрактично — таскать его туда-сюда, два раза платить... *лё портер*... носильнику?

— Носильщику. Идите к чемодану, а я оплачу счет. Мы спешим, — скомандовал Петр Алексеевич. Маша повиновалась без слов — просто по привычке. С такими интонациями обычно разговаривал ее непосредственный начальник Усов.

Счет был вполне приемлемый: за время ожидания встречи с четырежды братом Вера выпила всего-навсего два стакана «Газировки за 3 копейки».

«У девушки прекрасный вкус, — отметил про себя Савицкий. — Но здешний курс копейки по отношению к рублю просто поражает: 300 рублей за один стакан!»

Чемодан княжны Собакиной действительно стоял у входа. Маша попросила швейцара из отеля «Советский» приглядеть за своими вещами: командировочных, выданных ей в гестяпо, должно было хватить на то, чтобы пустить пыль в глаза названному четвероюродному брату. А дальше, если все пойдет по плану, он сам будет ее содержать. А если не по плану — то к черту деньги. Но об этом думать пока не хотелось.

— Пристегните ремень! — велел Савицкий, когда они сели в машину. — Сейчас поедем ко мне. Я все равно уезжаю, так зачем же вам платить за отель? Позвоним оттуда вашей маме и успокоим ее.

— Да, да, — застенчиво улыбнулась Маша, а про себя подумала, что к счастью, есть Нинка, готовая подстраховать подругу и сыграть в ее пьесе любую эпизодическую роль, произнеся в телефонную трубку пару реплик на французском.

— Знаете, Пьер, я так счастлива, что обстоятельства вынудили меня вас телефонировать, — произнесла княжна, от смущения теребя ручку своей крошечной сумочки. — Все родственники выражают смех и сомнение в том, что я достигну успеха.

— Они что, думают, что я вас выгоню? — удивился Савицкий.

— О нет, нет, совсем не в этом дело. Я... не нужно смеяться, хорошо? Я

занимаюсь исследованием. Я изучаю химию. Уже год! До этого я изучала рисование, а еще раньше я изучала русский язык.

— Так вот почему вы так хорошо говорите по-русски!

— О, спасибо, но это не совсем верно. По меркам семьи я говорю очень неуклюжно. В доме бабушки надо говорить только по-русски — если в твоих жилках есть хоть что-то русское. А я всегда все путаю. Вот и в аэропорту меня отказывались понимать, и только этот добрый таксист Антуан мне сразу помог...

— Поговорим лучше о химии, — поморщился Савицкий. Траты родственницы он воспринимал как свои собственные.

— Да, да! Я изучаю работы нашего общего родственника. Бабушка говорит, что Лев Сергеевич был абсолютно фу... как это... не в своей тарелке. Но я нашла в семейном архиве копию его статьи, опубликованной в *Etudes de Chimie de l'Universite Sorbonne* в 1904 году. Вы знаете, что он учился у самого Менделеева? Это меня просто потрясло!

— Не только учился, но и был его любимым учеником, — как бы между прочим заметил Савицкий. — Кстати, это мой родной прадед.

— Ах! Ох! *Энврэзэблябляман!* — закатила глаза княжна. — Я всегда так путаюсь в этих родствах! Значит, у вас наверняка сохранились какие-то бумаги! Исследования! Величайшие исследования, что бы ни говорила мама!

— К сожалению, в имении князя был пожар и все бумаги сгорели.

— О, нет! — княжна картинно закрыла руками лицо и вполне естественно всхлипнула. — Так не может быть! Я так надеялась, последнюю часть года я жила так, как будто эти работы сохранились. Я просто маленькая неудачница.

— Вера, Верочка, — осторожно погладил ее по плечу Савицкий. — Кое-что все-таки осталось. Надо только поискать.

— Искать? Да, да, я готова искать! Искать в любых архивах! Нужны деньги? У меня есть. Нужно работать ночь и день? Я смогу! Я должна доказать, что я на что-то гожусь!

На светофоре Савицкий внимательно поглядел в зеркало на личико неожиданной родственницы. Она француженка — в этом нет никаких сомнений. А французы — и вообще цивилизованные европейцы — к авантюрам не склонны. Князь Собакин, что бы там ни болтал Живой, персоне не слишком известная. Изучать его труды можно только при наличии свободного времени и специального интереса. Можно, конечно, пофантазировать, представить, что милая девушка — никакая не княжна, а шпионка французской разведки, отправленная следом за Савицким, чтобы

не дать ему возможности воплотить свои планы в жизнь. М-да. А Живой — внедренный наблюдатель МОССАД. А бабушка — тайный агент ЦРУ на пенсии. А жена и теща на даче вступили в контакт с инопланетянами и строят планы по захвату мира. Еще что придумаешь, Петя?

— Вы тоже не верите, что я на что-то годна? — спросила княжна и снова очень натурально шмыгнула носом. Детолюбивый Савицкий увидел рядом с собой ребенка: отчаявшегося, потерянного, несчастного и нуждающегося в поддержке.

— Верочка, я не слишком блестяще разбираюсь в химии. Но, наверное, вы справитесь, раз стараетесь. Один очень умный человек написал так: «Иногда достаточно очень сильно захотеть, представить свое желание в красках и подробностях, и оно воплотится в жизнь».

— Как верно! Как умно! Вы написали? — воскликнула Вера и тут же прикусила язык — цитировать «Покровские ворота» французской княжне не полагалось. Только русские романсы! Впрочем, Савицкий то ли не заметил этот прокол, то ли не придавал ему значения.

— Нет, это один американец индийского происхождения, — ответил он. — Я потом покажу вам его книгу.

— А я могу показать вам свое исследование! У меня в чемодане лежат результаты работы, которую я проводила весь год. Я повторила два эксперимента Льва Сергеевича в домашних условиях! Правда, в первом случае я неудачно смешала ингредиенты и испортила новую раковину...

— Приехали! — объявил Савицкий.

Запоздало вспомнив о том, что где-то в квартире притаился Живой, от которого можно ждать любого подвоха, Петр Алексеевич, презрев правила приличия, оставил сестру в небольшом общем коридорчике, заставленном соседскими велосипедами, самокатами и детскими автомобильчиками, вошел в квартиру первым, прислушался и принялся. Из ванной доносились какие-то звуки, отдаленно напоминающие пение. Видимо, Паша решил привести себя в порядок перед поездкой в культурную столицу. Хорошо бы он еще убрал с головы эти осьминожки щупальца. Впрочем, от людей нельзя требовать слишком многого.

Савицкий пригласил сестру в дом.

«Нефигово так устроился четырежды брат, — подумала Маша, разглядывая квартиру. — Когда я заработаю кучу денег, у меня тоже так будет. Или лучше».

— У вас очень мило, — светски произнесла княжна. — Позвольте умыться с дороги?

— Да, момент, там сейчас... один мой знакомый, — ответил Савицкий,

мысленно проклиная Живого и желая ему провалиться сквозь сливное отверстие поглубже в канализацию. — Пройдемте пока в гостиную.

— Там ваш шерш? — обворожительно улыбнулась Вера. — У меня есть очень хороший приятель, он тоже...

— Просто знакомый. Наемный работник, — буркнул Савицкий.

И в этот момент «наемный работник», видимо, почуяв, что в доме есть кто-то еще, выполз из ванной. Из одежды на нем было только детское, расписанное утятами полотенце для рук, кокетливо обернутое вокруг бедер.

— Здравствуйте, сударыня, — обворожительно улыбнулся он. — До изнеможения рад видеть вас здесь. А зовут меня Живой. Паша Живой к вашим услугам!

— Ах! Я очень рада! — сказала княжна и по-европейски протянула ему руку для пожатия.

Про себя Мурка подумала так: «Живой, значит? И это чучело мне про контенты писало?»

Савицкий сделал страшное лицо и жестами приказал наемному работнику как можно скорее скрыться на кухне, если, конечно, ему дорога жизнь.

— Мы еще увидимся, — произнес Паша, исчезая.

«Можешь не сомневаться в этом, придурок!» — мысленно пообещала Маша.

— Я бы хотела принять душ, — застенчиво произнесла она вслух. — А потом мы могли бы поставить самовар и поговорить о работах нашего великого предка!

Снабдив гостью полотенцем и рекомендациями по включению душа, горячей и холодной воды, Савицкий проследовал в кухню, открыл холодильник и залпом опорожнил чуть не полбутылки «Кваса из бочки».

— Просто голова кругом! — устало сказал он. — Духота какая! И ты еще тут маячишь. Оденься немедленно, и поприличнее, а не в это свое рвань!

— Толковая телочка, — не слушая его, облизнулся Живой. — Одобряю.

— Это моя кухня. Из Парижа. Девушка предельно деликатная.

— Понимаю, кухня. Маленькая кухня-белешвейка, — ухмыльнулся Живой и вскочил с места. — Значит так, я одеваюсь и иду прошвырнуться, а ты, как у вас тут все закончится, эсэмэсь мне, что можно.

— Что — можно? — не понял Савицкий.

— Возвращаться можно, что еще?

— Можешь возвращаться без приглашения.

— Свободные нравы. Одобряю. Что, вот прямо из Парижа, да? И сразу к тебе?

— Я ее впервые в жизни сегодня увидел.

— Круто, слушай. В Интернете зацепил? Я поражен и восхищен.

— Послушай, я тебе русским языком говорю. У нас с ней ничего не было. И не будет. Это моя четвероюродная сестра, княжна Вера Собакина! И вообще, я семейный человек, серьезный.

— Да? — воодушевился Живой. — Тогда я остаюсь. У тебя ведь нет секретов от старого друга? Кстати, можешь ей сказать, что я тоже ваш родственник. Дальний. Из Лондона. Сэр Генри Собакин-Баскервиль. Любимый внук со стороны бабушки.

— Вот это лишнее. Родственников мне на сегодня хватит. Но можешь оставаться, я тебя не гоню.

Запершись в ванной комнате и открыв все краны на полную мощность, Маша сделала конспиративный звонок Нине и подготовила ее как следует. Поэтому состоявшийся после выхода из ванной разговор со строгой маман из Парижа удался на славу. Убедительно картавя, глубоким контральто маман выразила надежду на то, что ее прелестное дитя не спалит Москву, и не унималась, пока Савицкий не пообещал проследить за тем, чтобы Москва уцелела. «Зря все-таки Нинка не верит в себя, ей бы характерные роли играть», — подумала Маша.

Следующим номером программы была демонстрация исследования, посвященного трудам великого химика. Савицкий ни слова не понимал по-французски, но формулы выглядели столь убедительно, что вскоре рассеялись его последние сомнения.

Живой, которому княжна с милой улыбкой сказала: «Вам, должно быть, это все малозанимательно, это дело семейное», — сидел на диване в гостиной и помалкивал, хотя ему очень хотелось задать кухне-белошвейке пару вопросов. Например, как доехать от аэропорта Шарль де Голль до метро Порт д'Орлеан? Или — не хочет ли мадмуазель Собакина осмотреть уютную комнату тещи Савицкого — под Пашиным присмотром, разумеется, чтобы ничего не сторело?

«А этот штрих на меня конкретно запал, — подумала Маша. — А все, детка, поезд ушел, не зафрендил меня — теперь не жди пощады!»

В нужный момент княжна прелестным жестом схватилась руками за голову, вспомнив, что привезла с собой подарок — бутылку прекрасного коллекционного вина из собственного виноградника. Вино (изготовленное в гестяпо) оказалось в самом деле отменным. На вкус оно не отличалось от хорошего красного вина, но могло свалить с ног даже норвежского

лесоруба.

Пару часов спустя Савицкий объявил себя главой экспедиции по поиску наследства князя Льва Собакина и официально пригласил четырежды сестру присоединиться в качестве химика-исследователя. Живой, возможно, мог бы привести с десятков доводов против, но он, к сожалению, слишком налег на вино с самого начала и потому уже спал.

— Мы улетаем на самолете. В Санкт-Петербург. Завтра утром, — объявил руководитель экспедиции. — Только... у вас же нет билета.

— О, не беспокойтесь, милый братик, — княжна решила, что уже пора добавить немного трогательной фамильярности. — Мой турагент решит эту проблему, скажите только, каким рейсом вы летите.

Последним усилием воли Савицкий включил компьютер, записал на листке бумаги номер рейса, название авиакомпании и время отправления, указал сестренке на детскую комнату, в которой ей предстояло переночевать, завел будильник на семь утра и, стараясь идти ровно, удалился к себе.

Маша поглядела в зеркало.

Лос-Анджелес. Небоскребы. Мурка-терминатор в симпатичном кучерявом парике и черных очках сидит за рулем серебристого «вольво». За ней гонятся черные «мерседесы» русской мафии.

Впереди - пирс, за ним - Тихий океан. Мурка пробивает ограждение пирса и ныряет в океан вместе с машиной.

- Ушла, кобра! - с досадой говорит серый кардинал русской мафии, бывший подполковник КГБ Кукушкин.

«Мерседесы» уезжают.

Мурка выплевывает трубочку, через которую она дышала воздухом из шин «вольво», и всплывает на поверхность.

- Сам кобра! - говорит она.

Парик на ней сидит как влитой.

Часть вторая
Петербург

Глава 8

Жозефина Павловна

До Петербурга Савицкий и компания долетели без всяких приключений: мужская часть коллектива дремала, а княжна Вера внимательно изучала лица компаньонов, нежнозеленые от прекрасного французского вина, и пыталась сделать физиогномические выводы. Братец ей достался вроде ничего, подходящий — прямой и бесхитростный. А вот Пашу Живого нужно будет как можно скорее бросить на растерзание врагам, если придется уходить от погони.

Петр Алексеевич очнулся от липкого похмельного кошмара: во сне за ним гонялись двенадцать бородатых гномов с винтовками и требовали отдать им патент на лимонад с запахом мирового пожара. Впрочем, реальность тоже не слишком обнадеживала: он, человек обстоятельный и рациональный, сорвался с места и летит в «змеиный город», чтобы поиграть там в Шерлока Холмса, а в качестве Ватсонов его сопровождают мелкий шантажист и четырежды сестра, о которой он до вчерашнего дня ничего не слышал. Савицкий тяжело вздохнул и открыл Рамакришну.

Учитель, как всегда, смотрел в корень:

Настоящая жизнь начинается тогда, когда вы бросаетесь в нее с головой. Когда вы мнетесь на берегу и только трогаете ее пальцем ноги - жизнь течет мимо.

Получив багаж и выпив прямо в аэропорту по чашечке крепкого кофе, члены экспедиции приободрились и начали строить планы на будущее.

— Петербург! Город Достоевского! Белые ночи! Бедные люди! — восклицала княжна. — Давайте идти пешком!

— Ну уж нет, — строго сказал Петр Алексеевич. — На такси поедем. Для начала нам нужно выбрать гостиницу. Какую-нибудь не слишком дорогую.

— Зачем гостиница? — очнулся Живой. — Даже самые бедные люди даже в самые белые ночи всегда встретят здесь радушный прием. Если, конечно, места будут знать. А я их знаю. Предлагаю скоротать время в салоне у Жозефины.

— Жозефина — это кличка? — мрачно поинтересовался Савицкий.

— Ну зачем же? Читайте, что это — сценический псевдоним.

— Ах, она играет в театре? Как это мило! — захлопала в ладоши Вера.

— Причем театральными подмостками ей служит любая прямая поверхность. Даже если эта поверхность слегка качается у нее под ногами, — загадочно ответил Паша.

Следуя за Живым, к которому вернулась его обычная приткось, вся компания села в такси и отправилась на Петроградскую сторону. По дороге княжна Собакина восторгалась видами, а Петр Алексеевич представлял себе артистическую квартиру, похожую на обителище его бабушки, и хозяйку — вероятно, стесненную в средствах и потому вынужденную сдавать приезжим пару комнат в своих богатых апартаментах.

— А почему мы без звонка? — спросил он у Живого. — Мобильный же у тебя под рукой. Может быть, стоит предупредить эту женщину?

— Мобильный придумали люди, которым страшно сказать «нет», глядя в глаза собеседнику, — ответил Паша, прихлебывая пиво. — Они же придумали СМС — для того, чтобы произносить это трусливое «нет» как будто в пустоту. Своими внезапными появлениями я помогаю людям вернуть давно забытые ощущения. Хочешь отказать — отказывай лично.

— То есть нам еще и отказать могут? — изумился Петр Алексеевич.

Живой оставил этот вопрос без ответа.

Такси остановилось перед домом, стоявшим почти на набережной Невы неподалеку от Троицкого моста. Они поднялись на лифте на последний этаж.

Паша уверенно нажал на кнопку звонка. Возле него висела розовая бумажка, на которой каллиграфическим, как у учительницы младших классов, почерком было выведено:

Жозефина Павловна

Вам откроют, если сочтут нужным

Петр Алексеевич хотел было прокомментировать и это, но тут в замочной скважине заворочался ключ, и дверь распахнулась.

На пороге стоял худой длинноволосый парень в экстремально-малиновых семейных трусах по колено и в застиранной, но чистой майке, явно не по размеру. Левая бретелька кокетливо упала с его плеча, но он не спешил ее поправлять.

— Жози, привет! — заулыбался Живой. — Отлично сегодня выглядишь!

— Пауль, ты опух, что ли, там в своей Москве? Где ты Жози увидел? — хмуро поинтересовался его собеседник.

— Ой, Сеня, это ты! Извини, не признал. А почему ты до сих пор трезвый? Мы тебя разбудили? Познакомься, это мои друзья — образцовый семьянин и талантливый бизнесмен Петр Алексеевич Савицкий. Если бы

ты пил что-нибудь, кроме горячего, то оценил бы тонкий вкус придуманных им лимонадов. А по левую руку от меня ты можешь видеть прелестную научную работницу из Парижа, будущую лауреатку Нобелевской премии, княжну Веру Собакину.

— Нормальный прогон, — кивнул Сеня, элегантно жестом изъясил у Живого недопитое пиво, залпом осушил бутылку, вернул владельцу и тут только обратил внимание на свой наряд.

— Ой, мальчики, девочки, я в таком виде, а вы молчите! — вдруг пискнул он почти на октаву выше. — Мне надо переодеться! Павлик, проводи их на кухню, пока козлина спит.

Надежды Петра Алексеевича на то, что они поселятся в скромной артистической квартире, разбились о грубую реальность образцовой питерской коммуналки. Пока компания шла темным длинным коридором к световому пятну в конце тоннеля, он грозно спросил у Живого:

— Кто это был? Это и есть Жозефина?

— Вы имели редкое удовольствие лицезреть Жозефину Павловну в трезвом состоянии. Я уже и сам забыл, что такое бывает. Сеня — в своем естественном, я бы сказал, природном облики — самый обычный, заурядный, да к тому же, как вы заметили, довольно-таки хлипкий чувачок. Но стоит ему выпить, как прекрасный образ Жозефины начинает проступать, подобно фотографии, опущенной в раствор проявителя.

— И как сильно она будет проступать? — спросил Савицкий.

— Зависит от количества раствора.

— А кто такая Козлина? Это старинное женское имя? — поинтересовалась Вера.

— Это современное мужское состояние, — вздохнул Савицкий. — К сожалению. Как бы нам не пришлось отбиваться от агрессивно настроенных соседей.

— У Жозефиночки в таком настроении козлина — любой представитель мужского пола, который не оценил какую-нибудь там ее очередную юбочку или шляпку, — успокоил его Живой.

Коммунальная кухня привела княжну в совершеннейший восторг. Покуда она разглядывала стены, на которых жильцы при помощи мелка от тараканов нацарапали разные слова (кому на что хватало фантазии), шкафчики с посудой (некоторые были закрыты на замки), газовые плиты и разделочные столики, вернулся Сеня.

Вернее будет сказать — произошло явление Жозефины. Ее тело облегал красная туника, выгодно подчеркивавшая невесть откуда взявшиеся формы. Из-под туники выглядывали немислимые зеленые

шаровары, заправленные в мужские ботинки до колена. В ушах прелестницы болтались позолоченные кольца, каждое — размером с хороший браслет. Черные волосы были забраны в высокий хвост. Довершала образ ярко-алая помада.

«Атаманша, как живая!» — чуть было не воскликнула Маша, но вовремя спохватилась: вряд ли Вера Собакина в своем парижском детстве смотрела культовый советский мультфильм «Бременские музыканты».

— Что, фраера, расселись? Ждете особого приглашения? — поинтересовалась атаманша. — Я на рынок сейчас, мне там перетереть надо кое с кем. А вы давайте ко мне! И чтоб тихо сидели! В гримуборную — ни ногой!

И, напевая себе под нос «Говорят, мы бяки-буки...», дивное создание удалилось.

— Цыганка! — захлопала в ладоши Вера. — Сейчас она целый табор сюда приведет! Как мило, Паша, что вы привезли нас в такой экзотический дом.

— Как это все понимать? — строго спросил Савицкий.

— Да все нормально, расслабьтесь, друзья! Жозефиночка отправилась на Ситный рынок, это тут недалеко. Поругается, примет по дороге рюмашку и вернется вся такая благодная. Я же ее знаю. Пройдемте, товарищи!

Живой провел всю компанию обратной дорогой через коридор, уверенно открыл дверь, нащупал на стене выключатель и сделал приглашающий жест.

Они оказались в большой комнате с высоким потолком.

По правую руку от входа стояли в ряд три двухэтажные кровати, купленные, вероятно, в «Икее», но превращенные — при помощи разного рода покрывал, настенных ковриков и полочек, кружевных балдахин и думок горкой — в домик очень рослой куклы Барби. Кровать, стоявшая возле окна, чуть отличалась от своих товарок: первый этаж занимала швейная машинка, заваленная лентами, лоскутками, кружевами, нейлоном и латексом. Возле машинки высился портновский манекен, стыдливо закутавшийся в оренбургский пуховый платок.

Слева от входа стоял круглый стол под кружевной скатертью, окруженный стульями с резными спинками, выкрашенными белой краской. Рядом была еще одна дверь — видимо, в запретную гримуборную.

По стенам комнаты были развешаны вырезанные из журналов портреты звезд кино и эстрады, обрамленные кружевами, ленточками, оборочками и искусственными цветами. С особой любовью были

украшены двое: крошечный Пушкин и огромная Пугачева.

— Постсоветский хендмейд! — воскликнула Вера, указывая пальцем на портрет Аллы Борисовны. — А кто эта мадам? Губернатор Санкт-Петербурга?

— Это наше советское все. Как Пушкин, только в юбке, — пояснил Живой. — Любит Жозефина Аллу Борисовну, мечтает как-нибудь допить до того, чтобы войти в ее пресветлый образ, но пока что без мазы. Харизмой не вышла. Приходится на атаманшах да маньках-облигациях разгоняться. Сам-то Сеня — вы видели его без грима — парень хлипкий. Поэтому он любит представлять властных и сильных женщин. Вроде как компенсация.

— И где же ты познакомился с этой компенсацией? — поинтересовался Петр Алексеевич, аккуратно присаживаясь на один из резных стульев и жестом приглашая Веру присоединиться к нему. Но вместо очаровательной четырежды сестры рядом с ним уселся Живой.

— Сеня — мой первый друг, мой друг бесценный, — с поэтическими интонациями начал рассказывать он. — Ну, хорошо, не первый. Мы с ним в пятом классе подружились. Когда нас на педсовет вызвали. Его — за то, что курил, меня — за то, что хамил. Я — хамил, вы можете себе такое представить?

— Ни за что, — покачал головой Савицкий.

— Ладно, тогда оставим эту тему. Мы с Сеней, между прочим, первый раз в нашей жизни пивка попили. Возле живодерни рядом с Петропавловкой, ну, вы не знаете это место. И именно я стал первым свидетелем удивительного феномена, который мой друг кокетливо называет тягой к перевоплощению. Так что я Сеньку подпаивать стал. Интересно же: изучить женскую психологию на своем кореше.

— Изучил? — поинтересовался Савицкий. — Во всех подробностях?

— Не успел. Увезли меня предки за тридевять земель. Но то, что я успел понять о женщинах, мне там очень помогло. И до сих пор помогает. А все Сеня!

— Простите, что я перебиваю вас, господа, но какое отношение этот фрик имеет к изобретению князя Собакина? — ввернула Вера.

Петр Алексеевич тут же посерьезнел: он так и не решил, следует ли рассказать компаньонам все, что он узнал от бабушки, и стоит ли вообще посвящать их в некоторые семейные тайны? Но держать в неведении людей, которые вызвались рискнуть наравне с тобой, — тоже не дело. Поэтому Петр Алексеевич вкратце рассказал про «аппарат д.и.», из которого следовало добыть «восемь чарок отрезвит.».

— Первым делом мы отправимся в музей Менделеева. Завтра с утра, прямо к открытию. Там хранятся все приборы Дмитрия Ивановича, значит, там должен быть и наш аппарат! А ты, Паша, чем по сторонам глазеть, продемонстрировал бы свое хваленое умение извлекать из Интернета любую информацию. Поискал бы там что-нибудь полезное для нас.

Живой козырнул, браво притопнул босыми чумазыми пятками и достал свой верный смартфон.

Вскоре вернулась Жозефина. В одной руке у нее была початая бутылка портвейна, в другой — сумка с продуктами.

— Так, мальчики, девочки, всем выйти из матрицы! Я снова с вами! Посторонние предметы со стола убрать, стол накрыть, я скоро вернусь, — объявила она и скрылась в своей комнате.

Минут через десять — к этому моменту стол преобразился и выглядел более чем соблазнительно — Жозефина Павловна вернулась. На этот раз на ней было обтягивающее черное платье до пят с латексными вставками, волосы были гладко зачесаны, глаза скрыты темными очками, а следов макияжа не наблюдалось вовсе.

— Тринити, домашний вариант, — представила свой новый облик Жозефина. — Ну-ка, Поль, нацеди тете двадцать капель.

— А тетя рюмочки-то принесла? — поинтересовался Живой.

— Ну и хамло ты все же, Пашка! Как в школе был, так и остался. Ну вон же в шкафчике возьми! О, как подорвался! Совсем люди покорные стали. На рынок вот тоже сегодня пришла — и все меня слушаются. Я уж к ним и так, и этак — и честь оскорбляю, и достоинство, а они только кивают и соглашаются. А я же не могу с утра не поругавшись! У меня же эмоции через край. Иду домой, вся такая неудовлетворенная. И тут такие эти, соседи снизу, рыла свои квадратные из двери высунули и чему-то пытаются меня научить. Ну, на сэкономленные нервы я им и закатила истерику. А чего они швабрами в потолок стучат, когда я индийские танцы танцую? С ритма сбивают. Эх, а ведь раньше-то ругаться можно было, не выходя из собственной кухни. Соседей было!.. И каких! Старой закалки! Настоящие ленинградцы! С такими поскандалить — все равно что на курсы повышения квалификации сходить. А теперь кто помер, кто разъехался, кто сбежал, не выдержав моей красоты и обаяния. Все комнаты приедем сдают. А приезжие боятся, что их депортируют. Ага, щас, вот прямо мне делать нечего, как депортировать их. Я ему говорю — ты, тварь узкоглазая, чего ты ко мне на рюмочку портвейна не заходишь? А он, мерзавец, молчит и кивает. Тут у меня за стенкой, — Жозефина постучала согнутым указательным пальцем в стену, — целый год колония китайцев жила.

Человек пятьдесят на сорока квадратных метрах, вот не вру. По три часа на кухне свою лапшу жарили. Вонь стояла — на весь район. Я им такая: сейчас пожарную вызову, с вас штраф возьмут, а они все кивали и улыбались. «Халасо, халасо!» Тьфу! А потом и вправду кухню подожгли, выдворяли их отсюда с милицией. А после китайцев мусульманская семья жила. Он ее урюком кормит, она его — изюмом, а на остальное у них денег нет. Ну, тихие такие ребята. А в Рамадан живого барана притащили. С рогами, вы представляете! Как они его по ступенькам вели — я уж не знаю.

И, главное, непьющие были, нехристи, чего их так вставило с бараном этим? Ну теперь уж и они съехали. Зато Вован как жил с самого начала, так тут и помрет, крокодил страшный. Вот он-то как раз пьет. Ну, вы его еще увидите, быдлятина козлиная, скоро притащится — опять рогами ко мне стучать будет.

— А с ним нельзя разве поругаться? — деликатно поинтересовался Петр Алексеевич. — Чтоб на рынок зря не ходить?

— Какое там! Он чуть что — сразу в рыло. Это мне-то, представляете? И ничего ему не будет: он же здешний, тутошний. Коренной, пять раз его через колено, ленинградец. И участковый на его стороне — так, говорит, этого пидора. Вот ведь тундра, да? Кроссдрессера от гомосексуалиста отличить не могут! И вот так я живу! Как в гребаной матрице. Эх, налей мне, мальчик, лекарства от тоски!

— Кроссдрессер... — задумчиво повторила Вера. — Это англицизм. Дедушка говорит, что русский язык ужасно испортился из-за таких заимствований. Вот у нас это звучит гораздо красивей — травести.

— Только иностранцы нас, таких красивых, и понимают, — вздохнула Жозефина. — Наши-то ругательными словами все больше называют. Ну, кто пообразованнее — трансвеститом. Выучили. А я не трансвестит, я кроссдрессер... Как только юбочку надену, так сразу и того... удовлетворюсь. У меня такая гендерная эйфория начинается, что чувствую — щас полечу!

— Так вам в театр надо! — воскликнула Вера. — Я слышала, сейчас даже в России есть мужские театры.

— А что я там забыла, в театре этом? С режиссером я сразу поругаюсь, они же все скрытые извращенцы, самодуры закомплексованные, текст забуду, да и вообще — я люблю импровизацию. Сымпровизируй мне, Павлуша, стопочку. Ну, за искусство! И вы тоже пейте. Пейте, чего я одна за всех отдуваться должна?

— Скажите, ммм... Как вас лучше называть? — спросил Савицкий.

— Называйте Жозефина Павловна, не ошибетесь. Я же не психанутая

какая-нибудь. Образы меняются, а суть моя женская остается.

— Скажите, Жозефина Павловна, а у вас тут кто-то живет, или вы кровати сдаете приезжим?

— Сдаю? Что я, тварь какая-нибудь, чтобы своим друзьям еще что-то сдавать? Приезжайте — живите даром. А вообще-то я здесь в разных образах отдыхаю. Смотрели фильм «Девчата»? У каждой девочки должно быть свое спальное место. Чтоб там ее журнальчики, конфетки, книжечки, цацки рядом лежали. Я же не знаю, в каком образе меня срубят. А спать в чужой постели мои красавицы не могут. Ну, в чужой мужской — еще ладно, но чтобы в женской — такого не будет.

— А, в мужской, значит, могут? Так пусть спят в Сениной койке, — предложил Живой.

— Что? С этим мужланом? Который встречает гостей в семейных труселях и майке-алкоголичке? Ты мне еще к Вовану предложи сунуться. А еще друг! Знать тебя не желаю, гомофоб, скотина, тварь!

— А вы сами шьете свои... оболочки? — попыталась разрядить обстановку Вера.

— Ну, как сказать. И я, и не я. Вот тут у меня, — Жозефина сделала широкий жест в сторону швейной машинки, — Коко Шанель шьет. Этот образ меня редко посещает, здоровье не позволяет уже столько выпить. Но уж если посетит — то я всем девочкам сразу новые платья придумываю. Вот, кстати, вы на мне сейчас видите последнюю разработку модного дома Коко Шанель. Бедняжка, она совсем не спит, все время трудится, потому койку я ей застилать не стала.

— А не обидно, что большая часть кроватей вечно пустует? — спросил практичный Петр Алексеевич.

— Они пустуют не вечно. У меня же компании собираются — со мной весело. Раньше еще друзья приезжали, но теперь все за границу норовят. Вот и этот тоже, небось, в Эквадор к своему Каманчу намылился.

— Котик, не злись, ничем я не мылился, — приторным голосом проговорил Живой. — Ты же знаешь, как я тебя люблю. Я вообще на Гоа хотел рвануть, там мне бесплатную вписку на три месяца обещали, вайфай, скутер, массаж — все включено.

— Ну, а я про что говорю! Но я не обижаюсь. Я вообще девушка покладистая! За это и выпьем.

— За здоровье! — храбро произнесла Вера.

— Нет такого тоста — «за здоровье», — обернулась к ней Жозефина. — Это все в Голливуде придумали, чтобы опорочить нашу российскую действительность. Можно сказать — выпьем, тяпнем, будем здоровы, за

присутствующих здесь прекрасных дам, вздрогнем, накатим...

Разгорячившись, Жозефина опорожнила сначала свою рюмку, а потом и Муркину. После этого с хозяйкой случилась очередная метаморфоза.

Новый выход вся компания встретила аплодисментами: Жозефина предстала настоящей красоткой. Старомодное крепдешиновое платье с алыми маками, светлые кудряшки, к которым была приколоты очаровательная маленькая красная шляпка, босоножки на шпильке, макияж — ровно столько, сколько нужно.

— Знакомьтесь, волки позорные! Манька-Облигация пришла. Вызывающе немножко, да? Я так на медкомиссию в военкомат ходила. Мне этот коновал в погонах говорит: ты, говорит, физический мужчина и должен в штанах ходить. А что из того, что я физический мужчина? Женщины вон все в брюках, и ничего, менты не вяжут. А он мне говорит: это, говорит, подрыв генофонда. А я ему говорю — если таких, как вы, всех подорвать, то нация спасется и мы всех врагов победим.

— Эти наряды, наверное, недешево стоят, — покачал головой Савицкий. — Кризис вас не коснулся?

— Меня? Еще как коснулся! У меня кризис среднего возраста уже третий год продолжается, я от этого еще больше пить начала.

— Я имею в виду — на вашей работе, — уточнил Петр Алексеевич.

— О, у меня теперь такая работа — никакой кризис не потопит. Я теперь на свадьбах Сердючкой пою. Только вот от друзей жениха приходится отбиваться — у меня для этого специальная звезда на голове. Ею так шандарахнуть можно, что сразу всякое желание порочить честную девушку пропадет. Они же, быдлы эти колхозные, нувориши, гопники, считают: если одеваешься женщиной, значит, ты — пассивный, и тебя спьяну можно всякими словами называть и даже бесчестить! А я совсем не пассивная! У меня активная жизненная позиция! Я на все марши с геями хожу, хотя сама я не пидор.

— У вас, может быть, даже дама сердца имеется? — невинно поинтересовалась Вера.

— Сейчас нет, сейчас я в поиске. Активном — прошу заметить. Но я дважды был... женат. То есть жената... Нет, женат.

— А развелись зачем? Когда они прознали о ваших склонностях? — уточнил Савицкий.

— Прознали! Да они меня за эти муки, можно сказать, и полюбили. Первая, конечно, засранка, не любила меня. Она на мой богатый гардероб позарилась. И потом, при разводе, половину платьев оттяпала — больше-то у меня ничего не было, мы тогда еще у ее родителей жили. Родители

думали, что у дочери мужик работает по ночам, а по вечерам к ним в гости подружка приходит. Ну, я на прощание глаза-то им раскрыла. Когда змеища эта, дочура ихняя, прошмандовка, мои вот этими самыми руками платья пошитые в свой гардероб запихивала, я им все сказала! Они меня в дверь выталкивают — а я блажу на всю лестницу! Соседи понабежали, такой красивый скандал был, пальчики оближешь! А вот со второй женой мы на свадьбе познакомились. Обе были подружками невесты и в четыре руки букет поймали. Невеста была дородная, букетище у нее был такой, что мне одной не удержать, а вдвоем мы кое-как справились. Ну и решили, что это — судьба.

— Зачем же развелись, если судьба? — удивилась Вера.

— Так ведь эта кикимора меня закодировать пыталась! От пьянства, понимаешь? Чтобы я, значит, не пил и не кроссдрессничал. Решила, что пора нам ребеночка завести, а ребенку, говорит, нужны папа и мама, а если у него, говорит, такая папа, как ты, будет, то у него образуется травма детства. А о моей травме кто подумает? У меня знаете, какая душа нежная? Короче, повязала меня эта гнида бесстыжая, с санитарями, со скорой помощью — караул, у мужа любимого запой!

— Приезжают, а муж-то — в платице. Все, белая горячка налицо! — живо представил ситуацию Петр Алексеевич.

— А вот хрен вам по всей морде! Я как раз была в элегантном таком брючном костюме, Лайму Вайкуле представляла, они и не поняли ничего. Схватили и волокут, а я вся на измене такая, ору, уже всякую элегантность растеряла — лишь бы спастись от этих инквизиторов от медицины. Спасибо вот Пашка, друг настоящий, на тот момент в Питере проездом случился, выкрал меня, практически из-под иглы вытащил. Тут и сказке конец. Вернулась я домой грустная, но решительная, и мы развелись.

— А дальше? Дальше?! — воскликнула Вера.

— А дальше я уже решила не сочетаться законным браком. Я же влюбчивая. Вот, например, ты, Верочка, мне уже очень симпатичная стала.

— Давайте вздрогнем, тяпнем и будем здоровы! — быстро наполнила рюмки Мурка.

Вздрогнув и тяпнув, хозяйка вновь удалилась в свою гримуборную.

— Концерт окончен? Можно поговорить о делах? — спросил у Живого Савицкий.

— Не думаю, — покачал головой Паша.

В следующем образе Жозефина Павловна стала как будто выше ростом — вероятно, благодаря босоножкам на высокой платформе. На ней был то ли длинный свитер, то ли короткое платье, перетянутое по талии

черным поясом. Ноги, оказавшиеся довольно-таки стройными, обтягивали блестящие черные брюки. Длинные пальцы чуть выступали за кромку обуви, но это смотрелось трогательно, беззащитно и вместе с тем — продуманно.

— Рената Литвинова, что ли? — опознал Савицкий.

Жозефина поглядела на него огромными сумасшедшими глазами и несколько раз едва заметно кивнула.

— Ну, вот, — присаживаясь на краешек стула, произнесла она. — Просто если чувствуешь так, как чувствую я, то слова не нужны. Вы, наверное, подумали тут себе: клоунесса, чудик. И да, и нет. А я живая, понимаете? Люди сейчас такие, что не поймешь — из пластика они или из мяса, а у меня еще и душа. Я могу повеселить людей, нет, мне не сложно, но хочется другого. Вы меня понимаете, Петр?

— Стараюсь, — пробормотал Савицкий. — Но вы так стремительно меняетесь...

— Это потому, что у меня совсем нет духовного общения. Люди приходят и уходят, и мы не успеваем узнать друг друга, не успеваем понять, как сразу надо прощаться. От этого я замыкаюсь в себе, в своей скорлупе. И от скуки раскрашиваю эту скорлупу в разные цвета. Вера, вы меня понимаете?

— Да, конечно, есть такая русская традиция — красить яйца, — блеснула знаниями княжна. — Мы дома тоже красим. Но ведь православная Пасха уже прошла.

— Верно, — вздохнула Жозефина.

Из какого-то едва заметного кармана она достала тонкую сигарету и замерла, ожидая, что к ней потянутся с зажигалками. Но никто не потянулся: Савицкий и Вера не курили, а Паша Живой забыл, где лежат реквизированные у Савицкого спички. Эта драматическая пауза могла продолжаться бесконечно, но тут раздался громкий стук в дверь. Стучали, по-видимому, ногой.

— Жопа, ты сегодня в каком образе? — спросил из коридора мужской голос. — Выпить дашь?

— Вован вернулся, — уронила сигарету Жозефина. — Это он меня таким словом зовет, потому что я Жозефина Павловна. Сволочь грубиянская! Он как на меня наедет — так я сразу и развоплощаюсь. Реакция организма такая.

— Может быть, поговорить с ним по-мужски? — поднялся с места Петр Алексеевич.

— Не стоит. Вы уедете, а я тут с ним останусь. Я должна сама, сама!

Но я такая слабая... Он каждый день дарит мне во-от такой букет неприятностей, — тихо пожаловалась Жозефина.

Она выпила залпом сто грамм и исчезла в своей комнате.

Сообразив, что сегодня ему не нальют, Вован пнул дверь еще раз и ушел. Казалось, что на этом все и закончится. Но тут хозяйка вышла к гостям в последний раз. На ней была шелковая темно-коричневая блузка с бантиком, шерстяная юбка до колена, волосы были скромно заколоты, макияж почти отсутствовал.

— Дорогие ребята, я забыла сказать, чтобы вы располагались как дома. Выбирайте себе спальные места. Очень мило с вашей стороны, что вы меня посетили. Запасные ключи я оставляю на подоконнике. Завтрак приготовите себе сами. А я пойду к себе, проверять тетради. Может быть, сегодня ночью он явится.

— Кто явится? — испуганно спросила Вера.

— Сашенька... Пушкин... — вздохнула Жозефина Павловна и исчезла в гримуборной. Повернулся ключ в замке. Представление было окончено.

— Какой Пушкин? — встревожено спросил Савицкий. — Белая горячка, что ли?

— До горячки еще далеко, — успокоил его Живой. — Она сейчас в образе нашей училки русского и литературы. В таком состоянии она проверяет тетради и хочет, чтобы к ней явился Пушкин.

— Зачем?

— Чтобы полюбить ее страстно.

— Она проверяет тетради? — удивилась Вера. — Она в самом деле учительница?

— Тетради у Сени свои, старые, школьные. Живого места там не осталось уже, а он их проверяет и проверяет. А Пушкин все не идет... — как-то вдруг очень по-человечески пожалел друга Паша, раздвинул тарелки и аккуратно положил голову на стол.

Глава 9

Бабст

— Широко жил Дмитрий Иванович! Домик элитный, построен явно по голландскому проекту. Квартирка, правда, на первом этаже, да и капремонт, наверно, делали еще при Бойле-Мариотте. Но локейшен знатный!

Искатели эликсира князя Собакина стояли перед главным зданием Петербургского университета — знаменитыми «Двенадцатью коллегиями». Как выяснил Паша, именно здесь, в квартире, расположенной слева от входа, Дмитрий Иванович Менделеев прожил почти сорок лет и увидел во сне свою таблицу. Теперь здесь был музей-архив, и в нем мог отыскаться заветный прибор. Троица прибыла на место в одиннадцать утра, точно к открытию.

Дав оценку уровню жизни профессора химии, Живой подошел к высокой чугунной ограде, окружавшей здание, пощелкал по ней пальцем и заглянул сквозь прутья в окна музея.

— Рамы двойные, решетки тоже двойные, при входе наверняка круглосуточный пост охраны. Господ грабителей просят не беспокоиться.

— А мы что, собирались воровать музей? — изумилась княжна. — Пьер, что говорит этот бандит?

— Сестренка, ну что ты, что ты... — поспешил успокоить ее Савицкий. — Конечно, мы не будем грабить Менделеева. Паша шутит.

— Шутки шутками, — откликнулся тот, — а добыть агрегат нам как-то надо. А как его добыть — фиг знает. Ну что, пойдём внутрь, сориентируемся на местности?

За массивными дверями обнаружился пост охраны с вертушкой.

— Что и требовалось доказать, — заметил Паша. — Здравсьте, мы в музей!

Погруженный в чтение охранник ответил, не поднимая головы:

— Музей летом не работает. Только экскурсионные группы. По предварительной записи.

— Да что вы говорите? — расстроился Живой. — Как же так — по предварительной? А мы как раз экскурсионная группа. Студенты-химики из Москвы. А вот эта мадемуазель — французский специалист по наследию Дмитрия Ивановича. Пишет диссертацию, смешивает растворы, изучает творческий путь. Прямо из Парижа.

Княжна улыбнулась и сказала: «Бонжур!»

Охранник оторвался от журнала «Максим» и посмотрел на нее.

— Специально приехали поклониться праху, — продолжал Паша. — В преддверии стосорокалетия гениальной таблицы. Может быть, пустите нас? Есть там кто-нибудь из сотрудников? Если есть, мы немедленно предварительно запишемся.

Охранник оглядел его дреды и намотанные на шею амулеты, потом снова посмотрел на Веру и открыл вертушку.

На мраморной плите над входом в музей были высечены золотые буквы:

Кабинетъ Дмитрія Ивановича Менделеева
Савицкий вдавил кнопку звонка.

Примерно минуту никто не отзывался, а потом дверь отворилась, и перед студентами-химиками предстал совсем не музейного вида персонаж.

Это был крепкий, плотный дядя не старше тридцати пяти лет, но уже с изрядным пузом и хорошо обрисовавшейся лысиной. Впрочем, недостаток волос на его круглой голове компенсировала почти менделеевских габаритов борода. Одет сотрудник архива был в свитер крупной вязки и тренировочные штаны. Глаза у него были красные, мутные и припухшие, а рука крепко сжимала стакан с какой-то желтой жидкостью на дне. В целом он был похож на сильно обросшего кота Базилио.

— Здравствуйте, коллега! — затараторил Живой. — Мы из Москвы, хотим показать музей иностранному профессору-неорганику. Вы представляете, какая неприятность: ну не знали мы, что надо записываться! Я надеюсь, что в преддверии славного юбилея вы, как представитель петербургской интеллигенции, не откажете гостям из дальнего зарубежья, которые...

— Да проходите вы, ребята, чего языком молоть, — прервал его бородатый и посторонился, пропуская их в предбанник. — Тапочки только надевайте.

Экскурсионная группа прошла внутрь и приступила к сложному процессу надевания музейных тапочек. Савицкий помогал княжне.

— Вы это, короче, осматривайте там сами, — сказал сотрудник. — Кабинет у нас очень интересный, все вещи подлинные, из пробирной палатки. Руками только не трогайте, а то не ровен час — сигнализация сработает.

— А почему из пробирной палатки? — спросил Савицкий.

— Ну то есть из Палаты мер и весов, — объяснил ученый. — Он там жил последние годы.

— Может быть, вы проведете для нас экскурсию? Мы бы заплатили.

— Не могу я, парни, сейчас ничего, — замотал головой бородатый. — Эксперимент у меня идет. Вы уж там сами как-нибудь. Дверь только потом за собой захлопните. Лады?

Сказав это, кот Базилио скрылся за дверью с надписью «Администрация».

— Какой славный человек, — улыбнулась княжна. — А почему он называл нас «парни»? Он меня не заметил?

— А чего ему на тебя смотреть? — нагло ответил Живой. — Бодун у мужчины, разве не видно? Тут и на Мэрилин Монро смотреть не захочешь.

Маша обиделась так, что даже забыла изобразить на лице удивление при слове «бодун». «А Мэрилин Монро я тебе припомню отдельно», — подумала она, но тут же одернула себя: «Не выходить из роли!» — и поправила очки.

Экскурсанты прошли в кабинет. Здесь сразу бросались в глаза две вещи — множество одинаковых на вид книг в высоких шкафах и обилие совершенно не похожих друг на друга приборов. Обращали на себя внимание старинный фотоаппарат на треноге и огромный письменный стол. С картин и фотографий на прищельцев с подозрением смотрели господа в сюртуках и дамы в кринолинах.

— Ништяк! — сказал Паша, плюхаясь в кресло ученого, стоявшее рядом с письменным столом.

— Что ты делаешь?! — вскрикнула княжна. — Может завывать сирена!

— Какая сирена, Верунчик? Учреждение явно недофинансируется, — беспечно ответил Живой. — При желании мы могли бы вынести отсюда все, что захотим. Только мы ничего не хотим.

Он цапнул со стола очки Менделеева, водрузил их себе на нос и, приняв ученый вид, завершил мысль:

— Потому что искомого аппарата тут быть не может.

— Откуда ты знаешь, что его здесь нет? — спросил Савицкий.

— Петенька! Когда в твоём офисе устроят музей, почтительные потомки первым делом уберут из кабинета все бутылки. Я уже не говорю про самогонный аппарат.

Савицкий с тех пор, как начались финансовые неудачи, иногда действительно попивал у себя в кабинете. Он покосился на пронизательного наглеца и сухо ответил:

— Никакого самогонного аппарата у меня нет. И у Дмитрия Ивановича его тоже не было. Сколько раз тебе объяснять: мы ищем прибор, который производил совершенно особый напиток. Скорее всего безалкогольный.

Паша положил правую ногу на стол и поднял вверх указательный палец:

— Короче! Какое бы пошло ни гнал академик, без помощи специалистов нам не обойтись. Приборов в этой лавке древностей столько, что с них за два года всю пыль не оботрешь. Где здесь искать наш аппарат? Вот то-то. Придется обратиться к жрецу науки. Эх, раньше бы знать, что встретим тут такого занемогшего дядю! Я бы водочки зацепил, и мы бы с ним быстро закорешились.

Он аккуратно положил очки ученого на прежнее место и встал.

— В общем, давай ориентировку, — обратился он к Савицкому. — Что мы знаем об аппарате?

— Только то, что он вырабатывал какой-то «отрезвит». Может быть, «отрезвитель».

— Стоило из-за какого-то вырезвителя огород городить, — пожал плечами Живой. — Россия все равно не отрезвеет, даже если Дмитрий Иваныч воскреснет и изобретет еще тысячу аппаратов. Ладно, ждите меня здесь, а я поговорю с этим лешим.

В коридорчике, куда вела дверь с надписью «Администрация», оказалось несколько кабинетов. На первом значилось «Директор» — и туда Живой даже не стал стучать: было ясно, что кот Базилио не является руководящим работником. На следующем висела табличка «Главный хранитель», и мимо нее Паша тоже прошел спокойно. А вот в третью дверь — с надписью «Завхоз» — он постучал. Оттуда никто не отозвался, зато из кабинета главного хранителя послышался голос: «Заходи!»

Паша зашел.

Он оказался в просторной комнате, заставленной шкафами с книгами и папками. На стене висели три большие фотографии: Менделеев в кресле, подсвеченная Эйфелева башня (на ней было написано авторучкой: «Мешает жить Париж?») и автор-исполнитель Юрий Визбор на фоне сияющих горных массивов. Под портретом Визбора висела потрепанная гитара.

За большим письменным столом сидел знакомый бородач. Впрочем, в его облике произошло два существенных изменения: стакан, который он раньше держал в руке, теперь стоял на столе и был пуст, а лицо хранителя значительно порозовело.

Живой мигмом оценил обстановку и поспешил взять быка за рога. Он широко улыбнулся и начал:

— Здравствуйте еще раз! Извините, что отрываю от эксперимента. Мы с вами, коллега, так и не познакомились. Позвольте представиться: Сергей

Середа, комиссия по празднованию стасорокалетия нашей великой таблицы. Ну, комиссия — это громко сказано. Я, собственно, практикант. Студент химфака МГУ, пятый курс. Вам звонили насчет меня? Шеф обещал, что позвонит...

Тут он осекся.

Бородач почему-то совершенно не выглядел ни пьяным, ни похмельным, ни даже похмелившимся. Наоборот — он смотрел на практиканта трезвым, осмысленным взглядом, и в этом от природы добродушном взгляде постепенно проступало что-то очень нехорошее.

— Откуда мне звонили? — переспросил он.

— Из комиссии по празднованию юбилея таблицы периодических веществ, — Паша наскоро организовал на лице абстрактную композицию из студенческой живости, ума, ответственности, услужливости — и затараторил как можно быстрее: — Сказали же, что позвонят, ну, то есть они вам позвонят, а мне велели ехать сюда, чтобы помочь в организации, ну, это... помочь, короче... по профилю.

Бородач прищурился и переспросил:

— Комиссия, говоришь?

— Ну да, хотя сам я только практикант, фактически курьер. Поддай-принеси, принеси-подай, знаете, как эти академики обычно со студентами. Бегаешь целый день как подорванный. А у вас, я вижу, уже и бегать никуда не надо, — Живой подмигнул и показал пальцем на стакан. — Скажите, а это не та самая водка... ну, по рецепту Менделеева? Нам на лекции рассказывали. И про чемоданы рассказывали, будто он в них аппараты... ну, вы сами понимаете, какие... прятал. А вы водочку-то, между нами, что, прямо тут производите? Вот бы попробовать! Из аппарата Дмитрия Ивановича, да еще в этих святых стенах...

Паша мечтательно поглядел на граненый стакан и поднял глаза к потолку.

Бородач устало вздохнул.

— Водку, парень, Дмитрий Иванович не изобретал, — сказал он, убирая стакан куда-то в недра огромного стола. — И не потреблял. Вино он пил. Красное. По праздникам. А с пьянством боролся по мере сил. Всю жизнь боролся наш Дмитрий Иванович и с пьянством, и с жульем. Вот, например, с такими, как ты. Ты ведь такой же химик, как я Мэрилин Монро.

Опять Мэрилин! Паша даже присел от неожиданности.

— Так ведь я тоже... — забормотал он. — Я тоже противник пьянства. Просто хотелось пригубить из научного интереса... А почему это я не

химик? То есть я действительно не совсем химик... У меня специальность — пиар-менеджмент химической науки. Комплексное информационное сопровождение проектов, услуги по рекламе и продвижению. Из личной симпатии и только для вас могу сделать скидку...

— Журналюга ты желтая, вот ты кто! — гаркнул бородатый, поднимаясь из-за стола. — Жулье! Пришел про Менделеева байки собирать. Нет никакой комиссии! И водки нет! И чемоданов! Сергей Пятница, блин!

Секунду спустя Савицкий и княжна Собакина стали свидетелями удивительного, почти циркового трюка: из двери с надписью «Администрация» с нечеловеческим воем, похожим на мяв оскорбленного в лучших чувствах помойного кота, вылетел Паша Живой. Он пролетел пару метров, приземлился на четвереньки, выгнул спину дугой, зашипел, вскочил и кинулся было обратно, но по дороге попал в крепкие объятия Петра Алексеевича.

— Что ты там натворил? — спросил Савицкий, с трудом удерживая его.

— Лесник! Пьянь болотная! Это я не химик? — бессвязно выкрикивал Паша.

Савицкий потряс его за плечи, усадил на диван и приложил ко лбу холодный мобильник.

— Все, хватит! — сказал он, сосчитав до тридцати. — Я же говорил, что надо по-честному. Из-за таких, как ты, такие, как она, — Петр Алексеевич величественно указал мобильником на княжну, — думают, что бизнес по-русски — это сплошной обман. Позор! Сиди здесь, я с ним сам сейчас поговорю.

С этими словами он распахнул дверь в «Администрацию».

— Ну-ну, — произнес ему вслед уже успокоившийся Живой. — Может, диванчик менделеевский к двери подвинуть? Чтоб ты попу не ушиб.

Савицкий постоял перед тремя дверями в коридорчике, немного подумал и постучал в ту, на которой было написано «Главный хранитель». Из кабинета послышался усталый голос: «Ты еще здесь?»

Савицкий зашел.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здорово, коли не шутишь, — ответил бородач. — Ты тоже из комиссии?

— Я хотел извиниться за поведение нашего друга. У нас действительно есть к вам важное дело, но он зачем-то решил вас обмануть.

Простите.

— Так он меня вроде бы и не обидел, — мирно ответил хозяин кабинета. — А ты почему за него извиняешься? Ты кто?

— Савицкий Петр Алексеевич, предприниматель.

Бородач встал из-за стола и первым протянул руку:

— Бабст, — сказал он.

— Простите?

— Бабст, — повторил тот. — Фамилия такая. А зовут меня Костя.

— А по отчеству?

— А по отчеству меня еще никто не называл. Не люблю. Если не хочешь обидеть, зови по имени. Ну, так что за дело? Да ты садись, Петюха!

Петр Алексеевич сел и посмотрел на фотографии. «Хороший парень, — подумал он. — А что если с ним сыграть начистоту? А, была не была!»

— Видишь ли в чем дело, Костя, — сказал он вслух. — Я правнук Льва Сергеича Собакина.

— Ого!

Бабст встал, подошел к шкафу и потянул с верхней полки какой-то альбом. Стряхнув пыль, он пролистал пару страниц, извлек одну фотографию и вернулся обратно. Потом внимательно сверил изображение на старинном дагеротипе с лицом Савицкого и широко улыбнулся:

— Похож! На, погляди, — он протянул фото.

С фотографии смотрел молодой человек с гордой посадкой головы и как будто слегка безумным взглядом. Он был облачен в магистерскую мантию. «Дорогому учителю в день защиты диссертации», — прочел Савицкий. Да, некоторое семейное сходство действительно было заметно, особенно в области лба и носа. Петр Алексеевич горделиво вскинул голову.

— Ну так и что, ваше сиятельство? — спросил Бабст. — Решил заняться историей рода? Ты только учти — музейными экспонатами мы не торгуем.

— Нет, дело совсем в другом.

И Савицкий, ничего не утаивая, изложил новому знакомому всю историю со штофом вплоть до увеличения этикетки. Бабст слушал очень внимательно и несколько раз даже произнес: «Е-мое». А когда Петр Алексеевич процитировал первые слова княжеской записки: «*Восемь чарокъ отрезвит. изъ аппарата д.и.*», — хранитель вдруг вскочил и в волнении заходил по кабинету.

— Знаю я про это дело, — сказал он, не дослушав до конца. — Есть письмо Дмитрия Ивановича на этот счет. Написано после их последней встречи. 1905 год, январь. Пишет он вот что, я наизусть помню: «А в

Левушкином предприятии я участвовать не могу. Если русский народ сейчас получит это средство, то последствия могут быть самыми пагубными». Вот так-то.

— Так ты думаешь, что князь все-таки решил сделать какой-то алкоголь?

Бабст помолчал, а потом ответил:

— Ничего я не думаю. Ты вот что... Я знаю, зачем ты сюда пришел. Тебе нужен этот самый аппарат, так?

-Да.

— Тогда слушай, что я тебе скажу. Аппарат этот существует, и действие его я знаю. Кстати, никто, кроме меня, про него даже не догадывается. Но тебе я его не дам. И рассказывать о нем ничего не буду. Раз Дмитрий Иваныч написал «участвовать не могу», значит — точка. Я тоже не могу.

— Да почему, Костя? Тут же может быть научное открытие! Нобелевку тебе дадут! А я напиток в производство запущу. Озолотимся! Тут же миллионы! Твои пятьдесят процентов.

— А потому. Осудил бы он меня.

— Семьдесят процентов!

Бабст остановился у фотографии ученого и провел рукой по струнам висящей рядом гитары.

— Знаешь песню такую: «Деньги»?

Савицкий покачал головой.

Бабст снял гитару, положил ее на колени и негромко запел:

*Теперь толкуют о деньгах
В любых заброшенных снегах,
В портах, постелях, поездах,
Под всяким мелким зодиаком.
Тот век рассыпался, как мел,
Который словом жить умел,
Что начиналось с буквы «Л»,
Заканчиваясь мягким знаком.
Моя надежда на того,
Кто, не присвоив ничего,
Свое святое естество
Сберег в дворцах или в бараках,
Кто посреди обычных дел
За словом следовать посмел,*

*Что начиналось с буквы «Л»,
Заканчиваясь мягким знаком^[21].*

Допев, Бабст аккуратно повесил гитару на место и сказал:

— Вот так-то, Петюха.

Савицкий понурился. С этим идеалистом все было ясно. Последняя надежда рухнула. Теперь оставалось только возвращаться в Москву и начинать процедуру банкротства АОЗТ «Газинап».

В этот момент в дверь постучали.

— Это, наверно, Пятница твой приполз, — беззлобно сказал Бабст. — Ну заходи, студент!

Дверь открылась, однако в комнату вошел не Живой, а княжна Вера Собакина.

— Здравствуйте, — сказала она, сильно картавя.

Бабст обернулся и замер, открыв рот.

— Здравст... — пробормотал он. — А ты... а вы кто?

— Это моя сестра Вера, — представил гостью Савицкий. — Княжна, прямой потомок младшего брата Льва Сергеевича. Вера приехала из Парижа, чтобы поучаствовать в нашем деле. Химик, между прочим. Верочка, познакомься. Костя Бабст, главный хранитель этого музея.

— О! Я очень очарована, — протянула руку княжна.

Бабст, видимо, не знал, что делать. Он протянул было руку в ответ, потом отдернул, вытер ее о спортивные штаны, снова протянул, осторожно взял Муркину лапку — и вдруг наклонился и поцеловал ее.

— Какой милый! — восхитилась княжна. — Это только в России остались такие милые интеллигентские люди.

— Да чего уж там... — засмутился Бабст.

— А я услышала, что вы тут пели, и зашла послушать.

Княжна подошла к фотографиям.

— О, этого человека я знаю! — воскликнула она. — Это Юрий Визбор. Я его большая... как это?... адмиратриса. Это он написал про лыжи у печки стоят.

— Точно! — расплылся Бабст. — «Домбайский вальс», шестьдесят первый год. Во как! Значит, и до Парижа дошло наконец.

— Да, он был настоящий герой-бессеребряник и большой путешественник. А это, наверное, горы Кавказа. Пьер, ты знаешь, что князь Леон был в таких же кавказских горах?

— Конечно, знаю, сестренка. У меня и фото есть. Я тебе потом покажу.

— Ты это не забудь. Костя, а ты тоже ходил в горы?

— Случалось, — ответил Бабст. — С пятнадцати лет по ним лазаю.

— О! Ты настоящий русский мужик! Как Визбор и как князь Леон Сергеевич. Я вас всех обожаю. Давайте выпьем!

— Верочка! — испугался Савицкий. — Так нельзя. Мы же в музее. И потом, может быть, Костя не пьет.

Бабст почесал лысину и смущенно ответил:

— Вообще-то пью. Но только с вечера. Утром нельзя, эксперимент у меня.

— А какой эксперимент? — княжна ужасно заинтересовалась этими словами. — Вы, наверное, тут в музее повторяете опыты Дмитрия Ивановича? Я тоже делала его опыт с хлоридом кремния в парафиновой бадье. Костя, мы должны все это подробно обсуждать!

Бабст был явно впечатлен ее знаниями.

— Ну, в общем, да, эксперимент менделеевский. Но как тебе сказать... В общем, я его не повторяю, а дальше иду. Я на себе опыты ставлю.

— *Инкруаябль!* Я сразу поняла, что ты герой. Расскажи немедленно, а то я буду сгорать от любознательности. Ты просто обязан все рассказать коллеге.

Неотразимая Мурка лебединой походкой подплыла к главному хранителю музея — и поцеловала его в заросшую щеку.

— Ну, пожа-алуйста! — пропела она нежнейшим голоском.

Бабст покраснел как рак и засопел, глядя в пол.

Потом он поднял глаза к фотографиям и вздохнул:

— Дмитрий Иваныч, ты уж прости меня! Сам видишь...

Главный хранитель подошел к своему столу, выдвинул нижний ящик и осторожно достал оттуда металлическую коробку, похожую на автомобильный аккумулятор. Сверху из коробки торчала воронка, а сбоку был приварен маленький краник.

— Вот он, менделеевский аппарат.

Савицкий одним прыжком преодолел расстояние от окна до стола, схватил агрегат и стал вертеть, рассматривая со всех сторон. Кроме краника и воронки — несомненно, приделанных недавно — снаружи ничего не было.

— А что внутри? — спросил он у Бабста. — И главное — что же он производит?

Бабст отобрал у него аппарат, бережно поставил драгоценную реликвию на стол, сел в кресло и сказал:

— В общем, раз уж такое дело, слушайте мой рассказ, ребята. Про

устройство знать вам незачем, да и не поймете вы ничего. Хотя ты бы, Вера, наверно, поняла... Но нет, пусть хоть это тайной останется. А вот про действие — так и быть, расскажу.

Он нежно погладил аппарат и начал:

— Эта штука в описи значилась как батарея постоянного тока, и внутри у нее никто, конечно, не копался. Ну, и в экспозицию ее не ставили — кому такое интересно? Стояла у меня тут на шкафу, пыль собирала. А год назад случилось... В общем, жена от меня тогда ушла. Настроение, сами понимаете, так себе... хоть вешайся. Запил я. Пил по-черному, каждый день, но на работу ходил и на работе тоже пил. И вот как-то раз налимонился я с вечера и заснул. Просыпаюсь уже ночью, вот тут, за столом. Ну, перед охраной неудобно выползать в таком виде, поэтому сижу, квашу дальше. И вдруг примерно в половине третьего является ко мне сам Дмитрий Иваныч. Вот ей-богу, не вру, гитарой клянусь! Вот с этой самой фотографии сошел и сел напротив. «Выливай, — говорит, — все недопитое в мой аппарат». — «Какой такой аппарат?» — спрашиваю. — «А в тот, который вы, дураки, батареей называете». И на шкаф показывает. Слушаюсь, говорю. Спасибо тебе, говорю, Дмитрий Иванович, за то, что от белой горячки меня бережешь. Достал эту штуку со шкафа, вылил полбутылки в щель. А оно вдруг как зашипит и звук такой: тик-так, тик-так! Как будто таймер там встроенный. Пошла реакция — в темноте, на холоду, ты представляешь, Вера? Потом смотрю — закапало. Я стакан подставил. Через полчаса выдал аппарат сто грамм и затих. Ну, я пить это дело не стал, утром пошел в лабораторию, провел анализ... Формулу я называть не буду, ты извини, Вера. В общем, смесь странная оказалась, не пойми зачем такую гнать, хотя пить, в принципе, можно, для здоровья не опасно. Коту, помню, дал, тот вообще никак не среагировал. Ну, ладно. Слил я это дело в пробирку, сунул в рюкзак — думаю, с товарищами посоветуюсь — и поехал тоску разгонять на Грушинку.

— Куда? На Грушевку? В Минск, что ли? — удивленно спросил Савицкий.

— На Гру-шин-ку, — по слогам повторил Бабст. — Это фестиваль такой авторской песни на Волге. Ну ты-то, Вер, знаешь, конечно?

— А то! — по-свойски ответила княжна.

— Ну вот. Поехал я, значит, на Грушинку. На большую, которая пьяная на Мастрюках. День пью, два пью, три пью, чувствую, больше не могу. А надо дальше пить, тоска-то не проходит. А я не могу. И тут мне опять Дмитрий Иваныч явился. Вижу вдруг: у костра присел напротив и в крылатку завернулся. Хлебни, говорит, из своей пробирки. Слушаюсь,

говоря. Хлебнул — и вдруг мир другим стал. Пьяного тумана как не бывало. Мир чистый, светлый, умытый — хотя кругом все те же хари. А Дмитрий Иванович сразу исчез, даже поблагодарить я его не успел. Ну, от этого просветления я сразу на другую Грушинку переехал, которая потрезвее — на Федоровские луга, по соседству. Сижу там и думаю: что же со мной такое происходит? Я же турист бородатый пьющий, вымирающий вид. Всю жизнь за водушку горой стоял, наркоты чурался. Да я скорее «Сектор Газа» запою, чем дурь курить стану, не говоря о прочем черном и белом. А тут как попробовал...

Бабст махнул рукой.

— Но, может быть, это совсем не наркотик? — спросила княжна. — Ты ведь делал анализ?

— Делал, я же говорю. По составу не наркотик. Но делото в другом: душа к нему лежит. Так лежит, что не оторваться. Вот и пошла с тех пор такая жизнь: с вечера нарочно володю пью, в смысле водку, а утром у меня эксперимент — просветляюсь.

Все помолчали.

Дверь скрипнула, и в кабинет просунул голову Живой.

— Мне там скучно стало, — капризно сказал он.

— Ну ладно, заходи, — разрешил великодушный Бабст.

Паша, ступая осторожно, как кот по раскаленной крыше, прошел в дальний угол и пристроился там на краешке стула.

Савицкий вскочил и принялся, шагая по кабинету, горячо убеждать Бабста:

— Костя, ты пойми: то, что ты открыл и испытал, — это только начало. Этот «отрезвит» — всего лишь часть напитка, который придумал Лев Сергеевич. Если он один так отрезвляет и просветляет человека, то что же будет, если мы соберем полный состав?! Это же чудо! Разве тут дело в деньгах? Как ученый ты просто обязан нам помочь. Мы сделаем всех счастливыми! Все вокруг станут такими же замечательными людьми, как ты, как Визбор, как Дмитрий Иванович. Мы спасем мир!

Мурка тоже вскочила с места. Она подбежала к Косте, встала перед ним на колени и протянула к нему руки.

— Мы спасем мир? — спросила она. — Правда, спасем? Костик, скажи: правда?

Бабст посмотрел ей в глаза, блаженно улыбнулся и сказал:

— Ладно, спасем!

— А еще выделялся, — буркнул Живой из своего угла.

— Молчи, змей! — ответил ему Бабст, не оборачиваясь.

Глава 10

Змеиный город

— Ну, в общем, слушайте, мужики и ты, Вера, — сказал Бабст, когда его познакомили с планом будущей экспедиции. — Я вот что решил. Так и быть, с вами я поеду. Отпуск за свой счет возьму, все равно летом к нам никто не ходит. Но только учтите — эксперимент я прерывать не буду.

— Ты мой героический кумир! — немедленно отреагировала Вера. — Я тоже хочу проводить эксперимент! Ты берешь меня в ассистенты? Я в Сорбонне учусь!

— Ну... Сорбонна — это, конечно, хорошо, но только... Тут другая подготовка нужна. Смотри, что я делаю. Выпиваю, допустим, с вечера четыреста грамм перцовки. Наутро принимаю отрезвит и смотрю, что будет. Записываю ощущения. Если вижу, что справляется Дмитрий Иванович, то поднимаю дозу до шестисот, потом до восьмисот — ну и так дальше.

— Дальше-то куда? — не удержался Живой. — Дальше ты копыта откинешь!

— Наука, студент, требует жертв. Ну, и я же не только на количестве экспериментирую. Качество тоже важно. Сухое, полусладкое, крепленое, портвейн, мадера, марсала какая-нибудь. Один раз пошел в бар и все коктейли там вылакал по очереди. А у них список длинный был — штук тридцать. «Лонг-айленд» еще помню. «Голубая лагуна» уже как в тумане. «Секс на пляже» — без всякого удовольствия. А вот после «Оргазма» вынесли меня. Пришел в сознание, потянулся к отрезвиту. Но тут уже и Дмитрий Иванович бессилён оказался.

— А ты его пробовал на трезвую голову принимать? — поинтересовался Савицкий.

— Конечно, пробовал! Я же научный работник! — Бабст даже обиделся.

— И какой приход словил? — вскочил с места Живой. — В смысле — каково было действие вещества на твой беззащитный трезвый организм?

Бабст окинул его хмурым взглядом, в котором явственно читалось: «Это поглядим еще, кто из нас — беззащитный!», а вслух сказал, обращаясь скорее к потомкам рода Собакиных, чем к их непутевому спутнику:

— Все равно есть эффект. Я как-то раз две недели не пил, ради науки. Потом принял пятьдесят грамм — и как будто совсем протрезвел, хотя

дальше-то куда. И так все ясно и просто. Как будто очки запотевшие протер.

— А что если дунуть, а потом вакциной этой закинуться? — размечтался Живой. — Или наоборот — отрезвиться, а сверху дунуть? Или вот еще...

— Костя, а нам можно эту штуку попробовать? — перебил его Савицкий.

— Боюсь, подсядешь, — покачал головой Бабст.

— Я, я не подсяду! — подобрался поближе Живой. — У меня иммунитет!

— А за тебя я и не боюсь, — отрезал Бабст.

— Подсесть... — задумчиво произнесла княжна. — Это значит — быть с кем-то близко- близко на одной скамейке? И мы будем понимать друг друга без слов? Давайте скорее пить эту замечательную вакцину!

Костя встал с места, медленно подошел к ближайшему шкафу, присел на корточки, открыл нижнюю дверцу и вытащил небольшую колбу с притертой стеклянной пробкой.

Вернулся к столу, достал из верхнего ящика три мензурки, подышал на них, протер снаружи рукавом и аккуратно налил в каждую по десять граммов отрезвита.

— На ваш страх и риск! — предупредил он, а потом, немного подумав, капнул и в свой стакан.

— За успех! — произнес Савицкий и первый схватился за мензурку.

Чокнулись. Выпили. Присели.

— Ничего не происходит, — первым нарушил молчание Петр Алексеевич. Ему почему-то казалось, что стоит только пригубить отрезвита, как перед глазами на сумасшедшей скорости начнут прокручивать мультфильм “*Yellow Submarine*”, а в голове появятся ответы на все вопросы.

— Все происходит! — заорал вдруг Живой, вскакивая с места и пускаясь в пляс. — Зачетный раствор! Иваныч рулит! Дайте-ка я его портрет сейчас расцелую!

— Это эксперимент, а не дискотека, — строго сказал Бабст, придвигая к себе дневник наблюдений. — Говори, что ощущаешь. Сравним.

Живой тут же принял серьезный вид, сел на пол в позу лотоса под портретом Менделеева, прикрыл глаза и принялся диктовать:

— Значит, пиши так. Волна пошла. В глазах болты. На движуху чутка пробивает. На думки... На думки — нет. На хавчик — тоже. Глюков не наблюдается. Продукт качественный. Слышь, академик, а дай-ка еще этого

антифриза вдогонку.

— Чего дать? — опешил Бабст.

— Дозу, говорю, дай нарастить!

— Обойдешься. Петюха, рассказывай лучше ты. Почувствовал чего? Только на нормальном русском, ты же не эта обезьяна.

— Кажется, почувствовал. Только я думал, что от этой... от менделеевки... будут галлюцинации, — признался Савицкий. — А тут все не так. Вернее — все так. Я — здесь. У меня есть всё — я и этот мир. А что еще человеку надо? Кажется, что я все могу. Стоит только захотеть — и смогу перешагнуть пятиэтажный дом. Неву смогу перепрыгнуть с одного берега на другой. Но мне этого пока не надо. Зато я знаю, что у нас все получится.

— Конечно, получится! — воскликнула Вера. — Идемте гулять и перешагивать Неву! Костя, веди нас!

Возбужденно переговариваясь и делаясь впечатлениями, компания вышла на улицу.

— Ой, как у вас тут здорово! — воскликнула княжна, оглядевшись. — Самый центр, а какой зеленый! А это что за дом, Костя? Рассказывай, ты должен быть мой проводник.

— Институт Отта, — ответил Бабст. — Рожают тут.

— Я тоже хочу рожать в таком красивом доме!

— Нормальный приход, — одобрительно прокомментировал Живой.

— А вон там, дальше, философский факультет, — продолжал Бабст. —

Там мыслят.

— Я тоже хочу мыслить в таком красивом доме! А кто этот зеленый человечек?

Вера показала на памятник, стоящий посреди широкой площади.

— Сахаров, Андрей Дмитрич, — с уважением произнес Бабст. — Смотри-ка, правда зеленый, а я каждый день тут хожу — и не замечал. Лет пять как поставили, а уже весь патиной покрылся. Влажность у нас высокая.

— Патиной? — очнулся от своих дум Савицкий. — Да ведь Лев Сергеич пишет про какую-то «патину змеиную»! Костя, есть такой термин?

— Змеиную? Нет, конечно. Патина — отложение солей на бронзе. Окиси меди. Полезная вещь, предохраняет памятники от порчи. Змеи, Петюха, тут совсем ни при чем.

— А вот еще говорят «благородная патина». Это что такое?

— Ну, просто выражение такое. Лет за сто на бронзе образуется такой налет — зеленый или голубоватый. Выглядит красиво, благородно, потому

так и говорят.

— А может, змеиная патина — это неблагородная? — вмешался Живой. — Ну, бывает благородная, а бывает — неблагородная, гадючья какая-нибудь?

Бабст не стал ему отвечать.

Они прошли по бульвару и вышли на набережную, к Пушкинскому дому.

— О, этого памятника я знаю! — обрадовалась княжна. — Это Пушкин. Смотрите, он совсем черный, хотя тоже бронзовый. Интересно, почему?

— Негр потому что, — влез Живой.

— Фи! — презрительно скривила губы Вера. — А ты, оказывается, еще и расист.

— Я Пушкина всего наизусть знаю! — обиделся Паша. — А «негр» у нас — это как бы комплимент. Расисты говорят совсем другие слова, я тебя потом научу.

Действие отрезвита начинало постепенно проходить, но приятное послевкусие в сочетании с солнечной погодой настраивало отважных экспериментаторов на праздничный лад. Никто никуда не спешил — ощущение неумолимости времени на какое-то время отступило. Казалось, что небесная канцелярия выдала всем дополнительный день на личные нужды.

Они вышли на стрелку Васильевского острова. Здесь рябило в глазах от туристов и новобрачных. Женихи и невесты весело паслись на изумрудной траве, а вокруг них суетились фотографы.

— Ой, какая красивая золотая иголка! — воскликнула княжна, показывая на шпиль Петропавловского собора. — Я хочу туда!

— Пошли, конечно, — сказал Савицкий. — Покажем сестренке город. Она тут в первый раз.

У воды сидели и лежали парочки. Веселая девица взгромоздилась на гранитный шар и изображала сфинкса. Мимо промчался белый «Метеор».

— Петербург всегда казался мне мрачным и неприветливым, — признался Петр Алексеевич. — Но теперь он как будто повернулся ко мне лицом. Тут в самом деле может быть хорошо.

— Это ты к нему лицом повернулся! — серьезно ответил Бабст. — Смотри, больше не отворачивайся.

Подойдя к воде, компания решила все-таки не перешагивать через Неву, дабы не смущать туристов, а перейти ее через мост.

На Мытнинской набережной возле ресторанного фрегата «Летучий

голландец» выстроились торговцы сувенирами.

— Вера Ришаровна, а вы не хотите купить своей маман сувенир? — подначивал парижанку Живой. — Смотри, какие тут матрешки, шапки, всадники медные...

— Я не иностранный турист, — гордо ответила княжна. — Мои предки строили этот город вместе с Петром Великим!

Савицкий и Бабст шли позади них.

— Так, Костя, все-таки, — не отставал Савицкий, — что же это такое может быть: «пatina змеиная»?

— Стало быть, патина на какой-то змее. На бронзовой, естественно.

— А может, на настоящей? — обернулся Живой. — Смотрите, вон зоопарк. Там этих змеев до хренища. Я туда раньше девушек водил, в террариум. Подходим к гадам, и я говорю: «У каждой женщины должна быть змея. Выбирай свою». Если чувиха цитату опознала — значит, годная, берем. А нет — тогда досвидос, детка.

— Змей ты и есть, — подытожил Бабст. — Знал бы Борис Борисыч...

— А что тебе БГ? Ты же у нас вроде по авторской песне? — удивился Живой.

Ему тут же пришлось пожалеть о своих словах. Обстоятельный Костя, не повышая голоса, прочел студенту целую лекцию о певцах и музыкантах, достойных уважения, даже несмотря на то, что они пока не бывали на Грушинке.

Когда заходили в крепость, ударили куранты. Туристы, выходявшие на площадь из темной арки, щурились от ослепительного сияния золотого шпиля.

— «Монетный двор», — прочла княжна. — Тут делают монеты?

— Ну да, монеты, медали, — ответил Бабст. — Серебряные, медные, бронзовые, всякие. А вот тут, в соборе, похоронены все цари, начиная с Петра I.

В собор решили не идти: за билетами стояла длинная очередь, а свежий воздух и менделеевка побуждали к движению.

— Ну чего нам на могилы смотреть? — кричал Живой. — Да тут этих царей как патины! И живых, и бронзовых! Сейчас увидите.

Сразу за собором стояла большая толпа. Она окружала еще один памятник: уродливого, похожего на паука Петра. Царь сидел в кресле, выпрямившись и вцепившись пальцами в подлокотники, как на приеме у зубного.

— Фи, какой некрасивый! — сказала княжна.

— Так он такой и был, — авторитетно заявил Савицкий.

— Предки рассказывали? — съязвил Живой.

На коленях у бронзового императора пристроился толстый ребенок, мамаша наводила на него фотоаппарат. Стайка детей ждала своей очереди. Колени царя были вытерты до зеркального блеска и слепили глаза не хуже шпиля собора.

Рядом с памятником переминались ряженные Петр и Екатерина:

— С царями приглашаем сфотографироваться, на память сняться, — монотонно тянул Петр, — с Екатериной, с Петром, на наш аппарат, на ваш аппарат...

Туристы на зов не спешили. Они подходили только спросить, где здесь тюрьма. Царь со знанием дела консультировал граждан.

У Петровских ворот обнаружился еще один основатель города — здоровенный, в коричневом бархатном кафтане, похожий на бурого медведя. В нишах по обе стороны от арки стояли статуи каких-то богинь. Одна из них держала в руке змею.

— Вот тебе подруга в самый раз, — указал Живому Бабст. — И со змеей, и не убежит никуда.

Тут уж Паша отыгрался — прочитал ему ответную лекцию о том, как следует обращаться с девушками, чтобы они от тебя не убежали, по крайней мере пока ты сам этого не захочешь. Разведенный Бабст слушал хмуро, но не перебивал.

Покинув крепость, вышли на мост и двинулись вдоль шеренги бронзовых фонарей. Фонари были украшены одинаковыми барельефами с аллегорическими головами. Под каждой головой были перевязаны, как концы платка, змеи с высунутыми языками. У правой змеи язык был раздвоенный, у левой — остроконечный.

— Может, этих поскрести? — спросил Живой.

— Нет, их слишком много, — покачал головой Савицкий. — Змея должна быть одна, иначе князь указал бы, с какой из них брать патину.

— У Летнего сада на решетке с обратной стороны таких змей еще больше, — заметил Бабст.

— Ну, не знаю... — сказал Паша. — Я бы их всех поскреб.

У самого берега лениво шевелились зеленые водоросли и неподвижно стояли в воде крошечные, похожие на змеек рыбки. Бронзовые перила моста украшала благороднейшая патина.

— Метро-то закрыто! — хлопнул себя по лбу Бабст. — Ремонтируют! Значит, теперь до Петроградской пилить.

— А пойдём с нами? — предложил Живой. — Мы тут недалеко живем. Вон там, почти на набережной.

— Ладно!

Однако прежде чем идти домой, княжна потребовала остановиться перед памятником миноносцу «Стерегающий» и долго смотрела на двух героических моряков, которые открывали кингстон, запуская в трюм извилистые, похожие на змей струи воды. Памятник был покрыт превосходного качества патиной.

— О, вспомнил! — Живой ткнул пальцем в сторону Конного переуллка. — Тут еще одна наша училка жила, химичка Зоя Людвиговна. Но мы ее звали по первым буквам имени — Змея Особо Ядовитая. Заставляла двоечников контрольные ей на дом таскать и вообще — придиралась. А жила в коммуналке, в комнате, набитой всякой антикварной рухлядью. Может, у нее и патина там найдется?

Петр Алексеевич на шутку не отреагировал. Он был мрачен: действие менделеевки заканчивалось, а вопрос с патиной никак не решался. Пашина болтовня его уже совсем не смешила. Он нервно поглядывал вокруг. Вывеску аптеки украшало изображение обвивающей чашу змеи. На Каменноостровском у дома Витте двое рабочих поднимали старинный бронзовый люк, чтобы запустить в недра земли тонкий шланг. Миновали мечеть, украшенную змеевидными арабскими письменами. Прошли мимо особняка Кшесинской и свернули на Куйбышева.

— Смотрите! — вскрикнула княжна.

Все подняли головы. С ограды особняка на них смотрели аж четыре змеи, обвивавшие огромные каменные шары.

— Уф! Я больше не могу, — сказал Савицкий, вытирая пот со лба. — Права бабуля: Петербург — это какой-то змеиный город.

Перешли улицу и вошли в подворотню.

— Весь покрытый патиной, абсолютно весь, — пропел Живой. — Что делать-то будем?

— Главное — не сдаваться, — бодро ответил Савицкий. — Сейчас придем к Жозефине, подумаем.

— Даст она вам подумать, как же, — хмыкнул Паша, распахивая дверь парадной и устремляясь к лифту.

— Жозефина — это кто, подружка твоя французская? — спросил у Веры Бабст.

— Ну, как бы тебе объяснить, Костя...

Дверь в квартиру открылась, и все вопросы исчезли.

— Хэлоу, Раша! С вами на танцполе — Верка Сердючка!

На сей раз на Жозефине Павловне было целое архитектурное сооружение, сочетавшее в себе элементы украинского национального

костюма и платья а-ля дискотека восьмидесятых. На голове у чаровницы красовалась серебряная пятиконечная звезда в обрамлении стеклянных шариков, шишечек и колокольчиков, позаимствованных, вероятно, из набора елочных игрушек.

— С нами новые лица, — предупредил Живой. — Знакомьтесь. Костя Бабст, хранитель Менделеева и будущий нобелевский лауреат в области научного самопожертвования. Жозефина Пална, моя школьная подруга.

— Ну так пойдете, вздрогнем по маленькой за знакомство, — удовлетворенно произнесла звезда танцполов, схватила за руку ошеломленного Бабста и потащила в свою комнату.

Все с удовольствием уселись за стол — вроде бы и гуляли всего ничего, а ноги гудели, как после перехода через Альпы.

— Терпеть не могу этот образ, но прилипчивый, зараза, — пожаловалась Жозефина и постучала ногтем по своей новогодней короне. — Ну-ка, плесните мне колдовства, чтоб попустило по-быстрому. Чего застыли? Я не вижу ваших рук. Танцевать будем или мне рассердиться?

— Жозичка, ты человека так сразу не пугай, — попросил Живой, послушно наливая в рюмку портвейна.

— Человек, разве я тебя пугаю? — строго спросила Жозефина.

Бабст только покрутил головой от удивления.

— Видишь, Пашута, человеку не страшно. Так что рот-то ты мне не затыкай! Все равно не заткнешь — я что хошь откушу, прожую и переварю.

— Все еще закусываешь, чем придется? Желудок позволяет? — ядовито поинтересовался Живой.

— Все еще куришь индийские благовония? Чердак не спекся? Вижу, что спекся — мозгам в голове тесно. Верочка, тезка, отодвинься от этого охламона. У тебя духи хоть немодные, но французские, а от него же только перегаром может разить. Кстати, это мне кажется или вы какие-то до омерзения трезвые?

Никто не ответил.

— Так, понятно, в пустыне объявили сухой закон.

Видя, что сегодня гости с ней пить не собираются, Жозефина опрокинула в себя рюмку, сделала несколько неуверенных танцевальных движений и исчезла в своей комнате.

Она долго не возвращалась — Живой даже предположил, что на этом представление закончится, но тут дверь в гримуборную распахнулась, и в комнату вплыла царственная дама в кринолине и пудреном парике.

— Ой, а мы такую уже сегодня видели! Она с Петром фотографировалась! — воскликнула Вера.

— Я тоже фотографировалась, — величественно произнесла Жозефина. — Князь, подайте мне стул, и я расскажу об этой трагической странице моей биографии.

Савицкий молча и даже несколько подобострастно поставил стул в центр комнаты. Жозефина уселась на него, как королева.

— Екатерина Вторая, главная, — представилась она. — Встаньте и стойте, мужичье, видите, как князь вытянулся? Эtiquette не знаете? Не пороли вас давно? Княжне разрешаю сидеть.

— *Кель элганс!* — подпела Мурка.

— Конечно, элганс. Ладно, садитесь. Этот костюм стоил как сорок тысяч платьев. Я его для дела пошила. Работала около памятников, в бригаде одной подружки.

— Лизки, что ли? — уточнил Живой.

— Ну а кого же? — К Жозефине постепенно возвращались ее обычные манеры. — Зима была, а мы возле Медного всадника фотографировались, за деньги. Я и Петр Первый. Иностранцев-то, гадов, на автобусах привозят, с подогревом, а мы мерзли, коньячком грелись, яблоками закусывали. Я к вечеру так нахлебалась — чувствую, не царица я больше, а прародительница Ева. И я сейчас спасу человечество от первородного греха! Ну, я яблоко у Петра выхватила — пока он не надкусил его и род людской не погубил — и наверх полезла, к змее! Скала ледяная, скользко, я в платье еще, но долезла как-то. Сую ей яблоко, а она не жрет, паскуда зеленая. И менты уже появились, свистят, мечутся внизу, дурачки...

— Стоп! Молчи! — закричал вдруг Савицкий. — Костя! Медный всадник из чего сделан?

— Адмиралтейская бронза. Медь, олово, легировано цинком. В восемнадцатом веке у нас только такая бронза и была, — с достоинством выдал справку Бабст.

— А мы во Франции называем его «Бронзовый всадник», — заметила Вера.

— Ну, точно! Как же я не догадался! — забегал по комнате Савицкий. — Ведь Лев Сергеич участвовал в реставрации этого памятника!

— И что из этого? — уставился на него Бабст.

— Патина змеиная! На змее! Которую! Топчет конь!!!

Все замерли, открыв рты. Теперь ответ казался очевидным, простым и единственно возможным.

— Вот голова! — восхитился Живой. — Так, надо Лизке звонить. Жози, милая, она еще работает?

— Еще как! — приободрилась Жозефина, как только внимание снова

обратилось к ней. — Бизнес расширила. Но сейчас лето, у нее все Петры в отпуску, некому работать.

— Мы будем работать! — объявил Живой.

— Кто — мы? Кем — работать? — широко раскрыла глаза княжна.

— Мы все! Петрами! И Екатеринами! Постоим там денек, выберем момент, и вечером тихонечко поскребем змеюгу. У Лизки же с ментами договор, никто не помешает. Если мы палиться не будем.

— Только без меня, — сглотнула Жозефина. — Я эту гадость ползучую теперь как увижу — сразу вспоминаю о том, что я Ева, и мне надо мир спасать. Но для Евы костюм соответствующий нужен.

— Какой костюм, она же голая? — брякнул прямолинейный Бабст.

— Вот, а я про что? Грустно мне становится. Думаю: может, менять что-то в жизни надо? Может, пол надо менять? А потом депрессия, запой, случайные связи, болезни, утомительные процедуры, вынужденная трезвость, снова депрессия, запой...

— Паша, ты пока позвони своей подруге, — распорядился Савицкий. — Мы вам, Жозефина Павловна, очень сочувствуем. А скажите, сложно это — изображать из себя венценосных особ?

— Вам, князь, даже изображать ничего не нужно. Вон как мальчик подорвался и побежал.

— Да, наверное, кровь сказывается, — смущенно сказал Савицкий. — Хотя какой я князь...

— Самый настоящий! — заверила его Жозефина. — И Петр из вас получится исключительно сексапильный. Рост, осанка — все подходит. И усы будут очень к лицу. Я вам сама наклею, я знаю, как надо, а если бровушки еще слегка подчеркнуть — то все, движение в городе остановится!

— Да, да, Пьер, ты должен показать, что такое древняя боярская раса! — поддержала ее Вера. — А я буду твоя вдова Екатерина. А кем будешь ты, Костя?

— Я в этом маскараде участвовать отказываюсь, — сурово ответил Бабст. — Еще увидит кто из знакомых, узнает, разболтает — стыда не оберешься!

— А ты будешь делать наши фотографические карточки! — тут же нашла ему занятие княжна. — На мой фотоаппарат, на твой фотоаппарат, на их фотоаппарат...

— Ладно, — буркнул Костя, почесав голову.

Перспектива беспрепятственно и многократно фотографировать княжну на свой фотоаппарат примирила его даже с маскарадом.

В комнату, приплясывая, вбежал Живой:
— Лизка дает добро! Завтра с утра подвезет костюмы — и сразу приступаем. Половина навара — наша! А я Пушкиным буду!
Услышав это, Жозефина Павловна расхохоталась.
— Павлик! Но ты же совсем — понимаешь, совсем — не похож на Пушкина.
— Молчи, бессмысленный урод! — грозно прикрикнул на нее Живой.

* * *

Fri, 19 Jun 2009 19:58:45 +0400 письмо от М. Т. <murka-term@upravedelami.tjapov.ru>

Нахожусь в СПб. Обнаружен М-аппарат. Продукт - сильнодействующий отрезвитель. Время действия - несколько часов. Владелец - Константин Бабст, канд. хим. наук, главн. хранитель музея М. (в дальнейших сообщениях - К.Б. или Кот Базилио). Личным обаянием включила К.Б. в группу поиска, держу его под эмоц. контролем. Изъятие аппарата до нахождения всех ингредиентов считаю нецелесообразным. На завтра планируется добыча ингредиента-1 и эксперимент на К.Б.

Дополнительной помощи не требуется.

Подтвердите продолжение операции по предложенному плану.

М.Т.

Fri, 19 Jun 2009 20:01:45 +0400 письмо от Усов <usov@upravedelami.tjapov.ru>

План утверждаю. Решением И.И.Т. вам присвоено звание сержанта и выписан 15% бонус к зарплате. Поздравляю.

Усов.

Глава 11

Пушкин жжот

— Удачи вам, дорогие! Ментов я предупредила. Побольше наглости! А тебе, Паша, наглости не занимать, так что желаю вдохновения. Пушкина играть трудно. Эй, ты трость забыл! Ну все, пока, созвонимся!

Лизка помахала рукой и захлопнула дверцу своей «тойоты».

Начинающие артисты с костюмами в руках стояли перед одноэтажным домиком классического стиля с колоннами по краям.

— Или Росси, или Растрелли... — задумчиво сказал Живой. — Скорее, Росси.

На творении Росси было написано «М» и «Ж», но вход был один на всех.

— Гримуборная, — вымученно улыбнулся Савицкий. — Уборная общая, грим просьба приносить с собой.

С самого утра он бодрился, читал Рамакришну, но все равно чувствовал себя не в своей тарелке. Зато его компаньоны, кажется, были в восторге от грядущего представления. Зашли в туалет и разошлись по кабинкам — переодеваться.

— Ваше величество, вам корсет зашнуровать? — крикнул Паша вдогонку княжне.

Даже не взглянув на него, Вера скрылась на женской половине и десять минут спустя выплыла на улицу, чувствуя себя Скарлетт О'Хара накануне первого бала. Муаровое платье и небольшая корона сидели на ней не хуже, чем на Вивьен Ли. Н-да, вот только Реттов Батлеров нынче не завезли — не сезон. Зато возле творения Росси уже прыгал суетливый, подвижный и, вопреки мнению Жозефины Павловны, очень похожий на настоящего Пушкин. Он декламировал вступление к «Медному всаднику», поминутно поправляя выскальзывающиеся из-под парика дреды.

— Божественная! — прервал он свой словесный поток, завидев царицу. — Дай, дай ручку поцелую!

Екатерина отдернула руку, что-то презрительно буркнув по-французски.

Бабст, пришедший чуть позже остальных, настраивал свои многочисленные фотоаппараты: пленочный ЛОМО, пижонистый панорамный и цифровой с полуметровым объективом. Завидев княжну в царском платье, он чуть не уронил их все разом.

Мурка царственно кивнула ему и обратилась к Паше:

— Сам-то можешь что-нибудь сочинить?

— Легко! — воскликнул тот, и, повернувшись к воображаемой публике, продекламировал:

*О вы, прекрасные туристы,
И гости города, и вы,
Приезжие контрабандисты
С пакетом молодой травы!
Несите деньги, мы, артисты,
За все про все берем по триста,
А лично я — по пятьдесят,
Чему, признаться, сам не рад.*

— По триста чего? Евро, что ли? — опешил Бабст.

— Рублей. И не по триста, а по сто. За одно фото с царями на аппарат клиента. На твой аппарат — уже сто пятьдесят. А за Пушкина, Лизка сказала., брать не больше пятидесяти.

— Демпингуешь, гад! — покачал головой Костя.

Двери павильона Росси снова отворились, и к зданию Сената вышел Петр I. На царе была треуголка с цветными перьями, красный кафтан с золотыми отворотами, малиновый камзол, голубая лента через плечо, на шее — кружевной платок, заколотый крупным фальшивым бриллиантом, на ногах высокие ботфорты. Усы императора грозно топорщились.

— Ну, что далее? — строго спросил он у примолкших от восхищения спутников.

— Как в кино — «Царь Петр арапа женил»! — восхитился Бабст.

— Арап к вашим услугам, — сняв цилиндр, поклонился Пушкин. Непослушные дреды снова выпростались из-под курчавого парика.

— Надо было слушаться мадемуазель Жозефин и закалывать волосы булавками! — заметила княжна.

— Вперед! К заветной цели! — скомандовал царь.

И они двинулись к цели.

Возле Медного всадника было безлюдно — только около самой ограды переминался с ноги на ногу какой-то плюгавый Петр в зеленом кафтане.

— Смотри-ка, царь-батюшка, конкурент у тебя объявился! — заметил Паша. — Может, в реку его, самозванца?

— Ты чей, боец? — строго спросил Савицкий у чужака. Тот был на

голову его ниже и вообще не такой представительный.

— Я Машки Гатчинской, — хмуро ответил тот. — А вы-то чьи?

— А мы-то — Лизкины, — гордо приосанился Живой. — Понаехали тут в наш Ленинград! Вали давай в свою Гатчину!

— Да я слышал, у вас все в отпуску, место пропадает, — примирительно произнес самозванец. — Может, договоримся? Вы с этой стороны лошади, а я — с той?

— Шагай, шагай! — замахнулся на него тростью Живой. — У нас все схвачено. С той стороны лошади буду я.

Пришлый Петр мрачно оглядел противников — силы были неравные, да и грозное имя Лизки говорило само за себя — и поплелся прочь.

— Неудобно вышло, — покачал головой Савицкий. — Ведь парень, в отличие от нас, с этого кормится.

— Он некрасивый, — заявила княжна. — И не благородный. Пьер, давай пока поклоны отрепетируем.

Покуда Петр и Екатерина кланялись друг другу и воображаемым клиентам, Бабст с Живым разглядывали памятник.

— Как дела, ваше величество? — фамильярно обратился Живой к всаднику. — Патина не жмет? Змея не беспокоит? А чего хвост у лошади такой — как у динозавра?

— А ты много динозавров-то видел? — откликнулся Бабст. — На хвост змеи бы лучше смотрел. Вон, видишь, что там, на предпоследнем изгибе?

— Птичка накакала?

— В ухо тебе птичка накакала. А там — самая густая патина. Вот оттуда и будем брать.

— О, и приступочка там такая удобная, на нее сесть можно будет. Может, прямо сейчас и залезем?

— Обалдел? Машины ездят, туристы шастают, милиция вон загорает.

«Прости меня, Петр Алексеевич, — думал тем временем Савицкий, кланяясь памятнику. — Это все для дела. И штоф твой мы обязательно найдем!»

Воровато оглядываясь, он выудил из-под камзола Рамакришну и открыл наугад. В начале страницы было написано: *«Для достижения успеха необходима страшная настойчивость, страшная воля. “Я выпью океан, и по моей воле распадутся горы”, — говорит настойчивая душа»*. Далее следовала глава «Захват и поглощение мира».

Постепенно к Медному всаднику начал стягиваться народ: люди подходили, показывали пальцами на ржженных, смеялись, фотографировали

друг друга на фоне памятника, но раскошелиться не спешили.

— С царями приглашаем сфотографироваться, на память сняться, — гнусавым голосом затянул Бабст, — с Екатериной, с Петром, на наш аппарат, на ваш аппарат... На ваш сто рублей, на наш сто пятьдесят. С Пушкиным пятьдесят рублей.

Мама с дочкой, приглядывавшиеся к высокому красавцу-царю, заслышав этот голос, в ужасе отпрыгнули.

— Эх ты, профессор! Кто ж так работает! — сказал Живой. — Отойди-ка, бессмысленный народ, побезмолвствуй в сторонке. Меня Аполлон к священной жертве требует.

Отставив трость чуть влево и вытянув правую руку вперед, он начал декламировать:

*Все флаги в гости, все ко мне!
Ко мне, ко мне, я здесь стою!
Вот медный Петр на коне —
Он на копье вертел змею.
Вставайте в кадр, смелее взгляд,
Улыбочку! По пятьдесят
Рублей, товарищи, не грамм.
Нет мелочи ? Я сдачи дам.*

— Пушкин жжот! Ребзя, погодите, я с ним сфотаюсь! — тут же закричала какая-то девица.

— Вот! — гордо поправил цилиндр Живой.

Вдохновленные ее примером, другие туристы тоже начали подходить к царям и к Пушкину.

— Обнимите меня, пожалуйста, — попросила Петра печальная седая дама.

— Пятьсот рублей! — высунулся было Живой, но Петр Алексеевич обнял ее даром. После этого желающие сфотографироваться с царем, царицей и великим русским поэтом повалили один за другим.

Выглянуло солнце.

— Как бы вам не спечься в синтетике этой, — покачал головой сердобольный Бабст. — У меня тут в рюкзаке, если что, водичка холодная в термосе, со льдом. Бутерброды тоже есть.

— А менделеевки нет? — поинтересовался Пушкин.

— Уже подсел? А говорил — иммунитет, иммунитет... Трепло.

Вскоре появилась первая свадьба — жених и невеста, судя по всему, только что закончившие школу, и их друзья, явившиеся на церемонию в костюмах, купленных к выпускному балу.

— Работаем! — окидывая компанию оценивающим взглядом, скомандовал Живой. — Лизка говорит, со свадеб — основной навар.

Наступило самое урожайное время — белые и розовые лимузины, украшенные кольцами и воздушными шариками, подъезжали к памятнику через каждые пятнадцать минут. Мурка ехидно поглядывала на невест в кринолинах, которые добровольно нацепили на себя эту амуницию.

— Так, следующая свадьба! — дал отмашку Бабст, следивший за экипажами.

— А почему воздушные шарики черного цвета? — удивилась княжна.

— Негры, наверное, женятся, — предположил Живой.

— Опять расизм! Я напишу про тебя в Гаагский суд, в комиссию по правам человека и лично Бараку Обаме!

Тем временем из лимузина вышли жених и невеста. Он — в белом фраке и белых штиблетах, с черной гвоздикой в петлице, она — в черном платье и с черной фатой.

— Художники! — с уважением протянул Живой.

— Выпендрейники! — сплюнул Бабст.

Оказалось, что молодые — уже не очень молодые — решили развестись. Несмотря на обилие черного, бывшие супруги были веселы и по очереди сфотографировались со всеми, да еще и угостили царей и поэта шампанским.

— Сладко! — завопил захмелевший на жаре Пушкин, и тогда невеста одарила его долгим влажным поцелуем.

— Как мимолетное виденье! — простонал Паша, обмякая. — Телефончик оставьте, богиня! Я — человек бесчестный, жениться сразу не стану!

К двум часам стало сильно припекать. Ноги с непривычки гудели. Пушкин охрип, но продолжал выкрикивать свои экспромты. Вода в термосе Бабста закончилась, и он то и дело убегал к ближайшей тележке с напитками, таская царям то кока-колу, то фанту.

Петр снял кафтан и повесил его на ограду памятника. Живой пристроил рядом свой цилиндр и тут же организовал прокат костюмов. Фото в кафтане — триста рублей, в цилиндре — сто. В кафтане и цилиндре — тысяча. Совсем раззадорившись, он сорвал с головы парик и принялся махать им, выкрикивая:

*Люблю тебя, Петра из меди,
Твою лошадку и змею!
Скорей сюда идите, леди,
Я вас сфотографирую.
На вашу камеру, на нашу,
Всего каких-то сто рублей.
Хотите, с Катериной спляшем?
Хотите — с вами? Посмелей
Подходим к памятнику, дама!
Вставайте тут. Смотрите прямо.
Теперь проследуйте к царю.
Премного вас благодарю!*

Какой-то немец, видимо, найдя Пашу достойным собеседником, толкнул его локтем в бок и, указывая на Савицкого, с уважением произнес:

— Алегзандер Невски! — и выставил большой палец.

— Алегзандер — хундерт рубель, — тут же сориентировался Живой.

— Ух ты! Смотри! — толкнул Пашу с другой стороны Бабст.

На набережную выкатили сразу четыре автобуса, и из них посыпались китайцы. Толпа запрудила все пространство перед памятником.

— Тридцать, сорок, — считал по головам Бабст. — Лучше, чем четыре свадьбы и одни похороны.

Живой достал из кармана смартфон, потыкал в кнопки, что-то прочел и завопил, обращаясь к китайцам:

— Питодадидо! Ибай лупу!

— Ты чего, опупел? — уставился на него Бабст.

— Языки учить надо, — помахал волшебной машинкой Паша. — Вот, читай! По-китайски Петр Первый — Питодадидо. Сто рублей — «ибай лупу». Сто пятьдесят рублей — «ибай уше лупу». Да ты не отвлекайся, считай. Пусикен! Руссише поэто! В очередь, сукины дети!

Следом за китайцами явились и японские туристы. Они фотографироваться не стали, а только слушали гида, переговаривались по-своему, смеялись и указывали пальцами на Живого. Отчетливо было слышно слово «Высоцкий».

— Радуйся, поэт, за Высоцкого тебя приняли! — съязвил Бабст.

— А чего сразу не за Визбора? — отвечал тот, прислушиваясь. — Да не Высоцкий, а «усоцкэ». По-японски — врун, лжец. Аниме надо смотреть! А кого это они так?

— Да тебя вообще-то.

— Значит, фотографироваться не будут. Вот был бы я в костюме Чебурашки — сразу бы понабежали. Ну и хрен с ними. В Чебурашке я бы сварился заживо. Уф-ф, жарко!.. Пойду передохну.

Он встал у ограды, на которой висел кафтан Петра, открыл колу и принялся обмахиваться веером, подаренным китайскими поклонниками Пушкина.

Тут к нему подошел здоровенный белокурый детина явно иностранного — скорее всего, скандинавского — вида. Он был в желтых шортах, синих гольфах и зеленой рубашке с подтяжками.

— Привет, — сказал скандинав по-русски с еле заметным акцентом, — можно с тобой сняться?

— Конечно! — с готовностью ответил Живой и тут же на всякий случай представился: — Александр Пушкин, русский поэт. Знаете такого?

— Очень хорошо знаю, — улыбнулся тот. — Я даже переводил тебя на шведский. Меня зовут Свен Карлсон. Но я не тот, который живет на крыше, просто у нас это очень распространенная фамилия. Я славист.

Паша улыбнулся в ответ и расшаркался:

— Очень приятно! Павел Живой, артист. А я-то думаю — чего этот викинг Пушкину тыкает? А он, оказывается, переводчик, свой человек!

— Нет, тыкать — это такая языковая привычка. У нас по-шведски нет всяких «вы» — «ты». Но если ты хочешь, я могу говорить тебе «вы».

— Да ну, ты чего, старик? — хлопнул его по плечу Паша. — Тыкай на здоровье. Ты же почти наш. Мы тебе даже скидку сделаем. За Пушкина — всего пятьдесят рублей. А если фоткаешься с Петром, то Пушкин бесплатно.

— Нет, с Петром не надо, — поморщился Карлсон. — Я лучше с тобой. А можно сниматься не здесь, а вон там, около собора?

— Ноу проблем! Костя, топай за нами!

Фотосессия прошла удачно. Пушкин даже попытался поднять своего переводчика на руки, чтобы выразить поддержку его деятельности. Это не получилось, и тогда могучий викинг сам поднял поэта на воздух и подержал над головой.

— А у Всадника-то не хочешь? — спросил Паша, принимая гонорар. — Памятник знаменитый. Россию поднял на дыбы!

— Он не только Россию поднял на дыбу, — нахмурился швед. — Вот скажи, Павел, ты никогда не думал, что означает эта змея?

— Ну то есть как — что означает? — пожал плечами Живой. — Зло мировое.

— Нет, — покачал головой Карлсон, — не мировое. Змея-то — это мы...

Пораженный такой трактовкой шедевра Фальконе, Паша некоторое время смотрел на представителя побежденной державы молча, а потом вдруг схватил его за руку.

— Слушай, а давай мы ему отомстим! — выпалил он.

— Как это?

— Ну, тебе ведь обидно, что тебя змеей представили?

— Обидно.

— И всему шведскому народу обидно?

— Еще как!

— Ну так возьмем и отомстим. Заберемся туда и напишем ей на хвосте: «ШВЕДЫ НЕ ГНУТСЯ».

Карлсон даже подпрыгнул:

— Отличная идея! Это же из Пушкина, да? «Ура, мы ломим, гнутся шведы!»

— Пятьсот баксов, — быстро сказал Живой.

— О'кей. А тебя не арестуют?

— А это уже не твоя забота. Арестуют — деньги при тебе останутся.

— Нет, нет, я все равно заплачу!

— О'кей. Можно, кстати, эту надпись вырезать напильником, чтобы навечно, — Паша снял цилиндр и ловко, как фокусник, извлек из него напильник. — Но тогда, сам понимаешь, будет дороже.

— Сколько?

— Тысяча!

— Ладно. Я только в банк сбегаю!

— Беги. Но можешь не спешить. Все равно до вечера ждать придется. Сейчас сам видишь, нельзя.

— Хорошо, буду ждать до вечера!

Карлсон помчался в сторону «Астории», а Пушкин вернулся к Всаднику.

Свадьбы шли непрерывной чередой, и Петр с Екатериной вертелись как заведенные.

Живой огляделся в поисках поживы.

Из автобуса вылезала очередная группа граждан иностранного вида. Экскурсовод высоко поднял над головой желто-голубой флажок и повел их вокруг памятника. Два немолодых туриста отделились от группы и встали у ограды. Один — маленький, толстенький и с висячими усами — что-то говорил, показывая на Петра. Другой, длинный и мрачный, кивал головой.

Живой подошел послушать.

— Ось, дывысь, Мыкола, як вин на Богдана схожий,— говорил усатый.

— Якого Богдана? Ступку? — спрашивал длинный.

— Та ни!.. На Богдана-гетьмана в Киеве. Ну, на монумент.

— Та Богдан же без змиюки!

— Ще б вин був с нею! Цэ ж змиюка сэпаратизьму...

Живой снова вытащил из кармана смартфон, быстро что-то набрал, внимательно прочитал и пошевелил губами, запоминая. Затем подлетел к туристам и, сняв цилиндр, картинно раскланялся.

— Здоровеньки булы, шановне панове! С царем не хоче-те сфотографуваться? На ваш аппарат сто рублей. Двадцать пять гривень по курсу НБУ.

— Хиба ж цэ царь? — спросил усатый, сердито глядя на Петра. — Жеребця стрымуе, змия вбивае... Цэ не царь, а шкуродер. Тьху!

— Тогда с Пушкиным давай, — не отставал Паша. — Великий поэт, гуманист, интернационалист — и тильки двенадцать гривень.

— Хиба ж ты Пушкин?

— А шотакова? Хочешь, стихи прочту?

— Та на що мени російськи вирши?

— А я и по-вашему могу!

— Брешешь!

— Та шоб я вмэр!

Паша нахмурился, выдержал паузу, а потом откинул руку в сторону и начал:

*Красуйся, городе Петрив,
Будь непоборный, як Росия.
Хай стихне на вики викив
Тоби пидборкана стихия^[3].*

— Ни, не трэба, — перебил его усатый. — Цэ не вирши, а гамно.

— Цею импэрськой лабудою, — поддержал его длинный, — нам ще в школи уси вухи прожужжалы.

— Ну звиняйте, хлопчики, Шевченка в России нема.

— Тю! Так хто б сумнивався!

Видя, что дело безнадежно, Паша махнул рукой и отошел подальше.

Длинный сел на приступочку возле памятника и задумчиво подпер голову рукой. Усатый навел на него мыльницу и щелкнул. Потом они

поменялись местами.

Нащелкавшись, туристы двинулись вслед за своей группой.

— Ну шо, шановни, сфотографувалися? — поинтересовался Живой, когда они проходили мимо.

— Усе в порядку, — ответил усатый.

— Тильки ця фигня в кадр не влила, — добавил длинный.

— Какая фигня?

— Та Петро ваш з своєю гадюкою!

Пушкин снял цилиндр и почесал в затылке, глядя им вслед. Жовто-блакитный флажок удалялся в направлении Исаакия.

Четверо искателей патины топтали брусчатку у Всадника уже шестой час. Солнце жарило немилосердно, в воздухе парило, ласточки нарезали в небе невероятные зигзаги — все предвещало скорую грозу. Снова появился Карлсон. Он помахал Паше рукой и стал ходить кругами вокруг монумента, подолгу задерживаясь сзади и разглядывая змею. Было видно, что ему тоже невыносимо жарко, но он, видимо, решил показать, что такое несгибаемый шведский характер.

Маша еле двигалась в своей царской амуниции. В какой-то момент у нее стало мутиться сознание, и ей померещилось, что Петр скачет не на лошади, а на слоне по безводной пустыне. При этом тонкий слоновый хвостик не доставал до змеи, и гад шевелился все активнее. Казалось, он вот-вот вырвется на волю и покажет, кто в стране хозяин.

Ближе к вечеру с запада стали наплывать черные тучи с рваными краями. Грозовое облако, похожее на гигантского всадника, медленно и неумолимо приближалось к своему бронзовому двойнику. Вдали прогремел гром.

— Сейчас хлынет! — крикнул Живой. — Что делать будем, Алексеич?

— Стой спокойно и жди грозы, — ответил Савицкий. — Когда народ разбежится, полезем на памятник.

— А как мы патину под дождем скрести будем?

— Не переживай, студент, — откликнулся Бабст. — Беру на себя всю операцию. А от дождя нам только лучше — пыль смоет, чистый продукт получим.

Вдруг рванул ветер — с такой силой, что цилиндр Пушкина покатился по брусчатке. Повяло свежестью. Молния ударила так близко, что, казалось, еще чуть-чуть — и она расщепила бы Гром-камень. На мгновение все стихло, а затем тонны воды разом обрушились на бронзовый монумент.

Туристы кинулись врассыпную. Последняя свадьба, так и не успев сделать ни одной фотографии, улепетывала по лужам к своему лимузину.

Китайцы, раскрыв разноцветные зонтики, плотной толпой неслись к арке на Галерной. Придерживая дубинки, туда же протрусил пара милиционеров.

Живой нахлобучил с трудом пойманный цилиндр на уши и закричал Савицкому:

— Алексеич, командуй! Самое время!

— погоди, пусть разбегутся, — ответил непреклонный Петр.

Наконец на всей набережной не осталось ни одного человека — кроме Карлсона. Швед съежился под фонарем и, не обращая внимания на дождь, с надеждой поглядывал то на Пашу, то на змею.

Дождавшись, когда ливень чуть поутихнет, Савицкий взглянул на Всадника, перекрестился и сказал:

— Ну, с богом. Пора!

Живой одним прыжком перескочил через кусты ограды. Следом за ним тяжело перевалился Бабст со своим рюкзаком. Оскользаясь, они полезли вверх по мокрой скале.

Петр Алексеевич схватил Веру за руку и потащил к набережной.

— Что ты делаешь, Пьер? — вскрикнула она. — Я не бросаю друзей!

— Надо отвлечь от них внимание! — объяснил на ходу Савицкий. — Ты умеешь танцевать менуэт?

Княжна помотала головой.

— Я тоже. Ничего. Ходи по кругу и приседай каждый раз, когда я поклонюсь! Ясно?

Вера кивнула.

Они встали друг напротив друга на краю тротуара. Царь отдал глубокий поклон. Царица ответила реверансом. Петр взял ее под руку, и пара плавно двинулась по кругу, выворачивая ступни наружу. Вернувшись в исходную точку, они разошлись и снова раскланялись.

Тем временем Бабст крепко уселся на выступ, образованный рельефом скалы. Он вытащил зонтик, раскрыл его и сунул стоявшему ниже Живому. Затем повесил рюкзак за лямку на самый кончик змеиного хвоста и стал доставать какие-то склянки.

— На! — протянул он Паше небольшую колбу. — Я буду реагентом обрабатывать, а ты подставляй эту штуку снизу, чтобы в нее стекало. Пробку смотри не потеряй! И зонтик надо мной держи.

Костя протер змею фланелькой, потом набрал в пипетку зеленой жидкости и стал капать на хвост. В колбу стекали мутные капли.

Внизу, под ними, всплескивая руками и приседая, бегал Карлсон.

— Да что ты там химичишь? — не выдержал Живой уже через минуту.

— А ну пусти, у меня напильник есть! Сразу всю шкуру сдерем!

Бабст только покачал головой:

— Памятник всемирного значения, занесен в список ЮНЕСКО, символ Петербурга, а тебе, макаке московской, все равно. Напильник... Шкуру сдерем... А еще Пушкина надел!

Он снова наполнил пипетку.

Время шло. Карлсон внизу уже не бегал, а сидел на корточках, обхватив двумя руками голову. Совершенно мокрые потомки Собакиных заходили на десятый круг менуэта. Живой тихо подвывал, но колбу и зонтик держал крепко.

— Есть! — сказал наконец Бабст.

Живой швырнул зонтик вниз и прикрутил пробку.

— Все, сматываемся!

Однако Костя не торопился.

— Погоди-ка, — сказал он. — Надо еще змею на камеру щелкнуть.

— Да ты что, с ума сошел? — взвыл Живой. — Не нащелкался за день, что ли?

— Эх, Пашка! Да ведь ни одного кадра с этой точки в мире нет!

Бабст настроил свой аппарат, сделал несколько снимков, и они спрыгнули со скалы.

Живой перелетел через кусты, как олимпийский чемпион по бегу с барьерами. Он оглянулся было на Бабста, но тут сбоку на него наскочило что-то большое и теплое.

— О, Господи!

Паша уже успел забыть о существовании Карлсона.

— Ты настоящий герой! — кричал швед, поднимая его на воздух и чмокая в щеку. — Ты сделал это! Швеция тебя не забудет! Держи тысячу баксов!

Паша ощутил под ногами твердую землю, а в левой руке — приятную шероховатость американской валюты.

— Спасибо! — крикнул он, устремляясь к набережной. — Прощай, камрад! Больше под Полтаву не ходи! Да здравствует мир во всем мире!

Дежурному инспектору ГИБДД, скучавшему в милицейской будке у Дворцового моста, этим дождливым вечером привиделась совершенно фантастическая картина.

Прямо по проезжей части огромными шагами неся Петр Первый. За ним козлиным галопом скакал Пушкин. Следом, подобрав юбки, прыгала через лужи Екатерина Великая. Процессию замыкал бородатый дядька в штормовке и с огромным рюкзаком. Его, как змеи, обвивали со всех сторон

ремни фотоаппаратов.

Инспектор взял в рот свисток, но прежде чем свистнуть, протер глаза. Когда он снова посмотрел на мост, там никого не было.

Глава 12

Лик его ужасен

— Опа, клоуны! — дверь в квартиру Жозефины открыл уже изрядно хмельной Вован. — Жопа, вылезай! К тебе родственники из деревни приехали!

Петр Алексеевич решительно отодвинул его в сторону. «Но-но, без рук!» — зарычал было сосед, но тут в дверь протиснулся дюжий Бабст, и хам, недовольно ворча, ретировался в сторону кухни.

Савицкий постучал в дверь Жозефины. Никакой реакции. Он постучал сильнее и требовательнее. Снова тишина.

— Что случилось? — забеспокоилась княжна. — Он ее убил?

В щель пробивался свет. Петр Алексеевич потрогал дверную ручку: комната была не заперта. Он распахнул дверь.

Жозефина Павловна сидела за столом, подперев голову рукой, и быстро-быстро чиркала что-то в истрепанных школьных тетрадках. На ней была строгая коричневая блузка и такого же цвета юбка чуть ниже колена. Волосы — на этот раз не парик, а свои собственные — оказались заколоты на затылке в аккуратную кичку, волосок к волоску. На носу у нее косо сидели очки в тонкой металлической оправе.

Рядом с пачкой тетрадей стояла пепельница, переполненная окурками. В левой руке учительница держала тлеющую сигарету. На вошедших она даже не посмотрела.

— Все ясно, — сказал Живой, указывая в угол комнаты, где рядком стояли четыре пустые поллитровые бутылки. — Последняя стадия. Русский язык и литература. В таком виде она никого не узнает. А иногда и не замечает. Я один раз с двумя телочками сюда заявился, а телочки такие, без комплексов. Все соседи под дверью собрались — кто осуждал, кто завидовал, а эта такая сидит, тетрадки проверяет. Ну, я тогда...

— Подробности излишни, — прервал его Петр Алексеевич. — Ей можно как-то помочь?

— Сейчас проверим, насколько глубоко она в образе, — пожал плечами Паша и подошел поближе.

— Жозефина Пална, я тетрадь дома забыл, — произнес он с интонациями второгодника-дегенерата.

Княжна зааплодировала. Бабст хмыкнул.

Реакции со стороны хозяйки не последовало, но Живой, ободренный

аплодисментами, развивал наступление. Откинув голову назад и вытянув вперед правую руку, он продекламировал:

— Еще ты дремлешь, друг прелестный? Пора, красавица, проснись!

Жозефина медленно подняла голову и сфокусировала взгляд. Щеки ее заалели, глаза заблестели, губы слегка приоткрылись, плечи расправились. Она вскочила на ноги и бросилась Паше на шею.

— Сашенька! Ты все-таки пришел! Я знала, знала! Я сердцем чувствовала, что это случится сегодня. Сколько лет я тебя ждала, милый!

Живой осторожно подхватил друга на руки, усадил его обратно за стол и плюхнулся рядом. Остальные на цыпочках прошли в комнату: изрядно промокшим под дождем потомкам Собакиных не терпелось переодеться из царского в сухое, а Бабст хотел поскорее заняться патиной.

— Значит, допилась, старая, — констатировал Живой, отодвигая в сторону пепельницу и тетради.

— Да разве я старая, Сашенька? — зарыдала Жозефина. — А что же ты не шел, когда я моложе была? Помнишь, как там у тебя: «Онегин, я тогда моложе, я лучше, кажется, была...»

— Это она всерьез? — встревожился Савицкий.

Как джентльмен, он пропустил Веру в гримуборную Жозефины, а сам стоял посреди комнаты в мокром костюме Петра и дергал себя за ус. Ус не отклеивался. Жозефина перевела на него счастливый безумный взгляд.

— Здравствуйте, Петр Алексеевич! — сказала она. — Я вас точно таким и представляла. Как Саша писал: «Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен. Он весь, как божия гроза...»

Савицкий покосился на себя в зеркало и поправил мокрую треуголку.

Жозефина вдруг уронила голову на стол, всхлипнула и затихла. Петр Алексеевич устало прислонился к стене.

— В общем так, ребята, — сказал он. — Надо бы ее отрезвить. А то все это плохо кончится. Костя, сможешь сделать раствор?

— Полчаса понадобится, — ответил Бабст. — А эксперимент-то с патиной будет?

— Вымотался я, если честно, — признался Савицкий. — Может, завтра с утра?

— Сегодня, сегодня! — выскочила из соседней комнаты княжна. Она уже была в каком-то розовом, кружевном, воздушном платье.

— Ты, Петя, если хочешь, можешь покемарить, а я раствор сделаю, у меня все с собой, — сказал Бабст. — Вера ассистировать будет. А Пушкин пусть с подругой своей разбирается.

— А ты кто такой? — подняла вдруг голову Жозефина. — Ты чего это

в моем доме царем и Сашей помыкаешь?

— Это мой секретарь, — успокоил ее Савицкий. — А мне можно... вздремнуть?

— Тебе бы, дорогая, тоже прилечь не мешало, — посоветовал Жозефине Паша.

— Ох, Сашка! — погрозила ему пальцем учительница. — Какой ты все-таки проказник! Вот так пришел — и сразу прилечь. Ну, уговорил, уговорил...

— Уговорил девушку — теперь женись! — буркнул Бабст. — Вот что: вы отойдите-ка все подальше от стола, я сейчас тут делом займусь. К тебе, Вера, это не относится.

Савицкий скинул царские ботфорты, повесил на стоявший у окна манекен кафтан и парик с треуголкой и, прихватив свой гражданский костюм, удалился в соседнюю комнату.

Неутомимый Бабст приступил к делу. Аккуратно сняв со стола все предметы, он перенес их на подоконник. Сложил скатерть и повесил ее на ближайший стул. Лишенный скатерти стол напоминал географическую карту мира. В тех местах, где Жозефина ставила горячий чайник или кастрюлю, темнели материки. Змеились вырезанные ножичком реки, а там, где лак еще не сошел, блестели моря и океаны. Критически оглядев этот причудливый рельеф, Бабст решительно водрузил менделеевский аппарат прямо на стол: все равно хозяйка не заметит следов химической активности.

Следом за аппаратом из рюкзака были извлечены две бутылки водки. За ними — походные пробирки, горелка, кастрюлька и маленькие химические весы. Мурка стояла рядом и с восторгом октябренька, допущенного на слет пионерской дружины, выполняла все распоряжения Кости.

Паша кое-как дотащил Жозефину до ближайшей кровати, тоже подошел к столу и стал с интересом наблюдать за приготовлениями.

— Так, Веруся, теперь ты отойди, я с патиной этой сам разберусь, — сказал Бабст, бережно извлекая из-за пазухи заветную склянку.

— Действительно, отойди от него, а то еще спалит, — подал голос Паша. — Ты, кстати, не помнишь, что Лизка сказала про клей? Чем его разводят? Никак эту хреновину со щек не отлепить. Она говорила как, а я в этот момент задумался. О судьбах русской поэзии.

Паша подергал себя за бакенбарды.

— Она сказала, — припомнила княжна, — что у Жозефин есть средства на все случаи, она вас с Пьером разграницит.

— Н-да, не вовремя я ее усыпил, — произнес Паша, поглядывая на мирно похрапывающего друга. — Ладно, разберемся. Главное, после дождя парик так четко на голове сидит — как родной.

Бабст, напевая себе под нос какую-то добродушную песню, тем временем дошел до кульминации процесса: он трижды поплевал через левое плечо и всыпал очищенную патину в водку. Патина растворилась со змеиным шипением.

— Ну, Дмитрий Иванович, ты меня прости, если что не так, — пробормотал химик себе под нос, заливая полученную смесь в воронку менделеевского аппарата.

— А теперь что? — потянул носом Живой.

— А теперь — ждать! — строго сказал Бабст.

— Это чего, просто, типа, сидеть и все? — пригорюнился Паша. — А волшебной палочкой помахать? А заклинания?

— Ты бы, Гарри Поттер, пока разделся. Костюм помнешь! — посоветовала ему княжна.

— Раздеться? Это я мигом. Ты, кстати, никогда не задумывалась, как у героев фильмов получается этот их идеальный перепихон между двумя напряженными сценами? Вот ты бы смогла сейчас, чисто теоретически, заняться со мной сексом?

Княжна пожала плечами.

— Но, Поль, ты мне совсем не нравишься, даже когда ты Пушкин.

— Это в тебе говорят предрассудки. И расизм, который ты скрываешь под маской борьбы за права угнетенных мною негров. А подумай, каково героине фильма — вернее, даже не героине, а актрисе, которая ее играет. Только что отсняли сцену с чудовищами — и тут режиссер орет: две минуты на перегримировку — и в койку! А режиссер еще такой противный, бородатый толстяк.

— Кхм! — не удержался Бабст.

— Здоровенный такой толстяк, — продолжал Паша, покосившись на него. — И вот ты, то есть Франка Потенте, которая тебя играет, улыбаешься мне, как родному, и скидываешь с себя все эти легкомысленные кружева.

— А Брэд Питт, который играет тебя, берет меня на руки и несет в ванну из лепестков роз! — включилась в игру Мурка.

— Брэд Питт — это хороший знак, — гордо подбоченился Паша. — Мне кажется, мы с тобой на верном пути.

Бабст начал свирепо сгребать со стола лишние приборы и запихивать их в рюкзак. Словно почувствовав разлитое по комнате напряжение, проснулась Жозефина.

— А где император? — спросила она, оглядывая комнату. — Ко мне еще никогда живой Петр Алексеевич не приходил. И мертвый тоже.

— Тьфу ты, черт! Опять за рыбу деньги, — выругался Живой. — Спит он. Тише говори, разбудишь.

— Да, да, я тихо. Цари тоже люди, я понимаю, — закивала Жозефина. — А я вот что, Сашенька, тебя давно спросить хотела. Вот ты рисунок нарисовал с Медным всадником. Скала такая, конь на скале, а Петра Алексеевича нет. А где он, куда ушел?

— Пописать ушел, — ответил Живой. — Там туалет рядом. Работы Карла Росси. Спи давай!

Княжна фыркнула. Бабст неодобрительно покачал головой.

— Да, да, я понимаю, цари тоже люди, — задумчиво сказала Жозефина. — А вот еще что объясни мне: памятник ему поставили из бронзы, а ты в своей поэме его называешь — медный. И у самого Петра Алексеевича, пишешь, «медная глава». Это почему?

— Медный лоб у него потому что.

— Вот оно что! А я-то думала, думала... А вот еще ты пишешь про него:

*Он дал бы грады родовые
И жизни лучшие часы,
Чтоб снова, как во дни былые,
Держать Мазепу за усы.*

А зачем ему, Сашенька, Мазепу за усы держать?

— Любовь у них была. Спи, тебе говорят!

— Ну, сплю, сплю. Только ты не уходи никуда. Мне еще много-много чего надо у тебя спросить.

И она закрыла глаза.

— Смотри-ка, как она тебя любит, — насмешливо заметила княжна.

— Но-но, не ревновать мне тут! — погрозил пальцем Паша. — Я — солнце русской поэзии. А солнце светит для всех.

— Я уступаю, ей нужнее, бедняжке, — снисходительно произнесла Вера.

— Стоп, а меня кто-нибудь спросил? — задергался Живой.

— Вы там чего хотите, конечно, делайте, хоть детей, — грубо вмешался Бабст. — Меня это никаким боком не касается. Только у меня уже все готово.

— Менделеевка с патиной?! — воскликнула Вера.

— Антифриз со спецэффектами? — подскочил Живой.

— Оно, — кивнул Бабст. — В смысле, она. В смысле, он. В общем, раствор.

— Так. Ты сейчас же дашь мне попробовать! — решительно шагнула к нему княжна. — Я — химик, и я готова приносить собой такую жертву!

— И мне дозу нацеди, да? — бросился за ней Паша. — Я об этом кандидатскую на форум торчков напишу!

— А ну тихо! — шикнул на них Бабст. — Я его приготовил, я его и выпью. Эксперименты будут проводиться только на мне. У меня организм луженый, закален многими годами опытов, а вы от этого дела можете лыжи склеить.

С этими словами он перекрестился и, закрыв глаза, выпил залпом всю мензурку.

Все замерли, уставившись на него. Последствия эксперимента были совершенно непредсказуемы, и Вера от волнения даже схватила Живого за руку.

Поначалу Бабст вел себя спокойно. Он погулял по комнате, потом остановился у манекена и потрогал пальцем золотое шитье на царском кафтане. Подошел к зеркалу. Приосанился, подкрутил усы, встал боком. Поморщился.

— Ну, что, автор-исполнитель, нравишься ты себе? — поинтересовался Живой. — Словечко-то хоть скажи. Как ощущения?

Бабст, казалось, не слышал вопроса. Он вглядывался в собственное отражение, теребя бороду — но не поглаживал ее, как обычно делают бородачи, а взъерошивал сильными движениями снизу вверх. Угол рта у него конвульсивно подергивался.

— Костя! — окликнула его княжна. — Если тебе очень плохо, то ты скажи, мы вызовем амбуланс.

Но даже ее голос не вывел Бабста из транса. Он снова подошел к манекену, снял с него петровский кафтан и напялил его на себя поверх футболки.

— Ты что, у памятника поработать решил? — удивился Живой.

Бабст не отвечал: он тщательно застегивал пуговицы. Потом принялся натягивать царские ботфорты. Они налезали с трудом.

— Толстоват ты для этой роли, — заметил Паша. — Может, тебе лучше лошадь сыграть? Или вот что! Верочка, давай мы в Катькином саду у твоего памятника встанем, а Костик кого-нибудь из твоих любовников изобразит. Там есть один такой упитанный, не помню, как его зовут...

— Заткнись! — цыкнула на него Мурка.

Бабст вернулся к зеркалу и оглядел себя еще раз. Костюм сидел на нем вкривь и вкось. Из-за бороды главный хранитель музея выглядел не Петром, а каким-то самозванцем из казаков — может быть, самим Пугачевым.

Костя протянул руку и взял с трюмо портновские ножницы.

— Эй! Эй! — успел вскрикнуть Живой.

Но было поздно. Бабст одним движением отхватил половину бороды, радостно улыбнулся своему новому отражению и тут же начал состригать оставшееся.

— Эй, эй, ты с ума-то не сходи! — прыгал вокруг Живой, не решаясь схватить его за руку. — Пошутил я насчет любовника! Верочка меня любит. Ну что ты делаешь-то, дурак? Ну и приход...

Бабст не обращал на него никакого внимания. Он достриг бороду до мелких клочков и полюбовался собой сначала анфас, а потом в профиль. Лицо у него оказалось круглое и немного кошачье. Усы он оставил, и они торчали теперь по-гусарски лихо.

Тут Живой решил: ухватил ненормального за руку и вырвал ножницы. Этот поступок оказался роковым: Бабст вышел из транса и вступил в контакт с внешним миром.

Он медленно, как памятник в страшном сне, повернулся и посмотрел вниз.

Перед ним стоял маленький кудрявый человечек с бакенбардами во все щеки, одетый в нелепый фрак.

— Ты зачем, обезьяна, бороду на щеках отпустил? — тихо спросил Бабст.

Паша разинул рот. Ножницы, жалобно звякнув, упали на пол.

Бабст шагнул вперед и ухватил Живого за бакенбарды.

— Указ мой не для тебя писан?! — громовым голосом гаркнул он.

— Да ты что, опух? — завизжал Живой, пытаясь вырваться.

— Ой, Паша, он же в Петра превратился! — догадалась наконец княжна. — В настоящего Петра! Беги! Спасайся!

И она картинно упала в обморок на свободную кровать. Вопрос, в чем состоит действие напитка, был все еще не до конца ясен, и Мурка решила пока не вмешиваться в события. Устроившись поудобнее на подушке, она чуть-чуть приоткрыла пушистые ресницы и стала наблюдать за экспериментом.

Бакенбарды оказались приклеены действительно крепко. Царь крутил их в разные стороны, причиняя супостату адские муки, но оторвать никак

не мог.

— Ты... мне... голову... отвинтишь... — завывал Паша. — Пусти, дурак... я же... Пушкин...

Услышав это, Бабст остановился и выпустил из рук романтическую растительность. Лицо его в одно мгновение налилось кровью.

— Ах, Пушкин?! — взревел он. — Медный лоб у меня? С Мазепой любовь? Ну, держись!

Он оглянулся, ища что-нибудь тяжелое. В углу комнаты стояла настоящая бейсбольная бита, которую Жозефина держала на случай, если понадобится принудить соседа к миру. Царь ринулся к дубине.

Живой, взвизгнув, как раненый заяц, перескочил через кресло и загородился столом. Бабст, почти профессионально держа битку двумя руками, стал медленно обходить препятствие. Паша заметался в поисках спасения — и вдруг лихо, ласточкой, сиганул прямо в кровать, где похрапывала Жозефина Павловна.

Пробуждение учительницы русского языка и литературы было мгновенным и крайне неприятным для всех сторон конфликта. Живой тут же схлопотал оглушительную оплеуху и, подвывая, покатился дальше по широкой кровати. Бабст, уже подступивший вплотную, получил еще более ощутимый удар: этой ночью Жозефина Павловна уснула в туфлях-лодочках.

Петр Великий выронил дубину и схватился за пах.

— Насильники! — орала еще не совсем проснувшаяся Жозефина.

Вдруг она осеклась, внимательно посмотрела на насильника и произнесла упавшим голосом:

— Опять Петр Алексеевич... Другой теперь. Толстый... Значит, я и вправду допилась...

Она взялась за голову, перевернулась на другой бок, но сразу же вскочила, наткнувшись на что-то твердое. Тут она увидела, что в угол кровати забился совершенно затравленный Пушкин. У него уже заплывал левый глаз.

Жозефина Павловна всплеснула руками.

— Сашенька! Так это он на тебя разгневался? За Мазепу, да? А ты у меня спрятаться хотел?

И героическая женщина с криком «Ах ты зверь!» кинулась на государя императора.

Мурка, поняв, что пора вмешаться, вскочила с кровати и поспешила на помощь. Она прыгнула Бабсту сзади на плечи, схватила за горло и попыталась придушить. Жозефина тем временем ухватила царя за грудки и

лягнула в коленную чашечку. Могучий Петр рычал от злости. Силы были неравными, но те несколько секунд, которые царь потратил на подавление бабьего бунта, спасли Живого: он кубарем выкатился из комнаты в коридор.

Паша пролетел мимо длинного ряда дверей и заперся в туалете. Бабст тем временем разбросал женщин, как медведь гончих, и ринулся следом. Попав в коммунальный коридор — темное, незнакомое и вонючее помещение, — император остановился в недоумении. Он не знал, куда идти дальше. В этот момент скрипнула соседняя дверь, и из нее высунулась рыжая голова.

— Ты кто? — спросил царь.

— Гы... — осклабился Вован. — Цирк-то не уехал.

— У-у, пес!

Если бы не годы тренировок, проведенных в спарринг-боях с Жозефиной, опасный сосед наверняка лишился бы жизни: дубинка Петра пробила косяк точно в том месте, где долю секунды назад была его голова. За дверью послышался визг, а потом сдавленное рычание.

Пнув дверь ногой, победитель шведов проследовал к сортиру, из-под двери которого пробивалась полоска света. Как и все туалеты в коммунальных квартирах, он запирался изнутри на хлипкий навесной крючок. Император вырвал его одной левой вместе с дверью, оглядел съездившегося на унитазе Живого, а потом схватил его за шиворот и потащил назад в комнату.

Бросив добычу на ковер, он указал на нее перстом и приказал:

— Шкуру спустить немедля! Двадцать плетей!

Кому был адресован приказ, осталось неясным, но Паша об этом даже не подумал.

— За что?! — вскрикнул он.

— Сорок плетей! — крикнул Петр.

Мурка поняла, что надо действовать быстро. Поскольку физической силы у царственного зомби хватило бы на десятерых, ей оставалось надеяться только на актерский талант. Она быстренько представила себя Екатериной Первой, которая, как известно, одна умела снимать приступы гнева своего супруга, — и, красиво воздев руки, кинулась в ноги царю:

— Помилуй, государь! Не ведал он, что творил!

Рядом тяжело плюхнулась на колени Жозефина:

— Петр Алексеевич! Простите Сашеньку! Меня, меня лучше отстегайте!

Живому оставалось только присоединиться. Он прикрыл

раздражавшие царя бакенбарды руками и осторожно стукнул челом в пол:

— Виновен! Виновен! В арапы хоть возьми, только не бей!

Всеобщая покорность, похоже, благотворно подействовала на государя. Он сел в кресло и положил дубинку на стол.

— А бумагу марать не будешь?

— Никогда! — поклялся Живой.

— А служить пойдешь?

— Во флот пойду! То есть на флот! Гардемарином!

Царский гнев понемногу утихал. От щек отлила кровь, исчезла жила поперек вспотевшего лба.

— Встаньте! — приказал он.

Все поднялись с колен. Княжна поддерживала ослабевшую Жозефину. Паша украдкой поглядывал на дверь, но дать стрекача не решался.

— Ладно! Вытри личико, гардемарин. Наука тебе будет. А теперь тащи сюда большой кубок. Миловать — так миловать!

Паша открыл шкаф и достал оттуда две бутылки водки и литровую пивную кружку. Царь собственноручно наполнил ее тяповкой и протянул Живому.

— Пей мое царское здравие!

Паша взял кубок, приложился, но тут же поперхнулся и закашлялся.

— Эх ты, моряк! — усмехнулся Петр. — Пейте по кругу тогда. Да сядьте вы!

Все сели в кружок и принялись за угощение. Мурка только сделала вид что пьет, а Жозефина припала к кружке, как к святому источнику. Тем не менее, когда кубок дошел до царя, в нем оставалось еще больше половины.

Петр встал.

— Восхвалим отца нашего Бахуса и подругу нашу приятную Венус! — сказал он, поднимая кружку.

При слове «Венус» он выразительно посмотрел на княжну. Вера потупилась.

Петр влил в себя все оставшееся и тяжело опустился на место. Сразу стало видно, что водка произвела на него нейтрализующий эффект. Если до этого момента говорил и действовал настоящий император, то теперь в кресле, прикрыв глаза, сидел прежний Костя, только нарядившийся в дурацкий костюм. Усы его, до сих пор державшиеся параллельно полу, постепенно клонились вниз, глаза слипались.

Живой решил, что надо подыграть психу, подольститься и выиграть время, пока не пройдет действие патины.

— А без тебя тут, царь-батюшка, большие безобразия творятся, —

начал он. — Очень хорошо, что ты явился, теперь порядок в стране наведешь.

— Что там у вас стряслось? — без особого интереса спросил Бабст.

— Ну, во-первых у нас сразу два царя, младший и старший. Это, по моему, полное безобразия. А ты как думаешь, мин херц?

— Терпите, — безразлично сказал Бабст. — Несть бо власть, аще не от Бога. Я тоже одно время младшим царем был. Ну, а еще что?

— Внешний враг, государь, торжествует, — входил в роль Живой. — Всё тут без тебя прокакали. Страну по кускам растащили. Эстляндию отдали, Лифляндию отдали, Финляндию... Да почти все, что ты завоевал! Даже Украину не удержали.

Паша загибал пальцы, считая территориальные потери.

— О-хо-хо... — вяло вздохнул царь. — Придется назад воевать. Ну, а шведы что?

— А вот шведы притихли. Здорово ты им тогда навалял!

Петр слабо улыбнулся.

— А то! Горяч больно Карлус-то был... — сказал он. — Ну, а Питербурх что? Стоит?

— Стоит, батюшка. Да только столица теперь снова в Москве.

Царь вздрогнул и открыл глаза. Лицо его снова стало наливаясь кровью.

— В Москве? Да я же велел там домов не строить!

— Нарушили указ твой бояре Батурины. Такого понастроили, что в страшном сне не приснится. Да и вообще...

— Ну! Правду говори!

— Парламент придушили, свободных выборов нет, свободы слова тоже нет... — снова стал загибать пальцы Паша.

— Это правильно. Еще что?

— Коррупция, ваше величество, — докладывал Живой. — Повсюду взятки, в приказах лихоимство, в подлом народе бедность великая, купечество кошмарят, а правды нет нигде. Армию развалили.

— В школе не платят ничего, — пожаловалась Жозефина.

— Отношения с Европой испорчены, — добавила княжна.

Бабст вскочил с места и схватился за дубину. Это снова был Петр.

— А ну, становись! — скомандовал он.

Вера и Жозефина удивленно переглянулись. Живой с готовностью вскочил и встал по стойке «смирно».

— Становись в строй, кому говорю! — гаркнул Петр на женщин. — На Москву пойдем! Будем Кремль брать. Я им покажу, толстозадым, кто в

стране хозяин! Софью выкурил оттуда и этих выкурю!

Всем пришлось подчиниться. Петр прошелся перед строем, заглядывая в лица солдат. Живой ел глазами начальство. Царь остался доволен.

— Вперед! — скомандовал он, распахнул дверь и решительно шагнул вперед.

Однако дверь оказалась не та. Вместо того чтобы вывести свое войско в коридор и дальше на улицу, император оказался на балконе пятого этажа, выходящем прямо на Неву.

Он покачнулся и, чтобы не упасть, схватился за перила.

Перед его глазами развернулась величественная панорама. Желтым пламенем пылало небо над створками Троицкого моста. В струнку, как рядовые на параде, тянулись вдоль гранитных набережных дворцы. Непрерывным караваном шли по реке груженые лесом баржи. Грозно высились бастионы крепости. И над всем этим, освещенный последним лучом заката, слал приветствие своему создателю золотой ангел Петропавловского собора.

— Что это? — ошарашенно спросил Петр.

— Это Петербург, Костя, — тихо ответила Мурка. — Пошли-ка спатеньки, хватит бузить.

Обмякший Бабст склонил голову и покорно последовал за ней.

Глава 13

Прощай, Рамакришна!

Все настоящие разведчики, начиная со Штирлица, обходятся без будильника. Если разведчик дал себе задание встать в семь утра — значит, встанет, даже если вчерашний день закончился глубоко за полночь.

Мурка-терминатор открыла глаза и оценила обстановку. Остальные еще спали: на соседней кровати, разметав по подушке дреды, беспечно дрых Живой. Говорят, что есть такие точки на теле человека, нажав на которые, можно сделать его глухим, слепым или даже подчинить себе его волю. Во всяком случае, в кино такое проделывают сплошь и рядом. Может быть, поэкспериментировать на Паше? Ни на что другое он все равно не годится.

Идея выглядела заманчиво, но разведчица отвергла ее, представив себя в двусмысленной ситуации над распростертым телом Живого. А если кто-нибудь это увидит? А если он проснется в самый неподходящий момент? Ладно, в другой раз.

Мурка бесшумно спустилась вниз и сунула ноги в хозяйские шлепанцы с розовыми помпонами: пол не внушал доверия. На нижнем этаже, обняв швейную машинку, храпел Бабст, так и не снявший царский костюм. На соседней кровати, положив под голову пачку тетрадей, спала Жозефина Павловна в образе школьной учительницы.

«Пахнет, как в вытрезвителе!» — отметила про себя Мурка, ни разу не бывавшая в вытрезвителе. Она ступила на скрипучий паркет, который под ее ногами не издал ни единого звука: еще вчера она несколько раз прошлась по комнате и запомнила, на какие половицы наступать не следует.

В комнате хозяйки, положив голову на подушку и укрывшись, как подобает, одеялом, спал Петр I, он же четырежды брат, он же — Петр Алексеевич Савицкий. Вот кто не утратил здравомыслия и степенного достоинства, несмотря на фальшивые петровские усы. Зато проспал все самое интересное. Трудно быть царем: она и сама вчера страшно устала.

На вешалке покачивался костюм императрицы: за ночь платье высохло и выглядело вполне опрятно. «А с петровским камзолом, наверное, напряги будут! — запоздало спохватилась Маша. — Что ж вы, ваше величество, одежду свою царскую от самозванца не уберегли?»

Она осторожно подошла к спящему Савицкому: какой все-таки красивый мужик! Наверное, потому, что настоящий князь. У разведчицы

закружилась голова. Может, предложить ему бросить здесь Живого и Бабста, пусть спиваются — начало прекрасной дружбе, кажется, положено — и уехать за эликсиром только вдвоем. А потом... потом можно придумать столько всего интересного!

Размечтавшись, Маша подошла поближе. Вероятно, почувствовав ее пристальный взгляд, Савицкий глубоко вздохнул, пошевелился и, немного поворочавшись, затих. Правая рука с обручальным кольцом на безымянном пальце выскользнула из-под одеяла.

«Соберись, тряпка! За дело!» — решительно приказала себе Мурка-терминатор. Она справится с заданием одна. Не нужен ей этот классово чуждый тип.

Для начала она вернулась в общую комнату и внимательно осмотрела стол. Ни менделеевского аппарата, ни колбы с патиной, ни хотя бы капли эликсира для образца. Видимо, Бабст, перед тем как превратиться в царя, тщательно припрятал все в рюкзак.

Сам рюкзак стоял неподалеку. Маша осторожно подошла к нему, потянула за ремень, но в этот момент хранитель музея прекратил храпеть, пробормотал сквозь сон: «Верочка!.. » — и перевернулся на другой бок.

«Ладно, пусть барахло пока у него хранится. Теперь он от меня никуда не денется!» — решила Мурка и, прихватив телефон и походную косметичку, пошла прихорашиваться и рапортовать начальству о результатах первого эксперимента.

Выйдя в коммунальный коридор, она досчитала до десяти и храбро прошла мимо комнаты Вована. Покосилась на вырванную с мясом дверь туалета и свернула в ванную комнату.

То было совершенно экзотическое, удивительное помещение! Величественный, похожий на Мойдодыра водогрей поприветствовал ее грозным рыком. Где-то этажом ниже застонали трубы. Маша присела на край ржавой ванны, окрасом напоминавшей шкуру пожилого леопарда, и огляделась по сторонам. По облупившимся стенам, некогда выкрашенным синей краской, были развешаны разнокалиберные тазы, похожие на набор бубнов и тамтамов ансамбля африканской песни и пляски. На внутренней стороне двери висел портрет Вячеслава Бутусова, которому обитатели квартиры в разное время и под разное настроение пририсовали усы, бороду, рога, прическу Анджелы Дэвис, сигарету и реплику: «Хочешь? Спроси меня как!»

Зеркало над раковиной было, как ни странно, целым, хотя отражающие способности утратило почти полностью. Покрывавшие его живописные разводы напоминали таинственные письма исчезнувшего народа. В углу

стояло цинковое ведро с надписью «4-я гор. психиатр. больница». Над ним на синем пластмассовом крючке висела мочалка.

Мурка решительно перевернула ведро, намылила мочалку кусочком хозяйственного мыла и, как могла, отдраила дно. Затем положила на эту импровизированную тумбочку косметичку, привела себя в порядок, для конспирации посильнее включила воду и только после этого набрала номер Усова.

Замначотдела внешней разведки ответил сразу.

— Докладывает агент Мурка-терминатор.

— Чего-то тебя плохо слышно, вода шумит. Ты на море, что ли?

— Ага, в Шарм-эль-Шейхе отдохнуть решила! Короче, слушай, у меня мало времени. Находимся по-прежнему в Петербурге. Вчера вечером достали ингредиент номер один и провели эксперимент.

— Ну! Что? Алкоголь?

— Что-то непонятное. Похоже на сильнодействующий психостимулятор с эффектом альтернативной реальности. В общем, у подопытного поехала крыша, он превратился в Петра Первого и чуть всех не поубивал.

— Может, он сам по себе того? Больше там никто с ума не сошел?

— Он ни с кем не поделился.

— Ай-ай-ай, какой жадина, нехороший. Ну что ж... Забирай у него бандуру и дуй назад, ребята разберутся. Или прислать подкрепление?

— Изъятие аппарата пока что считаю нецелесообразным. Оперативное внедрение в группу прошло успешно, легенда прикрытия разработана в деталях и сомнений не вызывает.

— Хорошо. А что дальше?

— Дальше будем посмотреть. Завтра едем за вторым ингредиентом. Псковская область. Деревня Зайцево. Могут быть проблемы со связью.

— Ладно. Если будет возможность — звони. Ильич о тебе все время спрашивает. Отбой.

Выйдя из ванной, Мурка увидела Живого, сражающегося с дверью туалета.

— Поль! Что ты делаешь?

— А ты не видишь? Создаю условия для цивилизованного мочеиспускания.

— О, это правильно! Когда достигнешь успеха, я тоже буду туда заходить, — промолвила французская княжна и, помахивая косметичкой, направилась обратно в комнату.

— А с кем это ты там по телефону болтала? — спросил, глядя ей

вслед, Паша.

— С маман. В Париже ужасная жара. Опасаются, как бы Эйфелева башня не расплавилась.

Живой достал смартфон, пощелкал по кнопкам, пожал плечами. Потом мотнул головой и снова принялся за дверь.

Вернувшись в комнату, Мурка обнаружила, что Бабст продолжает храпеть, поглаживая гладкий бок швейной машинки, а за столом, печально понурившись, сидит длинноволосый парень в очках и черной футболке с застиранной и оттого неразборчивой надписью. В этом скромном очкарике Маша с трудом узнала эксцентричную хозяйку жилища: она успела забыть о том, что Сеня на самом деле — мужчина.

На столе кучей валялись использованные салфетки для снятия макияжа. Перед Сеней стояла пустая рюмка.

— Где водка, красавица? — тщательно выговаривая каждое слово, спросил он.

— Водки нет, царь вчера все вылакал.

— Какой царь? Я царя не заказывал.

— Да вон на кровати у тебя лежит.

— И правда, царь, — сказал Сеня равнодушно. — А ты, девочка, чьих будешь?

— Собакиных я.

— Не помню таких. А мы в Москву вчера автостопом не с тобой ехать собирались?

— О, да ты не помнишь ничего! Могу рассказать.

— Не сейчас, чаровница. Я полечусь и сам все вспомню. Подай мне авоську, милая, она там, на полу. Бабушке не нагнуться что-то.

Мурка ловко подцепила авоську ногой, подбросила, поймала и небрежно передала Сене.

— Из цирка, что ли? — не то с осуждением, не то с восхищением спросил тот.

— Ага, Дю Солей. К вам по обмену опытом.

— Я бы с удовольствием обменялся с тобой опытом, крошка, — выговорил хозяин, — но сейчас я просто никакой.

Он медленно поднялся на ноги, опираясь обеими руками о столешницу, и сделал два неуверенных шага к выходу. Дверь перед ним распахнулась сама собой, и на пороге появился Живой — умытый, бодрый, но все еще в бакенбардах.

— О, эту рожу я знаю! — немного оживился Сеня. — Сними с лица, меня сейчас стошнит.

— А вчера тебе нравилось! — ухмыльнулся Паша. — Сашенька, говорил, выпьем, говорил, с горя, где же кружка. А теперь, значит, все? Прошла любовь и кружка не нужна?

— Это я вчера до училки допился, что ли? Тогда с лица можешь не снимать, мне это не поможет.

— Зато мне поможет. Я только что был в ванной, морду мочалкой скреб — не оттирается. А еще я вам дверь в сортире починил. Ну... почти починил.

— Насчет двери не понял, а мочалкой ты зря. Она нестерильна. Значит, у меня в третьем ящике снизу пузырек такой стоит, написано «Лорена» — вот он снимет все на раз. И там же, слева, будет тюбик с кремом, зеленая такая ядовитая дура — обязательно намажь лицо. Будет щипать, но зато угрями не покроешься. А синяк просто припудри. Все, правда, сейчас блевать буду, если не остограммлюсь. Гуд-бай, компарес! Скоро не ждите. Ой, горячка моя белая! Еще один царь!

Последние слова относились к Петру Алексеевичу Савицкому, руководитель экспедиции, проспавший двенадцать часов подряд, только теперь вышел в общую комнату и ощупывал царские усы.

— И много их тут у меня?.. — озадаченно спросила бывшая учительница. — Нет, не отвечайте, не надо. Выпить мне срочно, а потом еще накатить — и всех царей как рукой снимет.

Сеня выбежал из комнаты, даже забыв авоську.

— Доброе утро! — приветствовал всех Савицкий. — Похоже, Жозефина Павловна все-таки пришла в себя. Слава богу, а то я вчера за нее испугался. А Костя еще спит? Давайте будить, пора эксперимент начинать.

— Проспали вы эксперимент, ваше величество, — не без злорадства объявил Паша. — Академик все сам изготовил и сам все вылакал. Даже граммульки антифриза отрезвиться не оставил, прорва.

Он сидел у трюмо и потихоньку, миллиметр за миллиметром, отдирав бакенбарды при помощи «Лорены».

— А почему без меня? — обиделся Петр Алексеевич.

— Пьер, он нас даже не спрашивал, — утешила его княжна. — Сказал, что у него луженый организм, а мы будем клеивать лыжи. Ты не знаешь, что он имел в виду? Это те самые лыжи, которые стоят у печки?

— Это русская идиома, Верочка, — терпеливо объяснил Савицкий. — Он имел в виду, что напиток слишком опасен для неподготовленного желудка. Ну, так чем все закончилось? Эффект-то был?

Княжна принялась пересказывать шэр-фрэру события вчерашней ночи, а Паша украл ее рассказ такими яркими подробностями и

выразительными русскими идиомами, что под конец Петр Алексеевич просто схватился руками за голову.

— Кажется, я понимаю, почему Менделеев отказался участвовать в эксперименте прадеда. Если такое средство дать русскому народу — тут камня на камне не останется, — задумчиво сказал он. — Кстати, я сегодня, похоже, вещий сон видел. Мне снилось, что я сижу за длинным столом в шубе и высокой меховой шапке. Кругом такие же оперные бояре, и только во главе стола — несколько иноземцев вот в таких кафтанах.

Он показал на Бабста, мирно спавшего в царской верхней одежде.

— И вдруг один из этих иноземцев поднимается во весь рост — и тут я вижу, что это сам царь Петр. Он протягивает мне огромный кубок и говорит: «Пей мое царское здравие!» И я начинаю пить...

— Но ведь так все и было! — воскликнула пораженная Вера. — Царь заставлял нас пить эту ужасную тяповку!

— Вон твой кубок стоит, — показал Паша на забытую на столе пивную кружку. — Жозефинка грамм двести отпила, больше не осилила. А остальное он сам дожрал.

— Вот и я тоже сумел выпить меньше трети. И тогда Петр Первый погрозил мне кулаком и говорит: «Ты, блядин сын...» Ой, извини, Вера! Это тоже такая идиома. В общем, он мне сказал, что я должен непременно отыскать его зеленый штоф, а то он на меня разгневается.

— Я знаю, что это! — воскликнула княжна. — Это знак свыше! Ты был во сне нашим предком Гаврилой Собакиным, и царь приказал тебе продолжать поиски, презирая все опасности. Мы должны завтра же ехать дальше!

— Да, мне тоже теперь кажется, что тут есть высшее предопределение, — задумчиво сказал Петр Алексеевич. — И ехать, конечно, надо...

— Погодите-ка! — прервал их Паша. — А меня вы спросили? Между прочим, пока некоторые смотрели вещие сны, меня тут чуть не убили. А если он в следующий раз вообще в лешего превратится?

— Если не хочешь ехать — то не езжай! — отрезала княжна. — От тебя все равно никакой пользы.

— Это от меня никакой пользы?! — взвился Паша. — А кто придумал, как аппарат добыть? А кто вчера больше всех денег заработал? А кто колбу под змеиным хвостом держал? А кто...

— Тебе только колбу под хвостом держать. А все остальное — заслуга Кости.

— А ты сама-то что сделала?

— Ребята, давайте жить дружно! — вмешался Савицкий. — Ну зачем

нам ссориться? Все вы участвовали в деле, все были полезны. И мы добились успеха! Я думаю, что нами руководила какая-то высшая воля. Между прочим, это легко проверить. Есть такая удивительная книга, я вам сейчас покажу...

Он порылся в своей сумке и извлек Рамакришну.

— Вот. Это настоящий мудрец. Он всегда подсказывает правильный путь, проверено многократно. Верочка, будь добра, назови страницу и строку.

— Неужели ты можешь в это верить? — пожала плечами княжна. — Ну, пожалуйста: страница десять, строка три.

— **«Существование воли и промысла Божьих вовсе не дает тебе права сидеть сложа руки и полагаться во всем на Его провидение, — с благоговением в голосе начал Савицкий. — Так встань же и действуй...**

— ...и ты почувствуешь на себе сияющий взор Шивы», — вдруг закончил за него Паша.

Петр Алексеевич был приятно удивлен.

— Откуда ты знаешь? Ты это читал?

— Я не читал. Я писал.

— Что?! Что ты писал?

— Рамакришну твою.

— Что значит — писал Рамакришну? Это ведь реальный человек. Вот фотография на обложке.

— На обложке фотошоп. К носу директора издательства приделаны уши его духовного гуру, все остальное — от финансового директора. А книгу писал я. На, держи растворитель, снимай усы, а я тебе расскажу поучительную историю.

Ошеломленный Петр Алексеевич принял из рук Паши «Лорену» и стал слушать:

— В общем, ровно полгода назад пили мы пиво с чуваками из эзотерического издательства «А шо?». И тут один такой говорит: а шо, слабо придумать бизнес-религию? Ну, чтобы все было как у нормальных просветленных, но только про бабки. То есть, с одной стороны, брахман реален, мир нереален, все дела, а с другой — если присмотреться, то брахман и бабки — одно и то же. Чтобы в одном флаконе и свами, и мешок с деньгами, а главное — практические рекомендации по прикладной бизнес-магии. Я говорю: да не фиг делать! И в тот же вечер догнал еще немного коньячком и придумал этого Рамакришну. Набросал вводную главу, повесил в ЖЖ, словил пачку каментов — ну и забыл про это дело. А через пару дней приходит письмо. Издательский дом «А шо?»

интересуется: не сможешь ли ты, Паша, за два месяца накатать нам четыре листа Рамакришны? Пять тыщ за лист, между прочим Для «А шо?» — неслыханная щедрость. Легко! — отвечаю. Подписал договор, взял аванс, создал текст, получил гонорар — и поехал на эти бабки на Гоа, жизни радоваться. Через три месяца приезжаю, смотрю — стоит во всех ларьках мой Рамакришна. И хватают его, как бигмаки в отсталой африканской стране. Ну, я ручки потираю, звоню в «А шо?». Не желаете ли, спрашиваю, вторую книгу серии: клиент-ориентированный четырехмерный брендинг с выходом в бизнес-нирвану? Нет, отвечают, не желаем, вторая книга уже в типографии. Как так? А так, говорят, слишком долго ты, Паша, жизни радовался, поезд ушел. Ах вы, суки, я говорю, да ведь бренд-то я придумал! А они мне: загляни-ка в договор, а потом возьми лупу и прочитай, что на третьей странице мелким шрифтом напечатано...

— Ну и что там напечатано? — спросил Савицкий.

— А! — махнул рукой Паша. — В общем, лепят теперь моего Рамакришну трое добрых молодцев. Один у них раньше за тунгусскую целительницу вещал, второй за кошерный секс отвечал, а третий за брутального кулинара. Еще для консультаций какого-то ламу наняли в дацане. Вот и получается тунгусский хрен на блюде под соусом карри. По книге в месяц пекут, халтурщики, такую идею засрали. Но эта книжечка, первая, что у тебя, она ничего себе получилась. А ты как считаешь? Ау, Алексеич, ты с нами?

Савицкий не ответил. Он уже давно сидел, склонив голову, и бессмысленно смотрел на отклеившиеся наконец петровские усы. Ему было стыдно.

— Расстроился, что ли? — пожалел его Паша. — Ну, значит, наука тебе на будущее. Умный к гуру не пойдет, умный гуру обойдет. И договор внимательно читать будет, особенно тот, что с эзотерами.

— Послушайте, — вмешалась тут княжна Собакина. — Вы все время говорите о какой-то ерунде! Ну какие сейчас могут быть рамы и кришны? Мы должны обсуждать план нашей экспедиции! Я сгораю от нетерпения! Великое чудо почти у нас в руках, а мы теряем время.

— А ведь правда, — поднял голову Савицкий.

Он встал и вышел на балкон.

Утро выдалось чистое и прозрачное. Вся Нева была залита солнцем, дул легкий ветерок. Возле моста стоял самый настоящий трехмачтовый фрегат, почему-то со шведским флагом.

«Надо довести дело до конца, — подумал Петр Алексеевич. — Обязательно довести до конца. Все, больше никаких сомнений, колебаний и

учителей. Да, Рамакришны не было. Но зато штоф, рецепт и сегодняшний сон совершенно реальны. Так что же я тут стою? За дело!»

Он вернулся в комнату и объявил:

— Я принял решение. Завтра мы отправляемся за следующим ингредиентом. Паша, ты едешь с нами?

Живой в последний раз провел пуховкой под левым глазом, припудривая синяк.

— Ну а куда я денусь? — ответил он, доставая смартфон. — Диктуй направление!

— Деревня Зайцево. До Пскова поездом, оттуда на электричке до платформы «308-й километр», а там кто-нибудь подвезет.

— Щас поглядим, — откликнулся Паша.

Он быстро отыскал расписание.

— Так. Едем не завтра, а сегодня. Все поезда приходят в Псков около двенадцати ночи, а рано утром есть местная электричка. Как раз по воскресеньям ходит. Значит, завтра можно быть на месте.

— Ура! — крикнула княжна.

— Что за «ура»? — послышался вдруг голос, от которого Вера вздрогнула, а Паша чуть не свалился со стула.

Бабст сидел на кровати, предназначенной для Коко Шанель, и стряхивал с себя ленточки и кружева.

— Вы что такие радостные? Без меня раствор выпили?

— Ты что, ничего не помнишь?!

— Да нет, помню, что готовил его. Но потом — как отрезало...

Следующие десять минут вещал Паша. Он подробно, по пунктам, расписал академику все вчерашние подвиги Петра Великого и при этом не забыл упомянуть, что тот дрался с княжной. Последнее известие чуть не убило Бабста.

— Верочка, прости! — рухнул он на колени. — Бес попутал! Больше никогда ни капли! Все, прекращаю опыты! До чего допился, а?

Такая реакция подопытного никак не входила в Муркины планы. Если Кот Базилио сорвется с крючка, миссия будет провалена.

Первым делом княжна ехидно напомнила Паше, как он прятался за женскими юбками, понуждая утомленную алкоголем учительницу и измученную акклиматизацией француженку защищать его от справедливого царского гнева. Затем повернулась к Бабсту, объявила, что не держит на него зла, прижала руки к груди и торжественно призвала не бросать научную работу. После того как прощенный химик поднялся с колен, она подошла к нему, нежно обняла за плечи и поцеловала в правый

ус. Затем, будто смутившись от столь смелого поступка, опустила глаза и отошла в сторону.

Все это подействовало на Костю едва ли не сильнее, чем вчерашний раствор. Он позвонил директору музея и быстро договорился о двухнедельном отпуске за свой счет.

Участники экспедиции стали собираться в путь, предвкушая новые приключения.

— Много вещей не берем! — командовал Савицкий. — Только легкие сумки. Если что понадобится, купим на месте.

— Ну нет, я без рюкзака не могу, — сказал Костя. — И за гитарой зайти придется, как же без нее?

— Паша, мы успеем на поезд? — спросила Вера.

— Успеем, успеем, и за гитарой зайти успеем, и отрезвиться, и позавтракать по-людски. Только пошли отсюда скорей! А то Жозефина сейчас явится, концерт начнется.

— погоди, — остановил его Савицкий, критически оглядывая мятый камзол, висящий на спинке стула. — А эта... Лизка твоя, подруга, костюмы в таком виде примет? И потом, мы, кажется, должны отдать ей часть заработанных денег.

— Мое платье в идеальном порядке, — пропела княжна. — Высохло и стало еще царственнее.

— А вот Пушкин вчера пострадал, — признался Живой. — От Петра. Да и Петр — тоже.

— Ребята, давайте оставим хозяйке все заработанные деньги? — предложил щедрый Бабст. — И за моральный ущерб. Ну, что я тут вытворял у нее...

— Да вы чего? — возмутился Живой. — Зря, что ли, надрывались? Зря жарились? Не переживайте вы за костюмы, Жозефинка сейчас накатит грамм триста и живо все приведет в порядок. Знаете, какая она рукодельница? А Лизка нам еще благодарна будет: вон как мы гатчинского самозванца шуганули.

— Это не обсуждается, — спокойно сказал руководитель экспедиции. — Все, что мы заработали у памятника, придется отдать. И тогда перед нами встает вопрос финансирования. Путешествие может быть долгим, а нас аж четверо — будут большие расходы. Что делать?

Живой нахмурился, дернул себя за дреды. А потом запустил руку в один из своих бесчисленных карманов и эффектным жестом выложил на стол пачку зеленых купюр.

— Считать не надо. Тысяча долларов, как в аптеке. Теперь уже мы

можем идти?

— Откуда у тебя? — строго спросил Савицкий.

— Благодарность шведского народа русскому поэту Пушкину.

— Ну ты даешь, студент! — почесал в затылке Бабст. — Ладно, пошли. Я готов. Минутку только подождите.

Он достал из рюкзака какую-то склянку и отлил в стоявший на столе петровский кубок зеленоватой жидкости.

— Что это? — спросил Петр Алексеевич.

— Раствор с патиной, — ответил Костя. — Я подумал: пусть эта девочка вчерашняя с соседом по душам поговорит, когда мы уедем. А мы себе еще сделаем, запас есть.

Участники экспедиции вышли на улицу.

Когда они проходили по двору, Савицкий немного отстал. Оглянувшись по сторонам, достал из сумки книгу и швырнул ее в помойку.

— Прощай, Рамакришна! — тихо сказал он.

Часть третья

Бонзайцево

Глава 14

Триста восьмой километр

На полустанке «Платформа 308 километр» электричка задержалась не дольше, чем на полминуты. Название вводило пассажиров в заблуждение: никакой платформы здесь не было, оставалось только прыгать с площадки. Петр Алексеевич быстро побросал на землю сумки, первым выпрыгнул из вагона и подал руку княжне. Следом легко соскочил Паша. Костя оказался последним: он еле успел скинуть вниз, едва не покалечив Живого, свой увесистый рюкзак, а затем нежно прижал к груди гитару и спрыгнул сам. Двери захлопнулись, и два зеленых вагончика пригородного поезда унеслись дальше — в сторону станции «Горбушки».

Прибывшие огляделись.

В утреннем тумане были видны только два здания: вблизи — покосившаяся изба в три окна с надписью «308 км», а в отдалении — водонапорная башня. Единственная колея железной дороги густо заросла травой. Было совсем тихо.

— Тут кто-нибудь живет вообще? — шепотом спросил Паша.

— Собак что-то не слышно... — задумчиво сказал Бабст. — На зону похоже.

— Какую зону? — испугалась княжна.

— Из «Сталкера». Фильм такой, по Стругацким.

Вера пожалала плечами: фильмов советского времени ей, по легенде, посмотреть не довелось.

— Зона, Верочка, — объяснил Савицкий, — это такое место, где исполняются желания. У тебя есть желание?

— У меня есть, — влез Живой. — Я жрать хочу.

— Я тоже, — потупив глазки, призналась Вера.

— Ну и отлично. Сейчас купим продукты, а потом возьмем машину — и в Зайцево. Вперед, за счастьем!

Однако зона, похоже, не спешила осчастливить пришельцев: на избе висел ржавый замок. Участники экспедиции обогнули станцию и вышли на привокзальную площадь — большой пустырь, посреди которого торчал постамент с сохранившимися на нем крупными гипсовыми ботинками. По краям пустыря смутно чернели избы.

Под ботинками, спрятав лицо в воротник пальто, сидело существо неопределенного пола и возраста в остроконечной шерстяной шапочке —

скорее всего, древняя старуха. На газете перед ней была разложена вяленая рыба.

— О! Лещи! — обрадовался Бабст. — А ты говоришь, не живет никто. Да тут целый рынок. Мамаша, почему рыбка?

Старуха откинула воротник и подняла голову.

Судя по небритости, это была вовсе не старуха, а мужичок неизвестных лет, с очень морщинистым, как будто пожеванным лицом.

— Писят грамм, — с трудом разлепляя губы, ответил он.

— Каких еще грамм? Я тебя спрашиваю — рыба почему?

— Писят грамм хвост, — разъяснил торговец.

— Он бартер тебе предлагает, — догадался Савицкий. — За каждый рыбий хвост — пятьдесят граммов водки. Дешево, между прочим. Рыба крупная.

— Или по десятке гоните, — добавил мужик.

— А пива у вас тут можно купить?

— Пиво в Пенке.

— Как в пенке? — удивилась княжна. — Это же... э-э... остаток дерева.

— Пенек — это поселок в двадцати километрах отсюда, — объяснил Костя. — Там у них леспромхоз. Я по карте смотрел.

— Леспромхоз накрывшись, — сказал мужик. — В прошлом году накрылся. А магазин там людской. Вчера бакарди завезли.

Он вдруг вытащил из кармана пальто правую руку, сложил пальцы щепотью и поцеловал их, причмокнув. Жест был почти итальянский.

Приезжие переглянулись.

— Ладно, тут все равно ничего не купишь, на месте затаримся, — решил Савицкий. — Надо машину искать.

— А где искать? — спросил Паша. — Тут тебе что, Шереметьево? Таксисты сейчас набегут?

— Папаша, есть у вас кто с машиной? — громко обратился Бабст к любителю бакарди. — Пассажиров возит кто-нибудь, спрашиваю?

— Я вожу, — распрямился вдруг предприниматель. — Вам куда?

— В Зайцево.

Услышав это название, мужик сморщился и буркнул:

— Не, непопутно.

Он поднял воротник и снова спрятался от мира.

— Почему непопутно? — спросил Бабст. — За деньги же, не так.

Ответ, донесшийся из глубин пальто, был долгим и состоял в основном из слов, которых княжне Собакиной знать не полагалось. Впрочем,

остальные тоже поняли немного: яснее других были различимы слова «болотина», «глуша» и «тачку чинить».

— Короче, слушай наше предложение, — прервал оратора Савицкий. — Мы берем у тебя всех лещей по десятке за хвост и платим еще двести рублей за поездку. А не хочешь — сиди тут дальше. Электричка только завтра придет, сам знаешь.

Долго уговаривать торговца не пришлось. Он взял деньги за рыбу и, велев туристам ждать, скрылся в тумане.

Костя достал из рюкзака моток проволоки и принялся нанизывать на нее лещей.

— Что это ты делаешь? — поинтересовался Живой.

— А ты не видишь? Ожерелье.

— А, понятно. Алмазные подвески. Кстати, Пьер, я тут подумал, что мы могли бы отлично сыграть трех мушкетеров. А что? Ты, конечно, вылитый Атос, благородный граф де Ла Фер. Костя, он у нас типа ученый, но при этом мужчина крупный и надежный, как Портос. И усы у него теперь подходящие. Ну а я, к сожалению, гожусь только на роль хитрожопого Арамиса. По крайней мере с виду. Но в душе я д'Артаньян!

— А я? — спросила Вера.

— Гм. Вам, леди, остается только одна роль...

— Все, хватит болтать, — сказал Савицкий. — Берите сумки, машина идет.

В тумане обозначился свет фар, и спустя минуту рядом с мушкетерами со скрежетом затормозила белая «копейка». За рулем сидел любитель бакарди.

Бабст посмотрел на лобовое стекло:

— А техталон где?

Мужик ответил в рифму.

— Пьер, что он говорит? — спросила княжна.

— Он говорит, что здесь нет дорожной жандармерии, — объяснил французенке Савицкий.

— О, это хорошо. Она у вас такая... нелюбезная.

Сразу после выезда из деревни машину начало качать, как небольшой катер в бурю. Паша при каждом толчке с удовольствием валился на княжну и тут же принимался многословно извиняться, целуя ручку. Сидевший впереди Бабст крутил головой и метал на Арамиса убийственные взгляды.

Туман понемногу рассеивался, и перед глазами городских жителей разворачивались волшебные псковские дали.

Мужик упорно молчал.

— Тебя как зовут-то? — спросил у него Бабст.

— Костянтин Иваныч.

— Тезки, значит. Ну что, Иваныч, как тут у вас рыбалка? Лещи-то у тебя вон какие. Элитные!

Мужик посмотрел на тезку, как на дурака.

— Какие лещи? Я тебе плотву продал.

— Ты чего, Костян? — изумился Бабст. — Да я с трех лет на рыбалке! Что я, леща от плотвы не отличу?

— Так то одна рыба. Сперва плёска, инше подлещик. Потом, как подрастет, плотва. Потом выросток. А вот когда до пяти килов дождет, тогда он уже и лещ.

— Наука, однако, — с уважением покачал головой Живой.

— Ты, Костя, со специалистом не спорь, — вмешался Петр Алексеевич. — Ты — рыболов-любитель, а он этим живет, может быть.

— Ладно, не буду. Плотва у них...

Бабст обиженно замолчал.

Пейзаж постепенно менялся. Теперь это была заболоченная местность, покрытая редким лесом. Дорога становилась чем дальше, тем грязнее. «Копейка» пробиралась по колее, оставшейся от грузовиков, то и дело ныряя в большие лужи.

— До Зайцева-то скоро доедем? — не выдержал Бабст.

— Скоро-тихо, — непонятно ответил водитель и прибавил: — Коли в мочежине не увязнем.

— Понятно. А ты там раньше бывал?

— Где? В мочежине?

— В Зайцеве.

— Нам там бывать незачем.

— Снова понятно. А они к вам ездят?

— Кто?

— Зайцевские.

— Не, не ездют. На нас они нелюдятся, а по соседству у них и деревень, считай, не осталось. Гривы накрывшись, Заворуйка тоже. В Лысых Горбах три старухи живут. А эти, зайцевы, ничего, существуют.

— А чем промышляют?

— Птицеферма там. Еще фикусы растут.

— Какие фикусы?

— Обнаковенные, в горшках. Промысел у них такой народный. Раньше гоноболились, грамоты в районе получали, а теперь никому ихние фикусы на фиг не нужные стали.

Константин Иваныч сплюнул за окошко, помолчал, а потом продолжил:

— А вообще лешачий там народ. По цельным дням богу молятся, а какому богу — неизвестно. Может, тот бог с рогами. Вот смотри. Было там два колодца. С одного говном воняло, с другого нет. Так они что сделали? Который без говна, тот заколотили. А с вонючего воду пьют. Полезная, говорят.купаются в ней, рожи моют. Теперь дальше смотри. Ты вот про рыбу спрашивал. А они, зайцы эти, они малёвки наловят, ножом порубают и сырую сожрут. Прямо с кишочником. А то вообще ссаки подогреют — и вперед. И ходят косые с этих ссак.

— Костя, что он такое говорит? — спросил Савицкий. — Может такое быть?

— В колодце, вероятно, сероводород, это случается, — ответил Бабст. — А с мочой непонятно. Традиции уринотерапии в русской культуре не было, это все западные влияния.

— Вливания не вливания, а только нелюдской там народ, упырики, глуша мелкая, — подвел итог Константин Иваныч.

Минут через десять на горизонте показался пригорок почти правильной конической формы. Верхушка его была совершенно лысая и плоская, как будто срезанная ножом.

— Древний курган? Городище? — спросил Бабст со знанием дела.

— Гром, — ответил водитель.

— Ага, понятно, — на самом деле Костя уже и не пытался понять загадочного аборигена. — А почему верхушка такая?

— Зайцы срезали. Всей деревней лет пятнадцать ковырялись. Там сразу за громом и будет ихняя деревня.

— А зачем срезали?

— Кто ж их знает? Должно, ихний бог так захотел.

Впереди показался мост через извилистую речку с низкими, поросшими ельником берегами.

— Как речка-то называется?

— По-нашему — речка Свинка. А по-ихнему такая неразберюха, что язык сломаешь.

Перед самым мостом водитель вдруг резко затормозил.

— Дальше не поеду! — объявил он.

— Это еще почему? — возмутился Савицкий. — Договаривались же до Зайцева.

— Нет туда проезда. Только на козле милицейском и за-бесплатно. Ты на дорогу гляди.

Дорога впереди состояла в основном из грязи и кочек, но все-таки казалась ничем не хуже, чем та, по которой они добирались сюда последние два часа. Было ясно, что Константин Иванович просто боится заезжать в нелюдскую деревню.

— Ладно, выходим! — скомандовал Савицкий.

Разобрав вещи, они двинулись в сторону моста. Бабст задержался, чтобы заплатить водителю.

— Держи двести.

Мужик протянул было руку, но Костя вдруг отдернул деньги и спросил:

— А скажи, Иванович, ты про березу зайцевскую ничего не слышал?

— Каку березу?

— Старую березу. Очень старую. Барин посадил, помещик, сто лет назад.

— Берез тут столько, что всей Москве на розги хватит. А помещиков еще товарищ Сталин ликвидировал как класс.

Бабст посмотрел на него внимательно: похоже, мужик действительно ничего не знал.

— Ну ладно, держи деньги. Смотри, на бакарди все не трать. Тебе тормозные колодки давно пора менять.

— Купил бы «Ауди», да жопа, как у Маугли, — загадочно ответил псковитянин.

— Ну, прощай!

Бабст надел рюкзак, взял в руку гитару и уверенным шагом бывалого туриста стал догонять товарищей.

Константин Иванович посмотрел ему вслед, потом перевел взгляд на пригорок и смачно сплюнул:

— Тьфу! Мандаты без даты!

Утер рот рукавом и уселся за руль. «Копейка» пустилась в обратное плавание.

Глава 15

Нелюдская деревня

На мосту княжна Вера остановилась, чтобы полюбоваться панорамой речки Свинки. Кроме плавней, низкорослых елок и сарая на склоне горы у самой воды виднелось еще какое-то красно-белое пятно.

— Смотри, Пьер, там кто-то сидит!

— Да, точно.

— Девчонка какая-то, — присмотревшись, сказал Бабст.

— И, кажется, ничего себе, — добавил остроглазый Паша.

Они спустились с моста и пошли вдоль берега. На камне у самой воды сидела девушка в белой блузке и яркокрасной юбке. Она положила голову на колени и глядела на воду — прямо как Аленушка на известной картине. Однако от героини Васнецова жительница Зайцева отличалась румянцем во все щеки и очень крепким телосложением. Рядом с ней не было ни ведра, ни удочки, ни корзины: значит, девушка пришла сюда просто так, отдохнуть. Когда четверо приезжих подошли поближе, стало видно, что она чему-то улыбается. Улыбка у нее была добрая, наивная, даже какая-то блаженная.

Завидев незнакомых людей, Аленушка встала. Живой ахнул:

— Пейзанка-то кака цветуща! Значит, так: всем молчать, в контакт с народом вступаю я.

Он взбил дреды так, что голова его стала похожа на какое-то хищное растение, вроде венериной мухоловки, и пружинистым шагом направился к цели.

— Здравствуй, Аленушка! Здравствуй, милая! Далеко ли до Зайцева? — громким фольклорным голосом спросил он шагов за десять.

— Здравствуйте, — ответила девушка, рассматривая его не без удивления. — Да нет, недалеко. Вон там, за гремком.

— За каким еще гремком?

— Да вот за этим же, за тайровым. Здравствуйте! — улыбнулась она подошедшей троице.

Савицкий и Бабст поздоровались, не удержавшись от ответной улыбки. Княжна тоже улыбнулась, но промолчала.

— А вы к нам, значит? А сами откуда будете?

— Из Москвы, — ответил Петр Алексеевич.

— Ух ты! — глаза незнакомки округлились. — Из самой Москвы? Так

давайте я вас провожу. Вот тут, по тропинке, скоренько дойдем.

— Спасибо!

Они пошли по тропинке, огибавшей лысый пригорок.

— Вы к нам по делу по какому или просто так приехали? — спросила девушка.

— А вот я тебе расскажу, по какому мы делу, — затараторил Живой, подхватывая пейзажку под локоть и увлекая вперед. — Мы, Аленушка, ученые люди. Приехали язык ваш изучать. У вас тут язык старинный, заповедный, такого в Москве даже в Лосином Острове не сыщешь, где лоси ходят, вот нам и интересно. Тайровый гремок-то, говоришь? Дай-ка я запишу. Это что же значит?

— Ну, сверху на нем плоско то есть, на гремке... Ученые, говорите, — девушка с уважением посмотрела сначала на Пашин смартфон, потом на дреды и добавила: — Академики!

— Ишь ты, какое слово знаешь. А как зовут тебя, красотуля? Угадал я про Аленушку?

— Не, не угадал, — рассмеялась девушка, прикрыв рот ладошкой. — Дуня я.

— Авдотья, значит. Хорошее имя. А я, стало быть, Павел Живой, кандидат филологических наук. А чего ты, Дуня, в поле не работаешь?

— Так у нас же птицеферма. Все девки на ферме ломают. А сёдня праздник, выходной. Покормили с утра да пошли гулять.

— Вот оно как... Так ты при яйцах, значит?

— Не, я при цыплятах.

— Это хорошо, что при цыплятах. А что, Дуня, есть ли у тебя бойфренд?

— Это какое слово вы сказали?

— Жених, спрашиваю, есть?

Дуня снова захихикала, прикрыв рот ладошкой.

— Да нет, у нас на деревне моготных мужиков совсем не осталось. Вот братец мой неженатик, но он духовное лицо. А так все больше девки.

— Вау! Райские кущи! А кто же вас, милые, того-этого...

Не дав ему договорить, державшийся сзади Савицкий крепко взял Живого за локоть:

— Паша, можно тебя на минутку?

— Айн момент, Дунчик! Начальство вызывает.

Оттащив Живого в сторону, Петр Алексеевич сурово спросил:

— Ты чего делаешь?

— А чего я делаю?

— Будто не понимаешь. Нельзя так в деревне. Надо обходительность проявить. Спросить про здоровье, про укос, про надой. А ты сразу, как оккупант...

— Оккупанты как раз про надой и спрашивают — курка, яйца, молоко. А я — без всякой корысти. И вообще, Атос Алексеевич, в данном вопросе не вам меня учить. Тут я точно академик. Не мешайте работать.

Он вернулся к Дуне и продолжил беседу, однако про бойфренда уже не заговаривал. Разговор зашел об успехах фермы.

Приезжие обогнули тайровый гремок с плоской вершиной, еще раз подивившись египетской работе жителей Зайцева, и вышли на дорогу, ведущую в село. Справа, на склоне гремка, оказалось кладбище. Оно было вполне ухоженное, с оградками, столами и скамейками, но могилы выглядели необычно. Вместо крестов торчали поставленные на попа бревна на деревянных постаментах, причем некоторые из них сильно смахивали на бутылки.

— Что это у вас хоронят не по-русски? — удивился Бабст. — Язычники вы, что ли?

— Не, языков мы не знаем, русские мы.

— А почему тогда кладбище не возле церкви, а на горе? И бревна зачем?

— Так учитель хоронить велел, — очень серьезно ответила Дуня и низко поклонилась в сторону кладбища.

— А бутылки что значат?

— А это которые саками до смерти опившись.

Академики переглянулись в недоумении. Похоже, мрачный Константин Иваныч говорил правду: народ тут был не совсем человеческий. Дальше шли молча. Притихли все, даже Паша — особенно после того, как Бабст незаметно показал ему кулак. Живой пригладил дреды, перестал трещать и спрятал смартфон в карман штанов.

Дорожного знака с названием при входе в деревню не было: вместо него стояли большие деревянные ворота.

— А ворота-то зачем? — снова удивился Бабст. — Торчат в чистом поле. Ни створок, ни забора.

— Это тоже учитель поставил, — ответила Дуня. — А зачем — мы не спрашиваем. Значит, духам так проходить к нам удобнее.

Бабст и Савицкий снова переглянулись — на этот раз уже с тревогой.

Пропустив Дуню и Живого за ворота, Петр Алексеевич жестом подозвал остальных к себе:

— Послушайте, это какая-то секта. Тут может быть опасно. Предлагаю

вернуться, пока не поздно.

— Нет! Нет! Я хочу видеть экстремальных раскольников! — запротестовала княжна.

Бабст почесал в затылке, поправил ожерелье из лещей и сказал, кивнув в сторону Живого:

— Если этому язык укоротить, то думаю — ничего, обойдется. Дело-то надо сделать, Петюха.

— Ладно, рискнем, — решил Савицкий. — Но вопросов задавайте поменьше. Главное — это вежливость во всем. Если что не так — не подавайте виду. И все их обряды соблюдать неукоснительно!

— Ты это Пашке скажи.

Вдоль деревенской улицы стояли обычные избы-пятистенки с покосившимися заборами, но крыши у них были непривычные — очень острые и высокие. Однако больше всего приезжих удивило то, что улица была вымощена крупным булыжником.

— Ай, какие молодцы! — порадовался Савицкий. — Это кто же улицу замостил? Работа-то адская.

— Это всей деревней мостили, еще при учителе, — ответила Дуня. — Он такой обычай придумал: если кто уедет надолго, а потом захочет назад обернуться, то должен камень с собой привезть. Тогда многие возвращались, вот мостовую и сложили. А сейчас не ворочается никто. Уедут — и с концами.

— Очень правильный человек был ваш учитель, — сказал Петр Алексеевич.

— Вот в церкву придем — сами ему это скажете. Он рад будет.

Фонарей вдоль улицы не было совсем, но возле некоторых изб возвышались массивные деревянные столбы, покрытые затейливой резьбой из цветов и листьев. На верхушке каждого столба была приделана шестигранная крышка с сильно загнутыми вверх углами.

— Памятники учителю? — поинтересовался Паша.

Бабст еще раз показал ему кулак.

— Да это же косухи, — улыбнулась Дуня, — ну, фонари такие.

Возле одного дома развешивала белье старуха в платочке. Один конец веревки был прикреплен к специальному шесту во дворе, а другой — прямо к стоявшей на улице косухе.

— Беленько стирать вам, Авдотья Терхировна, — приветствовала ее Дуня. — Все трудитесь?

Старуха обернулась и подошла к забору. Лицо у нее было совсем монгольское.

— Спасибо, Дуняша, — ответила она, внимательно оглядывая незнакомцев. — Стиранула маленько, да. А это кто же с тобой?

— А это академики из самой Москвы. Языки наши собирать приехали, вы представляете?

— А, ну таки-то у нас уже бывали, с языками, — покивала головой бабка. — Народ тихий, ничего не сперши уехали. Это не то что которые с музея за иконами ездют, шарамыги. Ну, помогай вам духи!

Она поклонилась в пояс. Приезжие ответили почтительными поклонами и пошли дальше.

— Дунечка, а куда мы идем? — ласковым, но чуть дрожащим голосом спросил Живой.

— Сначала в храм зайдем, помолимся, а потом надо вас на постой определить.

— Храм — это хорошо, конечно, — сказал Петр Алексеевич. — Но вот только понимаете, Дуня, мы с утра ничего не ели. У вас магазин есть?

— Есть, а как же. Да вон он, видите?

Она показала на строение из толстого бруса. В отличие от других домов, к нему было приделано что-то вроде веранды. Возле единственного окна висела вывеска с тщательно прорисованными славянскими буквами:

МАГАЗИН ПРОДУКТЫ

Расписание работы торговой точки тоже было исполнено каллиграфически.

— Да вы не беспокойтесь, накормим мы вас, — сказала Дуня. — Вот помолимся — и к нам пойдем.

— Обязательно помолимся и обязательно пойдем, — кивнул Савицкий. — Но продукты вы уж нам разрешите самим купить.

— Пошли, пошли, пошли! — затараторил Паша. — Сначала пожрем — а потом сразу молиться.

— Да уткнись ты, поганец! — не выдержал Бабст, и тут же испуганно оглянулся на Дуню.

Но та только улыбнулась как ни в чем не бывало.

В магазине жужжали мухи и сильно пахло рыбой. Помещение было перегородено пополам прилавком, на котором стояли весы с гирьками и лежали счеты. Эта картина сразу вызвала у Савицкого приступ ностальгии по юности, пришедшейся на восьмидесятые годы.

Из-за весов выглядывала такая же крепкая, как Дуня, девушка с пергидрольной стрижкой. Одета она была в аккуратный синий халатик, а на груди у нее был приколот бейджик с надписью «Танюха».

— А почему не Татьяна? — вслух удивился Савицкий и тут же,

спохватившись, поздоровался: — Здравствуйте!

— Да, почему не Танечка? — решила показать знание русского языка княжна. — Это же очень грубо звучит — Танюха, Дуняха...

Продавщица неприязненно покосилась на нее и ответила одному Савицкому:

— Здравствуйте!

— У нас обычай такой, — объяснила иностранке Дуня. — Учитель Дуню любил, Танюху и Надюху. С тех пор у нас в деревне старшая дочь всегда Авдотья, средняя Татьяна, а младшая Надежда.

— А если четвертая родится?

— Опять Дуня будет.

— А мальчиков как называют? — спросил Савицкий, обращаясь к продавщице.

— Да как зря попало называют, — махнула рукой Танюха. — Вот они жопотуи такие и вырастают. Вы брать чего будете?

— Пива нет... — даже не спросил, а как-то печально констатировал Бабст, оглядывая полки.

— Алкоголя не держим, — гордо ответила работница прилавка. — Вы в Пенёк поезжайте.

Костя только вздохнул: до благословенного Пенька им теперь было точно не добраться. Правда, в рюкзаке у него лежали две бутылки водки, но они предназначались исключительно для научных целей.

— А хороший у вас выбор, — польстил продавщице Петр Алексеевич. — В общем, дайте нам хлеба две буханки и палку колбасы вот этой вареной. Так, теперь вот эту минералочку двухлитровую, я такую люблю...

Выбор на самом деле был небогатый: главные места на полках занимали крупы, чипсы, семечки и конфеты. Отдельно, в углу, были свалены мешки с рисом. Там же стояла большая деревянная бочка, от которой шел нехороший запах. Однако руководителю экспедиции хотелось загладить свою неловкость перед Танюхой, и он нахваливал все что можно. Лесть, похоже, действовала: взвешивая колбасу, продавщица поглядывала на вежливого и статного мужчину с явным интересом.

Вера Собакина постояла возле бочки, в которой оказалась полуживая рыба, и, демонстративно прикрыв нос платочком, отошла к окну. Француженка, компатриотка Брижит Бардо, по замыслу Маши, должна была таким образом выразить протест против жестокого обращения с животными. Однако судя по взглядам зайцевских пейзажников, они истолковали жест городской фифы совершенно превратно.

Савицкий называл по очереди продукты, Танюха заворачивала товар в

бумагу, а Дуня тем временем объясняла подруге:

— Это к нам академики приехали. Слова наши собирать будут. У нас тут, говорят, слова заповедные, в Москве таких даже у лосей нет...

Услышав это, Танюха вдруг остановилась.

— Слова собирать? Еще чего выдумали! Они, значит, уедут, а мы тут без слов останемся? Значит, последнее Москва отнимает? А с виду такой интеллигентный мужчина, — с укором посмотрела она на Савицкого. — Ну уж нет, фигушки. Так, живо расплачиваемся, магазин закрывается. Я к Герасиму пойду, пусть разберется с ними.

— Да не бойтесь вы, барышни, — поспешил на помощь Живой. — Никто ваших слов не заберет. Мы вас еще московским словам научим, вот уж чего не жалко...

Танюха, похоже, не поверила в столичную щедрость. Она собиралась что-то возразить, но тут вдруг раздалось громкое: «Ах!»

Все обернулись и увидели, что Вера отодвинула занавеску и рассматривает цветы на подоконнике.

Там стояли два больших горшка с какими-то раскидистыми растениями — может быть, фикусами. Однако, подойдя поближе, мужчины тоже не смогли сдержать возгласов удивления: в горшках росли крошечные, не больше полуметра в высоту, деревья.

— Смотрите, елочка! — восклицала Вера. — А это маленький дуб!

— Бонсаи... — пробормотал Паша. — Бонсаи в псковской деревне. Ну, полный хентай!

— Вот тебе и фикусы... — почесал в затылке Петр Алексеевич.

Все столпились возле чуда природы. Бабст приподнял горшок с дубом и стал пристально рассматривать ствол и листья.

— Скажите, Таня, они искусственные? — спросил Савицкий.

— А вот и нет, — не без гордости ответила продавщица. — Самые настоящие, своими ручками растим, обрезаем и поливаем.

Дуня только улыбалась блаженной улыбкой, глядя на пораженных москвичей.

— На продажу выращиваете? — поинтересовался Бабст, ставя горшок на место.

— Да нет, теперь только для храма. А вот раньше... Да Расскажи ты, Дунь!

— Ну, в общем, промысел у нас такой был при советской власти, — охотно стала объяснять Дуня. — Раньше, говорят, из самого Пскова приезжали посмотреть. В выставках участвовали. У Герасима Ильича в конторе грамотов почетных, вон как риса в тех мешках. У нас и деревню

так прозвали: Бонзайцево.

— А теперь никому-то наши бонзаюшки ненужные стали, — грустно закончила Танюха.

— Как это ненужные?! — воскликнула княжна. — Красота такая! Сколько они стоят? Я покупаю все бонсаи в этой деревне!

Последняя фраза, похоже, была совсем лишней. Дуня вдруг перестала улыбаться, а Танюха уперла руки в боки и с вызовом ответила:

— А они у нас непродажные!

Все замолчали.

— Неужели ни за какие деньги не продадите? — спросил наконец Петр Алексеевич. — Ну подумайте, Танечка: тут ведь красота такая, а ее никто не видит. Вот как и вас, например.

— Ну да, ну да! — на ходу подхватил Живой. — Вас бы, Танечка, если бы вы в Москву приехали, сразу бы оценили и в телевизор поместили. В программу «Модный приговор». А кто вас тут оценит?

— И для науки это очень важно, — добавил Бабст. — Такого промысла нигде в России нет. Вы у нас будете национальная гордость и достояние.

К мужским комплиментам Танюха явно не привыкла. Она покраснела и сказала:

— Да не знаю я, сколько они стоят. Вы Герасима спросите, председателя. Пускай он про цену решает.

— Сколько же лет вы этим занимаетесь? — спросил Бабст, ставя дуб на место.

— А вот как учитель к нам сошел, так и растим, — ответила Дуня. — Сто лет недавно праздновали.

Участники экспедиции переглянулись. Похоже, кое-что стало проясняться.

— Дунечка и Танечка... то есть Дуняха и Танюха, — поправился Савицкий. — А вы не можете нам поподробнее рассказать про этого замечательного человека, вашего учителя?

— Так вы в храм ходите, там все увидите, — ответила продавщица. — Дунь, да своди ты приезжих!

— А я давно говорил, что прежде помолиться надо, — заявил Живой. — А эти всё — жрать, жрать. Пойдем, Дуняша!

— Ну, пойдёмте. Продукты не забудьте только.

Глава 16

В церкви

Храм стоял на дальнем конце деревни. Шли туда минут десять и по пути встретили нескольких женщин в платочках. Дуня подробно объясняла каждой про академиков и про лосей в парке, а жительницы Бонзайцева кивали головами и призывали духов помочь приезжим в их важном деле. Академики кланялись и благодарили.

Церковка удивила еще издали. Старинной она, скорее всего, не была, но такой архитектуры никогда не видел даже много поездивший по России Костя. Больше всего храм напоминал три поставленные друг на друга картонные коробки мал мала меньше. Коробки были побелены известкой, и при этом у каждой из них имелась своя черепичная крыша с чуть приподнятыми углами. На самой верхушке сияла золотом маленькая луковка без всякого креста.

Чтобы попасть на территорию храма, нужно было пройти деревянные ворота. Они были точно такие же, как при входе в деревню, однако на этот раз их поддерживал крепкий частокол из высоких бревен. На воротах красовалась вывеска с надписью славянской вязью — «ХРАМ ЗЛАТОЙ» — и расписание работы.

— Смотрите, бог-то у них по графику принимает, — не удержался Паша. — Даже с перерывом на обед.

Бабст крепко обнял его за плечи, наклонился к самому уху и задушевно шепнул:

— Если ты, абитуриент, еще чего-нибудь вякнешь, то вылетишь за эти ворота по воздуху, как тогда в музее. В церкви молчать в тряпочку и делать вид, что молишься. Ты понял меня?

— Понял, понял, пусти.

Дойдя до ворот, Дуня остановилась, хлопнула в ладоши, а затем низко поклонилась, коснувшись рукой земли. Приезжие в точности скопировали ее жест и прошли за ограду.

Вокруг храма были в живописном беспорядке насажены елки и навалены большие валуны. Между ними вилась посыпанная щебнем дорожка.

— Сперва омовение, — сказала Дуня. — Обычай такой.

Все с пониманием кивали и направились к колодцу, вырытому слева от церкви. Над ним был построен тесовый шатер с такой же, как у храма,

загнутой крышей. Уже шагов за тридцать от колодца все участники экспедиции, не сговариваясь, вспомнили Константина Ивановича: в воздухе резко запахло сероводородом.

Дуня достала ведро воды, взяла деревянный ковшик и сказала:

— Руки подставляйте.

Первым, подавая всем пример, умылся Савицкий. Французская княжна и кандидат филологических наук чуть-чуть помочили в воде пальцы. Бабст отнесся к обычаю серьезно: он вымыл не только лицо, но даже уши. Глядя на это, Дуня заулыбалась:

— Правильно делаете. У нас как говорят? Души любят чисты уши. У кого уши чистые, с тем сам учитель заговорить может.

Она передала ковшик Петру Алексеевичу и приступила к омовению. Сначала тщательно вымыла правую руку, потом левую, потом прополоскала рот, потом стала тереть уши. Процесс длился долго. Савицкий поливал из ковшика, Живой переминался с ноги на ногу, а Вера сморкалась в платочек, делая вид, что у нее начался насморк. Русская разведчица на этот раз оказалась солидарна с французской княжной, и это ее обеспокоило: если враги догадаются пытаться ее запахом тухлых яиц, задание будет провалено. К счастью, пытаться ее пока никто не собирался.

Закончив водные процедуры, богомольцы подошли к высокому крыльцу храма. Изнутри доносилось негромкое пение на манер речитатива.

На крыльце их ждал новый сюрприз: с козырька свисала очень толстая веревка, сплетенная из соломы. Назначение ее было совершенно непонятно.

— Делайте, как я, — скомандовала Дуня.

Она снова хлопнула в ладоши и поклонилась в пояс.

— Здравствуй, Семеновна, божья рука., пропусти помолиться, — произнесла она и, лизнув палец, дотронулась до веревки.

Академики повторили за ней. Их голоса прозвучали очень убедительно. Семеновна благожелательно закачалась.

— Обувку у входа снимайте, — сказала Дуня. — И денежки приготовьте.

— А сколько надо платить? — спросила Вера, сбрасывая туфли.

— А сколько душа подскажет. Вон туда кидайте, — проводница показала на деревянный решетчатый ящик, стоявший рядом с Семеновной.

Дуня что-то прошептала — было слышно только «и нашим, и вашим» — дважды глубоко поклонилась и опустила в ящик несколько монет. Все последовали ее примеру. Живому душа подсказала бросить в ящик рубль мелочью, но зато Петр Алексеевич засунул туда целую тысячу рублей.

Прежде чем войти, Дуня предупредила:

— В храме тихо стойте, со смирением. Сейчас служба заканчивается. Они вошли внутрь.

Пахло в церкви не ладаном, а сухими травами и еще чем-то очень знакомым и совсем не божественным. Савицкий никак не мог вспомнить, что это за запах: мешали последствия омовения. Он приложил палец к носу и вопросительно посмотрел на Бабста, но тот только пожал плечами.

Внутреннее убранство храма не могло не удивить приезжих. С потолочных балок свисали пучки трав и какая-то шерсть — по-видимому, настоящие конские хвосты. По выбеленным стенам висели православные иконы, и можно было различить самых почитаемых в народе святых: Николу-угодника, покровителя скота Власия, целителя Пантелеймона. Однако тут же, вдоль стен, стояли грубо вырубленные из бревен идолы с совершенно не православными физиономиями. Вперемежку с иконами висели чернобелые фотографии каких-то мужчин с напряженными лицами. Одни из них были в военной форме времен Великой Отечественной и с медалями, другие — в гражданской одежде. Перед каждым предметом культа на специальной подставке стоял бонсай, несколько свечек и чашка. Бабст потихоньку наклонился к одной из чашек и понюхал: оттуда шибануло сивухой. Заметивший его гримасу Савицкий кивнул, давая понять, что тоже узнал запах.

Народа оказалось довольно много. Как и в любой московской церкви, основную часть паствы составляли пожилые женщины в платочках, отдельно молилось несколько стариков. Молодежи практически не было.

Служба, видимо, подходила к концу.

У самого алтаря, спиной к прихожанам, стоял огромного роста бородатый мужчина; судя по белой ленте через плечо — дьякон. Одет он был дико: в голубую плиссированную рясу и совершенно невозможную в русской церкви шапку-ушанку, причем с незавязанными, болтавшимися по сторонам ушами. Ненормальный дьякон бил в бубен и протяжно завывал басом, без конца повторяя одно и то же.

Старухи подтягивали дребезжащими голосами, а в конце каждой фразы прикладывали руку к сердцу и кланялись. Слов было не разобрать, но слышалось что-то вроде:

Кота сера меси ногами,

Кота сера меси ногами.

Охо-хони, меси ногами,

Охо-хони, меси ногами.

— Может, они живодееры какие? — испуганно шепнул Живой Бабсту.
— Кота серого ногами запинали... Давай свалим отсюда, пока не поздно!

— Цыц! — тоже шепотом ответил Бабст.

Дьякон перестал петь и ушел в алтарь, затворив за собой дверцы.

На этих дверцах рукой художника-любителя были выписаны две сцены из жизни какого-то святого. На правой картине старец подносил крестьянской массе ту самую церковь, в которой они теперь находились. На левой — вручал горшок с совсем маленьким саженцем березки. На белом стволе крошечного деревца старательной рукой примитивиста были прорисованы черные полосы, что делало его похожим на жезл регулировщика.

— Смотри! — толкнул Бабст Савицкого.

— Что? — не понял Петр Алексеевич.

— Да береза же!..

Однако договорить он не успел. Царские ворота отворились, и вышел тот же самый огромный бородач, но в новом облачении: ленту он снял, а поверх рясы нацепил что-то вроде камуфляжной куртки с желтыми пятнами. По всей видимости, это был все-таки не дьякон, а священник.

В руках батюшка держал чайник. Он приложился к носику и, надув щеки, вдруг брызнул прямо в лицо ближайшей старухе. Старуха благодарно поклонилась. Священнослужитель стал обходить храм, обдавая всех по очереди. Обрызганные радостно улыбались, кланялись и благодарили. Когда очередь дошла до княжны, она демонстративно отвернулась, а Живой малодушно спрятался за ней, присев на корточки. Савицкий и Бабст приняли благословение со смирением. Закончив процедуру, батюшка снова удалился в алтарь. Народ, немного поклонившись ему вслед, запел про серого кота самостоятельно.

— Эй, академики! — послышался голос Дуни.

Они обернулись и увидели, что проводница манит их рукой из маленького придела с правой стороны храма. Все подошли к ней.

На стене висела помещенная в богатый золотой оклад фотография восточного человека в русской косоворотке. Взгляд у неизвестного был прищуренный, хитрый и внимательный. Под портретом стояли два больших бонсая и горели свечи. Чуть пониже была поставлена миска, в которой лежали какие-то записочки.

Дуня дважды поклонилась и хлопнула в ладоши.

— Божественный, моли духов за нас! — произнесла она, а затем

обернулась к приезжим.

Глаза ее горели.

— Вот он, учитель наш! — сказала Дуня горячим шепотом. — Да поклонитесь вы, шея-то не сломится!

Все поспешно склонили головы.

Савицкий понял, что надо выразить благодарность за гостеприимство. Он прокашлялся и начал:

— Благодарим вас, уважаемый божественный учитель, за теплый прием во вверенной вам деревне. Нам тут все очень нравится, особенно доброжелательность местного населения и его трудолюбие, выразившееся в булыжной мостовой. Надеемся, что наша экспедиция, предпринятая с самыми благородными целями, не потревожит ваш покой. Желаем вам благополучного пребывания на том свете.

Глаза учителя на фотографии прищурились еще больше, и он усмехнулся — по крайней мере, так показалось Савицкому.

— Ну, пойдете, хватит вам на первый раз, — сказала Дуня. — Талисманчик на память захватите.

Они взяли по камешку из специальной корзинки, стоявшей у дверей храма, и вышли на улицу.

Оказавшись за воротами, все не сговариваясь вздохнули с облегчением.

— Дуня, я извиняюсь, а кто ваш учитель был по национальности? — спросил Петр Алексеевич.

— А вот погодите, — с улыбкой ответила Дуня. — Сперва покушаем. потом к председателю ходим. Он вам все по порядку и расскажет. Всему свое время. А пока что к нам пойдём.

Бабст почесал в затылке:

— А может, в лесу заночуем? — предложил он, неуверенно посмотрев на руководителя экспедиции. — Палатку поставим у речки, а? Дров тут завались. Рис есть, колбаса тоже, можно хрючева наварить. Еще рыба имеется...

Савицкий хотел что-то ответить, но Дуня не дала ему и слова сказать:

— Ой, да как же вы в лесу-то будете? — всплеснула она руками. — Там у нас теньгуи по ночам бродят!

— Кто?

— Теньгуи. Ну, лешаки такие. Здоровенные, зубастые. Загрызут вас, и ахнуть не успеете. Нет, даже не думайте. Да пойдете к нам! У нас дом большой, всем места хватит. Папаня с маманей померши, мы только с братцем живем. И накормим вас, и напоим. Тут недалеко.

— Ну, пошли! — решил Савицкий. — Спасибо вам, Дуня.

Все двинулись обратно в сторону магазина.

Паша плелся последним.

— Лешаки... — бормотал он так, чтобы слышала только княжна. —
Теньгуи... Кота серого запинали... В Москву хочу!

Глава 17

Отец Симеон

Дунина изба стояла на пригорке. С виду она казалась ничем не примечательной, разве что была действительно большой, в шесть окон. Однако чудеса и тут не кончились: едва войдя во двор, княжна вдруг пронзительно взвизгнула, а все остальные попятнулись.

Высунув язык и ощерив крупные клыки, на гостей смотрел деревянный дракон. Идолице было раскрашено во все цвета светофора — зеленое туловище, красный язык и желтые глаза.

— Теньгуй? — спросил Живой.

— Да нет, что вы! — засмеялась Дуня. — Это хиря, змей летучий, он наш дом охраняет. Да вы не бойтесь, он не кусается.

— А мы и не боимся, — пожал плечами Бабст. — Мало мы змеев видели, что ли?

— Да, у вас в Москве-то, братец говорил, хири так и кишат.

— В Питере они еще больше кишат, — заступился за родной город Савицкий. — Про него так и говорят — змеиный город.

— Поклёп, — кратко заметил Бабст.

На крыльце Дуня сняла сапоги. Остальные тоже разулись и проследовали за хозяйкой в сени.

Дом состоял из двух больших комнат и кухни. В целом бонзайское жилище мало отличалось от обычного деревенского: мебель была явно еще советская, а по стенам висели старые фотографии людей с напряженными лицами — видимо, родственников. Обращали на себя внимание только два обстоятельства. Во-первых, нигде не было видно ни телевизора, ни радиоприемника. А во-вторых, на самом почетном месте, в красном углу, висел портрет учителя — точно такой же, как в храме. На полочке под ним стояли приношения: по краям — два бонсая, а в центре — свечи, тарелка с блинами и чашка.

— Вы располагайтесь, а я пока покушать приготовлю, — сказала Дуня.

— Давай помогу, — моментально вызвался Бабст. — Дрова вроде есть, я возле сарая видел. Поколоть?

— Да что вы, у нас электроплитка, — улыбнулась Дуня. — Печь мы только по большим праздникам топим. Ну пойдёмте, поможете, коли хотите.

Костя вошел вслед за хозяйкой на кухню — и тут же замер на пороге.

На электроплитку был поставлен большой бидон из-под молока с крышкой, примотанной скотчем. Из крышки выходила медная трубка. Закручиваясь змеей, она исчезала в ведре с водой и появлялась снизу уже в виде небольшого краника. Из краника бодро капало в трехлитровую банку. В углу на полу томились, дожидаясь своей очереди, еще несколько больших банок с брагой и лежали мешки с рисом. На полках теснились бутылки — по-видимому, с готовым продуктом.

— Классика! — покачал головой Бабст. — Самогонный аппарат эпохи Николая Второго. Даже градусник в бидон не воткнули, экстремалы. Ты учти, Дуняша: если температура поднимется выше восьмидесяти градусов, то так жахнет, что крышку от бидона будешь искать у речки Свинки.

— А, ничего! — беспечно махнула рукой Дуня. — Всю жизнь гоним, и не жахало пока. А температура — так на плитке же написано, сколько ставить. У нас в райцентре такие электроплитки и продают — с красной отметинкой и с буквой «сэ».

— Прогресс! Это ты сама гонишь?

— Не... Братец занимается, — потупившись, пояснила Дуня. — Он сейчас в церковь отлучившись. Батюшку-то видели? Вот это он и есть. Придет скоро.

— А самогонку гнать тоже учитель придумал?

— Он, — с почтением кивнула Дуня. — Продавать запретил, а самим велел пить. Подогревайте, сказал, разбавляйте до градуса разумного и пейте помаленьку во здравие. А отраву, водку то есть, забудьте навеки.

— А из чего гоним? — поинтересовался Бабст.

— У нас саки только рисовые. Другого нельзя нам.

— Очищаете хоть?

— А то! Двойной очистки, с молитвой.

— Попробовать-то дашь?

— Не могу пока. Братца подождите, он благословить должен. Да вон он идет! — воскликнула Дуня, взглянув в окно.

По дорожке к дому широко шагал братец — все в той же голубой рясе и камуфляжной куртке, в которых он служил обедню. Дойдя до хири, батюшка вдруг остановился и со всей силы пнул змея летучего сапогом в нос. Погрозил ему пальцем и проследовал в дом.

Гости, сидевшие за столом в большой комнате, встали, чтобы поприветствовать хозяина. Однако святой отец не обратил на них никакого внимания. Он подошел к иконе учителя и громко хлопнул в ладоши.

— Божественный, моли духов за нас! — произнес он густым басом. — Пошли нам пития и пищи вдоволь, ума-разума по потребностям, а также

мира и благоденствия и нашим, и вашим. Будь нам заступником от демонов лжи, клеветы, зависти, осуждения, непокорства и блудоумия. А коли не скроются злые демоны от светлости твоей, — возвысил голос святой отец, поднимая кулак, — то сам я слабыми силами своими сокрушу их телеса, обломаю рога и сотру в порошок. Здынь, греховодная сила!

Он снова хлопнул в ладоши и отдал два поклона — один глубокий и один небольшой.

Только после этого поп повернулся к гостям. Те стояли навтыяжку.

— Братец, я их переночевать позвала, — сказала Дуня. — По законам гостеприимства.

— И примем, и обогреем, — улыбнулся вдруг поп.

Лицо его сразу показалось совсем не страшным. Он взял лежавшую под портретом учителя сосновую ветку, подошел к приезжим и легонько ударил каждого по правому плечу. Поняв, что это благословение, Савицкий и Бабст поклонились в ответ.

Затем батюшка спросил у сестры совсем другим, заинтересованным тоном:

— Свежак-то дошел?

— Дошел, дошел! — закивала Дуня.

— Так чего ты стоишь? Пошли скорее!

Хозяева быстрым шагом удалились на кухню.

— Что за свежак? — забеспокоился Паша. — Что они там делают? Кота обдирают?

— Правда, Костя, что там такое на кухне? — спросил Савицкий.

— Да самогонку они гонят, вот и все их тайны, — успокоил их Бабст. — Нормальные русские люди, хотя и с прибабахом. Сейчас принесут, сами все увидите.

И действительно, не прошло и минуты, как в дверях показался братец. Вид у него был торжественный. В руках он держал расписанный цветочками поднос, на котором стояла мутная литровая бутылка и пять стопок.

Святой отец взял бутылку, встряхнул ее и с поклоном отлил немного в чашку перед алтарем учителя. Что-то прошептав — снова послышалось «и нашим, и вашим», — он стал разливать напиток гостям.

— С приездом, благослови вас духи, — поднял он тост. — Залпом пейте!

Его послушался один только Бабст: он разом хватил свою стопку, а затем закрыл глаза и стал прислушиваться к реакции организма. Петр Алексеевич отпил несколько глотков и сразу полез за носовым платком,

чтобы вытереть слезы. Мурка не стала рисковать и разыграла сценический этюд, которому ее учили еще на первом курсе: «Распитие воображаемых напитков». Хуже всего пришлось Живому. Поп не отрывал глаз от его экзотической прически, и Паша, поеживаясь под этим взглядом, в три приема выхлебал примерно половину стопки. Он хотел было что-то сказать, но вдруг выпучил глаза, схватился двумя руками за живот и стрелой вылетел на улицу.

— Парнишка-то сдохлик у вас, — покачал головой батюшка, а потом легко и весело закинул в себя свою порцию.

Он крякнул, одобряя продукт, занюхал его рукавом рясы и спросил у гостей:

— Теплеет организм-то? Пошла волна?

— Кажется, да, теплеет, — с трудом выговорил Савицкий.

— А вы думали? Через саки дух огня совокупно с духом солнца внутрь входит, а дух сомнения изгоняется во тьму внешнюю.

С этими словами святой отец показал пальцем в ту сторону, куда убежал Живой, и добавил:

— У выпившего же вся внутренность от сердца сдвигается, а сердце делается чистое, как зеркало.

— Мы это очень даже чувствуем в своем желудке, — подтвердила княжна.

Поп взглянул на нее и снова покачал головой.

— Ох, не верю я тебе! Прозреваю в тебе, дочь моя, дух сомнения.

В этот момент Бабст открыл глаза и, не говоря ни слова, подвинул свою стопку ближе к попу.

— А вот ему верю! — обрадовался священник и тут же подлил из бутылки. — Сразу видно, что сердечный человек. Ну, кто еще хочет? У нас после первой чарки никого не неволят.

— Мы пропустим пока, спасибо, — ответил за всех Савицкий. — Пусть дух сомнения окончательно выветрится. Вы извините, батюшка, мы выйдем во двор, посмотрим, как там наш друг, хорошо?

— Ну, как хотите. Как звать-то тебя, сердяка? — обратился поп к Бабсту.

— Константин.

— Хорошее имя. О постоянстве говорит. А мое святое имя Симеон. Ну так выпьем, Костя, за дух огня!

Во дворе княжна и Савицкий обнаружили Пашу сидящим прямо на земле в обнимку с хирей. Лицо у Живого было белое как мел, дреды печально обвисли.

— Ну что, совсем плохо тебе? — с участием спросил Петр Алексеевич.

— В Москву хочу... — пробормотал Паша.

— Фи, какой ты слабак, — сказала жестокая княжна. — Или как это назвал кюре? «Сдохляк».

В этот момент из дома выглянула Дуня:

— Идите кушать, готово все! — весело крикнула она, но тут же осеклась: — Ой, а что с Пашенькой-то?

— Саки, — кратко пояснила княжна.

— Ой, да вы, наверное, неразбавленные пили! Что ж это братец делает? Нельзя так с городским человеком... Пашенька, ты присядь на лавочку...

Живой слабо икнул.

— Вот сюда, в теник, — приговаривала Дуня, усаживая его на скамейку возле крыльца. — А я тебе сейчас лекарство принесу. Да вы идите, — махнула она гостям. — Идите, ешьте там, я с ним посижу.

Петр Алексеевич и Вера поднялись на крыльцо и вошли в сени. Савицкий осторожно приоткрыл дверь и заглянул в комнату.

Костя и отец Симеон сидели друг напротив друга, почти касаясь лбами, потные и раскрасневшиеся. Бутылка была уже на треть пуста.

— Нет, ты мне скажи, — кричал Бабст, грохая кулаком по столу, — русский ты или не русский?!

— Русский! — грохал в ответ батюшка.

— А отчего у вас тогда все обычаи басурманские?

— А оттого, что все теперь кругом басурманы стали. Только одни бесовские, а другие — духовы да божьи.

— Так ваш учитель — бог, что ли?

— Мы в бога неверующие. У нас только духи.

— Тьфу! Не поймешь у вас ничего.

Перед ними стояла на подносе принесенная Дуней еда. В центре располагалась сырая рыба, порезанная, как и предупреждал Константин Иваныч, на мелкие части «вместе с кишочником». Вокруг нее на маленьких тарелочках были разложены какие-то корешки и травы. Возле портрета учителя тоже появились новые блюдечки.

Братец после каждой стопки брал щепотью кусок рыбы и, макнув в горчицу, отправлял себе в рот. Бабст закусывал корешками.

Петр Алексеевич закрыл дверь и шепнул княжне:

— Сестренка, пойдём-ка на кухню. У них там, похоже, серьезный разговор, а выпивка еще серьезнее. И еда уж очень специфическая. Лучше

мы с тобой бутербродов наведем и чайку поставим, идет?

— А как же Паша? — спросила Вера.

Савицкий поглядел в окно. Паша полулежал на скамейке, а Дуня, сидя рядом, поила его чем-то с ложечки.

— Воркуют, голубки. Что это она ему вливает, интересно?

— Суп с котом? — предположила Мурка.

— Ну, с котом или не с котом, а о Паше, я думаю, можно пока не беспокоиться, — сказал Петр Алексеевич. — Пусть поворкуют. А нам поесть надо.

— Хорошо, пойдем в кухню. Но послушай, Пьер, мы же должны понять, что тут вообще происходит? И главное — где наша береза? Надо расспросить попа.

— А нам из кухни все будет слышно. Пусть Костя поговорит. Похоже, святой отец его полюбил.

Слышимость в кухне оказалась действительно прекрасной. Потомки Собакиных резали купленные в магазине колбасу и хлеб, а из комнаты доносились громкие голоса:

— Да ты же поп! — восклицал Бабст. — Должен же ты объяснить людям, что к чему, или нет? Тебе за что деньги платят?

— У нас поп не профессия, — гудел в ответ голос батюшки. — Я еще в школе учитель.

— Тем более. Чему же ты детей учишь?

— Добру учу, сын мой, добру. Учу, что все вокруг живое и светится. Что окружают нас со всех сторон живые духи. И в людях духи, и в камнях, и в речке нашей, и вот в этом божественном напитке.

— А мы что, тоже духи?

— Тоже.

— И я дух?

— И ты. Но ты дух низшего порядка.

— То есть я ниже камней, что ли? А в рог не хочешь?

— Сын мой, я в десантуре служил, поэтому умерь пыл свой и фильтруй речи.

Костя немного помолчал, видимо, обдумывая услышанное, а потом спросил:

— Нет, ты мне все-таки скажи — чем я от них отличаюсь, которые в камнях?

— А тем, что ты выпить можешь больше. Будешь много спрашивать, духи тебя разлюбят. Ты помни, что все вокруг живое — и хватит с тебя.

— Слушай, батя, я ведь химик. Как я могу верить, что все живое? Что,

и молекулы живые?

— И молекулы, — согласился священник.

— И атомы?

— И атомы.

— И э-лемен... элемен... — Костя уже плохо выговаривал слова.

— И элементарные частицы, — авторитетно подтвердил отец Симеон.

— Так сколько же тогда всего духов получается?

— Бесконечное множество и еще один. Учитель-то повыше других будет.

— Погоди. А каким тогда духам у вас храм посвящен?

— А всем сразу. Чего их разбирать-то? Всем духам храм, а учителю — отдельный во храме придел. Потому как благодарность, сын мой, есть свойство высших натур. Наливай давай!

Послышалось бульканье, потом уханье, потом кряканье, потом чавканье.

— Скажи, Сеня, а почему у вас там иконы православные висят? — снова раздался голос Бабста.

— Пущай висят. Мы веру предков не отвергаем.

— Да как же вы так живете? цивилизация же везде, наука, прогресс, а вы тут как первобытные.

— А чего мы не умеем? Колодец рыть, избу рубить, упряжь шить, сани делать, сапоги тачать, картошку копать, капусту солить, саки гнать, валенки подшивать? Все мы умеем. А вы тут, с Вавилона понаехавши, учить нас будете.

— Ну хорошо, вот ты в школе детей учишь. А дальше что с ними будет, ты подумал?

— А ничего особенного не будет. Подрастут, на работу пойдут, потом замуж. Женихов вот, правда, у нас совсем не стало.

— А ты чего не женат? Запрещено, что ли?

— Да нет. У меня Дуня, мика моя, за хозяйошку. А если ожениться, то женские духи взревнут, пакостить начнут. Будто ты баб не знаешь?

— Да уж, знаю... — вздохнул Костя.

Снова послышалось бульканье и сопутствующие ему звуки. Потом отец Симеон продолжил:

— Вот Гераська Пекунин, председатель, хочет меня на своих дочках женить. Хоть на обеих сразу, говорит, женись. Однако же я в сомнении пребываю.

— А что такое?

— Герасим закон нарушает, — ответил поп, понизив голос. — У его в

подполе телевизор «Радуга», он по ему кино смотрит. А девки его, козы пустоголовые, всё рекламу глядят, а это грех смертный.

— Стало быть, телевизор вам нельзя смотреть?

— Нет, нельзя. Духи тоже разные бывают. От этих, из ящика, надо подальше держаться. Будешь на них пялиться — ночью к тебе теньгуй мохнорылый придет. Посмотрит на тебя свиньей — а наутро, глядишь, ты и сам в свинью превратился.

— Да, это ты точно сказал...

— То-то. Наливай, сердечный человек!

Снова послышалось бульканье.

— А ты чего, Костян, с гитарой приехал, а не поешь? — спросил батюшка. — Спел бы чего, если умеешь.

— Это я всегда пожалуйста.

Послышались звуки настраиваемых струн, а потом Бабст запел — но совсем не по-бардовски, а глубоко и задумчиво:

***Знаю, ворон, твой обычай,
Ты сейчас от мертвых тел
И с кровавою добычей
К нам в деревню прилетел.
Где ж ты взял кроваву руку,
Руку белую с кольцом...***

Батюшка подхватил гулким басом:

***Где же ты летал по свету,
Где кружил над мертвецом ?***

Бабст вдруг брякнул всей ладонью по струнам и сказал мрачно:

— А ведь все равно помрем, Сёма.

— Ничего! И духи помирают, — утешил его отец Симеон. — Ты молись, а там уже не наше дело. Ну, давай, запевай следующую. Хорошо поешь, душевно.

— А ты наливай!

— Нет уж. Бери бутыль. Я тебе должен наливать, а ты — мне. Обычай такой.

Исполнив обычай, Костя снова запел. На этот раз послышалась песня

Окуджавы:

*Пока земля еще вертится,
Пока еще ярок свет,
Господи, дай же ты каждому,
Чего у него нет...*

Голоса новых друзей звучали в унисон.

Княжна тем временем доела последний бутерброд.

— Послушай, Пьер, они так будут пьянствовать до утра, — сказала она. — Давай пока сходим к председателю. Мы ведь приехали не на концерт, а за дедушкиной березой.

— Да, да, ты права, — кивнул Савицкий. — Придется без Кости идти.

Они вышли во двор. Паша сидел на лавочке, обнимая Дуню и что-то нашептывая ей на ухо. Вид у него был гораздо бодрее, чем раньше: щеки порозовели, а дреды боевито торчали во все стороны. Дуня не переставая хихикала, не забывая прикрывать рот ладошкой.

— Оклемался? — улыбнулся Петр Алексеевич.

— Ага. Ты представляешь, оказывается, эти самые ссаки вполне можно пить, если с умом разбавить. Меня Дуня научила. Напоминают «Нихон-сакари джосен», но только маслянистей и букет в два раза гуще. Зачетная вещица! Я думаю, Алексеич, нам надо с тобой об экспортных поставках в Москву перетереть. У меня кореш есть, он менеджером в «Дайконе» работает...

— Ой, Пашенька, какой же ты умный! — восхищенно прервала его Дуня. — Такие слова знаешь! Вот сразу видно, что академик!

Она тоже явно попробовала разбавленного напитка: улыбка ее стала еще блаженнее.

— Да не, я всего лишь кандидат наук, — скромно поправил ее Живой.

— Послушай, Павел, мы сейчас идем к председателю, — сказал Петр Алексеевич. — Пойдешь с нами или будешь дальше лечиться?

— Правильно, идите, конечно, — поддержала его Дуня. — Герасим Ильич вас уже давно ждет, наверно. Тут недалеко, четвертая изба от нас.

— Спасибо, мы найдем, — поблагодарил ее Савицкий. — Так что, Паша, идешь или нет?

— Да пусть его лечится, — фыркнула княжна. — Сдохляк!

Она повернулась к Паше спиной и направилась к калитке. Савицкий развел руками и двинулся за ней.

Живой посмотрел им вслед, о чем-то подумал, а потом быстро чмокнул Дуню в щеку и вскочил.

— Эй, погодите! — крикнул он.

Княжна не отреагировала, зато Петр Алексеевич обернулся и призывно помахал рукой.

Паша догнал их уже на улице и обнял за плечи.

— Кота сера меси ногами... — затынул он на мотив харе-кришны. — Охо-хони, меси ногами... А что, ребята, тут можно жить! Мне нравится. Да здравствует Бонзайцево!

Глава 18

Уникальное торговое предложение

На улице было тихо — не гомонили дети, не пело радио, не тараторил телевизор. Где-то на околице лаяли собаки, да из-за соседнего забора доносился храп: видимо, хозяин вкушал на природе завещанный учителем напиток и несколько перестарался. Охотники за березой шли молча.

— Вот она — четвертая изба. Наверное, здесь. Сестренка, ты держись ко мне поближе. Сектанты они, конечно, безобидные, но мало ли что, — озабоченно произнес Савицкий.

Изба ничем не выделялась среди других бонзайских жилищ — разве что косуха у ворот была позатейливее изукрашена. Над дверью висела табличка, выполненная знакомой уже славянской каллиграфией:

ЗАО

КОЛХОЗ «СВЕТЛЫЙ ПУТЬ»

ПРАВЛЕНИЕ

Обед с 14:00 до 15:00

— Как они все тут обедать любят! — заметил Живой.

— Светлый путь — это из буддизма? — поинтересовалась княжна.

— Нет, Верочка, это из марксизма-ленинизма, — покровительственно пояснил Савицкий. — Так, ребята, разговаривать с председателем буду я. Нет возражений? Вот и прекрасно.

На крыльце сидела, подобрав под себя лапки, пушистая серая кошка.

— Беги отсюда, котик, беги! — наклонившись к ней, прошептал Паша. — Забьют же ногами, изверги!

Кошка даже взглядом его не удостоила.

— Какая хорошенькая мордочка! — потянулась к кошке княжна, но тут же спохватилась. — У нас в загородном доме живет несколько кошек, это весьма шарманизирует обстановку.

Кошка проигнорировала и этот пассаж.

Разувшись в сенях и оставив свою обувь рядом с внушительных размеров сапожищами, научные работники вошли в помещение.

Обстановка конторы напоминала старые фильмы про колхозную жизнь. Слева — оставшийся от советских времен комод и выкрашенный голубой масляной краской сейф, рядом — дребезжащий холодильник «Орск». Справа — разномастные стулья с истрепавшейся обивкой. Над стульями до самого потолка рядами висели почетные грамоты. В центре

стоял письменный стол, а в красном углу был устроен небольшой алтарь учителя с бонсаями и приношениями. Подоконник тоже был густо уставлен бонсаями.

За столом сидел лысый мужчина с бурятским лицом, на котором очень странно смотрелись усы, окруженные не доросшей до интеллигентной бородки седоватой небритостью. Он что-то быстро писал.

— Здравствуйте, товарищ председатель колхоза! — громко поприветствовал его Петр Алексеевич.

Мужчина за столом вздрогнул, оторвался от работы, поднялся с места и слегка поклонился. Савицкий ответил чуть ли не поясным поклоном, Живой кивнул и сложил на груди руки в индийском приветствии, а княжна Вера сделала изящный книксен.

Хозяин поглядел на странных гостей с опаской, но к Петру Алексеевичу подошел, протянул ему руку и представился:

— Пекунин, Герасим Ильич, глава сельского поселения.

— А мы думали — председатель.

— Ну, по старой памяти зовут председателем. А вы ученые, с Москвы которые приехавши? Знаю, знаю, докладывали.

— Савицкий Петр Алексеевич, — пожал протянутую руку руководитель экспедиции. — Предприниматель. Правнук князя Собакина.

— Да вы что? Самого Льва Сергеича? — с благоговением переспросил председатель и восхищенно вцепился в ладонь Савицкого двумя руками, будто опасаясь, что тот сейчас взлетит к потолку.

— А я его внучатая праплемянница! Вера Собакина! — обворожительно улыбнулась княжна.

— А меня Паша зовут, — сказал Живой. — Я дальний родственник... по линии тетушки.

— Самого Льва Сергеича потомки к нам заглянули! Вот радость-то! — восклицал председатель, выбирая стулья почище и попрочнее. — Садитесь, садитесь! Только что же вы у попа-то остановились? Перебирайтесь ко мне. Приму по высшему разряду. Семен человек суровый, кормить будет одной малёвкой, да еще и молитвами своими набрыднет. Надоедущий он... То есть я ничего против веры отцов не имею, вы не подумайте плохого. Но я так считаю: чти веру, да знай меру. Согласны? Здоровенный мужик, ему жениться пора, детей делать, а он уклоняется... Словом, собирайте вещички и айда ко мне! Уважим, обиходим.

Пока гости рассаживались, из ящика была извлечена бутылка и четыре граненых стакана. Увидев знакомую мутную жидкость, Савицкий, Вера и Живой произвольно отпрянули к спинкам стульев.

— Спасибо за гостеприимство, — кивнул Петр Алексеевич. — Только мы уже там как-то расположились, неудобно будет. Да и товарищу нашему Косте — это ученый такой, Льва Сергеича изучает — очень в поповской избе понравилось...

— Ну, как знаете, — не стал настаивать председатель. — Ох, не чаял, не чаял соприкоснуться. Лев-то Сергеич у нас — вроде как дух второй категории. То есть не то что какой второй сорт, вы не подумайте плохого, а в смысле — сразу после учителя главный.

Савицкий недовольно дернул щекой, но промолчал: было несколько неприятно узнать, что его легендарный предок в своей собственной деревне идет вторым номером.

— Ну, как говорится, сделай паузу, скушай твикс! — подмигнул Пекунин, разливая по стаканам напиток. — Твиксов, правда, не завезли. Закусывать пряниками будем.

Он вытащил из другого ящика полиэтиленовый пакет с сухими, как камень, пряниками, отложенными, надо полагать, для особых случаев. Оценив щедрость хозяина, гости не осмелились отказаться и потянулись к стаканам. Но когда Герасим повернулся к портрету, чтобы поклониться учителю и пробормотать молитву, они тут же с облегчением поставили посуду обратно на стол. Живой, впрочем, в порядке эксперимента обмакнул пряник в самогон и нашел результат годным.

— Послушайте, а вот учитель, который вас уму-разуму научил, — он прямо с неба пришел или на земле родился? — непринужденно приступил к разговору Паша. — Мне, как научному работнику, это очень интересно.

Петр Алексеевич свирепо зыркнул на него. Княжна прикрыла рот ладошкой, совсем как Дуня. Но бури не случилось. Напротив, председатель блаженно улыбнулся, закатил глаза и начал рассказывать:

— Божественный — а земное имя его было Сусуки-сан — прибыл не с земли и не с неба. Там, откуда он пришел, солнце нарождается. Мы еще во тьме ночной пребываем, а у них уже рассвет. Для того чтобы принести нам свою мудрость, учитель пошел на войну и нарочно сдался в плен. А в плену его разыскал Лев Сергеич, славный своей прозорливостью, привез его сюда и назначил своим заместителем.

— Это что же, прадед в русско-японской участвовал? — пробормотал себе под нос Петр Алексеевич. — Надо же, бабушка ничего об этом не говорила.

— Сначала учитель тосковал по своим — по другим, то есть, божественным. Но потом увидел Дуню — и возликовал. А потом увидел Танюху — и возликовал еще больше. А когда Надюху встретил — решил

остаться в Зайцеве навсегда и начал учить нас уму-разуму. Увидев, как мы через пьянство претерпеваем, научил нас пить разбавленные саки. А потом они с Львом Сергеичем начали растить бонзайчики и деревенских обучили. Тогда, до революции, очень богатая у нас деревня была. Многому он нас научил: как себя в чистоте содержать, как покойников хоронить, как в мире и покое жить, храм нам поставил... А как ушел он от нас — тут сразу революция грохнула. А потом война, потом коллективизация, потом опять война... А там, глядишь, все позабыли наши мужички и закурначили, как прежде.

— Что сделали мужички? — не понял Савицкий.

— Ну, загуляли то есть, — пояснил председатель.

— А куда ушел ваш учитель? Странничать? — спросила княжна.

— На небо он ушел, — подняв глаза к потолку, произнес Герасим. — Он же немолодой уже был, когда к нам попал. Но гири свои — это, значит, долг — исполнил. Любил-то он всегда только Дуню, Танюху и Надюху, но гиревые детки от него, почитай, в каждой избе были. Потом, после Халхин-Гола, их всех и пересажали. За пособничество. А какое у нас пособничество, кому? Мы всегда на отшибе жили, наособицу, никто нам не пособлял, ну и мы никому, кроме как советской власти в войну... А после войны совсем захирела наша деревня. Но, видно, не оставлял нас учитель своим божественным попечением. Как-то раз — при Хрущеве уже — заехал к нам какой-то профессор в очках, увидел бонзайчиков — и заплясал даже. То-се, со стариками оставшимися покалякал и уехал. Потом вдруг комиссия из Москвы приезжает — мы сперва перепугались, думали, совсем со свету сжить хотят. Ан нет. Начали нас на смотры всякие таскать, записали в народные художники, бонзайчиков наших покупать стали. И наступило благоденствие, почти как при учителе.

Пекунин замолчал и некоторое время сидел, блаженно улыбаясь.

— А потом? — спросила княжна.

Председатель махнул рукой.

— А потом перестройка ухнула — и никому мы стали не нужны, как пережиток социализма. Я их, главное, спрашиваю — ну какой социализм, когда у нас еще до революции первые бонзаи росли? Их же предки нашего учителя тыщу лет до этого сажали, ну при чем тут Советы? Но меня никто и слушать не стал. А потом... Эх, да видели вы все!

— Я слышал, у вас птицеферма процветает? — попытался сменить тему Савицкий.

— Да какой там процветает! — снова махнул рукой председатель. — Так, вяло телепается. Не помираем, конечно, как соседи... Но сам посудите:

мужики все спившись. А которые не спившись — тем тяжело приходится. Баб-то у нас много, совсем нас загоняли. Все спят и видят, что Сусуки-сан к нам вернулся. Придет, говорят, и всех нас полюбит, как раньше. Девочек тоже много незамужних. Я все боюсь, как бы не взбунтовались. Покуда сдерживать удастся: по две смены на ферме поработаешь — не до мужиков будет, но они с каждым годом только здоровеют! А мужики — еще пуще спиваются.

— А как же бонсайчики? — спросила Вера. — Они у вас такие красивые, мы в магазине видели! Вы еще сажаете их?

— Да, содим по привычке. Учитель же велел. Сказал: не посадите сотню — будут в тот год многие беды и лишения. Только кому теперь наши бонсайчики нужны? Это при советской власти мы ими прикрывались. Вот, мол, народный промысел такой, патристическое воспитание, то-се, березки выращиваем. А теперь...

— А что теперь? Теперь только и торговать! В Москве такие штуки — от десяти тыщ и выше. А сорокалетним днем с огнем не достанешь! — проявил осведомленность Петр Алексеевич.

— Так ведь до нас-то доехать надо. А дорога — сами видели. Да и кто ж отечественный товар-то купит? В Москве ж разве своими руками бонсайчиков растут? Все, поди, привозное.

— Так сами бы и возили. Понадобится один грузовик и два водителя. — Савицкий достал из кармана мобильный телефон и начал что-то высчитывать на калькуляторе. — Это получается...

— Да ничего не получается! — перебил его Пекунин. — Возили уже! Только все водители через тот извоз пропали, а некоторые и с машинами.

— Разбились? — ахнула княжна.

— Сбежали. А которые остались — те так пьют, что к рулю подпустить страшно. А чтобы к нам сюда кто-то свой транспорт прислал — нужно это...

Председатель достал из-под пресс-папье замусоленный клочок бумаги и прочитал:

— ...уникальное торговое предложение нужно. Это значит — ни у кого другого такого вы не купите ни за какие деньги, понятно? А что я им предложу? Каждому пятому покупателю — десяток крашенных яиц в подарок?

Пекунин снова махнул рукой и убрал шпаргалку обратно под пресс-папье.

— А бонсай, который Лев Сергеевич посадил, — сохранился? — спросил Петр Алексеевич.

— От я балда! — хлопнул себя по лбу председатель. — Надо ж было вас первым делом к нему вести. Пошли за мной!

В соседней с кабинетом комнатке было тесно: вчетвером еле поместились. Рядом с алтарем Сусуки стояли на специальных треногах самые почетные бонсаи.

— Я их всех в лицо знаю. Потому что хожу за ними, — Пекунин сдунул несуществующую пылинку с крошечного остролистого клена, а затем указал на крупную кривую березку. — Вот она, красавица! Сам Лев Сергеич посадил!

Гости переглянулись.

— Я ее куплю, — тут же сказал Савицкий. — Сколько?

— Не продается! — Председатель насупился и даже заслонил реликвию своим телом. — Сто лет этой березе. За ней уход особый нужен. Я знаю, какой, а вы — нет. Все, экскурсия окончена.

Герасим вытеснил гостей обратно в кабинет и захлопнул дверь.

Потомки князя Собакина приуныли, зато Паша ни с того ни с сего заметно оживился. Он вальяжно раскинулся на стуле прямо напротив председателя и задумчивым голосом произнес:

— Даже правнуку своего небесного покровителя не продадите?

— Да я бы даром отдал, — Пекунин прижал руки к груди и жалобно посмотрел ему в глаза. — Но никак нельзя. Не поймут меня. Это же последняя память о Льве Сергеиче. Помру я, а люди будут говорить: «Это того Пекунина хоронят, который хозяйскую березу в Москву запродай?» Даже не просите.

— А у меня, — сказал Савицкий, — есть уникальное торговое предложение. Обмен. Вам — фотография прадеда, а мне — береза. У вас ведь ни одного изображения Льва Сергеича нет?

— Ни одного, — Пекунин задумчиво потеревил растительность на подбородке и уставился в пространство, видимо, прикидывая, что будет говорить народ после его смерти, если он пойдет на такую сделку.

— А фото отсканировать можно, — вмешался Паша. — И отпечатать сколько угодно копий. В каждой избе можно будет повесить, рядом с учителем.

— Нет, — покачал головой Пекунин. — Береза одна, фотографий много. Вы мне фотографию — у вас еще останется. Я вам березу — у меня ничего не останется.

— Вы настоящий русский бессеребряный! — восхитилась княжна. — Вот это сила духа!

— А потому что вся сила — в правде. У кого правда — тот и сильней!

— неожиданно с пафосом объявил председатель.

— О! — удивился Живой. — Это же «Брат-2». А говорили, что вам телевизор нельзя смотреть...

— Кому это нельзя? Мне, что ли, председателю? Мне можно. Вот дунькам нашим — нельзя. Насмотрятся на красивую жизнь — и в город побегают. У меня дочки этой отравы уже попробовали, так теперь не знаю, что с ними делать. Пороть вроде поздно, а замуж — рано, да и не за кого. Разве что... — Председатель критически оглядел Живого, затем остановил взгляд на ладной фигуре Савицкого.

— Кстати, о кинематографе... — Живой вытянул ноги, откинулся на спинку стула и вкрадчивым голосом произнес: — У вас же уникальное торговое предложение под самым носом, а вы его не видите. Вы свои бонсаи в лицо знаете и друг от друга отличить можете. А покупатель — нет. А все почему?

— Да потому что дураки они невыбитые, — понурился Пекунин. — Невежество кругом одно.

— Да! Именно! И вы, от щедрот своих, должны развеять это невежество. Осветить светочем мудрости Сусуки-сана каждого дурака, пребывающего в позорной тьме незнания. Чтобы ваши бонсаи не были все на одно лицо, им нужно перво-наперво дать имена. Продающие имена. Вот, скажем, есть у вас береза. А мы назовем ее — как?

— Дуня? — предположил председатель.

— Имя хорошее. Но плохо продает. Мы назовем наш продукт — «Белая береза под моим окном». На стихи Есенина. Чего там эта береза делает?

— Принакрылась снегом, будто серебром, — подсказал Петр Алексеевич.

— Во! Эксклюзивное предложение — к горшку пришпандориваются снежинки из натурального серебра. Эконом-вариант — на горшке рисуем портрет Есенина. Так, что там у нас дальше?

— Например, яшень? — включился председатель.

— «Я спросил у ясеня». Это будет хит новогодних продаж, я гарантирую это. Назовем «Ирония судьбы» и «Ирония судьбы-2». Первый — с фоткой Мягкова, второй — с фоткой Хабенского. Я уже слышу, как рыдают девушки и дамы бальзаковского возраста и как безутешные холостяки разговаривают с этими деревьями ночи напролет. Что еще из ясеня можно сделать? Мировое дерево. Для любителей Скандинавии. Рукодельники у вас найдутся? Надо сделать фигурку чувака одноглазого и подвесить на дерево вверх ногами. Цену ломите, не жалеите. Те, кто

вопрется в идею, — заплатят столько, сколько попросите. Из той же серии — «У лукоморья дуб зеленый». Посадить бабок, чтоб котов шили. Пострашнее — чтоб было видно, что это русский народный хендмейд. Цепочек дверных купить, бронзовой краской покрасить, к дубу присобачить, сверху кота посадить — и полный вперед. Рекомендовано для элитных детских образовательных учреждений. Так, что я забыл? Какие еще деревья вы уродуете? То есть, я хотел сказать, творчески перерабатываете?

— Клен. В советское время это у нас классика была, — с гордостью сказал председатель. — Вот помню, в семьдесят девятом на областной выставке...

— Точно! «Клен кудрявый-раскудрявый». Как сейчас помню, какой он был раскудрявый. Или вот «Клен ты мой опавший». Кстати, можно под этим брендом засохшие растения продавать, любые. Клен-то все равно опавший, листьев нету, и пофигу, кто он там на самом деле — дуб или липа.

— Сосны хорошо идут, — подсказал Пекунин.

— «На севере диком стоит одиноко». Целевая аудитория — состоятельные одинокие дамы после сорока. Они такую тему живо заценят.

— Есть несколько групповых композиций. Три деревца разной высоты, очень изысканно.

— «Три тополя на Плющихе».

— А в последние десять лет мы экспериментируем с плодовыми деревьями...

— Отлично! «Зимняя вишня»! «Расцветали яблони и груши» — и Катюшу на горшке намалевать. Экспортный вариант.

Пекунин сиял.

— Миленькие мои... Родненькие... Да это же готовый бизнес-план. Это же то, что нужно! Ломать традиции, поддерживая их. Так завещал учитель! И когда я умру, никто не скажет — это того Пекунина хоронят, который колхоз просрал. Теперь я должен вас отблагодарить. Денег у меня свободных нет, но...

Председатель вскочил и танцующей походкой устремился в соседнюю комнату. Вернулся он в обнимку с собакинской березой.

— Вот. Вы, можно сказать, деревню нашу спасли. Так что забирайте самое дорогое, так и быть! Я вам сейчас подробно напишу, какой ей уход нужен. Вы уж не обижайте старушку.

Видно было, что председателю больше нравится возиться с бонсаями, чем руководить полуразвалившимся колхозом. Каллиграфическим

почерком он записал на листках пожелтевшей писчей бумаге правила ухода за драгоценной реликвией и устно добавил от себя несколько общих советов.

— Вам бы колонку в журнале для дачников вести, — восхищенно покачал головой Паша. — Это и денежка кое-какая, и реклама.

— Да я и не против. А можешь такое устроить? — совсем раздухарился председатель.

— Ну... — Живой достал из кармана смартфон, пощелкал кнопками, потом потянулся к оставшемуся на столе листку бумаги. — Я вам оставлю пару телефонов. Позвоните, скажете, что от Живого... И еще на всякий случай третий. Но тут как раз ни в коем случае не говорите, что от меня, только хуже будет.

— Спасибо вам, товарищ глава сельского поселения, — Савицкий пожал руку Герасиму и потянулся к березке.

— Обождите-ка! — задержал его Пекунин. — Вы, я вижу, мужчины видные...

Савицкий и Паша переглянулись в недоумении.

— И с вами, говорят, еще кто-то третий был... — вопросительным тоном продолжил Герасим. Его узкие глазки хитро блеснули.

— Ну да, с нами Костя еще. Дальний родственник по дядькиной линии, — объяснил Паша. — Остался у вашего протопопа обсуждать вопросы богословия. Шибко набожный.

— Так вы это, берите своего набожного друга и идите сегодня вечером на гулянку. Законы гостеприимства надо чтить. Чтоб не говорили потом — это того Пекунина хоронят, который законы гостеприимства похерил. Ну и это... Если какая девка приглянется — не стесняйтесь.

— Мужчины, я вам не мешаю? — поинтересовалась княжна.

— Ну а что же, дело-то житейское, — повернулся к ней председатель. — Я же уже не мальчик, чтоб... ну, вы понимаете. У меня три жены, красавицы, умницы — ну куда мне еще?

— У вас что же, многоженство?! — французская феминистка даже покраснела от гнева, и Мурка-терминатор полностью разделяла ее негодование.

— Ну... — засуетился председатель. — Вы там особо никому в Москве не говорите. Ввел я реформу института брака. Просто мужиков-то мало осталось. Да и учитель разрешал, если ради приплоду. У него самого три жены было.

— А женщины как к этой реформе относятся? — ледяным голосом спросила Вера Собакина. В воздухе запахло Гаагским трибуналом.

— Положительно относятся, — ухмыльнулся Пекунин. — Если бы не реформа эта — был бы у нас тут не мирный колхоз, а военный лагерь. В каждой избе — Жанна д'Арк.

— Это как?

— Дева-воительница. В общем, это, мужики, я на вас очень рассчитываю. Поучаствуйте в возрождении деревни, кто как может. Я же вас жениться не неволю. Вам можно и так. Собакинская кровь потому что.

— Непременно поучаствуем! — козырнул Паша. — Разрешите идти?

— Идите, идите. Сам-то я вечером не пойду, чтоб не вводить вас в смущение, а дочек отправлю.

Петр Алексеевич осторожно поднял березу и шагнул к выходу. Остальные последовали за ним.

На пороге Вера оглянулась. Председатель снова что-то писал — видимо, взялся за бизнес-план.

— Разумеется, никуда мы не пойдём! — категорически заявил Савицкий, как только они вышли на улицу. — Надо срочно реанимировать Костю, и пусть он делом займется.

Но реанимировать Бабста было уже поздно. Из распахнутой настежь двери поповской избы раздавался двухголосый басовитый храп.

На лавочке возле дома сидела Дуня и вязала носок. Увидев гостей, она улыбнулась и отложила вязание.

— Ну что, продал вам Герасим березку?

— Подарил, — приобнял ее за плечо Живой. — Широкий человек ваш председатель. Пойдем, милая, я тебе расскажу о том, какая у него прекрасная душа.

— Куда это вы собрались? — строго спросил у него Савицкий.

— На луну смотреть, — отвечал Паша, подталкивая Дуню к калитке. — Да ты не бойся, подойду я на гулянку, раз уж местная власть настаивает. Попозже.

Петр Алексеевич вошел в дом. Бабст с попом спали вдвоем на одной кровати. Поглядев по сторонам, потомок князя Собакина поставил березу под алтарем учителя, рассудив, что там ей самое место. Скрипнула половица. Храп на секунду прервался — и зарокотал с новой силой.

— Пьер, тут ужасно пахнет! — поморщилась княжна. — Мы можем открывать все окна?

— Да, придется. Правда, комаров напустим, а они тут злые, не то что в городе, — ответил Петр Алексеевич.

— Я выбираю комаров. Пьер, а почему у вас в России все время приходится выбирать между комарами и вонью?

- Ничего, подожди сто лет, и все будет как во Франции.
- Через сто лет все комары повымрут от вони?
- Да, и вонь прекратится. Кстати, у нас есть еще один вариант: мы можем сходить на гулянку.
- Мы с тобой? Я что, тоже деревню возрождать буду?!
- Здесь тебе оставаться было бы нежелательно. Еще неизвестно, в каком виде Паша вернется.
- Хорошо, Пьер, идем. Я буду тебя защищать!

Глава 19

Girl power

Утоптанная площадка на краю села напоминала скорее небольшую спортивную или концертную арену, чем место для гулянок. Посреди нее возвышался круглый деревянный помост, предназначенный явно не для танцев — больше двух человек на нем бы не поместилось. Помост окружали четыре аккуратные скамеечки, украшенные затейливой резьбой, а сбоку к нему прижималась небольшая урна, почему-то с надписью «Псковская областная филармония». Место культурного отдыха освещали два фонаря-косухи. Из-под их шестигранных крышек лился приятный мягкий свет.

Первыми на вечернее мероприятие прибыли три самые спелые из молодых жительниц Бонзайцева: слух о том, что духи послали справных городских мужчин, достиг их раньше всех.

Танюха, продавщица из магазина, надела мамино зеленое платье из крепдешина, на плечи накинула шаль, а на лоб нацепила огромные очки от солнца, похожие на глаза стрекозы. Очки были ей велики, постоянно спадали на нос, и она недовольно возвращала их на место. Ее соседка по прозвищу Дуня-толстая оделась во все черное и несколько раз обвела глаза черным карандашом, а может быть, и углем. Младшая, Надюха-маленькая, самая изящная и миловидная из всех троих, щеголяла в клетчатой мужской рубашке, заправленной в полосатую самодельную юбку до пят.

Девки сидели на скамейке рядом и лузгали семечки, сплевывая шелуху в ладошку. Когда в разговоре возникала пауза, они по очереди подходили к урне, высыпали мусор, а потом снова садились на свои места.

— Восемь часов уже, — сказала Танюха, взглянув на часики. — Похоже, опять наши алкалоиды на гулянку не придут. Так и пролузгаем тут почем зря до ночи.

— Может, хоть Сеня-поп притащится? — с надеждой спросила Надюха-маленькая. — Хороший он мужик, хоть и заливоха.

— Придет твой поп, как же, — шмыгнула носом Танюха. — Он из церкви не вылезит. А если вылезет — то чтоб на председателевых лахудр издалека посмотреть. Так он им и сдался, дурам психанутым.

— Может, кто из парней не сильно опившись? — не отчаивалась Надюха-маленькая. — Ну, там Андрюха Щербак или Димка Малой?

— Да щас тебе. Малой с утра еще глазищи заплюхал и лежит, мамка

его на всю улицу орала как зарезанная, он забор уже неделю поправить не может. А Щербак попа наслушался на той неделе и ну поклоны бить по всем углам. На пятидесятом поклоне, его сеструха говорила, упал и крепко голову зашиб.

— А я слышала — он спяну в погреб сверзился, — вмешалась Дуня-толстая. — Вечно его сеструха придумает, чего не было.

— Фантазия у ребенка, — заступилась Танюха. — А Щербак так и так не придет, значит. Одна надежда — городские заглянут. Их трое, на всех хватит. Они у меня сегодня в магазине были — так сразу видно, что непивохи.

— А зачем они к нам, не знаешь? — спросила Дуня.

— Да говорят, слова наши сильно редкие и красивые. Больше, говорят, нигде таких нету.

— А можно наши слова на ихних мужиков поменять? — размечталась Надюха-маленькая. — Я хоть до конца жизни как немая молчать буду, если мужа хорошего заполучу. Какие они хоть из себя, эти чужие?

— Ну, такие, — начала вспоминать Танюха. — Петя, который главный у них, — рослый, справный, сразу видно — мужик что надо. Нашим не ровня. Второй — тоже не маленький, здоровенный такой. А третий — жидколягий, типа наших мужичков, только пошустрее. Стебаловатый такой — глаза так и бегают'. У него еще косички таки смешные, словно какашки запылившись.

— Мужик с косичками? — с сомнением спросила Дуня. — Чего это он?

— Да теньгуй его знает! К концу света дело идет. Вон, председателивы козы чуть не налысо постригшись, а мужик косы отпустил. Скоро солнце светить перестанет, и все мы замерзнем, — Танюха закуталась в шаль. — Чуете — подхолаживает?

Но подружки ничего не чуяли — они мечтательно смотрели вдаль, на шагавшего к ним высокого мужчину. Его сопровождала какая-то девица.

— Смотрите-ка, идут! — обрадовалась Танюха. — Это главный ихний, Петя, тот самый красавец. Я сейчас разговор заведу, а вы поддакивайте, чтоб не опозориться.

— Сама не опозорься смотри, — хмыкнула Дуня-толстая. — А что это с ним за баба увязавши?

— А, это фря кака-то ихняя. Сегодня в магазин ко мне пришла, фыркала все. Того ей нет, другого нет. Рыбой тухлой воняет, прокладков не продают.

— Ну, мы ей вдунем, погоди, — посулила Дуня.

— Ой, Пьер, гляди, как романтично! — воскликнула в этот момент княжна Вера, обводя рукою пейзаж. — Фонарики, лес, пейзажи в народных уборах.

— В самом деле. Я думал, хуже будет, — признался прямолинейный Савицкий. — Жалко девочек — им же всем замуж охота, а кто их тут возьмет? Конкуренция нынче везде очень высокая...

— У тебя, шэр-фрэр, есть шанс осчастливить их всех.

— Я женат, — строго ответил Петр Алексеевич. — Пусть их Паша счастливит, у него для каждой доброе слово найдется.

Последнюю фразу он произнес почти шепотом: они уже подошли к девушкам.

— Здравствуйте, гости дорогие, — улыбнулась Танюха, прикрывая рот рукой, как положено по этикету. Стрекозиные очки упали ей на нос, помешав эффектно закончить фразу, чем немедленно воспользовались ее подружки.

— Садитесь, гости, с нами! — пропела Надюха-маленькая и указала на свободное место рядом с собою.

— Угощайтесь семечкой! — предложила Дуня.

— Присаживайся, Пьер. А я пока пойду фонариками полюбуюсь! — сказала Вера.

Отойдя на некоторое расстояние, она стала наблюдать за тем, как Петр Алексеевич пытается всем угодить и при этом не поступиться своими принципами. Надолго ли его хватит? Неужели непонятно, для чего эти дуньки его обхаживают?

— Здравствуйте, барышни! У вас тут очень красиво, — произнес Савицкий, усаживаясь на самый краешек скамейки. — Кто же тут за порядком следит? Все так чисто, не то что в больших городах.

— Мы следим, чтоб чисто было. А как же иначе? Люди на то и люди, чтобы в чистоте жить! — заявила Танюха.

Помолчали. Воспользовавшись моментом, Надюха-маленькая придвинулась поближе к приезжему красавцу. Следом за ней сдвинулись и подружки.

— Лес-то у вас тут какой — прямо тайга! — нашел тему Петр Алексеевич, хотя у него не было уверенности в том, что настоящая тайга выглядит именно так.

— Тайгов не видали, а теньгуи случаются! — поддержала разговор Дуня-толстая.

— А какие они из себя — теньгуи? — обернулся к ней Петр Алексеевич. — Вы их сами видели? Расскажите.

— Теньгуй — это лешак здешний, — важно объяснила Дуня. — Мужик такой здоровенный, рожа красная, нос редиской. За спиной крылья болтаются. Как увидит, что где напачкано, — разозлится и там сделается пожар!

— Радикально, — вроде бы даже одобрил такое поведение Петр Алексеевич. — Нет мусора — нет проблемы. А где живет этот любитель чистоты?

— В самой леснине живет, на деревьях. Кто его дом срубит — тот смертью умрет! — скорчила страшную рожу Надюха-маленькая и пододвинулась к Савицкому.

Петр Алексеевич маневра не заметил и только присвистнул.

Снова наступила тишина. Мурка рассматривала скамейки и не вмешивалась в разговор: пока на честь и достоинство четырежды брата никто не покушался, можно было и не отвечивать.

Савицкий еще раз окинул взглядом всю площадку и спросил, показывая на странный круглый помост в центре:

— А у вас, я смотрю, и концерты здесь бывают?

— Какие концерты? — нежно спросила Надюха-маленькая. — У нас коты, когда к весне дело идет, на всю деревню концерты устраивают.

— Я немного не об этом. Концерты — это когда песни, танцы. Артисты приезжают из райцентра, Алла Пугачева,

Валерий Меладзе... — бормотал Савицкий, ерзая и оглядываясь: девки сидели уже почти вплотную к нему.

— Такие концерты — грех большой, — быстро сказала Дуня-толстая, и вся троица словно по команде придвинулась к Петру Алексеевичу еще ближе.

— Нет, в самом деле, для чего эта штука? — упорствовал Петр Алексеевич, указывая на помост.

— Эта? Для с умом борьбы, — пояснила Танюха.

— Какой борьбы? Я думал, в деревне стенка на стенку ходят.

— Ходили давно когда-то, — кивнула продавщица. — Но учитель нас наставил. Пусть, говорит, парни заместо махаловки на помост становятся и толкают друг друга. Кто всех вытолкнет, тот и вожак. С умом борьба называется.

— А, сумо! — догадался Петр Алексеевич. — Борьба для толстых.

— Ага. Только парни-то у нас все нетелесные — худюшши, чуть что живы. Прыгают только, как петухи. Вот ты бы их всех затолкал. Дай мышцу пощупать! — совсем осмелела Надюха.

— Да я уже два месяца до спортзала дойти не могу, какая там мышца,

— махнул рукой Савицкий.

«А с такой жизнью кочевой вообще непонятно, когда я в следующий раз смогу нормально потренироваться», — с грустью подумал он.

Надюха-маленькая придвинулась к нему совсем близко, с уважением пощупала бицепс и поглядела чужаку прямо в глаза — ну, соображай скорее, чего от тебя ждут. Но Петр Алексеевич, вспомнив о спортзале, унесся мыслями далеко-далеко, в прежние счастливые времена, где остался налаженный быт, семья, жена, с которой он уже два дня не разговаривал по телефону, детишки, теща...

Вид у него при этом сделался такой беззащитный, что Надюха-маленькая, набравшись храбрости, запрыгнула к нему на колени и одарила опешившего гостя поцелуем, полным нарастаченной томной страсти.

— Пьер, тебя уже надо защищать или сам справишься? — крикнула из темноты коварная Мурка.

Несколько тысячелетий спустя Надюха-маленькая отлепилась от раскрасневшегося Петра Алексеевича, уступая место подружкам. Танюха и Дуня, сладострастно улыбаясь, потянули руки к чужому верному мужу.

Если мужчина лезет целоваться — женщина вполне обоснованно может отвесить ему оплеуху, и общественное мнение будет на ее стороне. Но если целоваться полезла дама, то мужчина должен оставаться мужчиной, и если ему совсем не хочется отвечать взаимностью, придумать что-нибудь вроде того, что ему надо срочно бежать спасать мир, а уж как только мир будет спасен — тут он непременно упадет в объятия чаровницы. В голове гулко стучало онегинское «Учитесь властвовать собой». Все-таки в цивилизованном мире, в котором жил Петр Алексеевич, женщины давно уже так не поступают: они прощупывают почву, перекидывают мосты от островка к островку, проводят разведку боем — и, убедившись в том, что крепость занята и сдаваться не собирается, отступают на поиски другой, более стоворчивой твердыни.

Тем временем бонзайские девицы шли в атаку. Где-то неподалеку слышались голоса: видимо, на подмогу Дуне, Тане и Наде спешили их товарки.

— Какой же я все-таки дикарь! — хлопнул себя по лбу Петр Алексеевич и резко поднялся на ноги. — Явился на свидание без цветов. Нет мне прощения! Мы сейчас с Верой быстренько сбегает за цветами, и я вернусь. Я тут на поляне такие ромашки видел! Договорились, девчата? Вера, мы идем?

— Да нет, Петя, я тебя тут подожду! — княжна невинно улыбнулась и сделала несколько шагов в сторону злополучной скамейки. — Это же у тебя

свидание. А я и без цветов могу постоять.

Петр Алексеевич огляделся по сторонам. Надюха, Танюха и Дуня сидели рядком, явно в ожидании продолжения, и глаза их светились в сумерках нехорошим огнем.

— Было очень приятно познакомиться, — пробормотал Петр Алексеевич. — Вера, не задерживайся!

Медленно и величаво, с гордо поднятой головой он покинул площадку для гуляний.

— Цветов, говорит, принесу! — восторженно протянула Надюха. — Вот это мужик!

— Ты куда вперед всех полезла-то? — накинулась на нее Танюха. — Не для тебя одной мужики на свет рождаются.

— А что, для тебя, для тебя? — взвилась Надюха. — Ты и так в магазине своем стоишь, как заманиха, всех приваживаешь, а у нас с Дунькой это, может, последняя надежда. Да, подружка? Мы же, кроме курей, никого не видим! Вот сейчас вернется Петенька — мы у него прямо и спросим, кто из нас ему больше понравился.

— Да не вернется он, делать ему, что ли, больше нечего, — вмешалась вдруг Мурка.

Теперь, когда четырежды брата не было рядом, можно было не строить из себя французскую княжну, а побыть немного собой.

— А ты бы вообще, швабра тощая, помалкивала! — срезала ее Танюха.

— Швабра не швабра, а поклонников у меня было больше, чем ты за всю жизнь в своем магазине видела покупателей. Они падали к моим ногам и просили снизойти, но я была холодна и неприступна.

— Что холодная — это точно, — покивала Надюха-маленькая. — Ни один не зазарится.

— От ужаса они падали! — подсказала Дуня-толстая. — И то сказать: на такую красоту не всякий отважится посмотреть.

— Сельский гламур рассуждает о красоте! Вы себя в зеркало видели?

— А чего ж ты, красуля, с мужиком-то сюда приехала, а он от тебя к нам убежал? — выложила главный козырь Танюха.

— Ничего вы не поняли. Убежал он от вас, а со мною он проведет эту ночь. И следующую. И еще тысячи тысяч прекрасных ночей. Потому что он русский князь, я — французская княжна, и о нашей любви снимают фильмы и сочиняют песни. А о вас даже Пашка в своем блоге писать не станет!

— Чиво-о-о? — вытаращила глаза Надюха-маленькая. Информации было слишком много.

— Чиво слышала. Мы с Петенькой пришли посмотреть на вас, как на зоопарк, а вы думали — он на вас всех по очереди женится?

— Вот я тебя щас! Ты у меня в свою Францу с голой жопой убежишь, — окончательно разозлилась Танюха и кинулась куда-то в темноту.

— А сама-то куда убежала? Дорогу мне показать хочешь? Так не надо: я знаю, где Франция, а ты даже до сортира ближайшего не доскачешь — теньгуй тебя сожрет!

Но Танюха уже вернулась, сжимая в руках что-то очень похожее на вырванный из ближайшего плетня осиновый кол. Стрекозиные очки снова упали ей на нос, и она в гневе отшвырнула их в сторону: игры кончились.

— Точно! Навалием ей! — оживились остальные девки. Артисты к ним и в самом деле никогда не приезжали, борьбы с умом давно уже не было — так хоть представился шанс намять бока приезжей нахалке. Все-таки развлечение.

— Французску жопу вздрычим! Крапивой нажгем! Хвост ей подотрем! — раздавались голоса.

— Девочки, у вас что, анальная фиксация? — язвительно поинтересовалась княжна, сгруппировавшись, как на тренировке.

Деревенские молча шагнули вперед.

— Эй, эй! Вы чего тут, с ума посходили? Закона не знаете? — раздался вдруг уверенный девичий голос.

Агрессорши перестали наступать и переглянулись.

— Кобылы председательские пришли! — прошипела Надюха. — Отматылить бы их тоже...

— Идите куда шли! — крикнула Танюха. — Мы тут сами разберемся.

Воспользовавшись замешательством, Мурка поглядела на «председательских кобыл» — и увидела двух модных школьниц. Выглядели они совсем не по-деревенски, да и вышагивали по утоптанной площадке для гуляний, что твои фотомодели по подиуму. Казалось, что к гулянке красотки готовились неделю. Блондинка щеголяла прической «я только что с постели, мне некогда делать укладку». Это сооружение Маша хорошо знала — его приходилось укладывать часа два волосок к волоску. Облачена она была в маленькое черное платье — такое маленькое и такое черное, что его практически не было видно. Длинные стройные ноги обтягивали ядовито-малиновые чулки. Макияж был нанесен густо, но искусно — лицо девушки выглядело так, будто по нему несколько раз щедро прошлись фотошопом. Вторая, брюнетка, строго следовала стилю «эмо». Челка, закрывавшая половину лица, не скрывала, впрочем, густо подведенных глаз с эффектом «я плакал». На ней была просторная майка в

клеточку, спадавшая с плеча, под майкой виднелась футболка в полосочку, под которой, в свою очередь, просматривалась водолазка в горошек. Короткая юбка была в клеточку, чулки — в полосочку, гольфы — снова в клеточку, носки — в горошек, а на ногах у этой кислотной зебры были однотонные черные мужские ботинки с разноцветными шнурками. У Мурки даже в глазах зарябило от такой неопишуемой красоты.

— С кем разбираться хотите? — строго спросила блондинка. — Это правнучка самого Собакина! Еще вопросы?

— Закон гостеприимства забыли? Думаете, только мужиков привечать надо? Чего вы на нее набросились?! — поддержала брюнетка.

— Вы бы послушали, что она тут говорила, — запальчиво воскликнула Танюха, но прочие девки, осознав, что они чуть было не совершили насилие над родственницей духа второй категории, стали потихоньку отходить в сторону.

— Па-ашли отсюда, гнилое здесь местечко, — обратившись к Мурке, протянула блондинка.

Медленно и гордо, как незадолго до того Петр Алексеевич, Мурка покинула поле боя.

— Ты не обижайся на этих, — сказала по дороге блондинка. — Просто им замуж охота, а о жизни настоящей они ни фиги не знают. Телевизор не смотрят, журналов модных не читают — безнадёжный вариант.

— Вам разве можно телевизор смотреть? — удивилась Мурка.

— А мы не спрашиваем, — хихикнула брюнетка. — Папаня тайком и новости, и футбол, и кино не для всех смотрит, а мы что, хуже? Нам и журналы нельзя, а мы их все равно читаем. Когда в райцентр яйца возим — там и покупаем. Для нас специально завозят, говорят — а это мы припасли для наших постоянных покупательниц Виолетты и Генриетты.

— Виолетта и Генриетта? — повторила Мурка. — А кто из вас кто?

— Я — Виолетта, — с гордостью представилась блондинка. — А вот она — Генриетта. Папаня-то нас по закону назвал — Дуней и Танюхой. Да только мы тайком переименовались, чтоб как эти навозницы не ходить. Имя определяет судьбу женщины, как пишут в журнале «Космополитен». Ты папане только не говори, это все промеж нас. Пойдем, кофе выпьем, как культурные.

В комнате у председателевых дочек с виду все было чинно и скромно: на стенах самодельные иконы и портреты героев войны, кровати застелены грубым холстом. Но стоило только Генриетте повернуть в двери ключик, как все переменилось. Первым делом Виолетта достала из-под кровати маленькую электроплитку и начала варить кофе. Генриетта тем временем

сняла со стен иконы и портреты и поставила их в угол. Под иконами обнаружили фотографии из журналов с изображениями знаменитостей и топ-моделей. Поверх грубого холста на кровати накинута покрывала из яркой ткани, и комната стала похожа на обычное жилище девочек-подростков.

— А боги не обидятся, что вы их на пол поставили, да еще и лицом к стенке? — осторожно поинтересовалась Мурка, усаживаясь под портретом Тины Канделаки.

— Какие они боги? — презрительно сказала Генриетта. — Вот Гоша Куценко — это я понимаю, бог. Или Роберт Пэтинсон. А ты с вампирами встречалась?

— Было дело. Но они не в моем вкусе. У нас в Париже предпочитают иной сорт мужчин, — подпустила загадочности Мурка.

— А ты видела, где в Париже мода и духи рождаются? Там есть такой дом специальный? — с благоговением спросила Виолетта, поднося кофе дорогой гостье.

— Дом мод и духов называется, — кивнула Мурка, храбро отхлебнув неизвестного напитка. — Там стоят такие здоровенные прозрачные пирамиды, и из каждой постоянно что-нибудь рождается. А рядом на подиуме сидят модельеры и голосуют. Если то, что родилось, им нравится — его пускают в производство. А если нет — закидывают обратно в пирамиду, на доработку.

— А ты модельеров этих видела? — чуть дыша спросила Генриетта.

— Ну да. Вот с Прадой мы дружим. Она когда заболела, я ее в больнице навещала. Смотрели кино — «Дьявол носит Прада»? Не видели? Ну это, короче, о том, как я ей передачи носила.

— Так ты — дьявол? — отшатнулись от Мурки председатели дочки. Генриетта на всякий случай прикрылась иконой — даром что перед этим поставила ее в угол носом.

— Это такое почетное звание, — успокоила девушек Мурка. — Дьявол мировой моды. Почти как модельер.

— Модельеры — это настоящие боги. А как вы им молитесь? — снова под села к ней Генриетта.

— А мы им деньги большие платим. Современные боги только на деньги ведутся, запомните, — важно ответила Мурка. — Молиться — это уже неактуально!

«Молица — неактуальна», — записала в специальной тетрадке Генриетта.

— А как тебе наши прикиды? У нас модельеров нету. Сами шьем, сами

красим. Модно? — набравшись смелости, спросила Виолетта.

Мурка присмотрелась к клетчато-полосатой одежде ее сестры и тут только поняла, что все эти клеточки, полосочки и горошинки нанесены вручную, акриловыми красками. Вот это трудолюбие!

— Модно. Да еще и хендмейд — супермодно. Но слишком ярко. Вам не хватает спокойной уверенности. Вы же не бунтовать собрались, верно?

— А может, и бунтовать! — в сердцах воскликнула Генриетта. — Сдохнем мы в дыре этой. Что за жизнь: саки да молитвы. И цыплят всю дорогу кормить.

— Папаша тоже кадр, — добавила Виолетта, — хочет выдать нас за попа. Да мы попа этого дохлого вдвоем за одну ночь уходим!

Маша вспомнила могучую фигуру батюшки-десантника и с уважением посмотрела на своих новых подруг.

— Феминистки были бы на вашей стороне, — похлопала она по плечу старшую.

— Это как понимать — феминистки? — потянулась к тетради для записей Генриетта.

— Борцы за права женщин. Против произвола мужчин.

— Да тут из мужчин только наш папаша, с которым бороться можно. Остальные квелые — либо вечно косые, либо женами своими замучены, — разоткровенничалась Виолетта. — Не хотим всю жизнь в курином навозе копаться! Научи нас бороться за права!

— Для начала надо поверить в себя, — с интонациями лектора медленно произнесла Мурка. — Записывайте, подруги, записывайте! Мы — женщины. Вместе мы сможем! И девок этих дурных воспитывайте, приучайте гордиться собою.

«Вместе мы сможем», — записала в тетрадку Генриетта.

В деревне Бонзайцево назревал бабий бунт.

— Неудобно же, что ты все со мной и со мной, — сказала Дуня, блаженно улыбаясь.

— Тебе со мной неудобно? — потянулся Живой. — С какого момента?

— Мне с тобой хорошо, Пашенька. Просто другие-то совсем одни, а я тебя захапала всего. Мне ж тут жить еще. Девчонки обидятся.

— Ну, это еще кто кого захапал, — хмыкнул Паша. — Но о'кей, проблему понял. Пойдем к другим. Пусть они меня тоже хапают.

— Ты прямо солнышко! — промурлыкала Дуня.

Живой зажмурился от удовольствия: солнышком его называла только мама, очень давно, в детстве.

На поляне для гуляний было тихо, скучно и пахло скандалом. Девушек

было уже около дюжины. Они сидели по трое и по четверо на скамейках и даже семечки не лузгали — просто о чем-то шептались.

— О, эстрада! — воскликнул Живой, указывая на помост для борьбы с умом. — В нашем зале нет пустого места. Это значит — мы с тобой будем сидеть на эстраде.

— Это не страда, — засмеялась Дуня. — Это для борьбы с умом.

— Бороться с умом — моя вторая профессия. Древнейшая. Я со своим недюжинным умом как только не борюсь. Вот, скажем, саки эти ваши — отличное средство. Ум отшибает на раз.

— Чего он там про наши саки болтает? — грозно спросила Танюха, поднимаясь с места. Ей все еще хотелось подраться. В пылу борьбы с французской захватчицей кто-то наступил на ее стрекозиные очки, и оба стекла треснули.

— Какая роскошная фемина! — безмятежно улыбнулся Паша и огляделся по сторонам. — Мне кажется, что я попал в рай и вижу прекрасный сон с самыми обворожительными гуриями в главных ролях. Позвольте узнать ваше прекрасное имя?

— Так мы же познакомившись уже. Когда ты в магазин ко мне заходил, — напомнила Танюха. — Девчонки, это тот, приезжий, что с косичками. Ты тоже бесчестить нас будешь?

— А что, вас уже сегодня кто-то обесчестил? — заинтересовался Паша. — Давайте забудем этот эпизод. Помогите мне вскарабкаться на эстраду, а лучше полезайте сюда вместе со мной. Мы посидим, поговорим, познакомимся поближе.

— Вот это разговор! — одобрила Дуня-толстая. — Эй, девки, живо сварганьте выпить-закусить!

Через пятнадцать минут от былой скуки не осталось и следа. Двенадцать крепких жительниц деревни Зайцево и один щуплый москвич сидели на деревянном помосте, поджав под себя ноги, и дегустировали то, что девушкам удалось утащить из дома. Тут были и саки трех сортов, и бублики, и сушки, и какие-то рисовые липкие шарики, и семечки и две банки рыбных консервов — словом, пир горой. Самогон пили, как и положено, из мелких стопочек, но меры не знали.

— Какие вы все кавайные! — приговаривал Паша, поглаживая девушек по округлостям и выпуклостям. — Няки такие!

— Няки — это обидное слово? — насторожилась Танюха.

— Да это ж по-японски. По-нашенскому с вашенским. Все анимешники так говорят. Красивые значит.

— Они... мышники... — повторила Надюха-маленькая. — Это кто

такие?

— Ну, неважно. Это последователи культа Сусуки-сана в большом городе, откуда я родом. А вы, значит, красавицы, меня потчуете, а я, как свинья, вас не благодарю. Непорядок. Давайте-ка по справедливости.

— Каков мужик! — перешептывались бонзайские девки. — Справедливый. Вот его бы в председатели! Враз бы этих сикарах укротил!

— Вот, — Паша порылся в карманах и достал маленькую трубочку, потом — зажигалку и небольшой бумажный сверток. — Последнюю заначку травы вам отдаю. Потому что люблю вас всех — сил нет!

Он набил трубку, подпалил зелье, затянулся, задержал дыхание, потом выдохнул, передавая трубку по кругу:

— Дунь, а Дунь? На-ка, дунь!

Дуня Попова с благоговением приняла трубку, вдохнула, закашлялась и покраснелась.

— Это с непривычки, — пояснил Паша. — Передаем дальше, это у нас трубка мира... и любви.

Закашлялись почти все — кроме тех, кто догадался не вдыхать Пашино зелье, а только сделать вид, что курит.

— Ой, да это же конопель! — сообразила вдруг Дуня-толстая. — Да у нас этого добра в поле — как грязи.

— О'кей, завтра пойдем в экспедицию, назначаю тебя главной, — тут же распорядился Паша.

— А ты тоже из Собакиных? — набравшись храбрости, спросила Надюха-маленькая.

— Нет, я из японцев.

— А вроде не косоглазенький...

— То есть мама у меня японка, Хакамада ее фамилия, а папа юрист. Я в Японии вообще жил с детства... Ой, надо же, как мы все быстро скурили. Так, о чем я?

— О Японии. Как ты там жил, — подсказала Танюха.

— Да, Япония... Страна восходящего солнца! И я, значит, поехал туда... И ехал, и ехал... И вот приехал. Смотрю — солнце восходит. А под солнцем стоит такая пагода типа вашей церкви, только в пять раз больше. А там уже меня ждут эти, как их... мои друзья, японские аниматоры. И говорят: слышь, Пашка, — ну, они по-японски говорили, но я был с личным переводчиком. Наруто его зовут, такой нормальный пацанчик. Так вот, говорят мне японские аниматоры: Пашка ты, Пашка! Мы знаем тебя как гения и как своего в доску парня. Аниме наше велико и обильно, а порядку в нем нет. Сочини нам, брателло, сценарий самого забойного аниме. Ну, я и

сочинил. А потом еще сочинил. И еще.

— Аниме — это дух такой? — тихо спросила Танюха.

— Да нет. Это мультик такой, навроде... навроде аниме... Черт, вы же телевизора в глаза не видели, как вам, милые, объяснить-то. О! — Паша порылся в своих невообразимых и всеобъемлющих карманах и выудил смартфон. — Тут картинка маленькая, но все-таки видно, вы смотрите внимательно. Это видеоклип. Мне друзья нарезали на день рождения. В смысле, мои друзья, японские аниматоры, сняли лично для меня в подарок самое высокобюджетное аниме в истории аниме. Короче, смотрите!

Девушки были поражены движущимися по экрану картинками — крошечными, нарисованными, но явно живыми. То, что они двигались под музыку и даже умудрялись открывать рот в такт, их не особенно удивило — есть же пределы человеческому удивлению! — хотя Пашины друзья приложили массу стараний к тому, чтобы синхронизировать изображение с текстом.

— Ой, батюшки! Щупальца-то, щупальца! — не то ужасались, не то восхищались бонзайские девки, передавая друг другу чудное устройство с движущимися картинками внутри. — А глаза-то какие, ты глянь! А титьки-то у них, что дыни! Паш, а Паш, кто это тут саблей машет?

— Это не сабля, а катана. Называется Сэмбондзакура. А машет ей мой приятель, Бьякуя его зовут. Как заорет: «Шире!» — так все теньгуи широким кругом так и разлетаются. Но уже без голов. Мужик неплохой, но сильно отмороженный.

— Быкует, значит. Надо запомнить. А это кто, Пашечка?

— А это подруженция моя. Сейлор Мун.

— Да ну, тощая. Ой, а этот-то, этот — ну совсем как ты. Тоже с косичками.

— А это и есть я, — не стал отпираться Паша. — Бог всего и вся. Из нового пантеона. Шинигами моя фамилия.

— Бог! — воскликнули девушки.

— А учителя нашего видел? — тут же спросила Надя-маленькая.

— Ну а как же! Сидим мы раз с Сусуки-саном — вот совсем как с вами сейчас — на облаке. Ногами болтаем, вниз поглядываем, на далекую и прекрасную землю. А там вы плачете, богу молитесь, не жалея слез. Потому что у вас все что надо, уже выросло, а крокодил ни один, даже самый заваливающий, так и не поймался. Тогда Сусуки говорит мне: слышь, брат Живой... В смысле, брат Шинигами. Вымрут мои возлюбленные бонзаюшки при таких хреновых раскладах. Мужиков-то у них совсем не осталось, один поп, да и от того толку как от козла молока. А потом

говорит: ступай, говорит, Паша... то есть этот... Шинигами, на землю, пролей на заек моих благодатный дождь. И вот я здесь, среди вас.

— Бог! Живой! — прошелестели девушки.

А потом по очереди — начала Дуня-толстая, а следом и остальные — спрыгнули с помоста, пали ниц и стали биться лбами о землю.

— Прекратите сейчас же этот культ личности! — возмутился Паша. — Не для того меня Сусуки сюда послал, чтоб вы на холодной земле красивым телом лежали! Всем встать!

Девушки вскочили.

— Заботящий! Значит, правда, что от учителя! — воскликнула Танюха. — Так чего же мы ждем?

Девушки переглянулись, а потом ловко подхватили Пашу на руки и с пением мантры «Кота сера меси ногами» понесли его прочь с поляны.

— Куда едем? — поинтересовался Живой, пытаясь устроиться поудобнее. — Не на живодерню, надеюсь?

— В баню. Там благодатный дождь сподручнее проливать, — пояснила Надюха-маленькая.

— Надо бы только остальных кликнуть, чтобы всем хватило, — сказала уже омытая благодатным дождем и потому щедрая Дуня Попова.

— Каких еще — остальных? — запаниковал Паша. — Вы смерти моей хотите? Смерти живого бога в этой вашей черной бане? Я пошутил, пошутил, не все сразу, давайте кинем жребий, а потом в порядке живой очереди...

Не слушая его, девки запели громче: «Кота сера меси ногами, сера, сера меси ногами». Их сильные молодые голоса заглушали Пашины вопли.

Вскоре наступила тишина.

Глава 20

Утро туманное

Костя Бабст проснулся голый в чужой постели.

За окном уже начинало светать. Голова болела вся. Тело готово было пойти мелкими трещинами, как истосковавшаяся по дождю пустыня. Рядом на кровати кто-то храпел. Бабст с трудом повернул голову и, присмотревшись, разглядел в темноте чью-то бородатую физиономию. Ему стало еще хуже. Сердце без предупреждения прыгнуло вверх, нырнуло вниз и зануло, предвещая совсем недоброе. Косте показалось, что мужик на кровати выводит храпом что-то знакомое...

«Кота сера меси ногами», — узнал мелодию Бабст.

Да это же поп Семен! Сразу стало чуточку легче: Костя вспомнил вчерашний день и даже немножко вечер. Страдальчески натянув джинсы и футболку, валявшиеся рядом, на полу, он включил свет, с трудом добрался до стола, раздвинул рукой обьедки и оперся кулаками о столешницу. Вот это похмелье! Собравшись с силами, он нацедил себе самогона в грязный стакан и, стараясь не глядеть на остатки вчерашнего пиршества, поднес посуду ко рту. Но тут же отставил, едва сдержав рвотный позыв.

«Никогда еще такого не было. Надо бы записать ощущения, эксперимент-то получается серьезный», — подумал Бабст и повернулся спиной к столу. Со стены на него смотрел, чуть прищурившись, добрый старец Сусуки-сан.

— Свиньи мы все-таки, дорогой учитель, — сиплым шепотом сообщил ему Костя. — Меры совсем не знаем. Вот и поп твой Сеня тоже свинья. Русские люди, ничего не попишешь...

Ему показалось, что учитель слегка кивнул в ответ.

Стало еще чуть-чуть полегче, хотя голова болела по-прежнему. Под портретом обнаружился новый бонсай — довольно крупная березка с желтоватой корой и раскидистыми ветвями.

Подойдя поближе, Бабст пригляделся и с удивлением увидел, что это типичная береза пушистая, *betula pubescens*, славящаяся своей белизной. А тут желтая какая-то. И откуда она вообще здесь взялась, ночью? Выросла по воле учителя? Осторожно, чтобы не расплескать похмелье, Костя присел на корточки перед деревцем: березка была широкая, разрослась во все стороны, нижняя часть ствола потемнела и покрылась трещинами. Видно было, что малютке не меньше ста лет, если не все сто пятьдесят.

— Да это же собакинская береза! — хлопнул себя по лбу Бабст.

Он осторожно поднялся и переместился в соседнюю комнату. Там на такой же широкой кровати, точно по центру, возлежал Петр Алексеевич. Грудь его ровно вздымалась, дыхание было спокойным, без хрипов и храпов — видно было, что вчера вечером он провел время с большей пользой для здоровья, чем научный консультант экспедиции.

Других комнат в избе не было. Живого с княжной — тоже.

— Увел, студент! — стукнул Бабст кулаком по стене.

Савицкий что-то промычал во сне и заворочался.

— А вот хрен тебе! — сказал Бабст, взял его за плечи и энергично потрянул.

— Костя, уйди, дай поспать, ради бога! — простонал Петр Алексеевич и довольно чувствительно лягнул его ногой в колено.

Вчера вечером на гулянке Савицкий слегка переволновался: он почему-то живо представил себе, как бонзайские сирены опаивают его каким-нибудь японским народным клофелином, а наутро он просыпается в неизвестной избе, окруженный неопровержимыми доказательствами многочисленных адюльтеров. Дальше его фантазия предлагала несколько вариантов развития событий: шантаж при помощи фотографий, сделанных пособниками гулящих девиц, или выплата многочисленных алиментов их алчным семействам. Оба варианта действовали на Савицкого угнетающе.

Быстрым шагом дойдя до поповской избы, Петр Алексеевич понял, что тут ничего не изменилось: из открытого окна доносился двухголосый храп. Было ясно, что город окончательно объединился с деревней и был этому чрезвычайно рад.

«Время идет, а мы занимаемся черт знает чем», — с тоской подумал Савицкий. Можно было уже не надеяться провести эксперимент с аппаратом Менделеева сегодня вечером. Чтобы как-то успокоиться, он решил позвонить жене. Однако сигнала не оказалось совсем. Видимо, деспотичный садовод Пекунин запретил заодно с телевидением и мобильную связь.

Петр Алексеевич уселся на скамейку и залюбовался видом на тайровый гремок. Вечер был чудесный, вершину горы освещали последние лучи солнца, и скоро Савицкий впал в оцепенение и потерял счет времени.

Внезапно храп в избе затих, а потом продолжился вновь — на более высокой ноте и с более грозными интонациями. Где-то вдалеке слаженный женский хор затянул священную песню про кота. Петр Алексеевич очнулся и в ужасе посмотрел на часы. Огляделся по сторонам — была почти ночь. Где сестренка? Где Живой с Дуней? Ну, Живой, допустим, с Дуней, она его

в обиду не даст — вон как смотрела умильно весь день, да и ушли они с весьма недвусмысленными целями. А вот Вера осталась на поляне среди этих сектанток! С ней могли сделать все что угодно!

Проклиная себя и спотыкаясь в темноте, Петр Алексеевич помчался в сторону поляны для гуляний. Дорогая обувь, возможно, незаменима при хождении по головам (так, помнится, учил покойный Рамакришна), но по мощенной камнем бонзайской дороге лучше было бы бежать в дешевых кедах — их, по крайней мере, не жалко. Вспомнив про обещанный букет, он сорвал под ближайшим забором пучок каких-то сомнительных цветов, оказавшихся чертополохом.

Давно смолкло пение, деревня погрузилась в сон, только иногда там и сям перелаивались собаки. Добежав до поляны, Петр Алексеевич никого на ней не обнаружил. На помосте для борьбы с умом валялись объедки, стояли пустые бутылки и разномастная посуда. «А еще говорили, что чистоту соблюдают!» — покачал головой Савицкий.

Он метнулся влево, вправо, пробежал по узенькой тропинке между двумя плетнями, попал на какую-то недружелюбную улицу, где из-за каждого забора на него рычали и лаяли собаки, свернул поскорее в сторону, чтобы не перебудить всю деревню, и понял, что заблудился. Машинально сделал несколько шагов вперед и увидел приветливо распахнутую калитку. Вошел в незнакомый двор, где не лаяли собаки, прислонился к стене дома и сел прямо на землю. Надо было собраться с духом и постучать в дверь — может быть, хозяйева дадут ему какой-нибудь фонарь или даже помогут в поисках.

Вдруг прямо над головой Петра Алексеевича распахнулось окно. Щелкнула зажигалка. Потянуло табаком.

— Мы всегда тока «Вог» курим. Нету бога кроме «Вога», докажь? — раздался девичий шепот. — Главное, чтобы батя не узнал, а то вздрычит.

— А правду ты говоришь, что... — вступила в разговор другая девушка. Последние слова она произнесла очень тихо — было не разобрать.

Видимо, собеседник (или собеседница) кивнул в ответ.

— Фу, ужас!

— Так делают в Париже! — ответила... Вера? Нет, это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Ну-у, если в Париже... — протянула одна из девиц.

— Вера! — тихо позвал Савицкий.

— Батя! — хором взвизгнули девицы и отпрянули от окна.

Французская княжна выглянула на улицу и увидела четырежды брата,

уже вскочившего на ноги и готового защищать ее от кого угодно, даже от драконов и леших, если это потребуется. Она залюбовалась им: никогда еще ни один мужчина не кидался ей на помощь с такой решительностью.

— Отбой, это мой братишка, — успокоила она подруг. — Пьер, со мной все путем. Надеюсь, вы не начали эксперимент без меня?

— Какой там, — покачал головой Савицкий. — Костя лыка не вяжет, напился с попом.

— Вот сволочи! — в сердцах воскликнула Мурка.

— Да уж, перестарались мужики, — откликнулся Савицкий, несколько удивленный ее реакцией. — Словом, эксперимент переносится на утро. Как раз Косте понадобится большая доза лекарства — это будет его мотивировать. Верочка, а мне показалось, или ты вдруг стала говорить без акцента?

— О, шэр-фрэр! — спохватилась княжна. — Общение с настоящими русскими людьми вернуло меня в лоно народной речи. Я прикоснулась к корням! Я с головой погрузилась в языковую среду.

Она замолкла, сообразив, что слегка переигрывает. Но Петр Алексеевич был удовлетворен этим объяснением. В самом деле, если в доме ее дедушки говорят по-русски, то стоит ли удивляться тому, что происхождение взяло свое. А то, что это произошло именно здесь, в деревне, принадлежавшей Льву Сергеевичу, — особенно показательно. Ведь деревенские люди сохранили истинно русскую речь, даже если иногда развлекают ее разными хирями, гириями и косухами.

— Кавалер, вы останетесь ночевать с нами или пойдете к себе? — светским тоном поинтересовалась Генриетта.

Петр Алексеевич произвольно сделал шаг назад.

— Домой хотите? Устали? Ну, мы вас проводим! — по-своему поняла его замешательство Виолетта.

Петр Алексеевич и Вера шли по уснувшей деревне, держась за руки.

Впереди, как два ниндзя, крались сестры Пекунины. То и дело одна из них прыгала в темноту с воплем: «Сгинь, теньгуй! Скувырнись, вражина!» Судя по тому, что по пути им не встретилось ни одного теньгуя и даже собаки почему-то умолкли, из дочек председателя в будущем могли получиться неплохие телохранители.

Проводив Петра Алексеевича до калитки поповского дома, Вера обняла его, как самая нежная сестра может обнять самого любящего брата, и прошептала на ухо: «А я к девочкам ночевать пойду. У нас разговор есть. Чисто женский».

Савицкий вошел в дом. Бонсай стоял чуть ли не на проходе — это

было очень неосмотрительно. Обойдя всю избу и подсвечивая себе мобильником, Петр Алексеевич определил лучшее место для деревца и поставил его на полку рядом с портретом учителя.

— Присмотришь за реликвией? — шепотом попросил он.

Учитель едва заметно кивнул. А может быть, это свет так отразился.

Успокоившись насчет самого главного, Савицкий разделся и прилег в соседней комнате, но сон долго не шел: храпели на два голоса то сходившиеся, то расходившиеся город и деревня, жужжали злые лесные комары, которых Петр Алексеевич в полусне принимал то за теньгуев-кровопийц, то за посланных кредиторами киллеров, тянуло сивухой и рыбным духом. Заснул он только под утро, за час до пробуждения Бабста. И тот не нашел ничего лучше, чем растолкать его в такую рань!

Петр Алексеевич постарался вложить всю боль своей исстрадавшейся души в короткую и емкую фразу: «Костя, уйди, дай поспать, ради бога!», отвернулся к стенке и сразу же провалился в сон. Бабст заботливо подоткнул ему одеяло и вернулся в большую комнату.

Все было ясно и без расспросов: березу принесли вчера вечером — видимо, в то время, когда он выяснял у попа, сколько на этом свете духов. Практический вывод получался тот же, что и всегда: надо меньше пить. Ну, а раз искомый ингредиент отыскался, то откладывать эксперимент было незачем. А та ли это береза? В любом случае проверить можно только опытным путем.

Костя достал из рюкзака менделеевский аппарат и бережно протер его специальной фланелькой. Затем снова пошарил в рюкзаке и извлек оттуда две бутылки водки. Здесь в процессе подготовки опыта случилась небольшая заминка. Некоторое время экспериментатор зачарованно смотрел на цветные тяповские этикетки и облизывал губы. «Ну тяпни, тяпни сто грамм... — нашептывал какой-то искуситель в несчастной Костиной голове. — Хватит тебе и девятисот для раствора... »

Однако хранитель музея Менделеева нашел в себе силы победить нечистого духа:

— Ученый ты или не ученый? — сурово спросил Бабст сам себя вслух.

После этого он залил обе бутылки в воронку — полностью, до последней капли.

Металлическая коробка радостно зашипела, и внутри нее сразу же затикал таймер. Костя схватил агрегат и побежал на кухню. Он еле успел подставить под краник чистый стакан — иначе пролилась бы драгоценная влага.

Убедившись, что процесс идет как надо, Бабст еще раз наведалься в комнату и перетащил на кухню березку. Он водрузил ее на стол и присел рядом. Теперь нужно было решить научную проблему.

«Поставим вопрос так: что именно я собираюсь в себя вливать? — думал он. — По идее, в коре пушистой березы очень много бетулина, гораздо больше, чем у других видов. Но тогда возникает вопрос: на кой хрен мы сюда ехали? За бетулином, что ли? Можно было синтезировать эту бодягу в лаборатории или просто ободрать любую березу во дворе. Нет, тут что-то другое... Хитрит князь! Не бетулин это. Ствол-то не белый, а почти желтый. И листочки странные. Значит, он чем-то поливал свой бонсай в самые первые годы. И чем же? Ссаками японскими, что ли? Эх, сделать бы анализ, да как его сделаешь в этой дыре?.. Ну, ладно, рискну! Выпью! Башка уже совсем разваливается. Будем надеяться, что Сергеич, оставляя рецепт, не собирался потравить своих внуков».

Костя взял нож и осторожно срезал немного сухой коры с нижней части ствола. Отыскав в кухонном шкафу ступку и пестик, он мелко истолок кору и засыпал получившийся порошок в аппарат.

Из крана продолжало капать. Экспериментатор прошелся взад-вперед по кухне, поглядывая на стакан. Ему казалось, что таймер над ним просто издевается: специально, назло ему, тикает медленно и неравномерно. Внутри у Кости полыхал пожар, в ближней комнате громко храпел поп, а в дальней тонко свистел носом руководитель экспедиции. Бабст еще раз посмотрел на стакан и облизнулся.

«Сосчитаю до тысячи — и выпью», — решил он и, закрыв глаза, принялся считать. Однако уже на цифре сто глаза его сами собой раскрылись. Мозг отказывался работать дальше, нахально заявляя, что умеет считать только до ста. Костя вздохнул, мысленно попросил прощения у Дмитрия Ивановича, а заодно и у бонзайского учителя, сгреб стакан и одним махом закинул в себя его содержимое.

Эффект был оглушительный. Похмелье сняло сразу, как рукой. Голова сделалась ясной, светлой, а все предметы вокруг приобрели такие очертания, как будто были нарисованы тушью на влажной рисовой бумаге. При этом в просветлевшей Костиной голове не обнаружилось ни единой мысли. Бабст с трудом вспомнил о том, что во время эксперимента надо тщательно фиксировать внутренние процессы, и постарался сосредоточиться. Он сделал усилие, прислушался к себе — и вдруг отчетливо услышал внутри какой-то низкий голос, очень похожий на бас спящего друга Сени. Внутренний Сеня мурлыкал известный романс:

Утро туманное, утро седое...

Костя вышел на улицу и присел на лавочку у крыльца.

Поповская изба стояла на пригорке, и отсюда открывался великолепный вид. Деревня еще тонула в утреннем тумане, но над ней возвышалась четко очерченная гора, с вершины которой серые клочья уже совсем сползли. «Гремек», — вспомнил Костя странное название. Вскочило солнце, и окрашенная в чудесный нежно-розовый цвет лысина гремка, чуть подрагивая, отражалась в речке Свинке.

Костя вглядывался в пейзаж, а внутри у него монотонно гудела песня про туманное утро. Но тут пение оборвалось без всякого предупреждения, и вид сразу изменился. То есть вид, конечно, оставался тем же самым, но зато наблюдатель почувствовал, что для полной гармонии чего-то не хватает.

«Чего же?» — спросил он себя.

Вместо ответа из дома донеслись звуки молитвы:

Кота сера меси ногами...

«Это святой отец, — с трудом сообразил Костя. — Вот ведь крепкий какой мужик! Даже с похмелья молится».

— Дуня! — раздалось в доме. — Ты где?

Костя поспешил внутрь.

— Чего ты орешь? — спросил он у батушки. — Нет Дуни, вышла.

— Куда это она вышла в такую рань? А остальные где?

— Паша с девчонками гулять ушел, а Алексеич спит еще. Ты потише рычи, разбудишь.

— Я тебя спрашиваю, где сестра моя? — бухнул поп кулаком по столу. — И с какими такими девчонками этот волосатик ушел? Думаешь, я вчера не видел, как он на Дуньку тарасился? Я все вижу! Ну, погоди, попадетс я он мне, я ему устрою парикмахерскую...

Костя уже забыл, что с утра тоже точил на Пашу зуб. В его новом состоянии ревность казалась чувством мелким и недостойным.

— Да чего ты так волнуешься, Семен? — сказал он успокаивающе. — Ну, гуляет молодежь. Ушли они втроем: Паша, Дуня и Верочка. По росе, наверно, бродят, зарю встречают. А ты, вместо того, чтобы орать, посмотрел бы лучше, какое утро хорошее.

Поп немного приостыл.

— Ну ладно. После разберемся. А ты, я смотрю, полечился уже?

— Ага.

— Тогда пошли на кухню. Тяпнем, а там посмотрим.

В дверях кухни отец Симеон встал как вкопанный: на столе возвышался березовый бонсай. Костя воспользовался замешательством батюшки и, чтобы не возникло лишних вопросов, быстро накинул на менделеевский аппарат полотенце.

Святой отец очнулся и взревел:

— Духи-хранители! Откуда она тут? Это же княжья береза!

— А красивое деревце, правда? — Костя подошел к березке и погладил ее по кроне.

— Я тебя спрашиваю — откуда она здесь? Ей в правлении стоять положено!

— Ты не волнуйся. Должно быть, ваш председатель ее Алексеичу подарил. Ну, или вернул по праву наследования. Алексеич у нас — родной правнук князя, я тебе вчера рассказывал, ты забыл. И Верочка тоже родственница. Да ты не сердись, батя. Верочка — она хорошая. Гуляет сейчас по утренней росе... С Пашей, с Дуняшей...

— По росе, да? А ты, я вижу, уже совсем хорош. Значит, так. Сейчас выпьем, а потом пойдем в правление, и там я лично Гераськиной власти предел положу. Замордую гада. Нет у нас такого закона, чтобы святые реликвии жулью раздавать. Князья они, понимаешь! А документы где? Мы таких князей...

— Ну, ну, не сердись! Лучше выпей вот.

И Костя поставил перед другом стакан с жидкостью желтоватого цвета. Отец Симеон поднес его к носу, посмотрел на просвет и спросил:

— Это еще что такое?

— Пей смело, — подбодрил его Костя. — Ты поп, а я химик. Ты про душу все знаешь, а я знаю, что нужно сейчас твоему грешному телу. Залпом пей!

Долго уговаривать отца Симеона не пришлось. Он выпил, крикнул, поднял было руку, чтобы занюхать рукавом — и вдруг замер, выпучив на Бабста глаза и хватая воздух ртом, как вытщенная из воды рыба. Спустя пару секунд эта мимика сменилась выражением полнейшего благодушия. По лицу его расплылась растерянная улыбка, и свирепый бонзайский поп в одно мгновение стал похож на добрейшего деревенского батюшку.

Совершенно не сговариваясь, не сказав друг другу ни единого слова, друзья вышли на улицу и уселись на лавочку. Вид на долину речки Свинки

тем временем стал еще краше: туман скрывал теперь только избы, а вся гора была открыта для созерцания и казалась вылепленной из сахара.

Минуты две сидели молча. Потом отец Симеон прокашлялся и вполголоса загудел своим басом:

*Утро туманное, утро седое.
Горы печальные, снегом покрытые...*

— Погоди! Погоди! Почему горы? — прервал его Костя. — Там же про нивы поется.

— А, — махнул рукой поп. — Горы, нивы — какая разница? Ты лучше на мир божий смотри.

Посмотрели на божий мир еще минуты две.

— Слушай, а ведь тут что-то не так, — сказал наконец Костя. — Чувствуешь?

— Чувствую.

— Ну, и чего не хватает?

— А ну-ка, погоди!

Отец Симеон зашел в избу и вскоре вернулся, бережно держа обеими ручищами какой-то старинный альбом.

— Это что у тебя? — спросил Костя.

— Реликвия. От учителя осталась. Тут открытки, которые ему с родины присылали. Еще до революции дело было.

Он полистал альбом, вытащил оттуда открытку с какой-то старинной японской гравюрой и протянул Косте.

Половину раскрашенной акварелью картинки занимала гора Фудзи, с которой сползал в долину густой туман. Внизу была видна река с низкими берегами и деревня, жители которой, несмотря на ранний час, уже собирались на работу.

Бабст рассматривал открытку очень долго. Он даже перевернул ее и поглядел, как она выглядит вверх ногами.

— Похоже? — спросил наконец отец Симеон.

— Похоже.

— А чем отличается?

— Ну, гора у них повыше...

— Нет, — покачал головой батюшка. — Не вникаешь.

— Река пошире...

— Опять не то.

— Ну, народ у них с утра уже работает, а у вас все дрыхнут, хотя сегодня понедельник.

— Не в этом дело. Смотри внимательней.

Тут Бабст вдруг ударил себя по лбу.

— Снег! Смотри: тут лето нарисовано, деревья зеленые, трава, а гора снегом покрыта.

— Молодец, вник, — кивнул святой отец. — А я сразу понял, в чем дело. Громок-то наш полгода совсем голый стоит. Да... Учитель сильно огорчился из-за этого. Говорил, что гора непохожая вышла.

— Слышь, батя... А давай сделаем похоже!

— Как это сделаем?

— А я тебе покажу, как. Известь гашеная есть у вас? Или мел?

— Ну, этого добра навалом. На ферме цыплятам в корм подсыпаем.

— Отлично! А тачка у тебя есть?

— Обижаешь. У меня верный конь. Мотоцикл с коляской.

— Ну так поехали!

Ферма располагалась недалеко — сразу за воротами, обозначающими границу деревни, так что вся поездка заняла не больше трех минут. Батюшка лихо осадил своего коня у длинного одноэтажного кирпичного здания. Во дворе фермы не было видно ни души. Бабста удивило то, что здесь не оказалось ни сторожа, ни даже замка на двери: видимо, в деревне Зайцево воровства не боялись. Отец Симеон отодвинул засов и открыл дверь в птичник, просто толкнув ее ногой.

В нос сразу ударил удушливый запах, и Костя закашлялся.

Окна были забраны деревянными решетками, но в полутьме можно было различить поилки, кормушки, ящики для золы и насесты. Куры, запертые в своих клетках, встретили пришельцев оглушительным кудахтаньем.

— А ну молчать, курицыны дети! — гаркнул отец Симеон, и куры, как ни странно, сразу послушались.

От запахов и крика Бабст слегка подрастерял внутреннюю гармонию и потому взялся за научную критику местного птицеводства.

— Неправильно тут у вас все организовано, — сказал он. — Никакой экологии. Солнца нет, а от него куры витамин D вырабатывают. Куда СЭС смотрит?

— Вот любишь ты погундеть, Костян. СЭС до нас не доезжает. А на солнышко они через вон тот лаз гулять ходят. Если его открыть, конечно.

— Что же вы, всех курей на выгуле держите?

— Не всех, а только за хорошее поведение. Остальные на клеточном

режиме. У нас предприятие серьезное, две тыщи голов, иначе нельзя.

— Тюряга, короче, — заключил Бабст, осматривая клетки.

— Ну, пусть будет тюряга. Зато они толстеют хорошо. Вот посмотри, какие куры!

Отец Симеон открыл клетку и вытащил оттуда пару пухлых наседок.

— Вот, смотри, это род-айленд. А это нью-гемпшир.

Показывая кур, поп поднимал их за лапы. Те возмущенно, но сдержанно кудахтали.

— Ну да, по ромам видно, что не наши, — кивнул Бабст. — Так вы, стало быть, их на мясо режете?

— Да ты что! Нельзя нам этого, — ответил батюшка, запихивая иностранных кур обратно в клетку. — Тут такое дело: поначалу мы хотели малюток выращивать — ну, типа куриных бонсаев. Для того и ферму строили. Однако ничего не получилось. История, сын мой, сложилась таким образом, что стало не до фокусов с курами. Но резать их мы все равно не режем. Религия не позволяет.

— А что же вы с ними делаете?

— Главное — яйца производим.

— Понятно. А гуси есть?

— Гусей держать невыгодно. Много жрет эта птица. Ты еще скажи — страусов завести. Ну ладно, умник, пошли за известкой.

Он отодвинул засов на самой дальней двери, и они вошли в теплое, ярко освещенное помещение. Вдоль стен тянулись полки, на которых стояли плетеные корзины. Над каждой корзиной был укреплен рефлектор.

— Инкубатор, — объяснил отец Симеон.

У входа были сложены мешки с известью.

— Вот, — показал на них батюшка. — Минеральные корма. В каждом мешке по одиннадцать килограммов.

— Ну так потащили!

Они быстро загрузили коляску мотоцикла. Бабст пересчитал улов:

— Десять штук. Нет, на такую гору маловато будет. По науке расчет должен быть такой: полкило раствора на квадратный метр площади. А площади там немерено.

— Больше в коляску не влезет, — развел руками поп. — Ну, ничего, поехали. Если надо будет, вернемся сюда.

— А ну-ка, погоди!

Костя сбегал в последний раз в птичник и вернулся, прижимая к себе еще два мешка. Потом уселся в седло позади батюшки и скомандовал:

— А теперь в магазин!

Глава 21

Святая гора

Танюха открыла магазин почти вовремя: молитва и труд, говорил учитель, все перетрут. Случившееся ночью казалось волшебным сном. Поливая бонсаи на окне и произнося привычные молитвы, продавщица гадала про себя: так бог или не бог был этот парень с волосами как пыльные какашки? С одной стороны, для бога слишком уж несолиден, прямо скажем — мозглявка какая-то. Но с другой стороны, ведь показал же он кино, после которого никаких сомнений в его японском происхождении не возникало? Нет, все-таки бог...

Тут раздумья Танюхи о божественном прервал визит первой покупательницы. Скрипнула дверь, и вошла старуха Авдотья Терхировна.

— Добренького утречка, Танюша! Карамели отсыпь мне грамм двести.

— Боровёнку?

— Ему, пухлому. Пуцай порадуетя, а то скручинился чего-то.

Вся деревня знала, что одинокая Терхировна держит поросенка и с каждой пенсии радуется его конфетами. Пока Таня насыпала в кулек карамель, бабушка устроилась поудобнее на окне и начала перемывать косточки приезжим:

— Гудели всю ночь вчера, — докладывала она, хитро глядя на продавщицу. — Очкастая с Гераськиными кобылами снюхалась, длинный по деревне бегал — должно быть, без порток. Толстый с батюшкой песни кричал, а волосатый на поляне девкам самодеятельность показывал. А опосля в бане сублядки устроил.

— Да ты что? Сублядки? — открыла глаза пошире Танюха.

— А будто ты не знаешь? — ухмыльнулась Терхировна. — Ты ж там первая была!

Скрыть что-то от деревенских старух было невозможно — это Таня усвоила чуть ли не с пеленок и потому теперь не стала отпираться. Она уперла руки в боки и объявила:

— А и была! Да ты хоть знаешь, кто он такой?

— А чего тут знать? Козел городской нахухренный.

— Ты, бабуля, такие слова своему боровёнку скажешь, когда он конфеты жрать откажется. А Паша — он живой бог Шинигами и посланец учителя, вот он кто. Поняла?

Бабульку Пашины титулы не смутили.

— Ага, а то не видали мы таких посланцев, как помоложе были. Вот, помню, приезжали к нам за иконами с музея...

Однако рассказать про подвиги музейщиков бабуля не успела. Дверь распахнулась, и в магазин ввалился отец Симеон в сопровождении Кости Бабста. Сразу стало тесно.

— Здорово, бабоньки! — гаркнул святой отец так, словно принимал парад.

Терхировна встала, почтительно закивала и потянулась чмокнуть батюшке ручку. Танюха же встретила покупателей без церемоний:

— Чего орешь-то? — спросила она сурово. — Слышим и так, не глухие. Не наорался вчера, что ли?

— Ты, дочь моя, не хама. Вчера мы с профессором духовные песнопения исполняли, а это та же молитва. И сегодня к тебе по церковному делу пришли.

— Ну. И какое у вас дело в магазине?

— Вот профессор тебе скажет, чего нам купить надо, а я пока бочку опорожню.

— Какую бочку?

— Так вот эту, с рыбой. Или у тебя другие есть?

Крякнув, он оторвал от земли тяжеленную бочку и двинулся к выходу. Танюха на секунду даже потеряла дар речи от такой наглости.

— Да ты что творишь-то, длинногривый? — заорала она наконец, выскакивая из-за прилавка и загораживая дверь. — А ну станови на место! Опорожнит он! Товар денег стоит, кто у меня дохлую рыбу купит?

— Не шуми. Пуццай едят снулую, скажешь, я разрешил.

— Ах ты еретик! Да ты же сам, гад, первый закон нарушаешь! Учитель велел свежую есть! Все Герасиму скажу!

— Танюш, Танюш, не шуми! — запричитала Терхировна. — Батюшку слушай, он плохому не научит!

— А ложил я на твоего Герасима! — кричал поп, не отпуская бочку. — Он у себя в подполе чего только не жрет! Закону она меня будет учить со своим Гераськой!

Бабст встрепенулся. В магазин он входил еще как бы в полусне, однако богословский диспут его, похоже, разбудил.

— Покупаю всю рыбу, — сказал он, купеческим жестом доставая из штанов бумажник. — Держи, Танюха, пятьсот рублей. Сдачи не надо. И вот еще за бочку столько же. Сеня, да поставь ты ее пока, надорвешься! Вместе снесем.

— Еще чего, — буркнул батюшка.

Он решительно двинулся к выходу. Танюха, ойкнув, отскочила, и отец Симеон, пнув ногой дверь, выставил бочку на крыльцо.

Продавщица растерялась. Деньги по масштабам торговой точки были немаленькие, но и уступить сразу не хотелось. Подумав, она сказала:

— Еще двести давай. Там в бочке десятков лещей, все по пять кило.

— Ну и цены у вас, — покачал головой Костя. — Ну ладно, держи.

— А зачем бочка-то понадобилась, сынок? — подкралась поближе к нему любопытная Терхировна.

— Побелку готовить будем, бабуля. Большой ремонт у вас в деревне наступает. Так, Танюша, выдай-ка мне мыла хозяйственного.

— Сколько?

— А все, что есть. Также олифы, соли, канцелярского клею еще... Все, все давай! Синька есть?

Изумленная Танюха полезла на полки. Терхировна, почуяв, что назревают большие события, подобрала кулек с карамелью, выскочила на улицу и опрометью помчалась к соседкам.

Минут через пятнадцать вышел и Бабст, нагруженный хозяйственными товарами. Отец Симеон стоял возле мотоцикла. Рядом с ним сияла отмытая бочка.

— А рыба где? — поинтересовался Костя.

— В пруду. То есть в луже. Тут, типа, лужа здоровая за магазином. Пусть пока в ней поплавают, а потом мы там священный пруд выроем. Ну, что дальше?

— Дальше я химичить буду, а ты помогать, — ответил Бабст. — Первым делом воды принеси. Возьми ведро в магазине.

Работа закипела. Костя небольшими порциями засыпал известку в бочку, подливал воду и тщательно перемешивал раствор купленной тут же шваброй. Затем он велел батюшке принести терку, растер на ней хозяйственное мыло и высыпал в бочку. Туда же пошел канцелярский клей, соль и олифа.

Танюха вышла на крыльцо поглядеть на происходящее, но увидев, что бочка вся вымазана известкой, плюнула и ушла к себе, громко хлопнув дверью.

Стали подходить созванные Терхировной старухи. Каждая почтительно кланялась батюшке и опасливо — незнакомцу. Старухи уселись на крыльце и начали шушукаться.

— Должно, свихнулся!

— Вот и волосатый у них такой же шебутной да склыжный...

— А который главный, тот ничего. Сытый, культурный...

— Бабоньки, а давайте батюшку спытаем, что ж это деется?

Авдотья Терхировна подошла к отцу Симеону и, поклонившись, спросила:

— Батюшка, народ тут сомневается: а приезжий-то этот не очмурел ли часом? С ума, тоись, не сошел?

— Не он сошел, бабуся, а на него сошло. Понимаешь? Могучий дух в профессора вселился! — торжественно объявил во всеуслышание поп. — Слушайте, что он говорить будет, и выполняйте.

— Ага, ага!

Старухи дружно закивали, а Терхировна осторожно подошла поближе к одержимому духом толстяку. Однако толстяк пока никаких команд отдавать не собирался. Он мешал раствор и бормотал себе под нос какие-то непонятные слова:

— Эх, квасцов алюмокалиевых нет!

— Да зачем они тебе? — удивился отец Симеон. — Квасцы еще какие-то выдумал. Одной известки хватит.

Костя посмотрел на него с сожалением:

— Вот все-таки дикий ты человек, Сеня, хоть и поп. Все должно быть по науке. Гарантия качества. А то потом перекрашивать придется.

— А клей зачем?

— Клей нужен, чтобы побелка держалась и не мазалась. На-ка, бери швабру и помешивай. Раствор как сметана должен быть, без комков. Понял?

— Как сметана и без комков, чего тут не понять?

Последним ингредиентом, который Костя всыпал в бочку, оказался пакет синьки — предмет Терхировне знакомый. Она осмелела и спросила:

— А ее-то зачем?

— От солнца. Без нее гора сразу выцветет.

— Гора-а? — изумилась бабушка.

— Ну да, гора.

— Короче, слушайте сюда, бабуськи, — вмешался батюшка. — Учитель завещал нам гремок побелить, чтоб сиял он белизной и зимой, и летом. А мы тут столько лет жили во тьме и не знали, как за это приняться. Увидел божественный такие наши затруднения и послал нам одержимого духом профессора. Понимаете теперь, кто он?

Старухи хором ахнули.

— Стало быть, громоздина-то этот — вроде бога? — почтительно спросила Терхировна.

— Бог не бог, а свое дело знаю, — ответил за попа сам Костя. — Вот

что, бабки. Сейчас каждая сходит к себе домой и принесет швабру. А у кого нет — хотя бы веник березовый.

— Выполнять! — гаркнул бывший десантник. — Сбор на этом месте через пять минут!

Когда через пять минут старухи явились к магазину во всеоружии, побелка была уже готова. Батюшка и приезжий ударами кулаков вгоняли в бочку деревянную крышку.

Затем отец Симеон одним рывком положил бочку на бок. Бабст уперся в нее руками — и покатил по дороге.

— А ну-ка, стройся! — скомандовал святой отец, поднимая швабру, как хоругвь. — Терхировна, ты здесь за старшую остаешься, будешь дальше раствор готовить! Собирай народ, ведра неси! И чтоб без комков у меня!

Старухи построились в колонну по три.

— За мной шагом марш! — гаркнул поп, и процессия с пением мантры двинулась по направлению к сияющей на солнце священной горе.

Утро новой жизни Генриетта и Виолетта Пекунины встречали, сидя на крыльце отцовской избы и попивая кофе в компании своей французской подружки. Несмотря на ранний час, они уже успели приодеться и накраситься — хоть сейчас на обложку модного журнала. Княжна Собакина на их фоне выглядела скромнее, мудрее и взрослее, как и подобает наставнице. Отыгрывая сценку «французская гостя лакомится превосходным кофе» (пить это пойло, к сожалению, могли только упрямые сестры), она давала последние указания:

— И главное, девочки, без крайностей. Мужчина, хоть и является существом примитивным, движимым инстинктами и своим непомерно раздутым махровым эго...

— Чем раздутым? — хихикнула Генриетта, прикрывая рот ладошкой.

— Эгоисты они все махровые, — пнула ее локтем Виолетта.

— А, ну да! — закивала сестра.

— ...все же нужен нам для разнообразных приятных времяпрепровождений. Как то: интеллектуальных бесед о нравственном превосходстве женщины...

— Это как это? — снова перебила Генриетта.

— Ну, это когда мамка батюшке говорит: «Что ж ты лежишь, нет бы дров наколоть, я весь день по хозяйству пластаюсь, а ты только знай бонсаи свои окучиваешь!» А батя ей: «Во всем ты права, царица, только нету у меня сил подняться и встать!» — снова пояснила сообразительная Виолетта.

— Запятая, — с нажимом произнесла Мурка, — для разного рода приятных излишеств — надеюсь, не надо объяснять, каких?

— Да! — с пионерским задором воскликнула Генриетта.

— Нет! — не менее бодро откликнулась Виолетта.

— Вот. И наконец, для продолжения рода.

— А разве это не патриархальные установки? — щегольнула новыми знаниями Виолетта.

— Это если муж тебе говорит: рожай наследника, а не то лишу средств к существованию, — тогда патриархальные. А если тебе самой хочется — другое дело. Вы, главное, в сепаратистский феминизм не уклоняйтесь. Это скучно, дорогие мои, — картинно зевнув, произнесла Мурка и, воспользовавшись замешательством собеседниц, потихоньку вылила кофе на землю.

Вдруг послышался шум, и в конце улицы показался столб пыли. Казалось, что приближается племя пеших кочевников, которое решило двинуться в поход с раннего утра, да еще и в понедельник. Племя все приближалось и приближалось, пока остроглазые девушки не начали различать отдельные детали: катящего бочку Бабста, широко шагающего рядом с ним попа, вооруженного шваброй, и вприпрыжку бегущих следом старух с вениками.

— В баню нешто собрались? — удивилась Генриетта. — А почему с попом? А почему в понедельник?

— И мужик с ними какой-то незнакомый! А чой-то он перед собой катит, эго, что ли, раздутое? Совсем чекурдыкнулся? — приложила указательный пальчик к щеке Виолетта.

Мурка внимательно поглядела на подопытного и поняла: эксперимент провели без нее. «Довыпендривалась, Маша, поздравляю, все пропустила. И правильно тебя Иван Ильич уволит без выходного пособия. Приедешь сюда — будешь в сельском клубе лекции о феминизме читать!» — мысленно выругала она себя.

— А, человек с бочкой, — с улыбкой произнесла она вслух. — В Париже теперь многие так делают. Идею предложили художники Гекльберри энд Финн, слышали? Называется актуальное искусство.

Процессия тем временем поравнялась с председательской избой. Бабст притормозил, чтобы передохнуть. Остановились и остальные.

— А ну-ка, девки, шагом марш с нами! — гаркнул поп.

— Может, батюшка, оставим их? На святое дело идем, а они в непотребных одеждах, — зароптали старухи.

— Каких еще непотребных? Это же топ от Гуччи! — возмущенно воскликнула Виолетта.

— Оно и видно, что гоп до кучи!

— Пойдем, батюшка, от греха!

— А очкастую, так и быть, возьмем! Все ж таки Собакина...

— А эти охальницы пусть остаются у своей кучи.

— Молчать! Все за мной! — распорядился поп.

Мурка спрыгнула с крыльца и улыбнулась:

— Пойдемте, пойдемте, девочки, посмотрим, что они затеяли!

— А почему это мы должны его слушаться? — удивилась Виолетта. —

Ты же сама говорила...

— Ну, нам же интересно, чем дело закончится? Правда?

Председательским дочкам было куда интереснее услышать еще одну чудесную историю из жизни актуальных художников — да хотя бы тех же Гекльберри энд Финна, но они решили, что княжне виднее, как следует поступать настоящим модным феминисткам.

Поплевав на ладони, Бабст вновь покатил бочку вперед. Остальные двинулись за ним.

Мурка-терминатор вступила в контакт с представителем церкви и, опустив глаза долу, скромно поинтересовалась, что происходит, зачем бочка и что будет дальше?

— Идем святую гору белить! — загадочно ответил поп. — На Костяна могучий дух снизошел. На меня тоже, однако помельче. Так что жди, дочь моя, что будет, помалкивай и помогай по мере сил.

— Он пил что-нибудь с утра? — на всякий случай спросила Мурка, кивнув в сторону Бабста, хотя и так было понятно, что пил.

— Это к делу не относится! — строго отвечал батюшка и рысью побежал догонять своего друга. Бабст не обращал на него внимания: он катил бочку степенно, размеренно и молча.

Миновали деревянные ворота, дошли до кладбища у подножия гремка. Бабст еще раз остановился, поплевал на ладони и покатил бочку вверх по тропе.

Княжна Собакина залюбовалась им: вот он, настоящий русский мужик, Илья Муромец! Сидел-сидел на печи, а потом подхватил бочку — и в гору! Как это похоже на русских богатырей! Мурка-терминатор ехидно добавила: «Ничего более бессмысленного, чем катить бочку в гору, этот богатырь придумать, конечно, не мог. Может быть, он там, наверху, сам в эту бочку залезет и покатится вниз? А у местных селянок появится новый вид развлечения? Не все же им приезжих задирать».

Взбираться на крутой склон гремка старухам было тяжело, и процессия растянулась в длинную цепочку. Бабст вырвался вперед, батюшка Симеон, Мурка и сестры Пекунины старались не отставать, но

куда там: новый Сизиф пер в гору как танк.

Оказавшись на вершине, Бабст поставил бочку вертикально, а потом присел на корточки и стал тщательно ощупывать плотную, глинистую, совершенно лишенную растительности почву. Не удовлетворившись осмотром, он встал на колени и приложил ухо к земле, как любят делать герои вестернов. Потом вскочил на ноги и стал измерять плоскую поверхность горы шагами, отмечая что-то камешками и загибая пальцы.

Подтянулись отставшие. Старухи запыхались, но по их лицам было видно, что они готовы пройти еще столько же, лишь бы порадовать вселившегося в пришельца могучего духа.

— Возблагодарим солнце за то, что оно взошло, помолимся учителю и откроем свои сердца его воле! — торжественно возгласил отец Симеон. Затем он прокашлялся и затянул «Кота сера меси ногами». Видимо, эти священные слова не менялись никогда, менялся только смысл, вкладываемый в молитву. Зычный бас попа-десантника разносился окрест, как рев завязшего в болоте новенького трактора. Старухи послушно подвывали. Даже Виолетта с Генриеттой по привычке присоединились к общему хору.

Тем временем Бабст закончил свои расчеты и, видимо, остался ими доволен. Одним точным движением он поддел крышку ножом, открыл бочку, окунул в нее швабру и прочертил по центру горы ровную белую линию.

— Это что за овсянка, сэр? — не удержалась Мурка.

Даже не взглянув на нее, Бабст перехватил швабру поудобнее и стал экономными, размеренными движениями размазывать побелку.

— Зебру думаешь нарисовать? — подначивала его уязвленная невниманием разведчица. — А может, сразу светофор поставим? Или маяк? Тут же перекресток миров!

Но Бабст продолжал священнодействовать молча. Штрихи становились все шире, и наконец, дойдя до места, заранее отмеченного камушками, художник остановился.

— Еще известка нужна! — объявил он и вручил швабру попу, наказав: — Тонким слоем размазывайте, от сих до сих, чтобы весь восточный склон белым стал. А я еще побелки подкачу — покрасим западный.

— А нам-то что делать? — загалдели старухи.

— Работать! — рявкнул поп. — И девкам веники дайте, пусть не отлынивают.

Позабыв основы научного феминизма, которые так старательно вдалбливала им французская княжна, сестры Пекунины похватили веники и

кинулись помогать.

Убедившись в том, что ее участие здесь больше не требуется, Мурка-терминатор двинулась следом за Бабстом. Она подхватила его под руку и заботливо спросила:

— Костя, ты как? Совсем не в себе? Помочь, может быть?

— Спасибо, пока не требуется. Вот сейчас раствор новый замешивать станем — тут ты и поможешь.

— Раствор? Тот, что по рецепту Льва Сергеича? — наострила уши Мурка.

— Да нет. Известку. Тот-то раствор я с утра еще принял.

— Ну, и как? Как это было? Ты должен рассказать мне о своих ощущениях, а я опишу их в диссертации, которая прославит нас обоих!

Нет, все-таки очень сильный дух вселился в Костю Бабста. Ну виданное ли дело, чтобы после такого заявления он не пал в ноги прекрасной княжне, не поклялся ей в любви и верности, не пообещал оказать посильную помощь в написании научной работы, а продолжал как ни в чем не бывало шагать вперед?

— Да какие там ощущения, — пробормотал он. — С утра встал, голова большая и синяя, как земной шар. Алексеич спит, самогонку даже нюхать невозможно. Тебя нет... Ну, думаю, с Пашей ушла...

— Фи, Константин, как ты мог такое обо мне подумать! Я просвещала местных жительниц, и тебе это будет совсем не интересно. Лучше рассказывай, что было с тобой.

— А что со мной? Смотрю — березка стоит. Бетула пубенскенс.

— Мы ее принесли, пока ты брался с местным населением. Это бонсай Льва Сергеича, нам председатель подарил, как родственникам. А потом ты запустил аппарат, да?

— Запустил. А он как зашипит... Я кору растолок, вбухал туда сорок миллиграмм. Думал, что бетулин, а это вовсе не бетулин оказался.

— А что?

— Не знаю... Хитрит князь. Дальше стал считать до тысячи, а он вдруг говорит: только до ста — и шабаш.

— Кто говорит? Князь?

— Мозг.

— Ну хорошо, вы с мозгом поговорили немного, ты выпил раствор — и что дальше?

— Дальше сразу вокруг голоса начались... А гора — как гравюра.

— Костя, какие голоса?

— Басы. Про туман поют... А потом Сеня проснулся. Опаньки, смотри,

что это у них там?

Дорога от горы обратно заняла гораздо меньше времени — может быть, потому, что бочка не мешала, или толпа религиозных фанатиков не отвлекала, или потому, что за разговором о важном время летит быстрее. Мурка взглянула туда, куда указывал Бабст. Возле магазина толпились местные жители.

— Костя, я думаю, нам лучше спрятаться. Мне кажется, что эти люди способны на любую глупость.

— От любой глупости я тебя защищу! — заявил этот невероятный мужчина, и французская княжна снова залюбовалась им: богатырь! настоящий мужик! Правда, русская разведчица тут же добавила: «Кто бы тебя, Костя, от твоей собственной глупости защитил?»

Подойдя к толпе поближе, они увидели десяток цинковых ведер, в которых девки под руководством Авдотьи Терхировны уже мешали раствор.

— Как сметана должно быть! Без комков! — словно заклинание, повторяла старуха.

— А говорила, с князем ночевать будет! — указывая на Мурку и Бабста, выкрикнула нахальная Танюха.

Приглядевшись к бригаде побельщиц, княжна, к своему неудовольствию, узнала девок, с которыми накануне имела стычку на поляне.

— Который упал пузом в грязь — тот ей и князь! — насмешливо прибавила Дуня-толстая.

— В этом сезоне приличным девушкам полагается брать с собой за город не менее двух поклонников, — спесиво заявила княжна. — Князя вы уже видели, теперь познакомьтесь с профессором.

— Подумаешь, профессор. Мы уже с живым богом познакомились! — довольно улыбнулась Дуня-толстая.

«Совсем спятили, бедненькие!» — подумала Мурка.

Профессор тем временем оценил содержимое всех ведер, тут подбавил известки, там подлил воды и похвалил всех без исключения. Танюха, махнув рукой, притащила из магазина еще пяток глубоких, тоже оцинкованных, шаек.

— Да ты не переживай, отмоем мы все, — успокаивали ее подруги. — Будут еще лучше, чем новые!

— Ой, смотрите! — крикнула Танюха.

Со стороны фермы к магазину несся какой-то человек. Когда он подбежал поближе, стало ясно, что это не кто иной, как сам председатель.

Но в каком виде! Запыхавшийся, растрепанный, бледный. Вид у бонзайского начальника был совсем не начальственный.

— Вот где вы! — выпалил он, с недоумением оглядывая ведра. — Так это ж вы корм для цыплят весь извели! Кто же это такое удумал? Что ж вы творите-то, милые? Вот помру я, и скажут — это того Пекунина хоронят, у которого цыплята от голоду в сытый год перемерли!

— Да что ты раскудахтался? Никто о тебе не вспомнит, когда ты скандрычишься! — срезала его Терхировна. — Как сметана должно быть! Без комков!

— Какая еще сметана? У нас не коровник, а птицеферма! А работать кто будет? — не унимался председатель. — Куры передохнут! Хоть бы воды им дали, жарница же! Сегодня машина придет!

— Работа подождет! Тут святое дело! — оборвала его Терхировна.

— Да какое же это святое дело — оставить цыплят без минеральной подкормки? Это же просто вредительство! Что здесь вообще творится?

— Приводим гору в соответствие с задумкой учителя, — пояснил Бабст.

Герасим взглянул на незнакомого мужика, вымазанного белилами и землей, и шарахнулся от него в сторону, чуть не опрокинув ведро.

— Ваше сиятельство, ну хоть вы им скажите! — взмолился он, глядя на княжну. — Учитель ведь работать завещал!

— А они и работают! — строго сказал Бабст.

— А вы кто такой, гражданин? Мне о вас не докладывали.

— Это профессор приезжий, на него дух снизошел и велел гору белить, — затараторили девки. — А батюшка уже там! С утра трудится!

— Ах вот кто мне диверсию устроил! Ну, Семен, погоди...

— Пойдем отсюда, Костя. Процесс пошел сам собой, — шепнула Бабсту Вера, увлекая его в сторону поповской избы.

На скамейке возле дома лежал помятый и осунувшийся Паша. Вместо привычных драных джинсов и майки на нем были закатанные до колена просторные армейские штаны и линялая рубаша на три размера больше — видимо, с плеча батюшки Симеона. Рядом с ним сидела Дуня и отпаивала его чем-то с ложечки. Неподалеку стоял Петр Алексеевич — подтянутый, свежесвыбритый, благоухающий — и с ехидным выражением лица что-то говорил Паше. Тот лишь бессильно махал длинным, как у Пьеро, рукавом.

— А вот и ты, Поль. А меня уже тут заподозрили в том, что я куда-то с тобой ходила, — громко сказала Вера. — Где же ты был? Что делал?

— Благодатный дождь проливал, блин, — ответил Живой и снова бессильно махнул рукой.

— Ну, все уже хорошо, все хорошо! — успокоила его Дуня. — Пойдем-ка в избу!

Приобняв ее за талию, Паша поднялся на ноги и, спотыкаясь, уковылял в дом. На скамейку тут же плюхнулся Бабст. Он отрешенно уставился на гору, быстро меняющую цвет. Сейчас она была похожа на пестрое яйцо какой-то гигантской птицы.

— Пьер, в самом деле, а что случилось с нашим верти-хвостом? — спросила у Савицкого Вера. — Я надеюсь, его не пытались принести в жертву?

— В некотором роде пытались. Он сумел вызвать симпатию туземок.

— Всех сразу? Я так и знала. А ты, Пьер, ты не вызывал их симпатии?

— Заснул я...

— Ну вот, ты уже второй раз спишь и пропускаешь все самое важное.

— Да я женат!

— Я говорю не об этом, а о напитке. Мы так никогда не пойдем, какое действие он оказывает. Надо записывать поведение подопытного, — она кивнула в сторону что-то гудящего себе под нос Бабста.

— Точно! Теперь уже не для науки, а для врачей надо записывать. Эй, Дуня!

— Чего?

Дуня выглянула из дома.

— Принеси нам, пожалуйста, карандаш и бумагу, — попросил Петр Алексеевич.

— Ой, а у нас только тушь и кисточка. Братец не велит ничего другого дома держать. От лукавого, говорит.

— Ну, тащи, что есть!

Дуня снова скрылась в доме. Савицкий подошел к Бабсту и потряс его за плечо.

— Костя, ты с нами?

Тот не отреагировал. Он сидел на скамейке и не отрываясь смотрел на гору, на которой копошились крошечные человеческие фигурки. Одни из них бегали с ведрами вверх и вниз, другие махали вениками. Почти вся вершина была уже белой, оставалось последнее темное пятно, и оно исчезало прямо на глазах.

Дуня принесла кисточку и лист плотной бумаги:

— Вот, у нас только такая бумага. Братец в школе детишек буквы рисовать учит. Ой, Костенька, а что с тобой такое? Может, тебе самогончики выпить?

Бабст вздрогнул и посмотрел на нее почти осмысленным взглядом.

Потом покачал головой, встал и молча отобрал у хозяйки бумагу и принадлежности для рисования.

— Отойдите все! — приказал он.

Костя поставил чернильницу на скамью и пристроил лист бумаги у себя на коленях. Затем обмакнул кисточку в тушь и снова устался на гору.

— Пьер, мне кажется, нам пора трогаться в путь, — сказала княжна Вера, искоса поглядывая на подопытного. — Березу мы нашли, делать здесь больше нечего. Что дальше?

— Дальше — Вакхова трава. Пашка поискал в Интернете, все следы ведут в Краснопырьевск. Это такой городок на Волге.

— Отлично. А как быть с березой? Может быть, оставим ее здесь?

— Исключено. Во-первых, она нам еще понадобится, а во-вторых, это же семейная реликвия! Когда доберемся до цивилизации, отправим березу моей бабуле по *DHL*. Осталось только решить, как мы отсюда выберемся?

— Я слышала, что сегодня в город поедет какая-то машина с яйцами. Может быть, мы уедем на ней?

— Неплохая идея! Дуня! Когда машина в город поедет?

— В пять вечера.

— Отлично! — кивнул руководитель экспедиции. — Надеюсь, к этому времени Паша и Костя как раз очухаются.

Словно услышав его, Бабст, до того сидевший неподвижно над листом бумаги и тушечницей, радостно улыбнулся и принялся рисовать. Он сделал несколько широких мазков, потом что-то мелко заштриховал. Оглядев свою работу, Костя опять задумался. Он закрыл глаза и стал шевелить губами. Снова улыбнулся и что-то быстро написал кисточкой. Затем аккуратно подписался, еще раз оглядел лист и протянул зрителям законченное произведение:

— Вот теперь все правильно. Держите!

Петр Алексеевич взял рисунок. Девушки подошли поближе.

На листе был размашисто изображен бонзайцевский гремок. Нижнюю его часть Костя тщательно заштриховал, а верхняя сияла ослепительной снежной белизной.

Под рисунком каллиграфическим почерком было написано хайку:

*Снегом покрыта
Даже летом в России
Фудзи вершина.*

Еще ниже значилось:

«Вид священной горы в деревне Зайцево после побелки»

Состав:

— известь гашеная (CaO) — 264 кг

— мыло хозяйственное — 15 кг

— клей канцелярский — 2 кг

— соль поваренная — 1,5 кг

— олифа — 12 л

Квасцов не завезли.

Автор:

К.А.Бабст, канд. хим. наук.

Часть четвертая
Краснопырьевск

Глава 22

Понт.ру

Солнце уже осветило крыши и верхние окна трехэтажных домиков на Дворянской улице, а вывеска расположенной здесь лучшей гостиницы города Краснопырьевска все еще сияла неоновыми огнями. На фасаде переливались три маршальские звезды, а над ними искрились полуметровые буквы:

ОТЕЛЬ

«ПАРАДИЗ»

Оценить это райское великолепие в данный момент никто, кроме наших героев, не мог: улица была тиха и безлюдна. Ворковали голуби, и умытые ночным дождем липы стряхивали на тротуар последние крупные капли. Провинциальную идиллию нарушал только припаркованный у дверей отеля крупный джип. Вместо номерного знака на нем была прикреплена табличка с краткой, но внушительной надписью: **«КАБАН»**.

— Кабан, видимо, заночевал в раю, — сказал Паша. — Кстати, о свинине. Поскольку в этом парадизе на завтрак наливают водку, я предлагаю для начала найти приличное кафе.

— Ты иногда говоришь правильные вещи, — одобрила княжна. — Я очень хочу круассан.

Петр Алексеевич оглядел улицу и предложил:

— Давайте позавтракаем где-нибудь возле мэрии. Обсудим планы, а потом — сразу за дело. Идет?

Вера и Паша кивнули.

— Тогда двигаемся к центру!

Решением остался недоволен один только Костя:

— Могли бы и выпить по рюмке, — проворчал он, но тут же, встретив взгляд княжны, поправился: — А куда идти-то? Смотрите — улица закругляется в обе стороны. Прямо как у вас в Москве. Заблудимся. Людей спросить надо. Язык до Киева доведет.

Паша поднял вверх указательный палец и назидательно изрек:

— Костя! Твой язык доведет нас только до ближайшей рюмочной. А мой — до инфаркта. А до центра провинциального российского города в субботу утром доводит или джи-пи-эс, или в крайнем случае гугл-мэпс. Вот, смотри и учись.

С этими словами он извлек из кармана свой верный смартфон, что-то

набрал и продемонстрировал коллегам вид на Краснопырьевск с американского спутника. Осторожно приблизившись к земле, Паша отыскал отель «Парадиз» и потыкал в экран пальцем, выбирая маршрут.

— Так. Идем по Дворянской, потом сворачиваем на Буденного, арендуем там тачанку и дальше скачем по Розе Люксембург до Соборной площади.

— Веди, Сусанин! — кивнул Бабст.

Все двинулись за Пашей. Действительно, ранним субботним утром все улицы, не исключая даже широкий проспект Буденного, оказались совершенно пусты.

Тачанку арендовать не удалось, однако по пути встретилось много не менее интересных вещей. Казалось, что город или готовится к длительной осаде, или совсем недавно ее выдержал. Окошки попадавшихся по дороге ларьков были забраны железными прутьями. Это никого, кроме француженки, не удивило. Более странным показалось то, что к окнам всех домов от первого до последнего этажа были приварены крепкие решетки. И уж совсем непонятно было, зачем такие же решетки, но только сваренные в клетки, окружают самые обыкновенные светофоры. Впрочем, назвать их обыкновенными было бы не совсем верно: они располагались на столбах высотой не ниже пяти метров.

Свернули на улицу Розы Люксембург и прошли мимо автостоянки. Здесь гости города убедились, что Кабан был не единственным местным жителем, которому нравилось украшать номерные знаки своим именем. Компанию ему составляли владельцы очень похожих джипов «Илюша Муромский» и «Саша Менингит».

— Грамотный народ! — покачал головой Бабст. — Я вот слово «менингит» научился писать, только когда сам этим делом переболел.

— Без шапки ходил? — сочувственно спросила княжна.

Костя знал, что менингит происходит не от шапки, а от вируса, но голос Веры был так нежен, что он не стал возражать и только пробормотал:

— Не... Последствия свинки...

Разговор об орфографии и болезнях прервал Пашин вопль:

— Гниды! Гниды! И сюда добрались!

Уперев руки в боки и грозно покачиваясь с пятки на носок, Живой стоял напротив рекламной тумбы с большим плакатом, на котором было что-то написано белым по черному. Княжна подошла ближе и прочитала вслух:

— «У моей собаки даже блохи из Лондона. Дуня Уайльд. Сказано на Понт.ру». Непонятно... Понт — это мост, да?

Паша ухмыльнулся:

— Это у вас во Франции понт — это мост. А у нас — это состояние души. «Понт.ру» — навороченный журнал для высшего света, типа закрытого клуба. Видимо, кто-то из местного начальства интересуется, как туда попасть, и потому наводит тут понты через Волгу.

Буквально через сто метров путешественникам встретился еще один билборд с рекламой, на этот раз уже местного производства. На огромной фотографии была запечатлена река Волга с торчащей из воды знаменитой Калязинской колокольней. С помощью фотошопа к затопленной достопримечательности был проложен мост в виде свернутого в трубочку глянцевого журнала. По мосту ехал джип, очень похожий на три уже встретившихся этим утром. Слоган под картинкой гласил:

ЛУЧШИЙ ПОНТ ЧЕРЕЗ ВОЛГУ

Бабст потряс головой, пытаясь стряхнуть наваждение, а потом обернулся к Паше:

— Ты же это только что сказал! Про понты через Волгу.

Живой кивнул и с грустью в голосе произнес:

— Никогда не пейте с маркетологами, если из вас прут идеи. Сопрут — и не заметишь.

— А я тебя, болтуна, еще хотел к себе в креативщики взять, — огорчился Савицкий. — А про блох из Лондона — тоже твое?

— Нет, это Пупырыш у кого-то другого украл. Блохи — не моя стихия, я больше по блогам.

— А кто такой Пупырыш? — поинтересовалась Вера, сделав ударение на последнем слог.

— Главный маркетолог этой понтодельни и мой близкий друг, — гордо ответил Паша. — Хочешь познакомлю?

— Фи! — княжна фыркнула, как настоящая Мэри Поппинс. — Ну и друзья у тебя... Ладно, хватит болтать. Давайте выбирать кафе! Я хочу уже два круассана.

Однако посаженный Краснопырьевск не спешил угостить парижанку привычной для нее пищей. Французские кондитерские на центральных улицах отсутствовали. Не наблюдалось здесь и кофеен с бесплатным вайфаем, любезных сердцу Паши Живого. Не было даже заведений, хотя бы отдаленно напоминавших питерскую рюмочную, куда охотно заглянул бы притомившийся после своего ежевечернего эксперимента Костя Бабст. Вместо всего этого краснопырьевцам и гостям города наперебой предлагали свои услуги блинные, шаурмовые и чебуречные. Встречались и дорогие рестораны, еще закрытые в эти утренние часы. Рестораны

выглядели весьма экзотично: в их оформлении господствовал кинематографически-ностальгический стиль. Самое большое впечатление на приезжих произвела итальянская траттория в конце улицы Розы Люксембург. Заведение называлось "*Tutti Bratelli*", и его витрину украшал портрет Майкла Корлеоне. Грозный сицилиец глубоко задумался, подперев щеку кольцом 45-го калибра. Из витрины расположенного напротив ресторана "*Hot Stop*" в Майкла целился Джон Диллинджер, сжимавший в руках автомат Томпсона.

Осторожно пройдя между двух великих гангстеров, участники экспедиции вышли на центральную площадь и толкнули дверь самого скромного кафе, не относящегося к разряду чебуречных, — «Однажды в Краснопырьевске».

Народу здесь не было совсем, а интерьер оказался выдержан в спартанском стиле позднесоветского минимализма. Все напоминало тысячи подобных заведений, и только одна необычная деталь сразу бросалась в глаза: укрепленный над стойкой бара телевизор был заключен точно в такую же клетку, как светофоры на улицах.

— Пьер, зачем они все решетируют? — спросила Вера, подходя к столику у окна. — Это чтобы не украли или чтобы не разбили?

Петр Алексеевич хотел подать ей красный пластиковый стул, однако тот оказался привинчен к полу.

— Да ты не волнуйся, сестренка, — успокаивающим тоном сказал он. — Наверное, просто так, на всякий случай. А может, темнокожая диаспора пошаливает, как у вас...

— А это что?! — воскликнул Паша, указывая на напечатанное крупными буквами объявление, висевшее возле стойки:

БРАТВА!

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ ДРУГ В ДРУГА И В ТЕЛЕВИЗОР!

БЛАГОДАРЮ ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО,

ВАШ М.И.ЛИХОДУМОВ.

Под объявлением стояла замысловатая подпись и размытая печать.

— Н-да... — промычал Бабст. — А выпить все-таки надо. Эй, девушка!

Официантка с заспанным лицом принесла меню и встала поодаль, с любопытством оглядывая приезжих.

— Небритый гусь... — прочитал вслух Савицкий. — Ассортимент непривычный.

— А прайс дружелюбный, — попытался развеять общее мрачное настроение Паша.

Костя тоже ознакомился с меню:

— Водка от тринадцати рублей, несмертельная от двадцати, четыре вида бутербродов, туалет пять рублей. Все нормально, — заключил он.

— Я возьму вот эту булочку и кофе, — решила княжна.

— А я свинину по-краснопырьевски, — сказал Петр Алексеевич. — Надо ознакомиться с местной кухней.

Паша, остановивший было палец на небритом гусе, в последний момент спасовал и заказал мусс, кекс и «латте с молоком».

— Ну а мне ты поняла, чего надо, — обратился Бабст к официантке. — Вот и вот.

Девушка кивнула.

— Еще что-нибудь?

— Еще ответьте, пожалуйста, на вопрос, — сказал Паша. — Нас тут не убьют до смерти?

— Да что вы! У нас самое уютное и безопасное место во всем городе. Сам Михал Иваныч заходит после работы. С тех пор как его выбрали, ни разу стрельбы не было.

— А драки?

— Ну, подерутся иногда, — пожала плечами работница питания. — За что-то же они деньги платят. Значит, больше ничего не будете брать?

После ухода официантки посетители некоторое время молчали.

— В гостинице тоже решетки, — сказал наконец Костя, чтобы прервать паузу.

— Ты про этот парадиз? — встрепенулась княжна. — Послушай, Пьер, я еще никогда такого не видела, клянусь, даже в экваториальной Африке! И кто им только дал три звезды?! Я решительно отказываюсь жить в этой помойке! Стоматологи рекомендуют держать зубную щетку на расстоянии не меньше двух метров от унитаза. Но от такого унитаза, как там, ее надо держать в двух километрах. Знаете, что на нем написано? Вот, смотрите, я сфотографировала: «До 25 июня на унитаз не садиться. Может упасть!» А рядом на стене очень длинное ругательство. Видимо, осталось от предыдущего клиента.

— Дай-ка, дай-ка посмотреть! — оживился Бабст. Он взял фотоаппарат из рук княжны, вздрогнув от случайного прикосновения ее пальцев, увеличил снимок и стал прокручивать его слева направо. — Ух ты, загнуто-то как!.. Вот сукин сын!.. Ох, молодец!.. И что интересно — совершенно грамотно написано, даже все запятые на месте.

— Кстати, вы заметили, что по всему городу нарисованы вполне читабельные и очень грамотные граффити? — спросил Петр Алексеевич.

— Да, я даже одно сняла на память, — отозвалась княжна. — Костя,

отдай, хватит! Вот, смотрите. Это на Дворянской: «Кипяченые сосут». Это русская эротика, да?

— Ага! — подхватил Паша. — Вот у меня была одна знакомая...

Однако договорить он не смог: Бабст пихнул его локтем под дых и показал за окно:

— Смотри, какой памятник странный!

Посреди площади возвышалась какая-то сложная конструкция с перекладиной, но разглядеть ее отсюда было трудно.

— Ну ладно, с памятниками потом разберемся, — сказал Савицкий. — Надо разработать план действий. С чего начнем? Наша конечная цель — это Вакхова трава. Где ее искать? Какие будут соображения?

— Надо сначала побольше узнать про этот город, — ответила Вера. — Паша, достань, пожалуйста, свой волшебный прибор.

— Для вас, несравненная, в любой момент.

Он извлек из кармана смартфон, нашел шпаргалку с закладками по теме «Вакхова трава» и открыл статью в Википедии.

— Ну-с, читаем. Так, население двадцать тысяч... Город Пырьевск основан одновременно с Москвой на месте слияния Волги с рекой Пыркой. Так... Юрий Долгорукий... Лево́й рукой... Лжедмитрий Второй... Это все неинтересно. Во!

Расцвет города приходится на семнадцатый век. Появляются каменные палаты, церкви, монастыри. Построен собор, в котором служил пришлый грек Исидор, обличивший юродивого Вакха Волосатого.

— Ну! Ну! Дальше что?

— Дальше про нашего волосатого приятеля ничего не говорится. Дальше всякая чушь... А, вот интересно! В 1990-е годы Краснопырьевск неожиданно прославился как криминальная столица верхней Волги. Следы этого лихого времени до сих пор заметны на городских улицах.

— Да уж...

— Промышленных предприятий в городе почти нет, экология удивительная, местные жители утверждают, что их воздухом можно закусывать.

— Бутерброды того... подкачали, — некстати заметил Бабст, уже принявший двести грамм. Он взглянул на княжну, покраснел и добавил: — А воздух и правда свежий.

Вера улыбнулась.

— Так, а где мы сейчас находимся? — спросил Петр Алексеевич.

Все повернулись и посмотрели в окно.

Монументальное серое здание мэрии — видимо, бывший райком —

было похоже на крематорий с флагом вместо трубы. Напротив него возвышалась бетонная трибуна с гербом СССР. И трибуна, и герб были в идеальном состоянии, и при желании можно было живо представить себе проходящую под ними расцвеченную кумачом первомайскую демонстрацию. К трибуне примыкали торговые ряды классической архитектуры, а за ними красовалась пышная новодельная церковь с синим куполом в таких же маршальских звездах, как на гостинице.

— Древнего собора больше нет, — заключил Паша. — Снесен Лжедмитрием Вторым. Вместо него выстроен новый храм.

— Храм Спаса-на-Понтах, — хмыкнул Бабст. — Чувствуется влияние столицы.

Петр Алексеевич, хотя и знал, что Костя — большой любитель древностей, но все-таки обиделся за Москву:

— А будто у вас в Питере таких нет?

— У нас в Питере, Петруша, есть все, — подчеркнуто спокойно ответил Костя.

— Ну ладно, ладно, мальчики, не ругайтесь, — поспешила вмешаться княжна. — Скажите мне лучше, как называется эта площадь?

— Сейчас посмотрим, — отозвался Паша. — Так... Бывшая Полицейская площадь, потом Красных Латышей, потом имени Цюрупы, потом площадь Свободной Воли имени академика Андрея Дмитриевича Сахарова, потом несколько лет называлась Кипяченой площадью — в честь главы местной ОПГ, знаменитого бандита Кипяченого. После ликвидации Кипяченого переименована в Соборную.

— Вот! — воскликнула Вера. — И на граффити было написано про каких-то кипяченых. Посмотри, пожалуйста, кто это такой!

— Джаст э момент! М-м... Тут нет, здесь удалено, тут вырезано цензурой. А, вот! Кэш Яндекса со ссылкой на несуществующую страницу сообщает: «Глава пырьевской преступной группировки, обладал большими организаторскими способностями, считался интеллектуалом преступного мира. Был выбран главой города в 1995 году, погиб в разборках в 1999 году. После него мэром стал другой криминальный авторитет — Миха Лиходумов по кличке Мэр. Мэр остается мэром до сего дня».

Услышав это, все не сговариваясь повернули головы к стойке и перечитали объявление, подписанное М.И.Лиходумовым.

Повисла пауза.

— Хорошо, с политикой здесь все понятно, — сказал наконец Петр Алексеевич. — Однако нас интересует религия.

Возникает такой вопрос: раз наш Вакх был юродивый, значит, надо

идти в церковь?

Паша выплюнул кусок кекса прямо в мусс и вскочил со стула:

— Ну уж нет! Это без меня! Я попов больше видеть не могу! Хватит с меня отца Симеона! Вон пусть академик к ним идет, у него здоровье крепче.

Костя на этот раз отнесся к словам студента благодушно: двадцатирублевая водка уже успела согреть ему душу.

— Ладно, не кипятись. В церковь идти без толку, потому что батюшки этого Волосатого святым наверняка не признают. Да и храм у них на понтах.

Руководитель экспедиции выслушал всех и принял решение:

— Хорошо, церковь отменяется. Сходим в мэрию. Там в комитете по культуре должны направить нас куда следует. Представимся журналистами.

— Это запросто! — кивнул Паша.

— А может, сразу в архив? — спросила княжна. — Здесь же должен быть городской архив? И, может быть, библиотека?

— Правильно! Значит, так. Сестренка, ты с Костей отправляешься на поиски архива, библиотеки и прочих культурных учреждений. Ты иностранка, Костя ученый — интеллигенция должна отнестись к вам с доверием. А мы с гением пиара попробуем сунуться прямо в логово Миши Лиходумова по прозвищу Мэр. Девушка, счет!

Глава 23

Перепозиционирование Краснопырьевска

Краснопырьевск постепенно просыпался, но привычного москвичам автомобильного движения не наблюдалось. На проезжей части стояли три женщины с авоськами. Они что-то живо обсуждали:

— Да иди ты!

— Говорю тебе — взбунтовались. Моего в шесть утра по тревоге подняли.

— Пойду я тогда. Надо Милку с Лешкой домой загнать, а то сожрут их эти косорылые.

На площади не было ни светофора, ни пешеходного перехода. Московские гости вальяжно пересекли ее наискосок, и тут Паша пожелал поближе рассмотреть памятник, возвышавшийся в самом центре. Чугунные коленопреклоненные люди окружали то ли узкий стеллаж с одной полкой, то ли широкую приставную лестницу с одной ступенькой.

— Наверное, отсюда этот их Кипяченый вознесся, — указывая на центральный элемент памятника, предположил Живой. — Залез по лестнице в небо, как Мюнхгаузен. А перед вознесением дал своим людям пару заповедей.

— Заповедь первая — перед начальством всегда стойте на коленях, — улыбнулся Петр Алексеевич.

Подойдя поближе к коленопреклоненным фигурам, Живой и Савицкий увидели, что на спине у каждого закреплено по медной табличке.

— Медленный, Деланный, Священный, Желанный, Нежданный, Негаданный, Неслышанный, Невиданный, Чеканный, Нечаянный, Данный, — обойдя памятник по кругу, прочитал Паша. — Почему-то всего одиннадцать апостолов. Ну-ка почитаем, кто возвел сей монумент.

Они подошли вплотную к «лестнице в небо». На мраморной доске было выбито:

ОДНА БУКВА

Н

ПИШЕТСЯ,

ЕСЛИ ПРИЧАСТИЯ ИЛИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

ОБРАЗОВАНЫ ОТ ГЛАГОЛОВ

НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

— Опа! Так это не лестница, а буква «Н»! Вот башка у кого-то

работает — увековечили самое геморройное правило нашего великого и могучего, — одобрил Паша.

— А эти что же с двумя «Н»? — указал на фигуры Петр Алексеевич.

— А это исключения. Им очень стыдно, и они просят прощения у великой неудовоенной буквы «Н»! — пояснил Паша, доставая из кармана смартфон.

Сфотографировав композицию с нескольких ракурсов и отдельно запечатлев мраморную орфограмму, он уселся прямо на спину Желанному и торопливо застучал по клавиатуре.

— Ты надолго? Я не мешаю? — поинтересовался Петр Алексеевич.

— Сейчас, пять сек, — повернулся к нему Паша, продолжая вслепую молотить по клавишам. — Ну просто надо же мне блоги обновлять как-то. И чтоб не халтурно. А это хороший контент, годный.

Петр Алексеевич ничего не понял из его объяснения, но величественно наклонил голову: блоги так блоги.

— Ай да Пашкин, ай да адская сатана! — похвалил себя через некоторое время Живой, убрал прибор и похлопал Желанного по спине.

Они продолжили путь к мэрии.

Серое величественное здание ничуть не изменилось со времен советской власти, однако по обе стороны от входа стояли две явно новодельные толстенькие зверюшки.

— А кто это у них там, львы, что ли? — прищурился Петр Алексеевич. — Как-то не по-большевистски.

— Свиньи! — уверенно сказал Паша и зашагал к фигурам, чтобы погладить по голове грозных стражей. — Это же свинки! Наши советские хрюшки. Анна-Ванна, наш отряд хочет видеть поросят и потрогать спинки... Упс! Нормальные кабанчики!

Паша отдернул руки и на всякий случай даже спрятал их поглубже в карманы. У входа в мэрию сидели мордатые гранитные бультерьеры.

— Собачки-то, видимо, со времен Кипяченого остались, — предположил Петр Алексеевич. — Цепные псы режима. Режим нет, а псы сидят, охраняют.

— Да, конкретные звери, — поежился Паша. — Причем тут ведь символика. Вот видите, Ватсон, остатки поводков? Знаете, зачем они?

— Ну, зачем?

— Первоначально памятник представлял собой квадригу в римском духе, но с чукотским оттенком. Ею управлял возница. Типа аллегория такая: бразды правления. Потом, значит, возницу грохнули, а собачки стали свободны...

— ...но никуда при этом не разбежались, — закончил Петр Алексеевич. — В общем, форма правления в городе понятна. Заходим?

Едва только охотники за собакинским эликсиром ступили на широкие гранитные ступени мэрии, как из дверей навстречу им выскочил милиционер. Щуплый Паша непроизвольно спрятался за рослого Петра Алексеевича. Но стражу порядка было не до них: он промчался мимо, разговаривая с пачкой сигарет и одновременно пытаясь зубами вытянуть антенну из рации — видимо, чтобы ее раскурить.

— Иваныч! Иваныч! Бегом в мэрию, твою дивизию! — рявкнул он на ни в чем не повинного верблюда с пачки «Кэмела» и скрылся за углом.

— Нормально мужика торкнуло, — прокомментировал Паша, провожая его взглядом. — Может, сегодня у них день аванса? Шмаль за вредность выдают?

Петр Алексеевич молча потянул на себя массивную дубовую дверь.

В вестибюле мэрии было прохладно, но как-то тревожно, как в приемной у зубного. Прямо напротив входа высилась бронированная будка с тонированными стеклами. Поверх стекол были опущены складные решетчатые жалюзи, скрепленные для надежности амбарным замком. На будке висела эмалированная табличка «Бюро пропусков».

Чуть поодаль, возле проходной, топтались охранники.

— Что делать будем? Граница-то на замке, — забеспокоился Савицкий.

Оценив обстановку, Паша достал из кармана резинку для волос и ловко собрал дреды в пучок таким образом, что анфас его можно было принять за обладателя обычной прически.

— Для нас все границы откроют! — объявил он.

Мимо, чуть не сбив его с ног, промчались два растрепанных толстяка в расстегнутых пиджаках и сбившихся набок галстуках.

— Поляну окружили или нет? Окружили, я тебя спрашиваю?

— Да нормалек! Пыжиковы орлы с шести утра к штурму готовятся!

— А наши козлы чем заняты? Уроет тебя Иваныч, и меня заодно!

Толстяки, даже не взглянув на охранников, побежали вверх по лестнице.

— У них тут какой-то форс-мажор, тебе не кажется? Пропусков не оформляют, а как же нас без пропуска пустят? — снова встревожился Петр Алексеевич.

— Пропуска у меня с собой, — бросил Паша и сунул ему в руки какую-то корочку.

Откуда-то сбоку выбежали шесть пожарных в блестящих касках и боевой брезентовой форме и бодро потрусили к выходу. Возглавлял группу

невысокий коренастый бородач.

— С ними дядька Черномор! — одобрительно произнес Паша, провожая их взглядом.

Он подошел к посту охраны, небрежно помахивая корочкой. На него никто не обратил внимания. Честный Петр Алексеевич шагнул следом. Пройдя кордон, он с интересом взглянул на удостоверение.

— «Межгалактический союз журналистов имени Роберта Шекли». Это что, в самом деле есть такой?

— Есть, — кивнул Живой. — Мы с ребятами на конвенте фантастов его уже года три как придумали.

На второй этаж вела мраморная лестница, застеленная красным ковром. По лестнице бегали вверх-вниз люди в штатском и в форме. Они возбужденно переговаривались, размахивали руками и вообще вели себя совсем не так, как в представлении московских гостей должны были вести себя провинциальные чиновники и приближенные к ним простые смертные.

На стенах висели тяжелые позолоченные рамы, из которых выглядывали мордастые добрые молодцы в аляповатых галстуках. Большая часть портретов была украшена траурными ленточками и табличками с датами жизни.

— Смотри-ка, все политбюро в девяностые угрохали, — присвистнул Живой, поглядев на даты. — Может, не пойдём в это логово?

Петр Алексеевич легонько подтолкнул его в спину:

— Отступать уже некуда, Паша. Не посралим межгалактический союз журналистов и лично товарища Шекли! Наша цель скромная — комитет по культуре.

На втором этаже суеты было еще больше.

— Предлагаю временно прикинуться ветошью и прислушаться к разговорам аборигенов, — сказал Паша.

Но из разговоров мало что можно было понять.

— Взбунтовались? Конечно, взбунтовались! Я бы на таких харчах тоже взбунтовался!

— Ну так то ты, а то косорылые!

— Психологу позвони, который по террористам!

— Да они же дикари! Они же человеческого языка не понимают, на кой им психологи?

— А журналисты?

— Ждут отмашки.

— Только Стозе Михайловне не говорите, а то всем бошки

поотрывает!

— Все равно поотрывает. Они же всех там сожрут!

— А с заложниками что сделать обещали?

— Не знаю! По закону предков, блин!

— В Москве чтоб только не узнали! А то Иваныч расстроится и всех порешит!

— Так, а вы что тут стоите? — накинулся на Петра Алексеевича и Пашу высокий худой человек в строгом костюме. — Работайте, делайте что-нибудь!

— Вы не подскажете, где здесь комитет по культуре? — вежливо спросил у него Петр Алексеевич.

— По какой, на хрен, культуре! С ума сошли, что ли? Делайте что-нибудь, не стойте столбом!

Человек в строгом костюме побежал дальше и скрылся в одном из кабинетов. Оттуда сразу послышался его недовольный голос: «Так, а вы тут что сидите? Делайте что-нибудь! Не сидите как пень!»

— Все понятно. Коррупцированные бюрократы отказываются идти на сотрудничество с представителями народа, — заключил Паша. — Придется искать самим.

Уворачиваясь от бегущих, кричащих и размахивающих руками чиновников, представители народа отправились в полное опасностей путешествие по зданию краснопырьевской мэрии.

Комитет по культуре отыскался в тупичке между двумя туалетами. Петр Алексеевич постучал и, не дождавшись ответа, распахнул дверь.

В маленькой комнатке было тепло, пыльно и уютно. За широким столом, заваленным глянцевыми журналами, сидела холеная загорелая старушка с фиолетовым шиньоном. Отставив наманикюренный мизинчик, она попивала кофе из фарфоровой чашки старинной работы и увлеченно читала журнал «Понт.ру». На гостей она даже не взглянула.

— Э-кхм! — деликатно кашлянул Петр Алексеевич. — Можно к вам?

— Вы ко мне? — вздрогнула старушка. — Дверью ошиблись, поди? Мужской туалет — направо.

— Нет, мы именно к вам. Засвидетельствовать свое почтение, уважаемая... эээ... — потянулся к ручке ставший вдруг неимоверно галантным Паша.

— Анастасия Тихоновна.

Хозяйка кабинета протянула ему сухую лапку с салонным маникюром. Паша осторожно приложился к ней губами. От старой дамы исходил тонкий запах чего-то советского — может быть, армянского коньяка и

духов «Красная Москва».

— Кофе хотите, голубчики? Вон у меня кофеварка в углу. Вы, молодой человек, кнопочку нажмите там. Эх, помощника-то моего еще в девяностые упразднили!

— Как упразднили? — не понял Петр Алексеевич.

— А как обычно, — и Анастасия Тихоновна провела ноготком по горлу.

Гости переглянулись.

— У вас, как я погляжу, боевая обстановка в городе. А кто сейчас взбунтовался? — спросил Паша.

— Взбунтовался? А кому тут у нас бунтовать? Всех несогласных в девяностые положили, а кто поумнее — тот еще раньше в Москву уехал.

— Так ведь, говорят, людоеды у вас завелись, — зловецим шепотом произнес Живой.

— Может, и людоеды, — спокойно улыбнулась Анастасия Тихоновна.

— У вас людоеды в городе, а вам все равно? — изумился Савицкий.

— Я, милый, тут тридцать лет сижу. Райком пережила, демократов пережила, Кипяченого пережила. Переживу и людоедов. А если сунутся ко мне — буду отстреливаться. Мне в девяносто-запамятовала-каком полгода зарплату оружием и боеприпасами выплачивали.

Продолжая улыбаться, начальница краснопырьевской культуры достала из ящика стола маленький дамский пистолет.

— Понтовая штуkenция, — одобрительно сказал Паша.

— Хороший понт дороже денег! — неожиданно откликнулась бабуля.

Она отложила журнал и подперла щеку рукой, как сказочница из добрых советских фильмов.

— Дайте, что ли, свежий номер посмотреть. — Не дожидаясь разрешения, Паша схватил «Понт.ру», быстро пролистал его от конца к началу и покачал головой: — Ай да молодцы! Опять мою идею забесплатно сперли.

— Так вы журналисты? — Анастасия Тихоновна сразу как-то подобралась, растеряла сходство со сказочницей, и стало понятно, что не случайно она сидит в этом кабинете тридцать лет. — Пойдемте! Михал Иваныч вас давно ждет!

Старушка встала из-за стола и незаметным движением спрятала пистолетик в карман вязаной кофточки. Карман подходил идеально: видимо, его связали специально для ношения оружия.

В коридоре царила прежняя суматоха. Старушка привычно лавировала среди массивных туш чиновников, и наши герои едва за ней поспевали.

Мимо пронеслась уже знакомая бригада пожарных, только дядька Черномор теперь бежал последним.

В приемной мэра гостей встретила рослая не улыбочивая секретарша с прищуром снайпера. Анастасия Тихоновна что-то прошептала ей на ухо, и секретарша сразу как будто стала меньше ростом, заулыбалась и потянулась к телефонному аппарату.

— Михал Иванович, тут культура каких-то журналистов привела. Говорит, насчет интервью. Как в кабинет? Но вы же... А бунт? Да. Поняла. Будет сделано.

Она повесила трубку и как будто уменьшилась еще на пять сантиметров.

— Михал Иванович велел... Вы проходите, господа! Ой, как неудобно! Он скоро будет.

— Дерзайте, молодые люди, — раздался откуда-то издалека голос начальницы культуры.

В просторном, как Соборная площадь, кабинете главы краснопырьевской администрации московские гости сначала потерялись и робко присели к столу переговоров. Над ними возвышался резной рабочий стол красного дерева, уставленный сувенирными пресс-папье, ручками на золоченых подставках и прочими подношениями и подарками. В центре стоял огромный монитор, а над ним на стене висели в блестящих рамках многочисленные дипломы.

— Михал Иванович будет через несколько минут, — продолжала суетиться секретарша. — Что желаете — чай, кофе?

— А кофе у вас, небось, растворимый? — капризно спросил Паша.

— Конечно, растворимый, — с гордостью ответила секретарша. — Растворяется со скоростью звука!

— Интересно, какого именно звука. А «Зеленая обезьяна» у вас есть? — продолжал понтировать столичный гость.

— Вы это про кого? — испугалась секретарша. — Про Леху Зеленого? Так его же еще в девяносто девятом...

— Мне, пожалуйста, «Липтон» в пакетике, без сахара, и если можно — с лимоном, — вмешался Савицкий.

Секретарша любезно улыбнулась ему и поспешила к выходу.

— Два пакетика! В смысле, два чая! — крикнул ей вслед Паша.

— Мне кажется, нас за кого-то приняли, — шепнул Петр Алексеевич, когда за девушкой закрылась дверь. — Не люблю попадать в такие ситуации...

— Командир, ты про Вакха узнать хочешь? — перебил его Паша и

вскочил с места. — В такой ситуации у нас больше шансов. Так, посмотрим, за какие заслуги нашего уважаемого мэра наградили этими дипломами.

— За стрельбу без правил? — предположил Петр Алексеевич.

Паша небрежно отодвинул в сторону кожаное кресло и стал перечислять награды местного руководителя:

— «Районная олимпиада по русскому языку, диплом первой степени». Не слабо! «Победителю городского конкурса сочинений по литературе». Тоже нормально. «Диплом второй степени областной олимпиады по русскому языку». А это что? Всего-то третьей степени диплом. Но зато — всероссийской олимпиады. Ну, понятно. Грамотный дядя. От этого и будем плясать.

Бесшумно вошла секретарша с серебряным подносом, на котором помимо двух дымящихся чашек с плавающими в них пакетиками стояла вазочка с крупными конфетами, корзинка с печеньем и плетенка с булочками.

— Кушайте, булки свежие, у нас своя пекарня! — гордо произнесла она, ловко расставляя посуду на столе. — А Михал Иваныч вот-вот будет, говорит, всего два рога обломать осталось.

Гости переглянулись, но ничего не сказали. Петр Алексеевич принялся за чай, а Паша потянулся к сладостям. Развернув первую конфету, он извлек из обертки стодолларовую купюру.

— Обратите внимание, коллега. Очень элегантная форма дачи взятки.

— Не смей трогать! Тут наверняка камеры слежения кругом.

— Это вряд ли, — беспечно махнул рукой Живой, но конфету кое-как завернул и положил на место. Прихватив из корзины самую румяную булочку, он поднял хозяйское кресло на максимальную высоту и горделиво на него взгромоздился. Судя по всему, мэр Краснопырьевска был мужчиной крупным — Паша в его кресле почти потерялся.

— Я похож на ревизора? — спросил он у Петра Алексеевича.

— Ты на младшего моего похож. Мы ему стульчик такой же высокий купили, чтобы за столом с нами сидел.

Тут Живого спугнул звонок телефона. Паша моментально спрыгнул с кресла и даже стряхнул с сиденья несуществующие соринки.

— Я вышел, говорите после звукового сигнала, — произнес автоответчик. Вслед за этим раздался отдаленный звук выстрела — видимо, это и был звуковой сигнал.

В ответ полилось нечленораздельное бульканье, превратившееся в очередь отборного мата. Затем трубку повесили. Автоответчик снова

выстрелил и отключился.

Тут, словно в ответ, за дверью послышалась ругань еще более высокой пробы. Дверь распахнулась, и в кабинет вошла точная копия Шрека — как если бы с него смыли зеленую краску и одели в дорогой деловой костюм.

— Михал Иванович, — представился Шрек, пожимая по очереди руки гостям. — Очень рад, что нашли, так сказать, время. Присаживайтесь, присаживайтесь, как говорится, по-простому.

Мэр демократично уселся напротив, на таком же стуле, что и посетители.

Некоторое время обе стороны молча изучали друг друга. Потом Лиходумов достал из кармана пиджака флягу, отхлебнул, не предложив гостям, вытер губы и приступил к разговору:

— У нас тут... — он изобразил пальцами кавычки, как будто подбирая нужное слово, — неприятности. Надо лично ехать, разруливать. Так что интервью прямо сейчас дать не получится, лучше на вечер перенесем. Мы как только косорылых... принудим к миру, так будет время... на разговоры.

Мэр все время делал паузы. Было видно, что он привык общаться в более экспрессивной манере и теперь с трудом подбирает синонимы к некоторым словам.

— А что у вас случилось-то? — спросил Живой.

— Да эта... мать... чрезвычайная ситуация. Не народ у нас, а какие-то, извините мой французский, мерды. Бегаешь целый день, как сямка, заботишься о них, а они...

После этой фразы мэр долго сгибал и разгибал пальцы, подбирая подходящее слово. Паша было решил, что его заело окончательно, но нет:

— ...в Красную Армию! — неожиданно выпалил Лиходумов, а затем продолжил литературным языком: — Вы уже ознакомились с городом?

— Конечно, — любезно подтвердил Савицкий.

— И как вам наш пресс-релиз?

— Какой пресс-релиз? — удивился Паша.

Мэр снова зашевелил пальцами и даже изменился в лице — казалось, он сейчас позеленеет и станет настоящим Шреком, но он сдержался и на этот раз, только изо всей силы ударил кулаком по селектору.

— Шурка! Пресс-релиз тащи!

На уже знакомом серебряном подносе была принесена кожаная папка с золотым тиснением «Пресс-релиз». Открыв ее, Паша обнаружил распечатку страницы из Википедии.

— А, это мы уже видели, — разочарованно сказал он. — И про воздух, и про закуску.

— Ну а что, хорошо же придумано? Образно! — самодовольно сказал мэр. — И все запятые на месте.

— Хорошо, но мало. Что мы узнаём о городе из этой фразы? Да ничего. Неправильное позиционирование продукта...

Свернув на свою любимую тему, Живой забылся, раскраснелся и начал бурно жестикулировать. Дреды выбились из-под резинки, но он этого даже не заметил. Петр Алексеевич предостерегающе наступил ему под столом на ногу, потом толкнул локтем, но Пашу было уже не остановить.

— Так, блин, кто спорит? — неожиданно согласился с ним Лиходумов. — Базара нет — земля наша велика и обильна, а хорошего пиара на ней днем с огнем... Я уже шесть пресс-секретарей сменил. Такие, знаешь... неумные люди все время попадают. Просто... неумный на неумном.

— А что если сделать акцент на повальной грамотности жителей Краснопырьевска? Вот у вас на стене дипломы...

— Да, так сказать... В детстве... был отличником, — смущенно улыбнулся мэр.

— И мы обратили внимание на то, что у вас в городе все объявления, вывески, граффити и даже неприличные надписи выполнены в точном соответствии с правилами русской орфографии, — загибал пальцы Паша.

— Ну так их же дрючили, блин, столько лет! — ухмыльнулся мэр.

— Вот с этого и начнем строить положительный образ города.

— С того, что мы их дрючили?

— С того, что грамотные все. Краснопырьевск — новая культурная столица России. Вы позволите? — не дожидаясь разрешения, Паша уселся за стол Михал Иваныча и придвинул поближе клавиатуру. — Идите сюда, сейчас поработаем над вашим имиджем в режиме онлайн. Ну и вам, конечно, тоже придется поднапрячься. Слова-то нужные я вам накидаю, не вопрос. Но чтоб ваш город воспринимали всерьез — нужны действия. Ну, там, не знаю, фестиваль замутить, образцово-показательную библиотеку открыть, премию какую-нибудь учредить. За... типа... ну сами придумайте, за что вам будет приятно вручать премию.

Открыв Википедию на странице, посвященной Краснопырьевску, Паша залогинился и принялся править текст на глазах у изумленного мэра.

— Значит, про девяностые годы вообще убираем, ну, криминал всякий, на фига вам это, правильно? А сюда надо вместо этой морды поставить фотографию памятника букве «Н». Сейчас, вот тут у меня в блоге она висит. О, уже пятьсот комментов! Неслабо! Так, сюда фото. Теперь давайте причешем отдаленное прошлое. Начнем с Долгорукого...

Мэр Краснопырьевска стоял рядом с Пашей, уверенно

переписывающим историю его города, и смотрел на него, как на спустившееся с неба божество.

— Кстати, об истории, — вмешался в творческий процесс Петр Алексеевич. — Видите ли, Михаил Иванович, мы проводим независимое историческое расследование по поводу личности юродивого Вакха Волосатого, жившего в Пырьевске в семнадцатом веке.

— Чё? — уставился на него Лиходумов. — Какое, на хрен, расследование в моем городе?

— Независимое. Историческое, — повторил Петр Алексеевич.

— Так, а вот мне из вашей редакции звонили — это что вообще было? — напрягся мэр. — Вы вообще от кого?

— Все правильно, это про нас вам звонили, — заерзал Живой, отчаянно подмигивая недогадливому Савицкому. — Просто так принято говорить, что мы проводим независимое расследование. Кстати, про Вакха в самом деле надо написать побольше. Занятная фигура. Значит, так, что мы знаем о нем? Подсказывайте!

— Сейчас узнаю! — рыкнул Шрек.

Он достал из кармана крошечный мобильный телефон, потерявшийся в его ладони, потыкал пальцем в сенсорный экран и дождался ответа.

— Здравсьте... — расплылся он в умильной улыбке, как будто невидимый собеседник мог его видеть. — Мне Дуню Уайльд... Да... Это вы? Не узнал, богатой будете... О, за этим дело не станет! Да. А ваши молодцы уже у меня. Как не может быть? Почему? Завтра? А кто же это у меня? Ах, вот оно что! Понял. Ну, здоровья вам крепкого, Дунечка. Да. Уже перевел. В два платежа. Как договорились. Жду!

Мэр убрал телефонную трубку в карман. Повисла неприятная пауза. Паша сполз с кожаного кресла и бочком отошел к Петру Алексеевичу.

— Какой, на хрен, Вакх? У меня тут...

Мэр больше не мог сдерживаться. Победитель районных, областных и всероссийских олимпиад по русскому языку четко, внятно и предельно грамотно, хотя и непечатно, объяснил самозванцам, где их место, куда им следует идти прямо сейчас, откуда они есть пошли и как именно умрут, если не вернуться к стандартным формам гетеросексуальной копуляции.

После этой речи мэр покинул кабинет. Дверь закрылась за ним бесшумно, но в ушах независимых исследователей прозвучали раскаты грома.

— Сейчас, командир, нас будут отстреливать, — грустным и тихим голосом сказал Паша.

Но отстреливать их никто не стал. В кабинет вошла секретарша Шура

в сопровождении двух крепких мужчин с деревянным выражением на лицах. Секретарша снова стала похожа на не улыбающуюся снайпершу.

— Посторонних прошу очистить помещение! — сухо сказала она.

— Что значит — очистить? И кто это — посторонний? Сначала булками кормят, а потом — очистить? — возмутился Паша. — Мы журналисты! Столичные! Приехали создавать позитивный образ города Краснопырьевска.

— Мы вам очень благодарны. А теперь — покиньте помещение, — повторила секретарша. — Мальчики, помогите гостям найти обратную дорогу.

Мордovorot, стоявший по левую руку от Шуры, ухватил за плечи Живого. Мордovorot, стоявший по правую руку, крепко взял под локоть Петра Алексеевича. Не обращая внимания на возмущенные вопли столичного журналиста, гостей вывели к посту охраны.

— Чего зеваешь, морда? — обратилась к охраннику Шура. — Вот этих — не пускать, еще раз если полезут. Всё!

— Вы будете отвечать перед Страсбургом, Гаагой, Обамой и далай-ламой! — закричал Паша, когда их вытолкнули на улицу.

Но никто его не услышал.

Мимо снова пронесся отряд пожарных. На этот раз дядька Черномор бежал посередине.

Глава 24

Снова в церкви

Оставшись без Паши и его всезнающего прибора, Вера и Костя побрели по городу куда глаза глядят. Глаза Бабста не могли спокойно смотреть на храм Спаса-на-Понтах, и поэтому он сразу свернул с Соборной площади в ближайший переулок.

Тут обнаружилось любопытное для жителей мегаполисов свойство Краснопырьевска. Стоило отойти от центра всего на каких-нибудь двести метров, и город приобретал совершенно деревенский вид: вдоль улиц тянулись заросшие репейником глухие заборы, а за ними виднелись крыши одноэтажных домиков.

— Настоящая Азия! — ахала парижская княжна, обходя лужи.

Впрочем, Маша Голубкова на этот раз была полностью солидарна со своей героиней: за пределы Третьего московского транспортного кольца ей доводилось выбираться крайне редко.

Как и парадная европейская часть города, по которой они прогулялись утром, азиатская часть тоже сохраняла следы недавних военных действий. Заборы были опутаны сверху спиралями колючей проволоки, иногда попадались железные шипы, пики и зацементированное битое стекло. Почти на каждом воротах была нарисована собака. раззявив пасть в улыбке, она обращалась к прохожим с какой-нибудь остроумной репликой:

Я БЕГУ ОТ ДОМА ДО ВОРОТ ДВЕ СЕКУНДЫ!

А ТЫ?

За воротами нежданных гостей поджидали настоящие собаки, подтверждавшие серьезность намерений своих нарисованных коллег дружным лаем.

Княжна поживалась от собачьего остроумия, и Костя решил ее успокоить.

— Ты, Вера, не бойся, — сказал он.

— Как же мне не бояться, если у меня нет специального собачьего электрошокера? — чуть не плача отвечала парижанка. — А если попадутся бродячие? А если бешеные? А вдруг в местной амбуланс не окажется нужной вакцины?

— Вера, у тебя есть я. Я тебя спасу!

— Ты умеешь правильно позиционировать себя по отношению к бродячей собаке?

— А чего тут уметь? Главное — не дразнить и в глаза ей не смотреть. Если облает, то не убегать, не кричать, но при этом не заискивать и не бояться. Собака — она же как человек. Ну, а если совсем обнаглеет — кулаком в нос, и все дела.

— Ты настоящий терминатор! — восхитилась княжна.

Костя гордо выпрямился.

Дальше идти стало гораздо веселее. Вера принялась убеждать своего спутника, что они должны первыми отыскать Вакхову траву, утерев нос и четырежды брату, и особенно этому наглецу Живому.

— Мы ведь с тобой серьезные ученые, да? — спрашивала она.

— А то! — отвечал разомлевший Бабст.

— А ради чего мы рецепт ищем?

— Ради науки, ясен пень.

— Вот! Мы хотим совершить открытие. А они зачем ищут?

— Ради денег.

— А разве это хорошо?

— Деньги — это зло, — соглашался Костя, глядя на нее влюбленными глазами.

При всем своем рационализме и прямодушии смотритель музея Менделеева в это утро не мог сдерживать тайных, смутных, радостных и совершенно неразумных мыслей. Глядя на клетчатую рубашечку Веры, на ее голубенькие джинсы и в особенности на ее трогательную беззащитную русую косичку, Костя был готов не только порвать на части всех краснопырьевских собак, не только вырыть из земли рецепт волшебного эликсира, не только принести Вере на подносе Нобелевку по химии, но и, может быть... может быть... Но тут он остановился. «Ты, старик, не спеши, — говорил он себе. — Брак — дело серьезное».

Его мечтания были прерваны самым прозаическим образом:

— Костя, ну долго мы будем так ходить? — услышал он капризный голосок. — Давай уже спрашивать народ!

— Давай! — ответил очнувшийся Бабст.

— Вон человек идет.

Впереди маячил пожилой мужчина с авоськой, в которой что-то нежно позвякивало. Шел он сгорбившись, глубоко задумавшись и так неспешно, что, казалось, почти не двигался с места.

— Извините, пожалуйста! — обратилась к нему Вера.

Пенсионер вздрогнул и испуганно посмотрел на нее из-под кустистых бровей.

— Вы не подскажете, где тут городской архив?

— Чего? — переспросил тот, прикладывая руку к уху.

— Мы ищем архив! — громко пояснил Бабст. — Ну, где документы городские лежат!

— А, документы... А где им лежать? Где положено лежат. У гада в сейфе.

— У какого гада?

— У Мишки Лиходумова, у какого еще?

Отношение местного населения к власти стало еще понятнее, однако архив от этого не приблизился.

— А может быть, вы знаете, где тут библиотека?

Расслышав этот вопрос, старик вдруг распрямылся, улыбнулся, и по его коричневому лицу побежали лучистые морщинки.

— Была! — сказал он, как будто что-то припоминая. — Ей-богу, была! А как же! Вот как сейчас вижу! В школе когда учился, ходил туда.

— И где она?

— А кто ж ее знает, где? Раньше она в центре, на Буденного была, возле бани. А потом при Кипяченом мэре выселили ее куда-то. И баню выселили. А библиотека хорошая была. Помню! А как же! Ходил туда в седьмом классе, Майн Рида читал... Эх!..

Старик махнул рукой, снова сгорбился и двинулся дальше, позвякивая своей авоськой.

— Н-да. В этом городе сложно получить информацию, — сжав губы, сказала княжна.

— Ничего, ничего, Веруня, не падай духом! — подбодрил ее Костя. — Сейчас все узнаем!

Они принялись спрашивать всех подряд. Ситуация стала постепенно проясняться. Оказалось, что еще в девяностые годы все не приносившие прибыли культурно-просветительские учреждения были выселены куда-то на самую окраину города, и с тех пор в них никто не бывал. Молодежь вообще не понимала слова «архив», а старики только разводили руками. Через час после начала импровизированного социологического опроса Вера совсем отчаялась, и даже радужное настроение Бабста стало сходить на нет.

И тут вдруг блеснул свет в конце тоннеля.

Его пролила крошечная старушка в платочке. Про архив она ничего не знала, но на вопрос о библиотеке ответила сразу, не задумываясь:

— А как же, знаю! Я там молоко беру.

Ответ был настолько абсурдным, что Костя не нашел ничего лучше, чем переспросить:

— Какое молоко?

— Так ведь козье. От козы.

— Где?

— Да в библиотеке! Вы, деточки, идите вдоль этого забора до угла, потом через канаву сигайте и сразу сворачивайте на тропку. Убитая такая тропочка, не пропустите. Там всё кусты, кусты, а вы по тропке, по тропке — и увидите старую церкву, порушенную. Вот там и будет вам библиотека.

Бабст внимательно посмотрел старушке в глаза: явных признаков безумия в них не наблюдалось, напротив, взгляд любительницы козьего молока отличался прямоотой и ясностью.

— Спасибо, бабушка!

Следуя путем, указанным доброй волшебницей, Костя и Вера перепрыгнули канаву, прошли лесом по хорошо утоптанной тропке, пробрались через гущу кустарника и вскоре вышли к ветхой полуобвалившейся церкви.

Впрочем, в этом заросшем доме уже трудно было узнать божий храм. Штукатурка совсем слезла со стен и колонн, обнажив старые кирпичи. Колокольня и купол отсутствовали, крыша была покрыта проржавевшим железом, а на всех уступах первого и второго этажей росли небольшие деревца. Единственной новой вещью, сразу бросавшейся в глаза, была сияющая медная табличка, прикрепленная к фасаду:

*НИКОЛО-ИВАНОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ конец XVII века ЗДАНИЕ
РАЗРУШЕНО В РЕЗУЛЬТАТЕ ТЕРАКТА, УСТРОЕННОГО БАНДОЙ
КИПЯЧЕНОГО,*

В 1995 ГОДУ

Костя только покачал головой:

— Ну и здоровы они брехать...

— Неужели здесь может быть библиотека? — изумилась княжна.

— И не только библиотека. Смотри!

На дверях бывшего храма теснились аккуратно выведенные белой краской надписи:

*ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА ГОРОДСКОЙ АРХИВ ОБЩЕСТВО
ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ*

«ПОДПОЛЬНАЯ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ТИПОГРАФИЯ»

— Значит, Кипяченый всех сюда сослал, — догадался Костя.

— Он просто какой-то злодей! — в сердцах сказала Вера. — Хорошо, что его убили.

— Да уж, никто не пожалеет. Однако дело его, похоже, живет. Ну ладно, заходим!

Костя перекрестился и распахнул двери храма.

В нос сразу ударил какой-то странный запах: в нем чувствовались ароматы свежего навоза, сена и мокрой шерсти, но все перебивал очень хорошо знакомый работнику музея неистребимый запах книжной пыли.

Искатели полоумь-травы осторожно вошли в огромный полутемный зал. Все его стены от пола до потолка занимали книжные стеллажи, но книги стояли только на верхних полках, начиная примерно с человеческого роста. Ниже располагались сколоченные из досок загоны, из которых высовывали симпатичные ушастые морды самые настоящие козы. Слышалось испуганное блеяние. Алтарь и два придела были отгорожены фанерными перегородками. Справа от входа стоял старинный ручной печатный пресс.

— Здравствуйте! — громко сказал Бабст, и эхо его голоса гулко прокатилось под сводами.

В помещении сразу началось какое-то движение. Две фигуры стремглав кинулись в темные углы, а еще две упали на пол как подкошенные.

Княжна взвизгнула и вцепилась в Бабста. Тот погладил ее по плечу, взял за руку и подошел к лежавшим на полу. Это были мужчины неопределенного возраста. Оба они лежали неподвижно, лицом в пол, положив руки на затылок.

— Эй, друзья, что с вами? — спросил Костя, стараясь произносить слова как можно мягче.

Один из мужчин медленно повернул голову.

— Павел Николаевич, похоже, это не налет, — хрипло сказал он, обращаясь к своему товарищу.

Тот продолжал лежать без движения, словно не слышал обращенных к нему слов. Первый медленно, с трудом встал и отряхнул брюки.

— Павел Николаевич, я же вам говорю: это не налет. Вставайте!

Второй мужчина пошевелился, а затем присел на полу, надел очки и сразу схватился за сердце.

— Послушайте, ну нельзя же так людей пугать! — сердито сказал первый, помогая коллеге подняться. — Ведь так же можно инфаркт получить. Нина Степанна! Сонечка! Вылезайте! Это не бандиты.

Из углов показались две скромно одетые женщины.

— Простите нас, пожалуйста, — сказала Вера. — Мы совсем не хотели вас напугать. Мы приезжие, по делу.

— Ах, приезжие! Ну, тогда понятно. Просто сюда же никто не заходит, если, конечно, не считать налетчиков. А вы кричать с порога...

Деятели культуры города Краснопырьевска столпились вокруг неожиданных посетителей и осматривали их детски-любопытными глазами. Костя, в свою очередь, вглядывался в бледные лица незнакомцев. Больше всего они напоминали героев прочитанного в детстве рассказа Короленко «Дети подземелья».

— Сергеев, Николай Константинович, старший библиограф, — представился тот мужчина, который поднялся с пола первым.

— Костя Бабст, химик.

— Вера Собакина. Из Парижа.

— Из Парижа?! — библиограф Сергеев был просто ошарашен. — Из Парижа! Василий Семенович! Дуся! Идите все сюда! Тут гости из Парижа!

Со всех сторон стали подходить новые люди. Приезжих уже не просто осматривали, а пожирали глазами. Один заросший человек осторожно дотронулся до Костиного рюкзака, а маленькая девушка встала на цыпочки и потрогала Верину косичку.

— Мы краеведы-любители, — объяснял тем временем Бабст. — Вот Верин прадедушка, известный химик Лев Собакин, часто бывал в вашем городе, и мы хотели бы узнать кое-что про...

— А в Лувре вы были? — перебила его маленькая девушка.

— А в Национальной библиотеке?

— А в Пантеоне?

— Да-да, конечно, — испуганно ответила Вера. — Я все расскажу...

Обитатели заброшенной церкви окружили пришельцев плотным кольцом. В них тыкали пальцами, их поглаживали и чуть ли не щипали. Похоже, для краснопырьевской интеллигенции живые иностранцы были чем-то вроде доказательства бытия Божия, и они, подобно святому Фоме, хотели окончательно удостовериться в произошедшем чуде.

Вера закрыла лицо руками.

— Товарищи, что здесь происходит?! — раздался вдруг чей-то начальственный баритон.

Толпа расступилась. К посетителям библиотеки направлялся важного вида высокий старик в мешковатом костюме с острыми лацканами и старых очках в костяной оправе — живой привет из советского прошлого.

— Николай Иванович, это гости из Парижа, — дрожащим голосом объяснил ему Сергеев.

— Вот как? — начальник остался совершенно спокоен и ничем не выдал своего удивления. — Тогда попрошу ко мне в кабинет!

И он показал на перегородку, скрывавшую бывший алтарь.

Обстановка кабинета директора городской библиотеки Николая

Ивановича Сёмина — так представился невозмутимый руководитель — мало отличалась от убранства бывшей церкви. Вдоль стен здесь, как и везде, стояли высокие книжные стеллажи, но письменного стола не было: только два ветхих стула, узкая кушетка и большая стремянка посередине. Загонов для скота тоже не было, но книги все-таки располагались очень высоко на полках — видимо, козы сюда иногда забредали.

Книги на полках были распределены по рубрикам: виднелись закладки «Общие вопросы», «Животноводство», «Растениеводство», «Тепличное хозяйство». Особо выделялись золотые корешки «Ветеринарной энциклопедии» и «Энциклопедии семян». Другие, менее ценные издания были свалены кучей в углу.

— Присаживайтесь! — сказал хозяин необыкновенного кабинета.

Гости сели, а Николай Иванович остался стоять.

— У вас тут что, натуральное хозяйство? — спросил Костя, оглядывая полки с сельскохозяйственной литературой.

— Точно так, — не без гордости ответил директор. — Причем, заметьте, абсолютно самостоятельное. Мы уже пятнадцать лет на полном самообеспечении.

— Не платят?

— Разумеется, не платят, — Сёмин даже пожал плечами в ответ на такой странный вопрос.

— И как же вы... — осознав весь ужас ситуации, княжна осеклась и не смогла договорить до конца.

— Ничего, — спокойно ответил Николай Иванович. — Всему научились постепенно. Зря говорят, что интеллигенция косорукая. Все она может, если жизнь заставит. Морковного чаю хотите?

— Спасибо! — Костя никогда не отказывался попробовать новый для себя напиток.

Ставя чайник на какой-то допотопный примус, Николай Иванович знакомил гостей с достижениями библиотеки:

— Успехи налицо, — отрывисто докладывал он. — В прошлом году урожай картошки в приусадебном хозяйстве повысили на целых семнадцать процентов. Освоили репу. Животноводство тоже на уровне. Восемь коз ягные.

— Какие? — не поняла княжна.

— Стельные. Это для нас самое главное. Будут козлята — будет и мясо на будущий год.

И в директорской манере говорить, и в его уверенных движениях чувствовался крепкий хозяйственник. Костя сразу проникся уважением к

этому человеку.

— А у вас тут, я смотрю, даже письменного стола нет, — сказал он. — Присесть, должно быть, некогда?

— Это точно. Некогда, да и незачем. Весь день на ногах, слежу за хозяйством. На мне десять человек библиотекарей, да еще архивист, да из охраны памятников трое осталось и из типографии один. Кроме того, из города периодически заходят коллеги. Всех подкармливаем.

Николай Иванович выдал гостям по кружке кирпичнокрасного морковного чая.

— С мятой, — кратко пояснил он. — И витаминов много, и для почек полезно. Кроме того, весьма питательно. В первые годы капитализма только им от голода и спасались.

Бабст отхлебнул из своей кружки. Чай был сладковатый, густой, душистый и очень вкусный. Глядя на Костю, княжна тоже пригубила экзотический напиток.

— А читатели к вам заходят? — спросила она.

— В прошлом году записалось семь человек. Но в основном голодающие старушки. Приходят подкормиться.

— Значит, книг больше никто не читает?

— Конечно, нет.

— Но как же так! А ваши сотрудники? Они-то хоть читают?

— А вы представляете, какая у них жизнь? Коз надо накормить, помыть, подоить... А огород? А теплицы? Какие уж тут книжки! Нет, не читают. А я читаю. Вот: «Разведение брюквы», — директор показал на книгу, лежавшую на стремянке. — Стараюсь, чтобы хозяйство развивалось строго по науке.

— Но ведь вы же того... просветительское учреждение! — не выдержал Костя. — Что ж, так всю жизнь и будете жить? Надо же делать что-нибудь!

— Просвещать массы уже поздно, — строго и размеренно, словно читая лекцию, ответил Николай Иванович. — Россия миновала стадию культуры и вступила в стадию цивилизации. Поэтому главные задачи интеллигенции — это выживание и самодостаточность. Вот в следующем году думаю взяться за починку дома.

Гости промолчали.

— А вы, собственно, по какому вопросу, товарищи? — спросил директор.

Костя представил свою спутницу — правнучку знаменитого ученого-энциклопедиста Льва Сергеевича Собакина. Он рассчитывал на

немедленный отклик, однако директор только наморщил лоб, пытаясь что-то вспомнить, а потом покачал головой:

— Нет, не слыхал про такого.

— Ну, неважно, — ответил Костя. — Дело в том, что Лев Сергеевич очень интересовался историей Пырьевска конца семнадцатого века, и в частности, фигурой юродивого Вакха Волосатого.

— А вот про этого слыхал, — кивнул директор. — Однако это не ко мне. Архив у нас — отдельное учреждение.

— А куда идти?

— Далеко идти не надо. Все рядом. Спускайтесь вон туда, в подклет, — и директор показал на дверь в стене. — Там он и сидит. Савельев Иван Иванович, директор и единственный сотрудник городского архива. Только вряд ли вы с ним договоритесь. Человек особенный.

У Кости внутри все запело: теперь цель была совсем близка.

— Ну, мы попробуем! — сказал он. — Сейчас спустимся, только нашим надо позвонить.

Он быстро набрал номер Савицкого и спросил, как дела. Выяснилось, что изгнанные из мэрии руководитель и пиар-директор экспедиции бродят по городу и безуспешно ищут библиотеку. Костя быстро объяснил дорогу и, предупредив, что в здании надо вести себя как можно тише и ничему не удивляться, выключил мобильник.

Морковный чай закончился.

— Спасибо, Николай Иванович!

— Не за что. Я не прощаюсь, еще встретимся. У нас сегодня посадка брюквы. Если что, найдете меня на заднем дворе, у теплиц. Удачи вам, товарищи!

— Спасибо!

Глава 25

В склепе

В помещение городского архива вела узкая винтовая лестница. Костя заглянул в темноту, пробормотал: «Темно, как... — и, оглянувшись на парижанку, закончил: — ...у представителя северных народов в чуме». После этого он достал из рюкзака электрический фонарик.

— С тобой точно не пропадешь! — с искренним восхищением воскликнула Вера Собакина.

А Маша Голубкова мысленно обругала себя разиней — уж что-что, а фонарь с собой захватить можно было! Но с другой стороны — где вы видели французскую княжну, расхаживающую по русской провинции с фонарями?

Бабст спускался первым, проверяя надежность ступеней. Его спутница шла следом и гладила ладонью шершавую кирпичную стену, чуть влажную и местами поросшую мхом.

— Хорошая кладка. Наверное, со времен Лживого Дмитрия осталась? — спросила она.

— Ага. И вот эта вот эпистола — примерно с тех же времен, — ответил Костя, высвечивая фонариком выцарапанную на кирпичках надпись: *ИСТОЧНИК, ЗАСЛУЖИВАЮЩИЙ ДОВЕРИЯ*

Из стены тонкой струйкой сочилась вода и капала в подставленный бидон из-под молока.

— Интересно, что они потом делают с этой заслуживающей доверия водою? — поинтересовался Бабст.

— Используют в ритуальных омовениях! — предположила княжна.

— Ты лучше за эту стенку не хватайся, за меня держись, — на всякий случай предостерег ее Костя. Княжна послушно вцепилась в его рюкзак.

Лестница привела их в подвальное помещение с низкими сводами. Возле входа на стремянке с проломившейся третьей ступенькой стояла керосиновая лампа. Ее мягкий и яркий свет выхватывал из темноты уже знакомый стеллаж. Однако не в пример своим библиотечным товарищам, их архивный коллега был сверху донизу заполнен скоросшивателями с аккуратными бирочками, приклеенными к корешкам. Надписей на большинстве из них было не разобрать из-за мелкого почерка, но на одном Костя сумел прочесть: «*Летопись г. Краснопырьевска. 1996 год*».

В глубине помещения за письменным столом сидел закутанный в

длинный синий халат маленький человечек в больших круглых очках. Он что-то читал. Рядом трещала свечка в старинном закопченном подсвечнике.

— Здравствуйте, Иван Иванович! — ласково поздоровался с ним Бабст.

— Кхм! — отреагировал на приветствие директор архива, не отрываясь от чтения.

— Какой у вас тут порядок, — кокетливо улыбнулась княжна. — Не то что наверху.

— Кхе! — кашлянул Савельев и без особой симпатии посмотрел на неожиданных гостей.

— Меня зовут Константин Бабст, я ваш коллега, хранитель музея из Санкт-Петербурга. А это Вера Собакина.

О том, что его спутница княжна, да еще и из Парижа, Костя почему-то сказать постеснялся.

Посетители подошли поближе и с любопытством посмотрели на хозяина. Главный и единственный архивариус Краснопырьевска был худ, на щеках его клочками рос какой-то полукустарник, как в засушливой саванне. Кивнув посетителям, он указал им в сторону, где обнаружилась длинная деревянная скамья. Гости присели.

— У вас тут экзотично и стильно, как в средневековом замке! — попыталась подольститься к хозяину Вера.

— Кхе! — снова кашлянул Савельев и пошевелил бровями. Кажется, комплимент его совсем не впечатлил.

— А мы к вам по делу, Иван Иванович, — решительно сказал Бабст. — Видите ли, мы изучаем историю Пырьевска...

— Кхм, — кивнул Савельев с таким видом, словно к нему каждый день приходили любители краеведения, и снова погрузился в чтение.

— Нам правда нужна ваша помощь! — умоляющим тоном сказала княжна. — Вы один знаете, кто такой был Вакх Волосатый.

Савельев закрыл старинный манускрипт, заложив его сложенным вчетверо тетрадным листком, и вновь подарил гостей своим вниманием.

— Понимаете, мы химики, — поправив очки на носу, продолжала наступление Вера. — Перед вами, как уже говорилось, Константин Бабст. Он работает в музее знаменитого русского ученого Менделеева. И вот, проводя инвентаризацию, он нашел документ...

Услышав слова «инвентаризация» и «документ», архивариус перевел взгляд на Бабста.

— Если вас интересует конкретика — то это была рабочая тетрадь Дмитрия Ивановича, — пояснил тот.

— ...содержавшая информацию, — продолжила княжна, — о разных...

м-м... неисследованных веществах, таящихся в русской земле!

Савельев вновь потянулся к манускрипту.

— Половину тетради, если не больше, занимали записки любимого ученика Дмитрия Ивановича, князя Собакина. Как раз посвященные Пырьевску, — поспешил на помощь Бабст.

Савельев убрал руку с кожаной обложки манускрипта и потеревил растительность на щеках.

— Менделеев отправлял учеников в разные экспедиции, и Лев Сергеич Собакин как раз занимался вашим городом. Это открытие имеет для науки огромное значение, — проникновенно сказала Вера.

— Кхм! — с сомнением хмыкнул Савельев.

— А интересует нас, собственно, некая Вакхова полоумь-трава, о которой пишет князь, — перешел к делу Бабст.

Сухой полукустарник на лице архивариуса вдруг задвигался, словно по саванне прошел ветер. Савельев снова хмыкнул, а потом вдруг сказал:

— Ну-ну!

Посетители переглянулись: прогресс был налицо.

— В Интернете мы прочитали, что в вашем городе в семнадцатом веке жил какой-то юродивый по имени Вакх, — поспешил развить успех Костя.

Архивариус положил руку на манускрипт и прикрыл глаза.

— Только, пожалуйста, не уходите в себя! — заволновалась княжна. — Я сама читала записки князя, поверьте! Я — его внучатая правнучка...

— Любопытная информация, — потянулся Савельев и хрустнул всеми суставами.

Он встал с места, прошаркал в дальний угол подвала и вскоре вернулся оттуда с пухлой конторской книгой.

— Собакин интересовался Вакховой травой? Я этого не знал.

Он раскрыл регистрационный журнал и заскрипел школьной шариковой ручкой.

— Я думала, вы гусиными перьями пишете! — не удержалась княжна. — Как летописец Нестор.

— Тут вот распишитесь оба, — Савельев передал княжне ручку.

В конторской книге была указана сегодняшняя дата, а рядом значилось: *«Выдано разрешение на ознакомление с житием Вакха Волосатого в присутствии ответственного лица»*. Ответственное лицо сидело рядом. Предыдущая запись была датирована прошлым годом и гласила: *«Отказать Сёмину Н.И. в просьбе выдать пергаменов на портянки за отсутствием таковых и абсурдностью просьбы»*.

Савельев внимательно изучил автографы гостей. Мелкую

французскую вязь княжны с сомнением поскреб ногтем, к большому и квадратному слову «БАБСТ» отнесся с большим доверием. Затем он закрыл конторскую книгу и медленно прошаркал в обратном направлении, чтобы водрузить кондуит на место.

— ...и последующее слияние с природой, — раздался в этот момент на лестнице голос Живого. — Таким образом, обещанный индейцами майя конец света отменяется, все живут дальше! За чуваками будущее, я гарантирую это!

— Майя все давно умерли. Смотри лучше под ноги, — отвечал ему невозмутимый голос Савицкого.

Вскоре недостающие участники экспедиции уже стояли в круге света, с интересом оглядываясь по сторонам.

— Кхм? — закаменел лицом Савельев, глядя на новых посетителей.

— Это свои, свои, наши! — успокоил его Бабст. — Петр Алексеевич, правнук князя Собакина. И наш практикант, Павел.

Савельев приблизился к Савицкому и вгляделся ему в лицо. Никогда еще на Петра Алексеевича не смотрели так пронзительно и строго. «Сейчас покаюсь. расскажу, как в девяностые от налогов уходил», — подумал он, но директор архива остался доволен осмотром.

— Похож. Портретно, — буркнул он. — Но учтите — в руки не дам, читать буду сам. И распишитесь в книге учета.

Вновь была извлечена конторская книга, и к подписям Веры и Бабста прибавились затейливый Пашин иероглиф и разборчивое «ПСавиц» собакинского отпрыска.

— Житие Вакха нашли! Вот молодцы! — похлопал Костю по плечу Петр Алексеевич.

Бабст приложил палец к губам:

— Тише! Нам оказана большая честь. Как химикам, изучающим вещества земли российской.

— Ха, а я сразу заметил, что ребята тут конкретно так веществами заправились! — оживился было Паша, но княжна нежно прикрыла ему рот ладонью. Живой повернулся к ней, ожидая продолжения, но наткнулся на недобрый взгляд Кости и поспешил отойти в тень.

Тем временем архивариус подошел к стеллажам и бережно достал двумя руками огромный, оплетенный в кожу рукописный сборник.

Он вернулся к столу и положил на него драгоценную книгу.

— Света мало, — озабоченно пробормотал он и снова исчез в темноте.

Живой покрутил пальцем у виска, указал архивариусу в спину, затем провел ногтем по горлу, как бы спрашивая: «Дядя в своем уме, не прирежет»

нас?» Бабст в ответ указал на Живого, тоже покрутил пальцем у виска, затем кивнул в сторону Савельева и отрицательно покачал головой, что означало: «Да понормальнее тебя будет». «Тогда базара нет», — развел руками Паша и потрогал кожаную обложку.

Вскоре вернулся хозяин со второй керосиновой лампой. Он уселся за стол и осторожно раскрыл потемневшие страницы. Остальные столпились вокруг него, как ученики вокруг классного руководителя, выставяющего в журнале годовые отметки по поведению.

С трехцветной миниатюры на участников экспедиции смотрел заросший буйной растительностью лик того, кого они искали, — Вакха Волосатого.

— Источник, заслуживающий доверия, — сказал Савельев. — Единственная сохранившаяся рукопись. Лицевая. Автограф. Написано по смытому пергамену почерком семнадцатого века.

И он медленно начал читать:

Житие Вакха Волосатого

Аще не поскучите послушати, братие, то возведу вам житие буйственное и от человек уничиженное, но Богу угодное, юрода Вакха по реклу Волосатаго, иже обиташе в пресловущем граде Пырьевьске и многая чудеса творяше. Чюдеса же те аз многогрешный видях аки самовидец и свидетель, бо треблаженнаго тово знал и слушал и ученик ево тайный есмь. И се уже двадесят лет преиде, как отыде от нас блаженный Вакх, а никто же не дерзныше написати о нем, все убоялися и не смеють, бо епископы наши и до сего дня неверием одержимы о святом. А посему аз, всеокаянный и предрезый, дерзнух на сие не славы ради, а памяти и пользы для, да подивитися на дела ево предивные.

Радуйся, нестяжателе Вакхе, истинного благочестия по-движнице, благовонное молитвы кадило, сатоны посмехателю, нищих предстоятелю, обидчиков страшный наказателю, наставнице мой в море житейском!

В лето от создания мира 7187 в богоспасаемом граде Пырьевьске народися младенец, родители же ево бяху люди богобоязненные, добронравные и не кичливые, а чином благородные городовые дворяне. И месяца октября в седьмой день нарекоша имя ему по свяцем Вакх, в память великомученика Вакха полковника римскаго, убитаго до смерти за веру при Антиохе игемоне. И возрасташе Вакх в дому родителей своих, преуспевая в страх Божий: к детям играющим не хожаше и к ним не приставаше, церкви прилежаше и богодухновенныя книги любляше, а боле всего святых мучения и жития святых отец читаше. И тако достиг Вакх разумных лет.

Уношей же ликом был доброзрачен, нравом тих, родителем покорен, часто хожаше по церквам, от всякыя нечистоты ограждаяся, в посте упражняся, духовной пищей насыщаяся, в среду и в пяток ничтоже не едаше, а в протчие дни хлебом питаешся и водою, днем святыя книги читая, в нощи же без сна на молитве пребывая.

Егда же сей пречюдный уноша плотская мудрования вконец уладил, и просветил ся помысел его, вышел он на духовное дело. Отправил он ся на место за рекою Пыркою, ныне реко-мое Вакхова Поляна, и откопал себе там пещеру, на месте сусе среди блатца некоторого, травой заросша. На поляне же той не было прохода ниоткуда, бо окрест пустыня, со все стороны лес и болото, и травой заросше густо зело. И траву ту одну едаше, и не имяше у себе ничтоже в пещере той, но токмо едино свое

тело. И спал на земли, и велие терпение показал и от комаров, и от мищи. И жил так девять недель.

На десятую же неделю приплыли на то место три брата рыбаля некии, и друг другу беседующе, како тут рыбы изловить. И видешие человека на берегу на корячках стояща и траву, аки корова, пожирающа, чюдилися ему. И спросили ево, пошто траву ест? Святой же закрича на них криком вели-им: «Пусики! Пусики!», и приближися к воде, и сверг порты, и сунуся в Пырку, и побреде от них по воде, яко посуху. И первый дивился, говоря: «Се чудо великое». А друзий страшился, говоря: «Се диавол ему есть сотворил». А третей насмехался, говоря: «Видали, братие, такова дурня, бо пошто порты свергати, коли по воде ходишь?»

И приде святой во град Пырьевск, и нача с того дня уродство творити и пакостити нача. На улицах градских зрели ево власами обросша, и дуряща, и мутны словеса глаголюща, и велиим гласом рыкающа, и в пост мясо ядуща, яко же медвед. Ходе по граду день и ночь, а сам на срамных удах малый колоколец ношаше, и оным колокольцем позвякивай и вопияй неизреченно: «Пусики! Пусики!» С колокольцем тем хождаше и в градския бани, и в корчемныя избы, и на кабатцкия поварни, и сretoша блудницъ, скакал, яко и козел, вопия пуще первова: «Пусики! Пусики!», а што разумел тем святой, аз не вем.

А по ночам во ум приходил и молился тако: «Увы мне грешному, горе мне, окаянному, ох мне скверному!» Ночевал же преблаженный с собаками да со свиньями, имея себе одр землю, а покров небо. И говорил ми тако: «Хорошо мне со скотом: так же и оне воняют, что и моя душа». Тело же ево бяше наго, кално и смердяще, и таку воню имяше, якоже ум человеческ не может нареци.

Людие же боящиеся Бога даяху ему порты, облачаху его во срачицу, и на нози обувь воздеваху, он же совлекши со себе ризы, раздирал их на платы и яко бешен деяся, кричал и вопил гласы неудобными. И ходил наг, много терпения показуя от студени зимняя и от вара летнего. И токмо едино суконце малое раздранное ношаше срамных телесных уд своих ради, и с колокольцем.

Время погода отступили от ево горожане и начали ево бити да поухати. И коего зла и гонения от человек не претерпел блаженный! И колотили его, и лягали, и за власы таскали, и по улицам волочили, и плевали, и гнушались им, а оный же святой, все зло терпя, пребывал непобедим.

И имел в руке ветвь тополевою и, городом шедши, бил ею по главам жителей, глаголя: «Аз есмь голубь оливаный, а ты шпынь засранный». И за

то били ево в ответ батожьем и топтали.

И никто не любил юрода, а любил ево один ученик. И только с учеником тем говорил преблаженный яко и протчи человецы, а не яко юрод, и плакался ему горко, глаголя: «Увы мне грешному, горе мне, окаянному, ох мне скверному!»

И часто уходил в пещеру ту на поляне той и тамо таився всех по недели, полоумь-траву сная. А травы поевши, хохотал, аки пес безумный, иначе рекомый гиена, и пужал всех пуци прежняго.

Лето прошло, и начал святой чудеса творити.

И первое чудо ево было сице.

Служил во граде Пырьевьске Исидор архимандрит пришлый, иже от московских властей да от Никона поставлен. И бе той Исидор и вор, и пианица, и лестив, и немилосерд, и буй, и горд, и сребролюбец, и лжив, и человеконенавистник, и памятлив злу, и мздоимец, и тайной латинянин, а паче всего одержим бе Богом ненавидимой похотию мужелегания и содомлятства.

И се пришел блаженный Вакх во собор градской, егда там Исидор обедню служил, и великая была между ними пря. Стал той Вакх вне церкви на паперти и испустил вопль кошачий, и учал акы аонагр дикой або жребя ржати, яко козля блекотати, яко вельблуд плевати, и собакою лаяй и колокольцем своим звеняй.

Тогда Исидор архимандрит, вышед из церкви, тако вопросил Вакха: «Почто в святем месте лаешь, уроде?»

И на то святой отвечал: «Отыди от мене, убогой, бо не я урод есмь, а ты еси. Опоганил свято место блудник, прелюбодей, содомит, ереси римской бешеной псишко».

Исидор же, слышавши сие, зело вострепетал, возмущил ся и возвел на блаженнаго таковое гаждение и похухание: «Тебе ли, лаятелю неумыту, обояльнику безстудну, безумью и любодею, зверю вредителну и мерску, шпыню клюкасту, мне, архимандриту, грозити и мене винити?» А сам винил ево и грозил ему карами великими за ево уродское житие, говоря: «Уймись от блудни, Вакх, отстань от дурна, а то тя огонь небесный потребит».

И на все то святой отвечал вкратце: «Враковато!», и повернулся, и учал перед архимандритовой рожей голым гузном вертеть.

И увидевши сие, ринулся на блаженнаго Исидор с посохом своим, да запнул ся ногою, упал и случися лбу его на камени попасть. И отнесли ево расслаблена и бес чювств в дом ево и возложили на постель. А святого били зело и тоже бесчювственна у дома тово кинули.

И се виде святой близ двора Исидорова ангела Господня, пришедша от Запада и имеша светоч в руке. И взойдя в дом, приступи ангел к Исидору грешнику, заголи ево и нача бити ево по голому гузну, глаголя к нему: «Лукавый блудниче, церковный поругателю, будеши еще блясти с мужеском полом и чюжими женами?»

Мучимый же грешник взмолися: «Уже не побляду никого же! Да помилуй мене!»

Ангел обаче не слушал и продолжал ево по гузну светочем лупить. И тако мучим три дни и три ноци и глаголя «яко не бляду еще», испустил мужелягец Исидор дух свой, и тут же, яко стерво, смрадость от него злая пошла.

А святой удалился в пещеру раны целить, молитца и полоумь-траву ясти.

Другое же чюдо святого было сице.

Стал внезапно Вакх зело печален, два дни не яде, не пия, ни с кем не глаголя. В третий же день начал, по всему граду скачучи, вопити: «Стреляй, вешай, скачи, жги, денги давай!»

И говорили горожане: «Се беду пророчит Вакх».

И вскоре збылося по сему.

Послан бо бысть из господствующего града Москвы в Пырьевск новый воевода, именем Василей, а прозвище ему Ртище. И когда вошел в Пырьевск, возложил великую нужду на всех живущих в нем - и хлебом, и денгами, и всякими податями, и сеном, и рыбою, и звериною рухлядью, и медом. И немало их от пырьевец москвичам имения своя с нуждею отдаваху, а сами взамен тово с побитым рылом и с пустыми руками отхождаху. И был страх велик на всех слышащих и видящих сия, не токмо в Пырьевске, но и во всех пределах волжзских.

А Вакх блаженный в те поры в пещере своей лежал и траву поедал, про ту беду не ведая.

И по прошествии седми дней явился святой во град, и по улицам хожаше, и на разор и поругание глядеша. Ночью же пришел ко мне недостойному, и молился, и плакался горко, глаголя: «Увы мне грешному, горе мне, окаянному, ох мне, скверному!» И до ютра поклоны клал и молился, а когда рассвело, пошел на торжище.

И собралися округ ево люди простые нравом. И обличил святой мамону московскую, крича тако: «Лжа мздоимцев тех велика есть, от Москвы-града сатонинскаго вся пагуба, москвичи те черви, они и сады, и овощи пожирают, блядей своих златом, камением и жемчюгом украшают, а вы, сиромахи бедныя, до скончанья веков тоштенину ясти будете, аще

не восхотите жыр и пых московской обтрясти».

Взяли ево за те слова земския ярыги и на воеводином дворе на чепь посадили. И сидел три дни на чепи, не ел, не пил, но гневливые словеса на врагов своих молвляше неустанно. И бит был от ярыжек и от холопей боярских, и пхаем, и оплеваем, и по земле влачим, и за власы терзаем. Святой же, все зло терпя, пребывал непобедим.

На четвертый день пришел к нему воевода Ртище и, увидив святаго, сгнулся ему и плюнул на него. И разул ртище свое, и заора: «Разорю, блядин сын! Кто ты есть передо мной?»

И на то святой отвечал вкратце: «Я голубь оливанный, а ты шпынь засранный».

И велел боярин бить Вакха нещадно батожьем, а потом посадить ево в землю в струбе и давать ему воды и хлеба.

А день спустя разболевся Ртище внезапно недугом злым сухоткою и начал помалу сушитца. И стали ево носить от божницы к божнице, от лекаря к лекарю, и не было ему от тово пользы. И голова ему аки гиря тяжка была, и не мог он на ложе опочити, но метался день и ночь и вопил от болезни беспрестанно.

И когда уже мало не изгнил изнутри, явился ему той же ангел Божий, што мужелягца Исидора по гузну бил. И глагола ему ангел: «Призови юрода моего Вакха, што ты в темницу затворил, и моли его об исцелении».

И привели к воеводе Вакха. И очухнулся Василей воевода, и молил урода: «Батюшко-государь! За тебя мене бог наказует! Возложи на мене руце свои и помолися Господу за здравие мое!»

Святой же отвечал тако: «Чюдно! Давеча был блядин сын, а топерва - батюшко! А будешь ли впредь народ разорять?»

А тот сопротив того: «Не буду, ей, не буду!»

И тогда возложил на него святой свою честную десницу, и, молитву сотворя, рек: «Восстани!»

И восстал воевода с перины своей, и бысть здрав.

И с тово дня укротил лютость свою Василей Ртище, и лготы богатым людям даровал, и даже ослабу податям черному народу обещался дать, а обещание то выполнит ли, мы и до сево дня ждем.

Вакха же велел ярыгам да холопям своим боле не гнать и не забижать, пускай-де дурит блаженный. И ходил Вакх по торгу без возбранения, и в церкви, и в дома заходил. А иногда же как почует святой: быти указу от царьствующего града Москвы в Пырьевьския страны на жителей денежные доходы править, - и тогда сей хитроблаженный Вакх,

за много дни до указа, ходя по торгу, начнет кричати: «Денги давай! Денги давай!» И тогда спрячут жители все имение свое и сядят ждуть указа. И за предчювствие то возлюбил ево горожане и давали ему и колачи, и денги. Он же, выбрав место, где нищии собирауца, бросит все то на землю, а себе не возьмет ничесоже.

Пребысть же блаженный Вакх во благоуродстве терпя наготу и босоту и поправление от неразумных человек тридесять лет. И егда приспе время, приде ко мне и тако глагола: «Да иду паки роботать, яко приблизися час мой». И изыде святой из града на восточную страну, и никтоже не сретил его боле никогда. Только глаголют, аки бы видели его сибирския страны варварского народа люди немцы. И видеша блаженного необувенна в снегу и познаша его человека быти Божия. Приступивши к нему старейшина их именем Башлык моляше о здравии и даяше ему злато. А святой, злато отвергну, дале пошел.

А коли жив до сего дня, да пребудет с тобою, учителю, благодать Божия, а коли помре, да упокоится дух твой с миром. Аминь.

Глава 26

Кипяченый

— Вот так.

Савельев закрыл книгу, стиснул ее обеими руками и стал погружаться в глубокую думу. Глаза за толстыми стеклами очков затуманились, и на пустынном лице архивариуса начали сгущаться сумерки.

Костя поспешил вернуть его к жизни:

— Ну, спасибо! Ты, Иван Иванович, просто волшебник. Как будто в прошлое нас на машине времени свозил!

— Этот ваш Вакх — настоящий актуальный художник! — восхитился Паша. — Кулик нервно лижет у себя под хвостом.

Директор архива восторженно и удивленно заморгал.

— И что, никаких последователей у Вакха не было? — поинтересовалась княжна.

Савельев пожевал губами и ответил:

— Нет, отчего же, были. В полицейских рапортах упоминаются. Есть у нас документик, уже конца девятнадцатого века. Становой пристав Глумов докладывал исправнику о сектантах во главе с пырьевским мещанином Гришкой Беспятых, называвших себя вакхобитами. Народ собирался за рекой на Вакховой Поляне, пасся, как скот, на траве и устраивал радения. Полиция арестовала сектантов, выпорола их и выслала на Кавказ административным порядком.

Костя и Савицкий переглянулись, а Паша Живой даже подпрыгнул на месте. Бабст немедленно показал студенту кулак и приложил палец к губам.

— Иван Иванович, скажите, пожалуйста, а что там сейчас, на этом месте? — как можно мягче спросил руководитель экспедиции. — Я имею в виду Вакхову Поляну.

— Кхм. Небоскреб строят. Восемь этажей. Теперь это, считай, центр города. А в восьмидесятые там была дача Вани... то есть Кипяченого.

Похоже, любые вопросы о Краснопырьевске упирались в фигуру легендарного мэра. Княжна не выдержала:

— Да расскажите вы наконец про этого Кипяченого! Целый день про него слышим.

— Как вы сказали? — насторожился Савицкий. — Дача Вани? Вы его знали?

— А как же! Друзьями были...

— Расскажите! Расскажите!

Рассказ Ивана Ивановича продолжался долго. Поначалу архивариус мямлил, хмыкал, кхекал, и каждую фразу приходилось вытягивать из него с помощью наводящих вопросов. Однако постепенно он оживился, стал говорить легко, свободно, образно и даже с какими-то эпическими интонациями — видимо, сказывалась профессия.

Давным-давно, в советские времена, не было никакого Кипяченого, а был учитель русского языка и литературы Иван Сергеевич Некипелов, человек, уважаемый трудовым коллективом средней школы № 6 и любимый своими учениками. С Савельевым их связывала давняя, еще со школьной скамьи, дружба. Вместе учились в областном педагогическом институте — Савельев на истфаке, а Некипелов на филфаке, вместе ездили в фольклорно-археографическую экспедицию на русский Север, вместе вернулись с дипломами в родной Пырьевск, вместе трудились на nive народного просвещения в одной и той же школе (до того, как поступить в архив, Иван Иванович Савельев десять лет преподавал историю). Коллеги в шутку сравнивали друзей с двумя Иванами из повести Гоголя. Трудно было найти людей более несхожих внешне. Огромный, шумный Некипелов, всегда окруженный толпой учеников, неистощимый на выдумки, душа любой компании, организатор литературных викторин и руководитель турпоходов по лесам Припырья, — и тихий, вечно погруженный в себя Савельев, всему существу которого была чужда многолюдная шумная школа. Однако, несмотря на разницу характеров, дружба их оставалась крепка и долгие годы не омрачалась ни единой ссорой. Иван Сергеич ценил в Иване Иваныче надежность, несуетность и глубокие знания отечественной истории, а Иван Иваныч как будто находил защиту от текущего, изменчивого настоящего под крылом добрейшего чудо-богатыря Ивана Сергеича.

В середине 1980-х годов работникам культуры и образования стали давать дачные участки за рекой, в садоводстве «Светик». Под дачный поселок отвели огромную поляну, которую горожане испокон веков называли Вакховой. Собственно, где именно находилось лежбище беспокойного юрода, никто не знал, да и о нем самом за давностью лет уже почти не помнили, однако название укоренилось прочно.

Благодаря близкому знакомству с начальником облоно Некипелов добился того, что ему и его другу Ване выделили дачи, стоящие бок о бок. Дома оказались совершенно одинаковыми, зелененькими, одноэтажными, с глядящими друг на друга небольшими верандами, стоя на которых можно было переговариваться. Участки же педагогам отвели на удивление

большие, чуть ли не по гектару, причем на земле Некипелова рос густой лес, но зато участок Савельева выходил прямо на реку Пырку. Забора между своими владениями друзья строить не стали.

С тех пор повелось так: если Некипелов не был в походе с учениками, то его всегда можно было найти на даче. Он либо неумоимо, как экскаватор, копал грядки, либо удил рыбу, либо гонял чай и громогласно разглагольствовал на веранде у друга Вани. Частому общению способствовало и холостяцкое положение обоих приятелей: Иван Иваныч никогда не был женат, а кипучий Иван Сергеич как раз в то время расстался со второй женой. Они вели бесконечные разговоры обо всем на свете: о начинавшихся в стране реформах, о гласности, о дефиците мыла и сахара, об альтернативных выборах, о кооперативах, о полной колбасы Москве, о возвращенной литературе, о Столыпине, Горбачеве и Петре Первом. При этом их беседы все время сворачивали на российскую историю — иначе Савельев и не мог.

Ивана Сергеича очень беспокоила неопределенность ближайшего будущего страны, и однажды Иван Иваныч сказал ему:

— А вот Вакх бы, наверное, смог предсказать, что дальше будет.

— Какой Вакх?

— А тот самый, на чьей поляне мы живем.

Любознательный Некипелов попросил рассказать подробнее, и Савельев пересказал ему по памяти житие Вакха.

Особенно поразило Ивана Сергеича известие о чудесной траве и то обстоятельство, что эта самая трава, может быть, росла прямо здесь, у него под носом.

С этого момента жизнь Некипелова резко изменилась: викторины и походы прекратились, школьники все лето шатались по улицам без присмотра, а их учитель безвыездно торчал на даче, что-то сажал на участке, собирал в лесу травы и настаивал на них выдававшуюся уже по талонам водке.

Он стал скрытным, угрюмым и почти не заходил в гости к старому другу.

— Зайдет, бывало, вечером, сядет и молчит. Ну и я молчу. Так сидим целый час, потом я спрошу: «Иван Сергеич, что с тобой?» А он в ответ: «Кхе».

Так продолжалось несколько лет. И вот в конце августа 1993-го, за неделю до нового учебного года, случилось нечто невероятное: в один прекрасный день учитель Некипелов вдруг исчез. Точнее сказать, его физическое тело никуда не делось: оно ходило, ело, пило, совершало

различные неблагоприятные поступки и вскоре получило широкую известность, но из этого тела как будто вынули душу, заменив ее другой, на редкость неприятной.

В тот день Иван Иванович задумал проведать друга, с которым не встречался уже целую неделю, хотя все это время наблюдал с веранды, как Некипелов бродит по своему лесному участку, что-то рвет, выкапывает и обнюхивает. Вечером в субботу Савельев решил наконец узнать, в чем дело. Он нарвал крыжовника, взял банку меду, пачку чая со слоном и отправился в дом напротив.

О том, что он там увидел, Иван Иванович рассказывал глухим дрожащим голосом:

— Вхожу я к нему в комнату, и что же я вижу? Ваня мой обрился наголо, надел тельняшку и сидит на скамейке, подобрав под себя ноги. Ну, вылитый Доцент из «Джентльменов удачи». И не улыбается, а вот так вот лыбу давит по-уголовному. И что-то из фляги прихлебывает. Я его спрашиваю: Иван Сергеич, ты что, выпил лишнего или белены объелся? А он мне, представляет, мне, другу своему, вот так вот козу из двух пальцев к глазам подносит и говорит: «Я тебе, чмо, не Иван Сергеич, а папа Кипяченый. А если ты про белену кому вякнешь, я тебе глаз на жопу натяну, понял, нет?» Ну, я все понял, конечно... Вот, думаю, еще одно последствие дикого капитализма. Лучшие люди превращаются в неандертальцев. Плюнул я, хлопнул дверью и больше к нему не ходил. С тех пор мы ни разу не встречались.

Через неделю наступил День знаний — Первое сентября, однако учитель Некипелов на работу не вышел. Не явились в класс и трое его учеников, в том числе гордость школы — призер всероссийских олимпиад по русскому языку Миша Лиходумов. Конечно, тогда и в голову никому не могло прийти, что эти славные мальчишки станут грабителями и убийцами. Однако жизнь в очередной раз опровергла все наши прогнозы: костяк банды Кипяченого составили его ученики.

— Причем что удивительно, — рассказывал Иван Иваныч, — выбирал он не трудных подростков, а самых что ни на есть отличников. Устраивал им обряд посвящения. Я с веранды видел. Сначала громко произносил заклинание — что-то такое про порося и карася. А потом давал выпить из фляги. И всё, они тут же, моментально превращались в братков. Мистика!

— Навсегда превращались?

— Нет, нет, только на время. Это состояние им надо было поддерживать. Они постоянно что-то пили, у каждого была фляга. Лиходумов и сейчас с флягой ходит...

Надо сказать, что к моменту таинственного превращения заслуженного учителя в начинающего вора в законе преступность в городе давно успела организовать и устаканиться. Все местные бандиты входили в три большие подразделения: бригаду братьев Ляпы и Тяпы Сытых, рекрутированную в основном из зареченской шпаны, кавказское землячество под руководством Бесо Ваняшвили и группу «рыночников», которую возглавляла огромная бабища из бывших базарных торговки по прозвищу Верка Усё. За два года, прошедших с начала эпохи свободного предпринимательства, пырьевские мафиози успели выяснить отношения и поделить источники дохода. Ляпа и Тяпа контролировали розничную торговлю, люди Бесо занимались общепитом, а Верка владела своим родным городским оптовым рынком. Тут следует заметить, что больших промышленных предприятий в Пырьевске отродясь не бывало, и это обстоятельство не только позволяло жителям дышать чистым воздухом, но и вселяло надежду на бескровное вхождение в развитый капитализм. Однако не тут-то было: с появлением банды «пионеров» все надежды обывателей рухнули. Военные действия вспыхнули с новой силой и переросли в гражданскую войну, которая продлилась целых полтора года.

— Я вам не буду все это описывать, — морщился в этом месте своего рассказа Иван Иванович. — Вы же по улицам ходили? Ну вот, значит, все видели и можете догадаться, чем кончилась война.

— Ну да, понятно, — кивнул Живой. — Ляпу ткнули, а Тяпу ляпнули. Бесо, наверное, отправили в Тбилиси в трех ящиках из-под «Киндзмараули». А что стало с Веркой?

— А Вера Иванна жива, здорова и до сих пор торгует на базаре. Говорят, ей недавно предлагали должность замдиректора по маркетингу, но она отказалась. Сказала, что не женское это дело — людьми руководить.

К началу 1995 года боевые действия закончились полной победой Кипяченого, и по этому случаю недалеко от его дачи, на берегу реки Пырки, был насыпан памятный курган в честь павших «пионеров». В марте фактического хозяина города официально выбрали мэром, после чего все успокоились.

Сразу после прихода к власти Кипяченый расширил свой дачный участок в пятьдесят раз, разогнав всех соседей и сравняв с землей их дома. Не пожалел он и домик старого друга Вани.

— Впрочем, я еще раньше сам ушел и с дачи, и с городской квартиры, — рассказывал Иван Иванович. — Все-таки история кое-чему учит. Я хорошо помнил судьбу старых друзей товарища Сталина и потому не стал дожидаться, когда за мной придут. Спрятался в архиве — его как раз тогда

сюда и выселили — и с тех пор тут и живу. Очень надеюсь, что про меня все уже забыли.

На захваченной территории Кипяченый построил охотничий замок с красивыми башенками для пулеметных гнезд, обнес всю Вакхову Поляну трехметровым забором из бетонных блоков с колючей проволокой, установил КПП и никого туда не пускал. Кроме того, он соорудил в городе множество разных монументов, в том числе воздвиг и памятник самому себе в виде бога Марса, управляющего собачьей квадригой.

— Да уж, видели мы... — кивнул Живой.

— А кстати, что это за буква «Н» у вас на Соборной? — спросил Савицкий.

— О, это особая история!

Глава 27

Грамматический террор

Лицо директора архива снова изменилось: в засушливой саванне наступил сезон дождей. Иван Иванович достал из кармана халата выцветший от многочисленных стирок, но идеально чистый носовой платок, снял очки, утер уголки глаз, вернул окуляры на место, платок сложил вчетверо, положил обратно в карман и грустно улыбнулся.

— История учит, что как бы человек ни оскотинился — в нем всегда остается что-то светлое и благородное. Но вот чем оно обернется — другой вопрос.

— Кипяченый, значит, абстрактное искусство подкармливал? — догадался Паша. — Вот мы с ребятами не знали. У меня как раз в те времена корешманы были — конкретные такие абстракционисты. Надо нам было к вам податься: и хлебно, и весело.

— И хлопнули бы тебя вместе с твоими корешманами, — закончил Савицкий. — Тебя бы — в первую очередь.

— Да, юноша, вы с таким жаргоном при прежней власти долго бы не протянули, — кивнул Иван Иванович.

— А я бы мимикрировал и вел беседы на исключительно грамотном, великом и могучем! — не сдавался Паша. — Ну ладно, что вспоминать? Было и прошло. Рассказывайте лучше про искусство.

Иван Иванович снова улыбнулся чему-то своему, уставившись в темноту, и вернулся к истории Краснопырьевска.

Никакого искусства папа Кипяченый, конечно, поддерживать не собирался. Были у него два придворных художника — тоже из бывших учеников, — малевали портреты братвы. Братву перестреляли, а портреты, говорят, до сих пор висят в здании мэрии для устрашения нынешних чиновников. Скульптуры же ставили специально нанятые иностранцы.

В начале своего правления Кипяченый совсем не собирался украшать город странными памятниками. Как все диктаторы, он только подминал и запугивал, а непокорных — уничтожал. И, как все диктаторы, пристально следил за тем, что пишут о нем в газетах и на заборах, что рассказывают в анекдотах. Каждое утро его бывшая ученица и тайная возлюбленная Шура Прытко, некогда чемпионка области по скорочтению, приносила ему подборку публикаций, в которых воспевались труды и дни нового мэра. Попивая утренний кофе и обнимая юную прелестницу, бывший учитель

русского языка машинально исправлял ошибки и опечатки и ставил внизу на полях оценку. Сначала эта привычка казалась ближайшим сподвижникам мэра милым чудачеством. Но однажды, проверяя утреннюю прессу, он вскочил с места, отшвырнул чашку, достал из внутреннего кармана флягу, сделал пару добрых глотков и приказал вызвать братву.

Причиной внезапной вспышки гнева стала заметка в преданной новому режиму газете «Комсомольское знамя». Заметка воспевала заслуги мэра, но вот только в заголовке и во всем тексте прозвище грозного главы администрации было напечатано с двумя «н» — «КипячеННый».

В тот же день в редакцию газеты приехали ребята на джипах. Ни о чем не подозревающие журналисты попивали самогон, привезенный из деревни чьей-то дальней тетушкой, и, поглядывая на редактора, продолжали восхвалять лучшего друга журналистов.

И тут по коридору прогрохотали шаги.

Всех сотрудников согнали в отдел новостей (это был самый просторный кабинет) и поставили в первую милицейскую позицию — лбом в стену, руки за головой, ноги на двойную ширину плеч. Чтобы вычислить автора злополучной заметки, потребовался всего лишь десяток ударов по почкам.

Операцией «Принуждение к грамотности» руководил ближайший сподвижник мэра — Миха Лиходумов. По его знаку братки выложили на стол несколько наборов детской азбуки на магнитиках. Затем на глазах у всего коллектива редакции Миха и его команда около часа — за временем, впрочем, никто не следил — кормили главного редактора большими буквами «Н», а автора заметки — маленькими.

Когда экзекуция закончилась, виновных вытолкали на улицу, посадили в разные джипы, и с тех пор их никто не видел. По словам одного из участников операции, «фраеров безграмотных» увезли в ближайший лес, расстреляли и закопали. С тех пор в народе эта поляна называется «Энской магнитной аномалией», и растут на ней одни только поганые — с одной буквой «н» — грибы.

Натерпевшиеся страху журналисты разбежались по городу, разнося ужасную весть, которая постепенно обростала жуткими подробностями. Так закончила свои дни газета «Комсомольское знамя». А в Краснопырьевске началась эпоха большого террора, получившего название «грамматический».

— Так ваш бывший мэр был настоящим рейхсграммар-фюрером! — не удержался Живой. — Тема офигенная, надо об этом в жежешечке написать! Пусть граммар-наци порадуются!

— Пашка, говори по-русски! — повернулся к нему Бабст.

— Я говорю, четкий перец был этот Кипяченый. Расово верный грамотей-опричник! Вам всем надо носить футболки с надписью «Я пережил грамматический террор»!

— Было уже. При Кипяченом все красавицы города получили предписание носить футболки с надписью «С безграмотными не сплю!»

— Они что же, диктант претендентам устраивали? — удивился Савицкий.

— Этого я не знаю. А вот девицы легкого поведения обязаны были проверить, способен ли клиент грамотно изложить свои пожелания в письменном виде. И если ошибок было больше одной — в услугах ему отказывали.

— Так это же работа себе в убыток! — возмутился Савицкий.

— А вот и нет. Девки приносили эротические фантазии с ошибками в администрацию, и там им компенсировали убытки по среднему тарифу, — объяснил архивариус. — Так что вскоре они наловчились писать друг другу заявки на услуги с пятью-шестью ошибками и жили фактически на пособие по безграмотности. Очень выгодная была работа.

Борьбу с безграмотностью Кипяченый поставил на широкую ногу. За любую ошибку — в объявлении на калитке частного дома, в вывеске магазина, в меню, в объяснительной записке — людей зажиточных ставили на счетчик, а неимущих сажали в «грамматический карцер» в подвале мэрии. Чудом вырвавшийся оттуда узник рассказывал, что стены в этом страшном месте оклеены страницами из учебника русского языка для шестого класса, а из громкоговорителя, не смолкающего ни днем, ни ночью, гремят избранные передачи «радионяни».

Но кое-кто даже выиграл от грамматического террора. Сильфида Феликсовна Долгоносик, корректор на пенсии, стала самой популярной женщиной в Краснопырьевске. На деньги, вырученные от проверки всех и всяческих текстов, она выстроила себе за городом, в заповедной части Пырьевского лесопарка, максимально удаленной от Вакховой Поляны, особняк в стиле модерн, завела пятерых персидских котов, выписала из-за границы розовый кадиллак, как у Элвиса Пресли, и разъезжала в нем по городу. Сам мэр Кипяченый регулярно заглядывал к ней на чашечку чая, чтобы поговорить о наиболее сложных правилах русской грамматики.

Вскоре у Сильфиды Феликсовны началась звездная болезнь, а в пожилом возрасте такие вещи губительны. Она даже согласилась занять место главного редактора возрожденной газеты «Комсомольское знамя», переименованной в «Кипяченное время». На этом однажды и погорела —

позволила себе внести редакторскую правку в передовую статью, написанную самим мэром.

— Бедная бабушка! Чем же они ее после этого накормили? — ужаснулась Вера.

Бабст взглянул на нее с нежностью и, поддавшись неожиданному порыву, погладил по руке. Княжна ответила ему ласковым рукопожатием. После этого Косте стала безразлична судьба пожилой корректорши, да и вообще всего Краснопырьевска.

— За былые заслуги перед городом и русским языком, — продолжал Иван Иванович, — Сильфиду Феликсовну не тронули. Особняк, конечно, реквизировали, коты разбежались. А сама она часто приходит сюда, в церковь. Подкармливают ее, жалеют.

Кипяченый не только карал за безграмотность, но и награждал за отличное знание русского языка. Учредил несколько стипендий для студентов-философов, рестораны и прочие общественные учреждения награждал звездочками за безупречную грамотность. До сих пор в городе сохранился отель «Парадиз», удостоившийся аж трех звезд — как кипяченые комиссии ни старались, так и не смогли ни разу найти в документах этой организации ни одной ошибки.

Во славу русской орфографии был задуман и частично реализован план монументальной пропаганды. Планировалось воздвигнуть скульптурные композиции в честь всех основных орфограмм. Особенное внимание мэр уделял правописанию двойных согласных. Помимо уже знакомой нашим героям буквы «Н» в окружении коленопреклоненных исключений, были возведены памятники Оловянному, Деревянному и Стеклянному, выполненные из соответствующих материалов. После смены власти на волне революционной эйфории их разрушили. Деревянный пошел на растопку, из Оловянного сделали наборы юбилейных ложек с надписью «Вольный Краснопырьевск». А вот голову Стеклянного удалось сохранить. Теперь она стоит в местной школе, макушка ее покоится на специально изготовленной в кабинете труда треноге, а внутри плавают золотые рыбки.

Всем поступавшим на госслужбу Кипяченый лично устраивал диктант.

Иван Иванович потянулся к полке, достал оттуда пожелтевшую бумажную папку с надписью «Дело №», открыл ее и зачитал вслух текст диктанта:

На колоссальной дощатой террасе, вблизи можжевельника, жена небезызвестного местного подьячего веснушчатая Агриппина Саввишна потчевала коллежского асессора Аполлона Филипповича моллюсками,

винегретом и другими яствами под аккомпанемент аккордеона и виолончели.

— Меня бы после этого диктанта расстреляли, — шепнул Савицкий на ухо Живоному.

— А меня бы накормили моллюсками, винегретом, можжевельником и дощатой террасой, — тоже шепотом ответил тот.

Поступавшим в банду также предлагался диктант, но попроще:

«Я, фамилия, имя, погоняло, вступая в ряды кипяченой братвы, торжественно обещаю: у своих не крысятничать, горбатого не лепить, понтов не наводить, на общак отстегивать, папу Кипяченого слушаться.

Сявкой буду.

Подпись, дата».

Впрочем, некоторые из особо приближенных к мэру писали оба диктанта.

— Да, небось, в те годы библиотека процветала, — заметил Савицкий.

— Ничего подобного! Ни библиотека, ни интеллигенция от этого триумфа орфографии ничего не выиграли. Даже наоборот. Сначала нас выселили из центра, а когда Кипяченого убили, то о культуре никто и слышать не хотел. Как только заговоришь с кем-нибудь о возвращении культурных ценностей, он тебе сразу: кипяченые времена вернуть хочешь? Нет, мол, кончилась ваша власть! Так мы тут и остались.

После смерти Кипяченого усадьба и все добро достались его правой руке, бывшему отличнику Мише Лиходумову.

Началось все, как водится, с женского коварства. Шура Прытко надоел старый самодур Кипяченый, и она положила глаз на крупного и ладного Мишаню. Как уж она его уговаривала — неизвестно, но только однажды Лиходумов вдруг ни с того ни с сего затеял с любимым учителем спор по поводу написания предложения *«Нельзя апеллировать к аффилированным коррупционерам»*. Дискуссия переросла в более широкую полемику о правописании сдвоенных согласных, в результате чего Кипяченый был доставлен в больницу с множественными огнестрельными ранениями и вскоре скончался, не приходя в сознание. Кто-то даже пустил слух, что будущий мэр вместо контрольного выстрела в голову добил учителя указкой, но это, разумеется, неправда.

— А что коварная Шура? — спросила княжна.

— А что Шура? Сидит теперь в лиходумовской приемной, когда он на месте — лебезит и заискивает, а когда в отъезде — распоряжается, как у себя дома. Поговаривают, что ключи от грамматического карцера теперь хранятся у нее. Что-нибудь не так скажешь — и все, пропал.

Живой и Савицкий не сговариваясь переглянулись, вспомнив теплый прием, устроенный им в мэрии. Можно считать, повезло, что их просто выкинули на улицу.

Если краснопырьевская интеллигенция, как невеселое напоминание о мрачных годах кипяченой опричнины, была поставлена почти что вне закона, то зоопарк, собранный прежним мэром, при новой власти прекрасно сохранился.

Кипяченый, как все нувориши девяностых, начинал с бультерьеров, потом завел в своей загородной резиденции павлинов и павианов, а затем раззадорился и стал выписывать и более экзотических животных. Новый мэр никогда не жил в усадьбе своего учителя, ссылаясь на аллергию и нехорошие воспоминания, но за животными велел следить и даже выделял деньги на их содержание. Возможно, он делал это из-за того, что его дочка, Стоза Михайловна, обожала «зверюшек» и регулярно приезжала поведать своих любимцев.

Но два месяца назад идиллии пришел конец. Мэр решил выгодно использовать простаивающий земельный участок, и на месте усадьбы Кипяченого начали строить восьмиэтажный бизнес-центр, который в городе уже прозвали Мэроскребом.

В Краснопырьевске никогда не строили домов выше трех этажей, и поэтому интеллигенция выразила сдавленный протест. Но поскольку протест прозвучал только в пределах бывшей церкви, его никто не услышал.

— Нет у нас лидера. Не за кем идти, — закончил рассказ Иван Иванович. — Так что все будет, как решил Лиходумов. Проект готов, разрешение на строительство получено. Уже и рабочих завезли. Киргизы какие-то, а может, с Севера ребята, кто их знает. Тихие такие, косоглазенькие.

Глава 28

Культурный фронт

— Ну, а ты-то, Иван Иванович, за Мэроскреб или против? — спросил Бабст.

— Да как же я могу быть за?! — Савельев аж задохнулся. — Поляна же — объект культурного наследия! Именно на ней была Вакхова пещера. Там надо раскопки проводить!

— Ну, и как вы тут боретесь за культурное наследие?

— А никак не боремся. А как тут бороться? Интеллигенция у нас сами видите в каком состоянии.

— Да уж...

— Погодите-ка, — вмешался вдруг Савицкий. — Иван Иванович, как вы называли этих рабочих?

— Ну, косоглазенькими назвал, — потупился Савельев. — Но я же без оскорблений. Так все говорят.

— Нельзя так выражаться, — назидательно сказала французская правозащитница. — А если они вас круглоглазым назовут?

Савельев поправил свои круглые очки и хотел было что-то возразить, но Петр Алексеевич не дал ему и слова сказать:

— Так вот о ком они говорили! — воскликнул он.

— Кто?

— Да эти, в мэрии!

— Точно! — дошло до Паши. — Косоглазые каннибалы! Косорылые людоеды! Всех сожрут! Вот, значит, кто взбунтовался на Вакховой Поляне!

— Мальчишки, вы что, фашисты? — изумилась княжна. — Что вы такое говорите? Опомнитесь!

— Да погоди ты! — отмахнулся от нее Живой. — Значит, так. Восточные гастарбайтеры неизвестного происхождения забаррикадировались в бывшей усадьбе Кипяченого, взяли в заложники весь зоопарк, и сегодня наш друг Шрек, он же мэр Лиходумов, будет принуждать их к миру. Поняли вы теперь?

— Поня-ятно... — протянул Бабст.

Савельев только изумленно моргал.

— Мы должны им помочь! — решительно заявила Вера, доставая мобильник. — Я немедленно звоню в Гаагу.

— Ага! Пусть высылают на помощь далай-ламу, — скривился Паша.

— Но нельзя же бросить их на судьбу произвола!

Все замолчали.

— Вера права, — сказал наконец Савицкий. — Помочь надо. Однако давайте сначала решим, как именно мы можем помочь. Силы у нас неравные. Вы представляете, что там сейчас делается? ОМОН, пожарные, МЧС — все готовятся к штурму. Что мы можем? Драться с ними?

— Ну нет, — сказал Живой. — Я в эти игры не играю. Сидеть потом в грамматическом обезьяннике и учить орфограммы? У меня уже есть среднее образование. В общем, я пас.

Княжна посмотрела на него с нескрываемым презрением, а потом обратила свой взор на Костю.

— А я вот о чем думаю, ребята, — сказал тот. — Ведь взбунтовались-то они не случайно. Иван Иванович, ты говоришь, тихие они были?

— Тихие, — кивнул Савельев. — Нам две недели назад вдруг выдали зарплату, и я ночью потихоньку вышел в магазин «24 часа». Они там ходили впятером с одной тележкой и покупали крупу. Очень тихие и спокойные люди.

— Вот. Кстати, заметьте: еда у них была. А теперь такой вопрос: отчего Некипелов превратился в Кипяченого?

— Нашел полоумь-траву?! — вскочил с места Паша.

— Ты, студент, просто мисс Марпл. А теперь продедуктируй-ка мне второй вопрос: отчего тихие и мирные гастарбайтеры решили взбунтоваться против самого мэра?

— Тоже наелись травы?

— Сто пудов. И, наконец, последний вопрос: что нам теперь делать?

Все переглянулись.

— Надо любым способом пробраться на Вакхову Поляну, — ответил Савицкий. — Причем так, чтобы и киргизов спасти, и травы нарвать.

— Ну, и как это сделать?

Все снова замолчали.

— Есть только один выход, — сказала наконец Вера. — Надо призвать граждан к оружию! Мы соберем всю интеллигенцию и вместе с рабочими уничтожим тиранию!

Паша закашлялся.

— А что, мысль неплохая, — неожиданно поддержал ее Петр Алексеевич. — Если устроить демонстрацию, то Лиходумов не посмеет штурмовать Поляну. Тем более в присутствии столичных журналистов. Правда, Паша?

Живой хмыкнул:

— Штурмовать он, пожалуй, не будет. Но и нас внутрь не пустит. Будем стоять друг напротив друга и козу показывать. Потом все разойдутся по домам, а нас повинтят — и в грамматический обезьянник...

— Этого мы не допустим. В общем, решим на месте. Вступим в переговоры с противником. Костя, ты как?

— За.

— Вера?

— Да! Ура!

— Павел?

— Ну, а куда я денусь?

— Иван Иванович, я надеюсь, что вы нас тоже поддержите, — помолчав, сказал Савицкий. — Подумайте сами: надо спасти людей, уникальный объект культурного наследия, уникальную траву, уникальных животных. В общем, есть дело, которое может объединить всю общественность города. Нельзя упустить такой шанс!

Архивариус ничего не ответил. Он взял житие Вакха, подошел к стеллажу и осторожно поставил его на полку. После этого, кряхтя, открыл крышку старого сундука, стоявшего в углу, и достал оттуда какой-то сверток.

Развернув пожелтевшую оберточную бумагу, Иван Иванович выложил на стол старинный дуэльный пистолет.

— Я с вами, — сказал он. — Пятнадцать лет вас ждал.

— Ура! Вперед, анфан де ля патри! — крикнула француженка. — Я буду свободой на баррикадах!

— Топлесс? — ухмыльнулся Живой.

— Дурак!

— Эй, эй, погодите-ка! — остановил их Савицкий. — Иван Иванович, мы, конечно, ценим ваш благородный порыв, но демонстрация все-таки должна быть мирной. Крови нам не надо. Достаточно ее пролилось в вашем городе.

— Кхм. Это тоже верно.

И Савельев стал заворачивать пистолет обратно.

— Значит, так! Сейчас созываем общее собрание пырьевской интеллигенции, — продолжал командовать глава экспедиции. — Слава богу, никуда ходить не придется, все и так здесь. Надо расшевелить народ. Паша! Ты революцию никогда не пиарил?

— Нет, но готов попробовать. Цель пиар-акции оправдывается средствами заказчика.

— Отлично. Костя, ты поможешь?

— А у меня гитара с собой.

— Тоже хорошо. Сестренка, и ты что-нибудь скажешь...

— Я не только скажу, — подхватила Вера. — Я еще и спеть могу!

Через десять минут сотрудники культурных учреждений города, занимавшиеся посадкой брюквы под руководством своего красного директора, услышали нечто странное: из их родной церкви донеслись гитарные переборы, и звонкий женский голос запел «Марсельезу» на чистом французском языке. Интеллигенция бросила тяпки и поспешила в церковь.

Бабст сидел с гитарой на нижней ступеньке стремянки, а Вера, забравшись на вершину этого шаткого сооружения, пела громко, самозабвенно, закрыв глаза. Когда она доходила до припева — «К оружию, граждане!» — то поднимала вверх руку с невидимым знаменем, как настоящая Свобода на баррикадах. Из загонов на музыкантов удивленно таращились козы.

Допев до последнего куплета про необходимость отмстить захватчикам, княжна открыла глаза и поклонилась. раздались дружные аплодисменты.

— Bravo! Бис!

Всеобщего восторга не разделял только Николай Иванович Семин:

— Товарищи! Что это за концерт вы тут устраиваете? — спросил он с интонацией бюрократа из советской комедии. — У нас, между прочим, рабочий день.

Но на него никто не обратил внимания. На стремянке уже стоял во весь свой прекрасный рост Петр Алексеевич Савицкий.

— Дорогие друзья! — громко сказал он. — Мы собрали вас здесь, чтобы объявить о чрезвычайном происшествии. Все вы знаете, что мэр Лиходумов затеял строительство бизнес-центра на исторической Вакховой Поляне. Это, конечно, безобразие, но это для вас не новость. Новость же вот в чем. рабочие, которых привезли на стройку из азиатских республик, сегодня подняли восстание и решительно выступили против уничтожения исторической поляны. Друзья! Неужели гастарбайтерам ваш город дороже, чем вам самим?

Общественность слушала затаив дыхание. Таких смелых речей не произносили в городе со времен перестройки.

— Мы предлагаем выйти на мирную демонстрацию. Столичная пресса и правозащитное движение не дадут вас в обиду. Остановим зарвавшихся бандитов! Не позволим им совершить очередное преступление!

Раздалось несколько неуверенных хлопков, но они тут же смолкли.

Паша поморщился и вполголоса сказал слезавшему со стремянки шефу:

— Ты, Алексеич, лучше бы лимонадом торговал. Не умеешь с народом разговаривать — не берись. Вот смотри, как надо, и учись.

С этими словами он одним прыжком вскочил на трибуну.

— Граждане! — заорал он так, что задрожали ветхие стены церкви. — Пырьевцы! Коллеги! Друзья мои! Черные тучи сгустились над нашим городом! С каждым днем все гуще кромешная тьма нашей жизни! Нас загнали в резервацию и лишили самого необходимого! А теперь коррумпированные бюрократы хотят надругаться над последним, что у нас осталось. Они хотят уничтожить историческую поляну и проткнуть наше небо своим восьмиэтажным фаллосом. Не дадим погубить древний Пырьевск! Укротим амбиции бандитского капитала! Долой вавилонскую кукурузину! В Шанхай их с небоскребами! В Сингапур! В Дубай их! Все как один выйдем на демонстрацию протеста! Революционно настроенная интеллигенция должна протянуть руку рабочему классу! Вперед, братья и сестры! Я первый лягу на ооновские штыки!

Оратор вытер пот со лба и спрыгнул со стремянки.

На этот раз аплодисментов не последовало вовсе. После Пашиной речи на лицах культурной общественности читалась отнюдь не решимость лечь на ооновские штыки, а скорее недоумение и тихий ужас. Многие переглядывались и спрашивали: «Кто это?» Бабст смерил Живого таким нехорошим взглядом, что пламенный революционер поспешил ретироваться за спину шефа. Дело было почти провалено.

И тут случилось неожиданное.

К стремянке подошел не кто иной, как Иван Иванович Савельев. По толпе собравшихся прошел тихий шелест: «Тот самый! Из архива! Смотрите-ка, выполз!» Видимо, обитателям церкви не часто приходилось видеть таинственного затворника.

Архивариус встал на первую ступеньку, и лестница зашаталась. Савицкий поспешил ее поддержать.

— Спасибо, Петр Алексеевич. Кхм. Я вот что хотел сказать... Мы тут сидим уже почти пятнадцать лет. Книги и архивные документы содержатся в ужасающих условиях, с нарушением всех правил хранения. Правила пожарной безопасности тоже не соблюдаются. Многие работники культуры потеряли человеческий облик. И никаких перспектив улучшения ситуации не видно. Поэтому предлагаю поддержать предложение потомков Льва Сергеевича Собакина и выйти на мирную демонстрацию. Если мы сейчас не выразим свой протест, то уже никогда его не выразим. Мы все умрем на

рабочем месте, и тогда книги и бесценные рукописи растащат и скормят скоту.

При слове «скоту» Савельев выразительно ткнул пальцем в сторону директора библиотеки и стал слезать со стремянки.

Собрание загудело.

— Правильно! — крикнула маленькая библиотекарша. — О нас напишут в газетах, и все узнают!

— Пора вставать с колен! — поддержал ее старший библиотекарь Сергеев.

— рабочие тоже люди!

— Собрание сочинений Чехова козы съели!

— Долой кукурузину!

Директор быстро протиснулся к стремянке и поднял руку:

— Товарищи! Товарищи! Успокойтесь!

Люди притихли.

— Во-первых, хочу заявить, что как старый коммунист — а я, как многие знают, член партии с 1957 года — я целиком и полностью разделяю и поддерживаю ваше справедливое возмущение.

— Ура! — крикнул кто-то в толпе.

— Но! — поднял палец директор. — Во избежание эксцессов и, упаси боже, человеческих жертв такие мероприятия необходимо согласовывать с администрацией. Кроме того, надо поставить в известность городскую ячейку КПРФ. Мы должны выступить сплоченно и организованно и иметь грамотные политические лозунги.

— Ага! — крикнул чей-то молодой голос. — Пока вы будете согласовывать, они там всех гостей перестреляют!

— А вам назначат место для демонстрации на вашей грядке с брюквой!

Директора оттеснили. работники культуры один за другим взбирались на стремянку и выкрикивали все, что скопилось на душе за долгие годы. Тут упоминались и грамматический террор, и Лжедмитрий, и торжество коррупции и невежества, и Гаага, и дочь мэра Стоза Михайловна, и какие-то волосатые свиньи, и даже комодские вараны. Когда революционная активность масс достигла критической точки, трибуну занял Костя Бабст.

— Я вас, ребята, хорошо понимаю, — сказал он. — У нас в музее тоже не сахар. Но все-таки тут Николай Иваныч правильно заметил: выступать надо сплоченно. Предлагаю создать организацию под названием «Культурный фронт» и всех присутствующих считать ее членами. Кто за?

Все дружно вскинули руки.

— Во! Отлично. А теперь слушайте гимн. Я его давно сочинил, думал, может, у нас в Питере что-то такое начнется. Вот теперь пригодилось.

Он пристроил гитару на коленке и объявил:

— Музыка Ганса Эйслера, слова Бертольда Брехта и Константина Бабста. «Марш культурного фронта».

И запел, громко и торжественно:

*И так как мы тоже люди,
То должны мы — извините! — что-то есть.
Двадцать лет нам дают хрен на блюде —
Мерси! Спасибо за честь!
Марш левой! Два! Три!
Марш левой! Два! Три!
Встань в ряды, коллега, к нам!
Ты войдешь в наш единый культурный фронт,
Потому что культурный ты сам!*

Героическая мелодия, под которую маршировали немецкие рабочие в последней отчаянной попытке остановить фашизм, сразу захватила собравшихся. Когда припев зазвучал во второй раз, все уже пели, как один человек. Заключительный аккорд встретили овацией.

— Лозунги! Лозунги писать! — кричала маленькая библиотекарша.

— И листовки! Надо напечатать листовки!

— А на чем печатать? Или от руки?

— Зачем от руки? А подпольная типография на что? Михалыч, давай налаживай свое хозяйство!

Пожилой человек в синей робе послушно направился к стоявшему в углу печатному прессу.

— О чем это они? — спросил Костя у директора.

— Дело в том, что сюда при Кипяченом выселили мемориальный музей «Подпольная большевистская типография», — пояснил Сёмин. — Еще от народовольцев осталась, потом соратники Ильича пользовались.

— Отлично! — обрадовался Бабст. — Это пригодится. Ну, за дело!

Глава 29

Свободная пресса

— Кто-нибудь дорогу запоминает? — спросил Паша. — Учтите, у меня без гугл-мэпс — пространственный кретинизм!

— Я походник со стажем, — напомнил Бабст. — Если что — назад выведу. А пока вся надежда на Иваныча.

Савельев вел их тропинкой через лес к Вакховой Поляне. Позади осталась речка Пырка с каркасом недостроенного моста, с которого ныряли дети. Остался и паромщик, который, узнав, в чем дело, тут же пообещал бесплатно перевозить через реку всех, кто выступает против «мэрского елдака».

Культурный фронт, и без того малочисленный, разделился на две неравные группы. Трех самых молодых библиотекарей отправили в центр города — раздавать листовки возле собора и агитировать граждан. Прочие представители интеллигенции, к которым примкнули и прикормленные в библиотеке старушки, форсировали Пырку на пароме в километре от усадьбы Кипяченого и затаились в лесу в ожидании сигнала.

Мобильных телефонов у работников культуры не оказалось, поэтому Бабст одолжил Николаю Ивановичу свою старую, выдавшую виды «Нокию». Ни Паша, ни Савицкий со средствами связи расстаться не пожелали, а Мурке было не положено по инструкции: а ну как из приемной Тяпова позвонят, а вместо сотрудника Голубковой ответят бойцы культурного фронта?

Для начала решено было провести разведку. В разведчики больше всех рвался Паша, которому в детстве не довелось поиграть в «Зарницу», но в итоге пошли все четверо охотников за собакинским наследством. Проводить их до ограды усадьбы вызвался сам Иван Иваныч.

Забор возник среди деревьев, как корабль-призрак. Не поверив глазам, Живой сделал несколько шагов по усыпанной хвоей земле, вытянул вперед руку и уперся в бетонный блок. Крепостная стена, отделявшая владения мэра от общенародных, в высоту достигала метров трех, а сверху из нее торчали полуметровые ржавые металлические прутья, обмотанные колючей проволокой.

Следуя за Иваном Ивановичем, разведчики вышли на открытое место. По правую руку степенно несла свои воды Пырка. Возле берега плавало утиное семейство. Здесь река делала небольшую петлю, и забор повторял

ее изгибы. Судя по всему, эпицентр событий был за поворотом: оттуда слышались неразборчивые выкрики и гул техники. Едва Вера сделала пару шагов к берегу, чтобы полюбоваться утятами, как вдруг раздался грозный рык, десятикратно усиленный мегафоном: «Граждане бандиты! Предлагаем сдать законной власти!»

— Судя по голосу — майор Пыжиков, командир ОМОНа, — определил Савельев. — Сам тот еще бандит, уже в школе таким был.

— Все по серьезке! — покачал головой Паша и предложил: — Давайте вон на тот симпатичный холмик поднимемся, может, с него разглядеть чего удастся?

Возле реки возвышалось некое подобие кургана, на вершине которого сверкал на солнце мраморный обелиск. разведчики подошли ближе и прочитали надпись, выбитую огромными золотыми буквами:

*ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ПРАХ РАТНИКОВ
ДОБРОВОЛЬНЫХ НАРОДНЫХ ДРУЖИН ЛЯПЫ И ТЯПЫ, ПАВШИХ
ПРИ ОБОРОНЕ ГОРОДА ОТ БАНД КИПЯЧЕНОГО 30 МАРТА 1995 ГОДА*

— Иван Иванович, ты про этот курган рассказывал? — вспомнил Бабст.

— Ну да.

— А как же тут раньше бойцы Кипяченого лежали, а теперь тяпы и ляпы? — удивилась княжна.

— Так ведь в истории всегда так, — невесело улыбнулся архивариус.

— Ладно, давайте подниматься, отсюда ни черта не видно, и солнце в глаза светит, — поторопил своих Савицкий.

Паша приложил руку ко лбу:

— Смотрите-ка, там тризна какая-то идет, — сказал он. — Интересно, по кому — по тяпам-ляпам или по кипяченой братве?

На лестнице, ведущей к обелиску, стояла скамья из черного мрамора, а на ней, разложив газету с закуской, расставив походные рюмки, бутылки с пивом и шкалик водки, пировали какие-то люди. Они были так увлечены процессом, что даже не заметили посторонних.

— А! Наша доблестная пресса, — пожевав губами, произнес Савельев. — Всех лучших журналистов еще в кипяченые времена истребили, а кто похитрее — уехали за границу, как жертвы режима. Остались только такие вот халтурщики. Постоянные опечатки, безответственная работа с источниками, факты не перепроверяют, тят-ляп, сдали — и пошли распивать.

— Должно быть, потому у них Тяпа и Ляпа — небесные покровители! — указывая на обелиск, предположил Паша.

— А так как фактов они не проверяют, то и не знают, что тут на самом

деле кипяченые лежат, — добавил Бабст.

— Словом, это малоинтересные собеседники, — подытожил Савельев. — Тратить себя на них я не намерен. Пойду лучше в лес, к нашим. Сигнализируйте, как только что-то прояснится.

Директор архива ободряюще улыбнулся напоследок и, чуть ссутулившись, побрел обратно в лес.

— Журналисты — ребята ушлые. Они знаете почему сидят и распивают? Потому что все, что нам надо, уже разузнали. Сейчас мы у них аккуратненько все и выспросим, — объявил Паша.

Газетчиков было двое: мужчина неопределенного возраста с равнодушным испитым лицом, в линялых джинсах и джинсовой жилетке, надетой на голое тело, и стриженная ежиком дама с оттопыренными ушами, в которых болтались крошечные серебряные черепушки. На даме был черный сарафан размера на три больше, чем надо.

— Ну, за свободу слова! — объявил мужчина в джинсовой жилетке и выпил, занюхав маринованным помидорчиком. Дама за свободу почему-то пить не стала, но помидор съела.

— Как у вас тут все грамотно! — одобрил Живой. — По какому случаю банкет?

— Да вот, ждем, когда Михал Иваныч косорылых варану скормит, — лениво ответила дама. — Два часа уже толкутся там у ворот, ничего сделать не могут.

— А вам, значит, все равно, кто победит? И рабочих не жалко, и за родного мэра вы душой не болеете? Так зачем вы здесь сидите?

— А тебя не спросили! — неожиданно взвилась дама. — У нас свободная страна! Хотим и сидим!

— Обожди, Лизка, вечно ты на людей бросаешься, — умиротворяюще сказал мужчина в джинсовой жилетке и поглядел на Пашу. — Нам, дорогой, писать про это надо. Мы же, блин, свободная пресса. Дмитрий Мартынов, специальный корреспондент газеты «Газовое пламя», бывшее «Кипяченое время», бывшее «Комсомольское знамя», бывшее «Сталинское племя».

— Та самая газета? — вздрогнула Вера.

— Тотсаеое некуда. А это вот — Лизавета Сенькина, редактор, корреспондент и вообще единственный сотрудник городского информационного портала «Вся правда». Женщина с выходом в Интернет!

— Да уж! Нашу правду не задушишь, не убьешь! — гордо ввернула та. — Пока, как в Китае, Интернет не запретят!

— Вау! — Паша изобразил восторг от встречи и быстро представил

своих по именам.

— Давайте, присаживайтесь, — похлопала по скамейке женщина с выходом в Интернет. — Пока наши тьюфяки операцию проведут, со скуки помрешь.

— Какая ж вы пресса, если вы тут выпиваете и не выясняете подробности? — удивилась Вера.

— Тю-ю, девушка! — ухмыльнулся Дмитрий. — Подробности нам по факсу из мэрии пришлют.

— Тогда почему вы не в редакции? — удивился Савицкий.

— А воздух свежий? Закусывать можно! Да и в редакции не выпьешь особо — к делу пристроят, — охотно пояснил специальный корреспондент. — А вы вообще кто?

— А мы — фармацевты из Санкт-Петербурга. Решили вместе в отпуск съездить. Сели на джип Алексеича, —

Паша кивнул в сторону Алексеича, — и едем себе. Хорошая у него машина. Заночевали в вашем «Парадизе», тачку возле Кабана припарковали и пошли смотреть красоты города.

— Ну все, кранты вашей тачке, — хлопнул себя по коленям Дмитрий. — Кабан, когда из «Парадиза» с утра уезжает, крушит все на своем пути. И живое, и неживое.

— У меня такая тачка, — обиделся за свое вымышленное имущество Савицкий, — что ни один кабан не рискнет задеть.

— Во как! — поднял вверх палец Паша. — Так что не переживайте. Короче, выспались мы, погуляли по городу, а завтра с утра двинем дальше. Что у вас тут рядом интересного есть?

— Да ничего у нас нет, чему тут быть?! — всплеснула руками Лизавета. — Ничтожество и убожество! Мы бы с удовольствием в Питер ваш рванули из этого болота.

— Так рваните! — предложила Вера.

— Да кому мы там нужны! Там блат нужен! А мы люди простые! Воровать не умеем! — перешла на визг женщина с выходом в Интернет.

Бабст хотел было вступить за родной город, но Лизавета глотнула из бутылки теплого пива и внезапно сделалась милой и лиричной.

— Питер! Там же сейчас, наверное, белые ночи! — закатив глаза, почти пропела она.

— Еще какие белые! — поддакнул Живой. — Спать невозможно!

— По пивку, может? — предложил Дмитрий, вытаскивая из-под скамейки две непочатые бутылки. Лизавета Сенькина подвинулась и, дернув Пашу за руку, усадила его рядом с собой.

Бабст, глядя на это, растопырил руки, изображая бонсай, и подмигнул. Паша понял, вздрогнул и отодвинулся подальше от прелестницы. Отхлебнув пива, он продолжил расспросы:

— А что у вас тут за беда с гастарбайтерами? Чего они хотят? Зачем бунтуют?

— Да чего — денег хотят, как и все. Их же наш добрый мэр на работу взял, а держит впроголодь, — охотно поделился информацией Дмитрий. — Вот они и возражают аргументированно. Требуют человеческой зарплаты, страховку какую-то еще выдумали. А чтобы наши их услышали — взяли в заложники кипяченый зверинец. Всех зверей обещают перебить и сожрать. Даже змей и крокодилов. Стоза переживает сильно.

— Это дочка мэра?

— Ага, — кивнул Мартынов, поежившись.

— Стоза... А почему у нее такое странное имя? — спросила княжна.

— Ну, Михал Иванович — большой патриот и оптимист. Поэтому когда семь лет назад у него родилась дочка, он назвал ее Стозабаррель, — объяснила Лизавета.

— Понятно...

— А как же у вас так все неорганизованно — стройку начали, а зверей не вывезли? — спросил Савицкий.

— А это уж у нас так всегда! — сказала Лизавета. — Это у нас такой стиль жизни!

— Там пока подготовка к строительству ведется, — пояснил специальный корреспондент. — А зоопарк Лиходумыч на другой конец города, поближе к своему особняку перенести решил. Был там парк культуры и отдыха, а будет тихая поляна с крокодилами. Хотя теперь уже не будет — гасты всех крокодилов схатают.

— Бедные зверюшки! Они-то в чем виноваты? Лучше бы они съели мэра! — не удержалась Вера.

— Так его и съешь, ага! — взвизгнула Лизавета. — Блатная морда!

— Послушайте, но неужели целая армия омовцев и чиновников не в состоянии справиться с кучкой строителей? — удивился Савицкий.

— Во-первых, среди заложников оказался любимец мэра, — пояснила Лизавета. — А во-вторых, наши пузаны огласки боятся. А ну как журналисты из Москвы пронюхают? Или, еще хуже — правозащитники?

— Да уж, от москвичей этих никакого спасу! Мы их у нас в Питере тоже не любим! — проникновенно сказал Паша.

— Да прям-таки не любим! — вступился за москвичей Бабст.

— А ты молчи, москволюб! Давайте-ка, друзья, выпьем против

Москвы.

— Я отказываюсь! — заявил Савицкий.

— Правильно, ты же за рулем. А вы не знаете, братцы, кто за ваш Мэроскреб башляет?

— Откуда ж нам знать? Нам об этом пресс-релизов не присылали, — обиженно сказала Лизавета.

— Мне тоже не присылали. Но мой аналитический ум подсказывает, что в этом замешана волосатая рука Москвы. Они у нас так половину Питера разрушили! Но мы не сидим на месте. Мы протестуем! Я сам лично три митинга организовал.

— Пашка, уймись, — тронул его за плечо Бабст.

— Не уймись! Тебе всегда было наплевать на культурноисторический облик родного города!

Бабст тяжело задышал, но Савицкий подмигнул ему: пусть, мол, специалист по связям с общественностью работает с общественностью.

Живой вскочил на ноги:

— Не позволю москвичам захватить этот милый славный городок, в котором живут такие отличные ребята и делают такое превосходное пиво!

— Это не наше пиво, привозное, — сказала Лизавета. — Мы же ничего сами не можем! Ничего! Даже небоскреб нам из Москвы строят.

Дмитрий вдруг вздрогнул и посмотрел на нее выпученными глазами. Он как будто очнулся:

— Как это не можем? Все мы можем! А давайте бунтовать! Я щас ребятам в редакцию звякну, номер они сдали... наверное... Придут и поддержат! И пивка заодно принесут, а то кончается уже.

— Ну, прекрасно! Вы сидите здесь и ждите журналистов, а мы все-таки посмотрим, что там происходит, — решил Савицкий.

Оставив Живого пить пиво против Москвы, разведчики спустились с холма.

Пройдя метров сто вдоль реки, они завернули за угол и увидели заасфальтированную площадку, не уступавшую размерами Соборной площади. На ней свободно разместились: две шеренги омоновцев в касках и с прозрачными щитами, три машины «скорой помощи», две пожарных, одна МЧС и пять одинаковых черных джипов. На капоте одного из них сидел сам мэр Лиходумов. Официальные лица как будто ждали какого-то сигнала. Тут и там группами стояли зеваки — любопытные и храбрые краснопырьевцы, решившие взглянуть на штурм своими глазами. По их скучающим лицам было понятно, что представление задерживается, если вовсе не отменяется.

— Да тут «Властелина колец» снимать можно, — с уважением произнес Бабст, указывая на огромные стальные ворота, украшенные массивными заклепками в виде буквы «К».

— Граждане бандиты! Предлагаем сдаться законной власти! — снова раздался дежурный оклик.

— Они не сдвинутся с места, — заметил Савицкий и извлек из кармана мобильный телефон. — Вызываем культурную общественность и сливаемся с мирным населением.

Командир краснопырьевского ОМОНа майор Пыжиков еще дважды лениво предложил «гражданам бандитам» сдаться законной власти. Группа молодых бездельников из числа зевак отделилась от толпы и отправилась искать приключений в другом месте.

И вдруг что-то внезапно и почти неуловимо изменилось в воздухе.

Сначала далеко и невнятно, а потом все ближе и ближе послышалось слаженное пение. Песня приближалась, постепенно стало возможно разобрать отдельные слова, и вот на площадку перед стальными воротами вышел культурный фронт.

Впереди, смело развернув транспарант «Вакху — да! Мэру — нет!» шагали Савельев и Живой. Замыкали шествие Дмитрий Мартынов и Лизавета Сенькина, которым приглянулся придуманный Пашей хулиганский лозунг «Миру — мир! Мэру — хер!» Выйдя к реке, общественность выстроилась фалангой напротив ворот и принялась выкрикивать:

— Это наша пещера!

— Это наша поляна!

— Это наша культура!

— Все люди — братья и сестры!

— Киргизы — не жареные цыпленки!

Савицкий, Бабст и Вера поспешили присоединиться к восставшим и встали впереди плечом к плечу. Глядя на них, в ряды культурного фронта начали вливаться еще остававшиеся у ворот зеваки.

— Это что за... — загремел голос начальника ОМОНа. Спыхватившись, он отложил мегафон и скомандовал своим бойцам строиться.

Напротив фаланги культурного фронта быстро выросла другая, куда более грозная фаланга — космонавтов в сверкающих шлемах.

— Сейчас нас постреляют, — обреченно сказал Паша. — Прощай, мое молодое тело, ты знаешь, я всегда старался тебе угождать. Ты доставляло радость женщинам, а теперь так бездарно поляжешь здесь, в этой траве. Надеюсь, что в следующей жизни...

— ...ты родишься немым! — закончил Бабст. — Хорошо б ты и сейчас примолк. Умирай как мужик!
Однако ОМОН почему-то медлил.

Глава 30

Переговоры

Медлил он потому, что не слышал команды: в стане сторонников мэра не было единства.

— Кто это такие? Откуда они взялись, я вас спрашиваю? — лютовал Лиходумов.

— Это же библиотечные крысы! — почесав в затылке, припомнил его пузатый первый зам с двумя подбородками. — Я думал, они все перемерли давно.

— Точно, крысы, — поддержал его майор Пыжиков. — А вон тот мудака — из архива. Он у меня еще историю в школе вел, падло. Двойки ставил, родителей вызывал. Думал, забыл? А я не забыл!

— Да чего рассуждать — валить козлов! — потребовал зам с двумя подбородками.

— В реку их скинуть, сами потонут! — предложил второй зам. Этот был с тремя подбородками и, видимо, более добродушный.

— Погоди в реку, — остановил его мэр. — Вон, посмотри, видишь — хрен такой долговязый, а с ним рядом пидор в драных штанах. Они у меня сегодня уже были. Как раз насчет Вакха терли. Кричали, что они из Москвы журналисты и что за них все правозащитники ответят.

Тем временем лозунги культурного фронта начали повторяться. Чтобы подбодрить товарищей, Бабст и Мурка решили повторить свое триумфальное выступление и грянули «Марсельезу».

— Не по-нашему поют-то, — покачал подбородками первый зам. — Иностранцы, что ли?

— Точно — иностранные правозащитники, — догадался мэр. — Все-таки пронюхали, гады. То-то я смотрю, наглые такие, ничего не боятся. распустились там в своих Европах.

— Так я даю орлам отмашку? — обрадовался командир ОМОНа.

— Обалдел? Скандал международный хочешь? Там и пресса наша с ними — видишь? Они, сявки, чуют сильную руку. Давай-ка обождем.

Стояние на реке Пырке продолжалось. Переминалась с ноги на ногу культурная общественность. Возле ворот чесали в затылках мэр и его приближенные. А о том, что в это время творилось за воротами, собравшиеся боялись даже подумать.

Расхрабрившись и хлебнув еще пивка, на передний план выбрались

краснопырьевские журналисты. Они принялись выкрикивать обидные и оскорбительные фразы, а идейные вдохновители культурного фронта тем временем отошли в последний ряд посовещаться.

— Хреновый план, — высказал общее мнение Паша. — Даже если омовцы кинутся разгонять нашу общественность, мы через эти ворота не перелезем. Надо как-то мэра коррумпировать.

— Ну и как? — хмуро поинтересовался Бабст. — У тебя в рукаве нет знакомого замминистра? Или, может, у Алексеича есть?

Савицкий отрицательно помотал головой. Паша достал смартфон, проямлил: «Навскидку не помню» — и начал изучать контакты.

— Пока в нас не стреляют, мне надо телефонировать маман, — извиняющимся голосом проговорила Вера. — А то во время штурма будет шумно.

Все давно привыкли к тому, что она время от времени уединяется, чтобы поговорить с парижской родней.

Отойдя к реке, так, чтобы держать в поле зрения всех участников действия, но при этом самой не маячить у них на виду, Маша присела на какой-то чудом не выкорчеванный пенек. «Не садись на пенек, не ешь пирожок», — вспомнила она. Сейчас бы пирожок, кстати, не помешал. После морковного чая в библиотеке, который очень условно можно было счесть за легкий перекус, у нее с самого утра во рту маковой росинки не было. «Хватит ныть! Поработаешь — поешь», — сказала себе Маша и набрала номер.

Телефон откликнулся сразу, как будто ее звонка ждали:

— Усов.

— Докладывает агент Мурка-терминатор. Возникли непредвиденные сложности. Место охраняется ОМОНОм. Проводится спецоперация. Отвлекающий маневр не удался. Объект недоступен.

— Подождите, пока проведут операцию, а потом накошите травы, делов-то.

— Потом все без нас скосят. Там такое дело...

Маша кратко описала ситуацию в надежде, что более опытный коллега даст ей совет, но Усов ответил, что сам решения принять не может, велел ничего не предпринимать и ждать дальнейших указаний.

— А если штурм начнется?

— Действуй по обстоятельствам.

— Есть!

Она опустила телефон в карман, обхватила колени руками и обвела взглядом поляну. Общественность, исчерпав весь набор лозунгов, снова

запела «Марш культурного фронта», но как-то устало и неубедительно. Омоновцы отложили щиты, а двое даже сняли каски и закурили. Одна машина «скорой помощи» уехала — видимо, по более неотложному делу.

Маша нашла взглядом своих. Живой размахивал руками — должно быть, предлагал очередной грандиозный план. Бабст слушал его, критически прищурившись и склонив голову на бок. Савицкий, потупившись, стоял чуть в стороне. Напряжение не спадало, но становилось привычным фоном.

«Что делать? Что делать? Думай!» — билась в головах одна и та же навязчивая мысль, отгонявшая все здравые решения.

Звонок телефона привел разведчицу в состояние боевой готовности. А высветившийся на экране номер заставил ее расправить плечи.

— Приемная Тяпова. Соединяю, — прожурчал в трубке голос секретаря.

— Иван Ильич, у нас тут... — начала было Мурка.

— Мне доложили. Разберемся. С этого момента руководство операцией беру на себя. Отчитываться будешь лично мне, ясно?

— Так точно! — с восторгом произнесла Мурка.

— Служу Советскому Союзу, — передразнил ее Тяпов. — Трубку не вешай. Сейчас открою вам ворота.

Переключившись на вторую линию, Тяпов потребовал соединить его «с краснопырьевской шпаной».

Мурка увидела, как заскучавший было у ворот Лиходумов достает из кармана мобильный телефон. Это привело ее в полный восторг: вот какой у нее босс, всем боссам — босс! Знал бы этот болтун Живой, с какими людьми она на короткой ноге, — утерся бы и обращался к ней только на «вы».

Самодовольно усмехнувшись, она приготовилась слушать.

«Ну что, Мишаня, тяповку пьешь?» — «Я больше виски». — «Ну, фирму-то мою ты знаешь?» — «Кто же ее не знает». — «Ну, так я тебе пришлю пару ящичков?» — «Присылай». — «А говорят, Миха, ты иностранных рабочих притесняешь?» — «Это кто же такое говорит?» — «Общественность говорит». — «Ах, общественность! А за каким хе... » — «А за таким, что предложение у меня есть. Сейчас к тебе мои люди подойдут — так ты их пусти потихоньку внутрь, за забор». — «А зачем им туда?» — «А это они тебе сами объяснят. Главное — что после этого мы решим все твои проблемы». — «Какие проблемы?» — «Текущие, с гастами. А также те, которые возникнут в случае отказа». — «И какие возникнут?» — «А увидишь. Включай завтра сразу тридцать телевизоров и

смотри про себя по всем каналам. И еще жди звонка из администрации Мохнатого». — «Ладно, я подумаю». — «Ага, только недолго».

— Поняла, как с ними надо? — вернувшись на первую линию, спросил Тяпов.

— Поняла, Иван Ильич!.. — еле сдерживая восторг, ответила разведчица.

— То-то. Сейчас он сам к вам приползет. Действуй по обстоятельствам. Будет козлить — звони мне.

Вернувшись к своим, французская княжна сказала, что маман передает всем пламенный привет.

— Я сказала ей, что мы гуляем по зоопарку. Мама велела не подходить близко к вольерам с хищниками.

— А у нас все без изменений. Пашка вот хочет своим знакомым с Первого канала позвонить, — сказал Бабст. — Ничего лучше не придумал...

— Ну так давай, придумай что-нибудь получше! — взвился Живой. — Сгенерируй хоть одну идею! Я, по крайней мере, хотя бы пытаюсь что-то сделать!

— Спокойно, — остановил их Савицкий. — Не хватало нам только переругаться. Вон, смотрите, там у ворот какое-то движение.

В лиходумовском стане в самом деле происходила перегруппировка войск. Омоновцы по команде Пыжикова отошли к воротам и сели на землю. Громкоговоритель перешел к мэру. Он откашлялся и объявил:

— Мы согласны на переговоры с представителями общественности. Попрошу зачинщиков бросить оружие и медленно подойти к машине МЧС.

— Товарищи, это успех! Кажется, что-то сдвинулось, а? — обрадовался Сёмин, но никто из общественности его не поддержал. Все хорошо знали, что за человек был Миха Лиходумов, и идти к нему на переговоры никому не хотелось.

— Успех, успех! — повернулся к Савицкому директор библиотеки. — Ну что же, поздравляю. Теперь вы, как наши идейные вдохновители...

— Идемте! — воскликнула пламенная французская правозащитница. — Я верю в торжество справедливости и здравого смысла!

— Мой здравый смысл велит мне бежать в лес, — пробормотал Живой.

Однако общественность уже расступилась. Княжна шагнула вперед, и тут же рядом с ней вырос надежный и верный Бабст. Рука об руку с ним решительно встал Савицкий, и Паше ничего не оставалось, как довериться провидению.

Однако начало переговоров задерживалось. Стоя возле автомобиля

МЧС, мэр Краснопырьевска никак не мог закончить разговор с каким-то худосочным человечком со скошенными влево глазами.

— Больше всего меня беспокоят тупорылый крокодил и ушастый еж! — жалобно говорил человечек.

— Ты о журналюгах, что ли? Брось! Протрезвеют — на карачках каяться приползут, они же прикормленные.

— Я о животных! Они-то как раз голодные! Да как бы еще эти узкоглазые листоносов не выпустили! разлетятся же по всем подвалам, забодай их клоп-хищнец. Летучим собакам, опять же, апельсинов надо дать.

— Да плевал я на твоих собак листоносых! Ты почему, паскуда, свою шкуру спас, а о Коленьке не подумал?

— Да я...

— Я, я! Головка от кия! Ближе Коленьки на этом свете у меня и нет никого, понял? У него же такая удивительная душа! Он же не выдержит всего этого! У него же диета!

— Михал Иваныч, он в последнее время как раз набрал лишний вес, так что поголодать ему будет даже полезно.

— Тебе бы поголодать, гнида! А если его отдадут варану? Ты подумал об этом, коновал? Коленька, мальчик мой, мой талисман!

— Да ничего с вашим мини-пигом не случится. У него же отдельный вольер, в стороне от всех. Скоро будете кормить его яблоками и чесать за ушком.

— В грамматическую бы тебя лет на пять...

— Михал Иваныч! Да разве я виноват? Не я же этих людоедов туда пустил...

— Ну ладно, сейчас с этими... правозащитниками перетрем, может, они чего предложат.

Мэр шагнул к Савицкому и раскрыл было ему навстречу объятия, но тут на поляну выехал длинный черный лимузин с затемненными стеклами.

— Стоза Михайловна приехала! — прошелестело по рядам лиходумовских приближенных. — Сейчас начнется!

Человечек со скошенными влево глазами со всех ног кинулся к лесу. Оба зама, толкаясь животами, попытались спрятаться за джипом МЧС.

Водитель в черном костюме почтительно открыл дверцу, и из машины выскочила девочка лет шести-семи в кружевном платице, с двумя косичками. В руках она держала маленького белого кролика.

— Папочка, я по тебе соскучилась! — закричала она на всю поляну.

Савицкий вздохнул: кто бы знал, как он по своим соскучился.

— Как тебя мать отпустила? — строго спросил мэр у дочки.

— А я ее в подвале заперла.

— Заперла, а не заперла! Грамотно надо говорить, а то денег на пистоны не дам.

— Нужны мне твои пистоны! Что я, маленькая?

— Сейчас не нужны, а осенью учителей тебе найдем — пригодятся, — ухмыльнулся Лиходумов.

— Так к осени ты мне денег полюбасу дашь.

Мэр не нашелся, что ответить.

— А ты куда смотрел? — накинулся он на водителя.

— Я сидел внизу, в машине, и ждал указаний Стозы Михайловны, как вы велели, — спокойно ответил тот.

— Значит, так, звони охране — пусть выпустят Светку из подвала. И сам поезжай, проверь, как там и что. Да быстрее давай, а то скоро ее любимый сериал начнется, — приказал мэр.

— А Стоза Михайловна? — не трогаясь с места, спросил водитель.

— Со мной побудет, так спокойнее. Шевели булками давай!

— Я с ним побуду. Мне так спокойнее. Пока-пока! — девочка помахала рукой водителю и снова повернулась к отцу. — Я хочу видеть Дракошу! Я ему крольчатину привезла!

— У папочки полна жопа огурцов, а она только о своем удаве и думает!

— Он не удав! — топнула ногой девочка. — Удавы и вараны — это разные звери! Дракоша — ко-мод-ский ва-ран! Проверочное слово — комод!

— Ладно, комод — так комод. Пстой тут в сторонке, мне надо с людьми поговорить.

— Папулечка, а когда ты бандитов уроешь, давай их Дракоше отдадим, ну пожалуйста! Он в дикой природе мертвой падалью питается!

— А у него от этой дикой падали животик не заболит?

— Не заболит. А вот если он съест твою дурацкую жирную свинью — то может отравиться!

— И тебе не жалко Коленьку?

— Мне жалко Дракошу. Быстро командуй своим трансформерам, пусть его освободят!

— погоди, милая. Спасем твоего крокодила.

— Дракоша — варан! — закричала у него за спиной дочка, но краснопырьевский мэр уже с обворожительной улыбкой шел к Савицкому.

— Здравствуйте еще раз. Извините, не признал. Вот вы,

правозащитники, все же иногда как Штирлицы какие. Ну нет, чтобы сказать, что к чему, от кого вы, по какому вопросу... Мы-то вас, конечно, за забор пропустим. А вы нам чем взамен поможете?

— Нам кажется, мы знаем причину бунта, — поглядев на своих, сказал Савицкий.

— Да-а? И что же это за причина? Какое-нибудь нарушение конвенций по правам человека? — выразил озабоченность Лиходумов.

— Не только, — спокойно ответил Петр Алексеевич. — На месте мы сможем понять, что случилось на самом деле.

— А на черта вам это нужно?

— Ну вы же не хотите, чтобы пострадали животные? Почему?

— Ну, это и ежу ушастому понятно. Они вымирающие. Их мало осталось. Их надо беречь, — как по учебнику отчеканил мэр.

— Людей тоже надо беречь. Посмотрите на представителей культуры, в каком они нищенском, полуголодном состоянии. Посмотрите на этих несчастных строителей.

— А чего на них смотреть? Косорылые и есть. В смысле, я хотел сказать — делаем все возможное. Строители-то у нас взбесились!

— Так это вы их сами до священного безумия довели! — ввернул Паша. — И даже я, психолог с двумя дипломами международного образца, могу оказаться бессилён!

— А если эти... безумные... вас в заложники возьмут? Кто отвечать будет? Опять я? — не сдавался мэр.

— А давайте мы расписку напишем, что отправляемся туда добровольно! — предложил вдруг Бабст.

Лиходумов посмотрел на него, прикидывая что-то в уме, а потом ответил:

— А что? Это дело. Идите, попробуйте уговорить их сдаться. Может, они вас послушают.

Он достал из кармана ежедневник, вырвал листок, выудил «паркер» и протянул Паше:

— Пиши, психолог. *«Настоящим объявляем, что к людоедам отправляемся добровольно и в случае полного съедения или отъедения части тела, а также отъема собственности обязуемся не предъявлять претензий администрации г. Краснопырьевска и лично мэру Лиходумову М.И.»*. Число, подпись.

Живой набросал расписку, затем вытащил из кармана смартфон и на всякий случай проверил правописание по онлайн-словарю. Оказалось, что мэр ухитрился засунуть в одно предложение пять слов с твердым знаком.

— Грамотно написано, — одобрил Лиходумов. — Теперь распишитесь все. И это, знаете... У меня личная просьба есть... Там в дальнем вольере, в отдельном, маленькая свинка сидит, черненькая такая. Коленька зовут. Вы уж как-нибудь его выпустите за ограду. А дальше он меня сам найдет, такой умница. И тогда мы с вами решим все проблемы культурной общественности.

Глава 31

Ненемцы

Костя взглянул на запертые изнутри стальные ворота, на опутанный колючкой высоченный забор и почесал в затылке:

— Ну, и как мы туда войдем?

— Молча войдем, — ответил Лиходумов. — Топайте за мной!

Он велел своей свите оставаться на прежнем месте, а сам повел московских гостей вдоль ограды в сторону кургана. Зайдя за угол, мэр оглянулся и, убедившись, что за ними никто не увязался, вдруг нырнул в гущу кустарника у самой стены.

— Серьезный вроде дядя, — тихо сказал Живой, — а по нужде без охраны ходит.

Княжна Вера презрительно отвернулась.

Из кустов послышался голос:

— Сюда идите!

Продравшись сквозь колючки, правозащитники подошли вплотную к забору. В нижней его части оказалась узкая и низкая, не больше метра в высоту, железная дверца.

— Вот, — с гордостью сказал мэр. — Тайный ход.

— Со времен войны остался? — спросил Паша.

— Да какой там войны! — отмахнулся от него Лиходумов. — Это я для Коленьки велел сделать.

— Для свиньи? — поразился Бабст. — Зачем?

— Ну как зачем? Чтобы эвакуировать его, если что случится. Слава богу, что догадался! Прямо как в воду смотрел.

Лиходумов достал из нагрудного кармана ключ-таблетку и приложил к двери. Она бесшумно отворилась.

— А как же эта... ну, Коленька ваш ее открывать будет?

— У него в ошейнике такой же ключ. Я его научил тереться боком о дверь. За два урока все усвоил, умница такой!

Мэр расплылся в улыбке и стал похож на Шрека, которому сказали, что его любит прекрасная Фиона. Однако широкая улыбка тут же исчезла:

— Короче, ребята, запоминайте: главное, что от вас требуется, — это выручить Коленьку. Надо выпустить его из клетки и отнести на лужайку. А дальше он сам сюда прибежит. Уяснили?

— Уяснили.

— Ну и славно. А с косыми... то есть с нарушителями вы поговорите... Если отдадут Коленьку, я их, может быть, того... помилую. Я не кровожадный. Но помните: если через три часа вы не выйдете, то я буду считать, что вас условно съели, и начну спецоперацию по вашему спасению. Вопросы есть?

— Нет.

— Тогда полезайте!

Правозащитники протиснулись в порослячий лаз. Последним, с трудом пропихнув в отверстие рюкзак, на вражескую территорию проник Костя. Калитка за его спиной захлопнулась, отрезая путь к отступлению.

— Черт! А ведь теперь мы отсюда не выйдем без ключа, — запоздало сообразил Петр Алексеевич.

— Н-да... А ключ-то у свиньи... — почесал в затылке Бабст.

— А свинью, может быть, уже съели, — закончил Паша.

— Да ладно вам! — махнула рукой Вера. — Как говорил наш император Наполеон: «Ввяжемся в битву, а там посмотрим!»

За забором оказался тщательно распланированный, но не до конца воплощенный рай. По всему было видно, что огромное пространство Вакховой Поляны когда-то пытались превратить в регулярный парк. Хитрыми кренделями ветвились аллеи и дорожки, звали в свою уютную тень садовые беседки, заманчиво блестели искусственные пруды — но зелени почти не было. растительность или не успели высадить, или она здесь не прижилась.

Наши герои двинулись к видневшейся впереди черной башне — замку Кипяченого. До него было никак не меньше двух километров. Прошли мимо стальных ворот и удивились тому, что захватчики не выставили часовых. Вместо вооруженной охраны вход в усадьбу стерегла только мраморная статуя Венеры. Безрукая богиня была запечатлена в очень странной позе: она наклонилась вперед так, словно ждала выстрела в спину или собиралась стартовать на очень длинную дистанцию.

— А тетенька не дура, — хмыкнул Паша. — Вот откроют ворота, а она как дернет отсюда — и до самой Греции, не останавливаясь...

— Пуля догонит, — хмуро отозвался Бабст.

За статуей начиналась центральная аллея, которая вела напрямиком к замку. Чем дальше участники экспедиции отходили от ворот, тем спокойнее становилось у них на душе. Шум и крики сюда уже почти не долетали, и можно было даже расслышать кукушку, щедро отмерявшую в дальнем лесу годы чьей-то жизни. Идиллию портили только следы давних пожаров: обгоревшие руины и черные пни, попадавшиеся слева и справа от аллеи.

Пепелища, несомненно, остались на месте дачных домиков садоводства «Светик», членом которого был учитель Некипелов, однако у Савицкого возникли другие ассоциации.

— Как будто восемнадцатый год... — тихо сказал он Вере, покачивая головой. — Вот и Льва Сергеича так пожгли...

Место было действительно похоже на коттеджный поселок премиум-класса непосредственно после революции, когда народные массы уже разрушили до основания старый мир, а к построению нового еще не приступили. Впрочем, начало процессу строительства лучшего мира было положено: метров за двести от замка глазам пришельцев открылся огромный котлован, окруженный горами песка, земли и мусора. Никакой техники на стройплощадке видно не было, хотя кое-где валялись лопаты и оранжевые каски.

Княжна сняла очки и прищурилась от солнца, разглядывая яму. Она попыталась представить на этом месте рвущуюся в небо громаду бизнес-центра, а затем обернулась к четырежды брату и спросила:

— Пьер, скажи: ну зачем Лиходумову строить билдинг на этой поляне? Какой-то бред... Вот ты, как деловой человек, можешь это объяснить? Он сумасшедший?

— Все не так просто, Веруша, — вздохнул Петр Алексеевич. — Если в двух словах, то в основе бизнес-плана лежит идея совмещения двух видов собственности. Здание будет муниципальное, а земля под ним — лиходумовская.

— Да просто место святое, намоленное — вот они и гадают, — сплюнул Бабст.

Паша предложил более глобальную концепцию:

— А я думаю, что наш друг Шрек еще и мэрию сюда переселит. А что? Удобно же: земля своя, стены, как в Кремле, администрация и все коммерсанты в одном здании. Мэр наверху, бизнес внизу, между ними — социальные лифты, откаты поднимать. А кризис кончится — можно будет тут Краснопырьевск-Сити отгрохать. Да, надо подкинуть ему эту идею, если он сам еще не допёр.

— Ну ладно, хорош болтать, — оборвал его Бабст. — Давайте думать, что делать дальше. Попытаться незаметно пролезть или с белым флагом идти? Короче, как нам пробраться вон в тот Мордор?

Бывшее жилище Кипяченого и впрямь напоминало твердыню Саурана, в суровый облик которой внесли некоторые декоративные элементы раннего лужковского стиля. Над мощными крепостными стенами торчало целое семейство разнокалиберных башенок, приспособленных под

пулеметные гнезда. Согласно всем правилам фортификации, замок был окружен эскарпами и контрэскарпами и опоясан рвом с водой.

Во рву мирно плавали уточки.

— Кстати, утки — это очень хороший знак, — заметил Савицкий.

— Это еще почему?

— Да потому что если бы гастарбайтеры были сильно голодные, то начали бы с них.

— Верно! — улыбнулась княжна. — Пошли их покормим! В смысле — уток.

Бесстрашная француженка взяла Костю за руку и смело двинулась к замку.

— Стойте! — крикнул им Савицкий. — Вы что, не понимаете, во что мы ввязались? Этим ребятам, которые засели в доме, терять нечего.

— А если они и правда людоеды? — спросил Паша дрогнувшим голосом.

Все посмотрели на уточек. Потом Вера решительно объявила:

— Им нечего терять, а нам нечего бояться. Мы пришли сюда как парламентареры и правозащитники. У меня есть белый платок, и я буду им махать.

Она покосилась на притихшего Пашу и добавила:

— Мой компатриот Клод Леви-Стросс, который изучал людоедских индейцев, утверждал, что трусов всегда обедают первыми. Костя, ты пойдешь со мной?

— Конечно! — немедленно откликнулся Бабст, но при этом все-таки поглядел на Савицкого.

Остальные тоже обернулись к руководителю экспедиции.

— Ну ладно, пошли, — вздохнув, сказал тот. — Но только осторожней, пожалуйста.

Вера достала белый платок, привязала его к хворостине и, высоко подняв знамя, двинулась к мосту, переброшенному от центральной аллеи к воротам замка. Мужчины держались за ней.

У края рва парламентареры остановились в недоумении. Цитадель не подавала никаких признаков жизни. Часовых не было, навстречу никто не выходил, и только на берегу рва с другой стороны сидел на песке и удил рыбу мальчик лет четырнадцати.

Увидев незнакомых, он стал быстро сворачивать удочки.

— Эй, эй, не бойся! — крикнула Вера и помахала флагом.

Мальчик замер.

— Мир! Дружба! Жвачка! — подхватил Паша.

Мальчик кивнул и стал что-то чертить на песке концом своей удочки.

— Смотрите, круг рисует.

— Колдует, что ли?

— Да нет! Он в этот круг станет — чик-трак, я в домике, — объяснил Живой.

Доведя до конца круг, мальчик пририсовал внутри него три палочки в виде голубиной лапки.

— Ага! Правильно, чувак! — заорал Паша. — Я в твоём возрасте тоже был хиппи!

Он выхватил у Веры хвостину и начертил на песке такой же пацифик.

Мальчик снова важно, как взрослый, кивнул и махнул рукой пришельцам — идите сюда!

Парламентеры перешли мост.

Юный рыбак подошел к воротам, взялся за большое железное кольцо и трижды постучал. Минуту спустя одна из створок приоткрылась.

Правозащитники невольно напряглись в ожидании встречи с террористами. Савицкий сделал шаг вперед, Живой спрятался у него за спиной, Вера подняла повыше флажок, а Бабст встал рядом с ней и подтянул лямки рюкзака.

Однако вместо головорезов с автоматами незваных гостей встретил один-единственный толстенький террорист в каком-то женском халате и без всякого оружия. Привратник низко поклонился мальчику, а тот громко произнес несколько звучных фраз. Язык людоедов показался Маше похожим на детскую считалку: «Эне-бене-ра-ба, квинтер-финтер-жаба». Внимательно выслушав считалочку, страж замка Саурана тряхнул головой и вдруг улыбнулся так широко, что его глазки совсем исчезли в пухлых щеках.

— Заходи, заходи! — закричал он по-русски пришельцам. — Как раз кушать сели! Кушать будишь? Хорошо!

Мальчик вошел во двор первым, за ним последовали гости. Толстяк быстро затворил ворота и сломя голову помчался в дом.

Парламентеры вошли в просторный холл и огляделись.

Интерьер бывшего обиталища Кипяченого представлял собой нечто среднее между охотничьим замком и тем, что дизайнеры с Рублево-Успенского шоссе называют словами «роскошная классика». К стенам были приделаны не просто рога, а разрубленные чуть ли не пополам лоси и олени. Хрустальный дирижабль трехметровой люстры навевал смутные воспоминания о детских походах в Большой театр, и Маше даже захотелось

приложить руку к сердцу и запеть арию. У антикварных стульев, шкафов и комодов ножки были выгнуты так изящно, что не оставалось ни малейших сомнений в их королевском происхождении. По стенам висели выцветшие гобелены со сценами охоты.

Гости поднялись по мраморной лестнице на второй этаж. В большом пустом зале — судя по натюрмортам, раньше он служил Кипяченому столовой — на полу лежала громадная шкура белого медведя.

На ней, подобрав под себя ноги, сидело человек десять из числа тех, кого мэр Лиходумов считал способными съесть комодского варана. Все они были одеты одинаково: в длинные рубахи с широкими рукавами и замшевые штаны. Перед ними стоял на треноге большой казан, и они по очереди хлебали из него ложками какое-то варево. В богато украшенном камине пылал огонь, на котором кипел еще один большой котел. Возле очага хлопотал тот самый толстяк, который открыл парламентарам ворота.

Увидев вошедших, восточные люди отложили ложки, встали и поклонились мальчику. Тот небрежно кивнул в ответ, отдал толстяку удочки и уселся на расшитую серебром подушку, положенную прямо на медвежью голову. После это он милостивым жестом пригласил гостей занять места напротив себя.

Толстяк раздал пришедшим ложки.

— Кушай, кушай! — повторял он, не переставая хитро улыбаться.

Гастарбайтеры молча продолжили трапезу. На гостей они не глядели.

Паша взял было ложку, но тут же положил ее обратно.

— Да ну на фиг, — шепнул он Бабсту. — А если они варана кипяченого жрут?

— Дурак ты, Пашка, — так же тихо ответил неутомимый экспериментатор. — Ну подумай сам: где ты в своей Москве варана попробуешь?

— А верно! — поразился этой мысли Живой. — Хороший понт дороже здоровья. Значит, придется есть. Но все-таки давай-ка ты первый, я погожу.

— Ну, годи...

Бабст решительно зачерпнул полную ложку, подул на нее и отправил пищу в рот. Он посидел немного молча, а потом проглотил и хмыкнул:

— Обломись, студент. Это самая обыкновенная перловка.

— Ну и слава богу!

Паша взялся за ложку.

Когда каша была съедена, мальчик велел толстяку подавать чай и приступил к разговору.

— Меня зовут Башлык, — сказал он. — Это значит «князь». Я тут главный. А вас как зовут?

Парламентеры представились, причем Вера тоже упомянула о своем княжеском происхождении, а Паша на всякий случай присвоил себе титул шевалье.

Гастарбайтеры стали по очереди называть свои имена и прозвища, а Башлык переводил их на русский. Все прозвища оказались звериными: тут были и Лось, и Марал, и Суслик, и Бурундук, и даже крупный мужчина по прозвищу Горная Индейка. Шустрый толстяк-привратник, который по совместительству выполнял обязанности повара, назвался Зайцем.

После представления у гостей стал понемногу проходить страх. Петр Алексеевич заметил, что среди новых знакомых не нашлось ни одного хищника, и сказал об этом вслух. Гастарбайтеры заулыбались и на минуту показались симпатичными ребятами.

Один Башлык оставался серьезен.

— А кто вы такие? — спросил он строго.

— Мы ваши друзья, приехали из Москвы вас защищать, — ответил Савицкий.

— А я французская правозащитница, — добавила княжна. — Я вас не дам в обиду!

Башлык кивнул и стал переводить своим. Говорил он очень долго — видимо, слово «правозащитница» требовало множества описательных выражений. Слушатели кивали и цокали языками, поглядывая на Веру.

— Ну, а вы-то кто? — спросил наконец Бабст. — С виду киргизы, а вроде и не киргизы.

— Мы — немцы.

— Кто?

— Немцы, — повторил Башлык. — А киргизами нас тут местные называли. Мы не обижаемся. Киргизы нам... как это по-русски... двоюродные карандаши.

— Какие карандаши?

— Ну, родственники, в общем.

Посыпались вопросы. Из ответов Башлыка, а также Зайца, который лучше других говорил по-русски, выяснилось, что немцы — это маленький народ, живущий высоко в горах Алтая. Два месяца назад отец Башлыка (сын называл его «кам» и всегда склонял голову, упоминая его) отправил их на заработки в центральную Россию. До Москвы денег не хватило, и немцы сошли с поезда в Краснопырьевске. Здесь их задержали на вокзале, немного побили, а потом отвезли на Вакхову Поляну.

Поселили в бараке на заднем дворе замка, выдали лопаты и велели побыстрому копать котлован.

— Мы умеем по-быстрому, — гордо сказал Башлык. — Три недели — и готова яма.

— А денег йок, — добавил Заяц.

Ненемцы заговорили все разом, причем в потоке непонятной речи все время всплывало русское слово «кидалово».

— Так, значит, вам не заплатили, и вы из-за этого взбунтовались? — уточнила Вера.

Ненемцы дружно покачали головами и опустили глаза. Было ясно, что о причине бунта им рассказывать не хочется.

— Может, из-за жратвы? — предположил Бабст. — Вы тут что, одну перловку едите?

— Сначала перловку ели, а потом совсем не перловку, — загадочно ответил Заяц.

Ненемцы при этих словах снова покачали головами.

— Человечину, наверно, жрали, — шепнул Паша Савицкому. Тот не ответил.

После долгих расспросов причину восстания все-таки удалось установить. Гастарбайтары целый месяц питались самой дешевой крупой, какую продавали в ближайшем магазине, закупая ее мешками. Однако три дня назад Заяц решил разнообразить рацион своих товарищей и нарвал каких-то колосков на лужайке за домом. Там была аккуратно засеяна довольно большая полоска, а возле нее на вышке торчал часовой. Заяц вылез из барака ночью и, увидев, что охранник спит, набрал целый мешок колосьев. Утром он обмолотил зерно, растолок его в ступке и напек лепешек.

В этом месте рассказа ненемцы стали раскачиваться из стороны в сторону, взявшись руками за головы. Потом снова горячо заговорили о чем-то на своем языке, часто повторяя слово «яман».

— Как покушали, — продолжал Заяц, дождавшись тишины, — так жить очень весело стало. Все плясать стали, петь стали. И еще водки выпить захотели. Мы в сарае жили, а в доме охранники жили. Они там водку пили все время. Мы лепешки взяли и пошли к ним в гости. Даем им лепешки, а сами такие танцуем и говорим — водку наливай, пожалуйста. А они ругаться стали, побить нас хотели. Нехорошие люди.

— Ну, а вы что?

— А мы их сами побили, веревкой связали и за ворота к реке вынесли. А ворота закрыли, да.

— А потом что было?

Все промолчали. Заяц тоже молчал и хитро улыбался. Наконец ответил Башлык:

— А потом мы их водку выпили и тоже нехорошими людьми стали.

— Ты что, тоже водку пил? — удивился Бабст.

Мальчик ответил, как взрослый:

— Нет, я не пил, мне нельзя.

— Это ты правильно решил, что нельзя, — наставительно сказал Петр Алексеевич. — В твоём возрасте алкоголь сразу проникает в мозг.

— Нет, не поэтому, — тряхнул головой Башлык. — Я на шамана учусь, мне только ортку пить можно.

Савицкий застыл с открытым ртом, а Бабст тут же спросил:

— Дашь попробовать?

Башлык кивнул:

— Потом дам. Когда кровавую жертву резать будем.

Услышав это, Паша резко вскочил, но тут же грохнулся — от долгого сидения на полу у него затекли ноги.

Башлык посмотрел на него и что-то коротко приказал Зайцу. Тот хохотнул, потер руки и, приплясывая, выбежал в соседнюю комнату.

Все члены экспедиции тоже вскочили. Бабст подхватил рюкзак и заслонил собой Веру. Паша цеплялся за руководителя.

— Медленно продвигаемся на выход, — вполголоса командовал Савицкий. — Лицом к ним. резких движений не делать. Бежать только по моей команде.

— Там внизу на стене рогатина висит, — шепнул Бабст. — До нее бы добежать.

— Не успеем! — простонал Паша.

Они начали пятиться к выходу, но тут в дверях возник Заяц. Его круглая физиономия сияла, а в руках он тащил сразу четыре королевских стула с гнутыми ножками.

— Садись, садись! — закричал он. — Все на стул садись! русский на карачки долго сидеть не может, я знаю.

Вера взглянула на ошарашенные лица своих защитников и прыснула.

— Кровавую жертву резать... рогатина... Ой, не могу!

Смущенные гости уселись на стулья. Глядя на них и на хохочущую Веру, немцы тоже заулыбались.

Когда веселье поутихло, Бабст обратился к Башлыку:

— Слушай, князь, — сказал он, — а колосков этих у тебя не осталось? Уж больно интересно вы про них рассказываете. Попробовать хочется.

— Нет, не осталось, — покачал головой Башлык. — Я их выбросить велел. Мы теперь только перловку кушаем.

— А у меня есть маленько, — осклабился Заяц.

Он покопался в кармане своего халата, извлек помятый колосок и, подмигнув, протянул Бабсту.

Костя осторожно взял Вакхову полоумь-траву двумя пальцами, как величайшую драгоценность, подошел к окну и стал рассматривать. Участники экспедиции столпились вокруг него.

— Ну, что? Что там?

Бабст не отвечал. Он тщательно осмотрел каждое зернышко, а потом отколупнул одно из них и положил в рот.

Закрыв глаза, тщательно прожевал его и проглотил.

Все ждали.

Наконец Бабст открыл глаза и снова оглядел колосок.

— В общем, так, — сказал он наконец, обращаясь к одной только Вере. — Это что-то вроде спорыньи: вместо зерен прорастают грибы. Но это, конечно, не спорынья.

— А что?

— Хрен знает. То есть понятно, что возбуждающий эффект дают какие-то алкалоиды. Но какие — с ходу сказать не могу, надо анализ делать.

Он повернулся к немцам:

— Эй! А где вы их нарвали-то, можете показать? Башлык переглянулся со своими, помедлил, но потом приказал:

— Заяц, проводи!

Глава 32

Сильные духи

Пока Костя ходил за колосками, его товарищи приступили к спасению лиходумовского талисмана. Мурка, как настоящая разведчица, начала разговор издалека: стала расспрашивать немцев об алтайских растениях, а затем позволила собеседникам как бы случайно перейти к описанию животного мира. Немцы уже совсем не дичились гостей, отвечали охотно и даже перебивали друг друга, пытаясь объяснить повадки своих однофамильцев. Однако русских слов им не хватало, и беседа наладилась только когда в столовую вернулся Заяц. Про Костю он сказал кратко: «Толстый траву вот в такой мешок собирает» — и показал руками размеры мешка.

— А нам говорили, что тут, в доме, тоже животные есть, — добралась наконец до главного княжна.

— Раньше были, — кивнул Заяц. — Теперь нету. Мы их в лес пустили. Два зверя всего осталось, боимся их. Один совсем дракон. Другой тоже дракон.

— И свинью выпустили?! — запаниковал Паша.

Повара этот вопрос, похоже, поставил в тупик:

— Зачем свинью в лес пускать? — удивился он. — Свинью кушать можно.

— А я тебе скажу, зачем ее пускать, — успокоившись, продолжал Живой. — Если вы эту свинью выпустите, господин мэр очень обрадуется и, может быть, перестанет на вас сердиться. У него этот поросенок — тотемное животное. Ну, как это по-вашему... карындаша. Князь, ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, — кивнул мальчик. — Мы их всех троих можем выпустить. Они все на господина мэра похожи.

— Всех не надо! — вздрогнул Паша. — Драконы пускай сидят. А поросенка нам отдайте.

— Ладно!

— А нельзя ли это сделать прямо сейчас? — поторопила события княжна.

— Почему нельзя? — удивился Заяц. — Покушали уже? Тогда пошли!

Башлык и Заяц вывели гостей через черный ход из замка во двор. Почти весь этот двор занимала вертолетная площадка с нарисованной

посередине большой буквой «Н», а по краям стояли два очень похожих барака — один кирпичный, другой деревянный.

— Звери вон в том, что ли? — спросил Савицкий, указывая на деревянный барак.

— Нет, это мы там раньше жили. А драконы в другом живут.

Внутри каменного барака тянулся длинный ряд застекленных вольеров. В самом первом, возле входа, теснились, испуганно прижимаясь друг к другу, штук десять зайцев.

— Господи! А эти тут зачем? — поразилась княжна.

— И правда, почему они в клетке сидят? — спросил Петр Алексеевич у повара.

Лицо Зайца стало очень суровым.

— Дракон кушал, — ответил он.

— Вы кормите дракона живыми зайцами? — вскрикнула Вера. — Какие вы жестокие!

— Это не мы. Это мэр кормил. А я своих не выдаю!

Он подошел к вольеру и постучал по стеклу. Зайцы, как по команде, прыгнули ему навстречу и стали подниматься на задние лапки.

— Карындаши твои?

— Ага.

— А почему ты их в лес не выпустил?

— Там теперь страшных зверей много. Собаки летают, клопы прыгают... Пусть лучше здесь сидят. Я им перловку даю. О жизни разговариваем тоже.

Миновали три пустых вольера. В четвертом обнаружился первый дракон. Им оказался маленький черный крокодилчик с желтыми пятнами на голове. Он сидел в пластиковой ванночке с водой, высунув наружу грустную морду, и не обращал на пришельцев никакого внимания.

На вольере висела табличка:

ТУПОРЫЛЫЙ КРОКОДИЛ. РАСПРОСТРАНЕН В ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ. СТОИМОСТЬ МЕСЯЧНОГО СОДЕРЖАНИЯ — 2745 руб.

— Надо же! — хмыкнул Петр Алексеевич. — Кипяченый, оказывается, знал счет деньгам.

— Это, должно быть, Лиходумов табличку повесил, — усомнился Паша. — А Кипяченый, судя по этому Мордору, был не жмот, а идеальный мужчина Тины Канделаки.

— Смотрите! Смотрите! Вот где настоящий дракон! — раздался голос княжны.

На следующем вольере было написано:

ВАРАН КОМОДСКИЙ. РАСПРОСТРАНЕН В ИНДОНЕЗИИ.
СТОИМОСТЬ МЕСЯЧНОГО СОДЕРЖАНИЯ — ОКОЛО 100 000 руб.

— Да, тут дело серьезное... — поежился Живой.

За толстым стеклом важно расхаживал огромный темно-бурый ящер. Увидев гостей, он встал на задние лапы, оперся на хвост, высунул длинный раздвоенный язык и плотоядно посмотрел на Пашу. В углу вольера были горой навалены обглоданные кости.

— Интересно, а почему его кормить так дорого? — поинтересовалась княжна.

— Мэра дочку знаешь? — спросил в ответ Заяц.

— Стозабаррель? Видели...

— Очень дракона любит. Каждый день приезжала, деликатес привозила. Поэтому дорого очень.

Башлык смотрел на потомка динозавров с каким-то особым, чуть ли не восхищенным выражением лица. Он даже подошел вплотную и бесстрашно заглянул чудовищу в глаза. Потом обернулся к Савицкому и сказал с уважением в голосе:

— Сильный дух. Но только злой, вроде мента.

Петр Алексеевич понимающе кивнул.

— В каждом звере свой дух сидит, — продолжал мальчик. — Добрый дух в лошади, в птице, в зайце. А в этом — самый злой дух. У нас таких нет.

— Опять первобытный анимизм, — шепнул Паша княжне. — Их бы с бонзайцами познакомить...

Но Вера не слушала. Она прошла к следующему вольеру и вдруг вскрикнула:

— Смотрите! Смотрите! Вот он! Бедненький кошончик!

Все поспешили к ней.

Ближайшим соседом варана оказался мини-пиг Коленька. Крошечный волосатый поросенок дрожал, забившись в дальний угол, и тщетно терся ошейником, в который его хозяин зашил ключ, о внутреннюю дверцу клетки.

— Освободить! Немедленно освободить! — Вера отодвинула засов, и Коленька с визгом кинулся к ней, как к родной матери. Княжна подхватила его и поднесла к лицу — поросенок весь поместился у нее в ладонях.

— Как же ты дрожишь! Намучился, бедненький, — приговаривала она, поглаживая жесткую шерстку.

— Еще бы не намучился, — заметил Паша, оглядываясь на варана. —

С таким-то соседом. Он же тут жил, как Жозефина с Вованом в своей коммуналке.

— Бедненький! Надо тебя поскорее выпустить. Мсье Заяц, вы меня сможете провожать за ворота?

— Могу, да!

— Вера, погоди секунду, — сказал Петр Алексеевич. — Надо мэру записку написать.

Он достал блокнот и ручку, быстро набросал что-то, вырвал листок и засунул его поросенку за ошейник.

— Вот теперь идите. Будь здоров, Коленька!

Поросенок благодарно хрюкнул, прощаясь со своими спасителями, и Вера вслед за Зайцем вышла из барака.

— А может, мы тоже пойдем? — спросил Паша у Башлыка, снова оглядываясь на варана. — Там наш друг, наверное, уже всю траву скошил.

— Вы идите, а мне надо еще с главным духом поговорить, — ответил мальчик.

— С каким главным духом? Я тоже хочу!

— Ну, тогда смотрите.

Он подвел гостей к самому большому вольеру в конце коридора. Здесь был устроен небольшой искусственный пруд, который окружали растения в глиняных горшках. На берегу пруда возвышалось бархатное кресло с гнутыми ножками, перенесенное, видимо, из гостиной замка. Под креслом стояла старинная фарфоровая супница. Однако никаких заключенных в этой королевской темнице видно не было.

Башлык подошел вплотную к стеклу, сложил руки перед грудью и низко поклонился.

— Оп курый! — громко воскликнул он.

Ровная поверхность пруда дрогнула, и из воды показалась голова большой черной жабы.

Вид у нее был очень серьезный, выражение лица суровое. Жаба вылезла на берег и замерла, раздувая горло.

— Оба-на! Надо же! — Паша даже хлопнул себя по коленям. — царевна-лягушка! Красавица! Лягушка-лягушка, поцелуй меня в сахарные уста! Я неженатый!

Как ни странно, обитательница клетки отреагировала на эти слова. Она прыгнула поближе и стрельнула языком.

Башлык, увидев это, хлопнул Пашу по плечу.

— Ты хороший парень! Видишь, как она на тебя посмотрела?

Живой почесал в затылке:

— Да я вообще-то пошутил... Мне жениться рано.

— С ней нельзя шутить, — осуждающе покачал головой Башлык.

Он подошел к клетке, несколько раз поклонился и произнес длинную фразу на своем языке, часто повторяя слово «карапака».

Когда он закончил, Петр Алексеевич спросил:

— А что ты ей сказал, если не секрет?

— Это я спасибо говорю, что она Лиходумова сюда не пускает. Она здесь самый сильный дух, она нашей хозяйке... как это... двоюродная внучка.

— А кто ваша хозяйка?

— Мы зовем ее Карапака. Она с самого начала мира была. Мира еще не было, а она была. А потом Кудай пришел, бог то есть. А она его огонь добывать научила, на охоту ходить научила, кашу варить научила. А потом икру метать стала. Метнула икринку — Земля получилась. Метнула еще — звезды получились, планеты...

— Значит, земля — это икринка. Понятно. А в головастика она не превратится? — насмешливо спросил Живой.

— Правильно понимаешь, — серьезно ответил Башлык. — Когда Эра Головастика наступит, мы все другие станем. Друзьями будем, товарищами и братьями.

— А когда все это будет?

— Об этом только кам знает. Папа мой.

— Значит, жаба для вас — главное священное животное? — спросил Савицкий.

— Она не животное. От нее наш род идет. Поэтому мы самые главные, — гордо ответил мальчик.

— Да как же можно верить во всю эту ерунду? — не выдержал Живой.

Башлык не обиделся, а улыбнулся так, словно услышал речь неразумного ребенка.

— Вот когда тебе совсем плохо станет, попроси Карапаку помочь — тогда увидишь, что ерунда, а что не ерунда.

— Обязательно попросим, — пообещал Петр Алексеевич.

Почтительно поклонившись двоюродной внучке основательницы рода немцев, Савицкий и Паша в сопровождении странного мальчика вернулись в столовую.

Там они обнаружили Бабста. Научный консультант экспедиции сидел возле камина на тугом, тщательно завязанном мешке и от нечего делать тихонько наигрывал на гитаре. Перед ним на стуле стоял менделеевский аппарат. машинка бодро тикала, а из крана в подставленный стакан

исправно стекали прозрачные капли. Ненемцы поглядывали на Костю уважительно, а на его мешок косились со страхом.

— Ты, я вижу, времени даром не терял, — сказал Петр Алексеевич.

— Ага. Через полчаса начинаем эксперимент. А Вера где?

— Свинью выпускает. Да вот же она!

В комнату влетела радостная княжна.

— Вы представляете, он меня поцеловал на прощанье! Хрюкнул и ткнулся мордочкой! А потом побежал к ограде так быстро, как олимпийский чемпион!

— Ну, слава богу, — сказал Петр Алексеевич. — Значит, можно считать, что все дела мы сделали. Теперь давайте думать, как отсюда выбраться.

— А чего тут думать? — пожал плечами Живой. — Свинью мы спасли, значит, Шрек нас с распростертыми объятьями примет. Сейчас академик примет сто грамм, а потом берем мешок и идем к воротам. Вот и все.

Савицкий и Бабст переглянулись.

— Нет, не пойдет, — сказал глава экспедиции. — Мы не можем оставить здесь ребят. Если мы уйдем, Лиходумов начнет штурм.

— Правильно! — горячо поддержала Вера. — Мы же правозащитники. Мы должны спасти немцев!

— Ну так давайте уговорим их сдаться! — заволновался Паша. — Мы же это мэру и обещали!

— Ничего мы не обещали!

Услышав их разговор, Башлык негромко, но твердо сказал:

— Мы сдаваться не хотим.

— Это правильно, — поддержал его Бабст. — От Михи вам пощады не будет. Дело сошьет обязательно. А у нас он, кстати, траву отберет. Вы об этом подумали?

Все замолчали.

— Сколько времени осталось? — спросила Вера.

Петр Алексеевич поглядел на часы.

— Лиходумов давал три часа, значит, остается час двадцать.

— Еще можно что-то успеть. Думайте.

Все снова замолчали и стали размышлять.

Ненемцы тоже притихли.

— Если бы тут малая юрта была, — задумчиво сказал Заяц, — мы бы в дымоход улетели. А в большой юрте летать нельзя.

— Нет, нельзя, — покачали головами остальные.

Снова наступила тишина. Было отчетливо слышно, как тикает менделеевский аппарат.

Паша ходил из угла в угол, держась за голову.

— Блин, что делать-то, а? Что делать? — повторял он.

— Не создавай нам нервоз! — строго сказала княжна.

— Нервоз... А если этот упырь бомбить начнет? Или газ пустит? А ты что сидишь? — накинулся Живой на Башлыка. — Делай что-нибудь! Ты же говорил, что когда совсем плохо, надо жабу просить! Так давай, проси!

Лицо мальчика просветлело.

— Ты молодец! — сказал он Паше. — Не зря она на тебя так посмотрела. Эй, становитесь все в ряд, вместе просить будем! А ты, — обратился он к Зайцу, — переводи им давай. Пускай они по-русски тоже просят.

Он поднялся со своей подушечки и как-то сразу изменился: взгляд его стал строгим, движения — властными. Не поворачивая головы, он приказал Зайцу:

— Койон, пюрюк кам мага бер!

Заяц сбегал в соседнюю комнату и притащил меховую шапку с длинной рыжей косичкой и совиными перьями.

— Кам курчак мага бер!

Повар подал ему шаманский пояс.

Участники экспедиции молча наблюдали за приготовлениями к камланию. Паша криво улыбался, но тем не менее, когда немцы и правозащитники выстроились в шеренгу, встал вместе со всеми.

Башлык взял кочергу, стоящую у камина, и, подняв ее над головой, громко крикнул:

— Оп курый!

— Оп курый! — хором повторили немцы.

— Алтбатты кижиде амадан калди!

— С просьбой к тебе пришли, говорит... — тихонько перевел Заяц.

— Куштух канат бер!

— Орлиные крылья, говорит, нам дай... Да вы повторяйте!

— Орлиные крылья нам дай! — вразнобой повторили участники экспедиции.

— Ак пулутка шидэлзин!

— Пусть упрутся в белые облака!

— Канди яман нэмэ табылбазын!

— Пусть не случится ничего плохого!

В этот момент в кармане у Веры зазвонил мобильный телефон. Она

быстро вышла на лестницу.

Звонил Тяпов.

— Ну, что там у вас? Лиходумов козлить перестал?

— Находимся на месте, трава у нас.

— Много взяли?

— Целый мешок. Уже раствор делаем.

— Проблемы есть?

— Проблема одна: как отсюда выбраться. Если выйти через ворота, то Лиходумов, скорее всего, отберет траву и остальные ингредиенты. А через забор тут не перелезть.

— Ясно. Вертолет там есть где посадить?

— Тут отличная площадка во дворе. Но нас много. Нам надо вывезти двенадцать человек рабочих, иначе они расскажут Лиходумову, зачем мы сюда приходили. Ну, и другие последствия будут, долго перечислять...

— Значит, пришлю большой вертолет. Через час будет. Ждите.

— Поскорей бы, Иван Ильич! Он обещал штурм начать, если мы не выйдем.

— Жди, сказал. И не переживай. Вернешься — тебе повышение будет.

— Спасибо Вам, Иван Ильич!

Тяпов отключился, и Мурка вернулась в столовую. На пороге она вздрогнула: как раз в этот секунду Башлык вдруг замер, по его телу прошла судорога, а потом он произнес низким, грудным, совсем не детским голосом:

— Индых Энчи перербис, Ылмыс полке уччин!

— Что такое? Что он говорит? — испуганно спросил Паша у Зайца. — У него припадок начинается?

Заяц и сам был напуган.

— Это хозяйка ответила, — взволнованно объяснил он. — Говорит, что даст нам сильного духа, превращенного в Ылмыс летающий. Ылмыс — это... ну, вроде самолета.

Получив ответ от Карапаки, Башлык без сил опустился в кресло. Заяц притащил ему какой-то напиток в кружке, снял с него шапку и стал расстегивать шаманский пояс.

Мальчик задремал.

— Пьер! — обратилась княжна к четырежды брату. — Я все устроила. Сейчас сюда прилетит вертолет.

— Вертолет? Откуда?

— Я все объясню. У меня есть еще один брат, это не ты, это по линии маман. Он живет в Париже, но делает бизнес в Москве, вместе с одним

очень богатым человеком. Это такой человек, что он даже есть в журнале «Форбс». Я сейчас им позвонила и попросила нас спасти. Они очень испугались, что маман расстроится, и сказали, что уже высылают большой вертолет с пилотом.

— А немцы? Все же не влезут в вертолет!

— Он будет очень большой. Ты не волнуйся.

— Интере-есная история... — протянул Паша. — Это хорошо, когда много родственников... А как фамилия чувака из «Форбс»? И каким же это бизнесом твой братец с ним занимается? Вертолетным извозом?

Княжна посмотрела на него с презрением и хотела ответить что-то язвительное, но тут послышался голос Бабста:

— Готово!

Все обернулись.

Хранитель музея Менделеева стоял у камина и рассматривал на свет стакан, наполненный жидкостью цвета кофе с молоком.

Охотники за эликсиром столпились вокруг него.

Костя высоко поднял стакан, оглядел всех и сказал:

— Ну, за Вакха!

После этого он проглотил жидкость, уселся в бархатное кресло и, закрыв глаза, стал прислушиваться к внутренним ощущениям.

Глава 33

Блмыс летающий

Пока парламентареры приносили себя в жертву идеям гуманизма, равенства и солидарности, в ставке Лиходумова напряженно ждали, чем окончится их миссия. Мордатый командир ОМОНа Пыжиков три раза подходил с предложением взорвать ворота и разобраться с косорылыми силой, аргументируя тем, что правозащитников могут съесть не сразу и этак всю ночь стоять придется. Первый заместитель ничего не предлагал, он только тряс подбородками и преданно смотрел в глаза шефу, пытаясь угадать его мысли. Другой зам развлекал Стозу Михайловну пересказом третьей серии фильма «Чужой».

Сам мэр не мог принять никакого решения. В голове роилось множество мыслей, но все они были какими-то недоукомплектованными, калечными. И возможности привести их в порядок пока не предвиделось.

Несколько лет назад, когда, повинувшись непонятному импульсу, Лиходумов привез из Москвы мини-пига Коленьку, он и подумать не мог, что этот волосатый поросенок станет его талисманом и незаменимым помощником. Стоило грозному мэру почесать свинку за ухом — и суфийские кружения мыслей в его голове прекращались, наступал полный порядок, как на пионерском смотре строя и песни перед приездом комиссии из центра. Но сейчас Коленька был в плену у обезумевших гастарбайтеров, а почесать за ухом майора Пыжикова или, скажем, при всем честном народе пересчитать подбородки своих заместителей Лиходумов не мог.

Глава краснопырьевской администрации отошел чуть в сторону, уселся прямо на землю, прислонившись спиной к крепостной стене, и почесал за ухом воображаемую свинку. Издалека казалось, что он просто разминает кисть руки. И вдруг пальцы нащупали знакомую жесткую щетину. Через мгновение мэр уже подхватил повизгивающего Коленьку, вскочил на ноги, начал сюсюкать с ним, как с младенцем, а в довершение поцеловал прямо в рыльце.

Первый зам немедленно подбежал с поздравлениями, за ним подтянулись остальные. Осматривая свинку, чтобы убедиться, что бунтовщики не причинили ей никакого вреда, Лиходумов обнаружил записку.

— *«Идут переговоры, диалог налаживается, ждите»*, — прочитал он вслух.

— Опять ждать? Может, хоть пару гранат им кинем? — предложил Пыжиков. — Ребятам размяться надо.

— Да, папуля, начинай войну, а то скучно! — подала голос Стоза Михайловна.

— Ничего не предпринимать без моего приказа! Видите — они Коленьку отпустили. Значит, соображают что к чему.

— А где мой Дракоша?

— Да ничего с твоим питоном не сделается.

— Дракоша — варан! Комодский варан! А твоя дурацкая свинья даже не занесена в Красную книгу!

— Зато Коленька приносит удачу!

— А Дракоша... приносит...

Девочка не смогла придумать, что приносит Дракоша, и это ее разозлило. Она топнула ножкой, отбежала в сторону, вскарабкалась на капот автомобиля второго зама и сосредоточенно начала выцарапывать заколкой карикатуру на папулю и его свинку. Второй зам с улыбкой наблюдал за милым ребенком. Первый продолжал преданно глядеть в глаза шефу.

Тем временем Лиходумов, подзарядившийся от Коленьки энергией удачи, внимательно оглядел демонстрантов.

— Так, а кто у нас эти, блин... революционеры, напомни мне? — повернулся он к Пыжикову.

— Да библиотечные же! Контра культурная! Может, разгоним? А то ребятам размяться...

— Да погоди ты со своими ребятами. Культурная... Культурная... Культурная-шмультурная, — пробормотал мэр и направился к бунтовщикам.

Увидев, что к ним идет сам Лиходумов и без охраны, бойцы культурного фронта приободрились. Вновь взметнулись в воздух транспаранты, раздались громкие выкрики: «Защитим Вакхову Поляну!», «Свободу киргизам!», а потом зазвучали и более конкретные требования: «работникам культуры — достойную зарплату!», «Даешь новое здание библиотеке!», и даже «Хватит бодяжить пиво!» Последний лозунг выдвинул специальный корреспондент «Газового пламени» Дмитрий Мартынов.

— Тихо мне! — гаркнул мэр, и крики сразу прекратились. — Вы за культуру? Вот и ведите себя культурно. А то ишь — «Мэру — хер» написали. Хорошо хоть лозунги без ошибок. Денег хотите? А чего тогда сидели в этом своем бомбоубежище? Вам не надо — а мне тем более.

Вместо того чтобы горло драть, пришли бы, поговорили по-человечески, попросили о помощи. Письмо, в конце концов, в администрацию послали бы, как люди. Я же не могу обо всем помнить. Сами и виноваты. Всем известно, что я не отморозок кипяченый, а человек цивилизованный, со мной всегда можно договориться. В общем, граждане контркуль-турщики, мы рассмотрим все ваши вопросы. Но и я, со своей стороны, жду от вас содействия. Очень вовремя вы вышли, так сказать, из андеграунда.

Почувствовав в воздухе тонкий, едва уловимый аромат субсидий, директор библиотеки с готовностью шагнул навстречу власти. Подошли поближе и остальные.

— В общем, голуби, дело такое. Мне тут один московский спец предложил хороший план, как сделать из нашего города пиар-проект. Чтобы инвестиции к нам потянулись, туристы. Понятно? Хороший план. Он мне его прямо в Википедии набросал. Ну, это энциклопедия такая...

— У нас в библиотеке она наверняка есть, — со знанием дела кивнул Николай Иванович.

— Если козы не съели, — тихо сказал кто-то в задних рядах, но на него шикнули.

— Вот. Библиотека — это очень важно! — начал загибать пальцы Лиходумов. — Библиотеке дадим новое помещение.

— Ура! — раздалось в толпе.

— Да, товарищи, ура. Мы поднимем культуру с колен и поставим ее в более интересную позицию. Я помогаю вам, вы помогаете мне. Значит, библиотека, музей, что еще? Вы мне набросайте планчик, что мы можем предложить туристам. Церковь вашу под музей современного искусства переделаем. Пидарасни... то есть художников актуальных вагона два завезем. Ну там фестиваль устроить, премию учредить.

— Премию — это хорошо! — выкрикнула Лизавета Сенькина. — Мне премий уже лет десять не платили!

— разбираетесь в премиях?

— Да вы нам только дайте, мы уж разберемся, — протиснулся вперед Дмитрий Мартынов.

— Инициатива налицо. С вас двоих — разработка премии, — решил мэр.

— И детей, детей надо приобщать к культуре! — выкрикнула старушка в кружевном воротничке и плоской шляпке, из тех, что кормились при библиотеке.

— Правильно, гражданка Шапокляк! — одобрил Лиходумов. — Дети должны расти культурными. А то у них вместо чебурашек одни гидры

мадагаскарские на уме.

— Понадобятся очень серьезные финансовые вливания, — перешел к делу директор библиотеки. — Культура, Михал Иванович, находится в таком состоянии, что...

— Вольем в твою культуру столько, что она захлебнется. Бизнес-план готовь. С этого момента объявляю культуру приоритетным проектом. Краснопырьевск — новая культурная столица России. Нормально звучит?

— Гениально! Да здравствует мэр! Мэру — мир! — раздалось со всех сторон.

— Ну, вот и славно. Тогда действуем так: вы сейчас расходитесь по хорошему, а завтра в девять ноль-ноль жду зачинщиков... то есть инициативную группу у себя в кабинете. Поговорим предметно.

— Так, мне для понимания нужно знать, сколько денег администрация готова выделить на этот проект, — не желал расходиться директор библиотеки.

— Давай о конкретике завтра, — устало махнул рукой Лиходумов.

— О конкретике — завтра, а о деньгах сегодня...

Общественность окружила мэра. В одно мгновение превратившись из изгоев в приоритетный проект, работники культуры быстро освоили новую терминологию и методы взаимодействия с инвестором.

Не трогался с места один Иван Иванович Савельев. В разговоре мэра с культурной общественностью слишком часто звучали мало занимавшие его слова «финансирование», «инвестиции» и «проект». Мэр и директор библиотеки пожимали друг другу руки и совершенно одинаково улыбались.

«По крайней мере, прошлое я им не отдам», — спокойно подумал Савельев. Он повернулся спиной к новой культуре и зашагал по берегу реки в сторону леса.

Никто не заметил его исчезновения. О немногословном архивариусе вообще забыли — каждому хотелось урвать самый сочный кусок инвестиционного пирога.

Внезапно где-то за рекой послышался стрекочущий звук, и вскоре над Вакховой Поляной показался вертолет. Машина выглядела воинственно и грозно.

Сделав круг над столпившимися перед воротами, вертолет развернулся и взял курс на замок Кипяченого.

— А вот это мне уже не нравится! — резко сказал мэр и подал знак командиру ОМОНа.

Пыжиков гаркнул: «Готовсь!», и его ребята, еще секунду назад отдыхавшие в тени, тут же выстроились колонной в сорока метрах от

забора. Штатских попросили сесть в автомобиле и отъехать подальше. Стоза Михайловна захныкала, как маленькая: ей не дали завершить гениальную картину, а вместо этого засунули на заднее сиденье джипа вместе с кроликом, который от пережитого волнения обмочился.

Сапер уже крепил на замке стальных ворот коробку сосредоточенного заряда.

Поросенок Коленька вдруг хрюкнул и ткнулся носом в ухо Лиходумову. Со стороны казалось, что мини-пиг что-то нашептывает своему хозяину.

— Стойте! — крикнул мэр. — Пыжиков, поди сюда!

Майор подбежал к начальнику. Лиходумов наклонился к его уху и тоже что-то прошептал. Пыжиков кивнул и поднял мегафон:

— Внимание! Всем поставить автоматы вон к той березе! При штурме не должно быть человеческих жертв!

— И Дракошу не трогать! — высунулась из окна джипа Стоза Михайловна.

— Да! И звериных жертв чтоб тоже не было! — подтвердил Пыжиков.

Омоновцы послушно сложили оружие и снова выстроились.

Сапер встал рядом с Пыжиковым, держа в руке провод электродетонатора, и посмотрел на майора. Тот оглянулся на мэра. Лиходумов поднял руку.

— Летит! Летит!

— Ылмыс!

Ненемцы высыпали во двор. Они махали руками и что-то кричали, но их было не слышно из-за шума лопастей.

Поднимая тучи пыли, огромный вертолет медленно опустился на площадку и коснулся передними шасси буквы «Н». Винты замедлили ход и минуты через две замерли. Откинулась боковая дверца, пилот соскочил на землю. Небесного посланника сразу окружили немцы.

Мурка, стоявшая у окна в столовой, присмотрелась к нему и тихо ахнула: это был не кто иной, как ее непосредственный начальник. Кто бы мог подумать, что зануда Усов, всегда казавшийся ей рожденным ползать, умеет водить вертолет?! Надо бы и самой научиться.

— Паша, Костя! Быстро собираемся! — командовал тем временем Савицкий.

— Я-то готов, — откликнулся Живой, — а вот профессор, похоже, в отключке...

Бабст сидел в кресле неподвижно, закрыв глаза, и ни на что не реагировал.

— Костя, очнись... — принялся трясти его руководитель экспедиции.
— Вылетать надо, а то не дай бог...

Он не договорил.

Где-то совсем близко грохнул взрыв. Все вздрогнули и подбежали к окну. Костя даже не пошевелился.

— Ворота! Они вышибли ворота! — крикнула Мурка. — Штурмуют! Тащите его вниз! Скорее!

Савицкий и Паша подхватили Бабста под руки и поволокли тяжелое тело вниз по лестнице черного хода. Мурка перекинула за спину мешок с травой, схватила менделеевский аппарат и осмотрелась. рюкзак Бабста лежал возле камина, рядом стояла гитара. разведчица быстро отстегнула клапан рюкзака и достала упакованные в один контейнер ингредиенты собакинського эликсира. Затем стремглав кинулась к лестнице.

Усов уже сидел в кабине. Человек пять немцев помогали грузить Бабста.

Как только княжна показалась во дворе, замигал маячок на хвосте вертолета, и лопасти начали вращение. Поднялся ветер.

От резкого притока свежего воздуха Бабст вздрогнул, замотал своей круглой головой и открыл глаза.

— Аппарат взяли? — спросил он.

— Да, да! — ответила Вера. — И мешок с травой тоже! Полезай в салон!

— А рюкзак? А гитара?! Да вы что!

Стряхнув с себя немцев, как медведь собак, Костя кинулся обратно в замок.

— Сильный дух! — проводил его взглядом Башлык. Затем он что-то коротко приказал своим.

Немцы, вместо того чтобы садиться в вертолет, снова выстроились в шеренгу.

Лопасты вращались все быстрее, шум и ветер усиливались.

— Вы с ума сошли? — подбежал к ним Савицкий. — Полезайте в вертолет, живо!

— Погоди маленько! — крикнул в ответ Заяц. — Надо вала сказать!

— Что?!

— Спасибо этому дому!

Башлык повернулся лицом к замку, сложил руки рупором и закричал:

— Юртка яман нама кирбазин!

— Пусть зло в эту юрту не входит! — выкрикнул по-русски Заяц.

Тут раздался второй взрыв, гораздо сильнее первого, и сразу за ним

грянуло дружное «ура!».

— Да вон оно уже входит, ваше зло! — в отчаянии крикнула Мурка, устремляясь к кабине. — Ворота замка взорвали! Усов, взлетай!

Трехметровые лопасти взревели, разрезая воздух. Пронзительно зажужжал хвостовой винт. Ненемцы стали головами вперед запрыгивать в вертолет.

С лестницы кубарем, как хвативший озверина Винни-Пух, скатился Бабст с рюкзаком и гитарой. Он цапнул последнего остававшегося на площадке немца за шиворот, закинул его в салон, а затем тяжело перевалился туда сам.

Вертолет оторвался от земли.

Из дверей черного хода во двор замка вылетел Пыжиков, а за ним, как горох, посыпались его космонавты. Усов резко развернул машину, так что хвостовой винт прошел в паре метров от носа бравого майора. Несколько омовцев, не выдержав бешеного порыва ветра, грохнулись на землю, но Пыжиков устоял.

Маша Голубкова зажмурилась. В эту секунду вертолет был всего в десятке метров от земли. Если сейчас начнут стрелять, то конец всему!

Однако вместо пуль со стороны замка Кипяченого в небо полетел только густой, отборный, не заглушаемый никакими вертолетами русский мат.

— Они без оружия... — прошептала княжна. — Слава богу! Спасибо, Коленька!

Машина поднялась на сто метров и, бодро задрав хвост, двинулась в сторону реки.

— Смотрите, смотрите! — закричал Паша. — Культурный фронт нам машет! Прощайте, товарищи! Да здравствует мировая революция! Миру — мир! Мэру — хер!

Описав круг над Вакховой Поляной, мощный вертолет взял курс на Москву.

Часть пятая
Опять Москва

Глава 34

Черный шаман

Салон вертолета поразил своим комфортом даже видавшего виды Савицкого. Собственно, салонов было два. Впереди, ближе к кабине, располагалась пара мягких кресел, столик, а также диван, который немедленно занял Бабст. После спасения рюкзака и гитары научный консультант экспедиции снова впал в протрацию, на вопросы не отвечал, но глаз не закрывал и время от времени шевелил губами.

Ближе к хвосту находилось пять рядов пассажирских кресел, в которых не без робости расселись немцы. Дальше, за шторками, скрывался санузел — никем не занятый, если верить электронному табло. Все напоминало лайнеры лучших европейских авиалиний, не хватало только стюардессы с прохладительными напитками. Впрочем, из специальных ниш в столиках уже торчали банки с джин-тоником «Тяпуля». Немцы сразу открыли эти банки и стали оживленно переговариваться, тыча пальцами в иллюминаторы.

Паша уселся в одно из кресел вип-салона. Второе место Петр Алексеевич предложил сестренке, однако оказалось, что у княжны были другие планы:

— Пьер, ты садись и отдыхай, а мне надо поговорить с пилотом, — сказала она. — Я должна выяснить наши маршруты и перспективы.

Она постучала в дверь кабины, и та сразу открылась: видимо, Усов уже давно ждал свою подчиненную.

— Мсье, вам не нужен второй пилот? — кокетливо спросила Вера Собакина, стоя на пороге.

— Нужен, нужен, а как же! При перевозке пассажиров полагаются два пилота, — весело откликнулся Усов. — Проходите, присаживайтесь!

Французская княжна послала воздушный поцелуй Паше, закрыла за собой дверь кабины и сразу превратилась в русскую разведчицу.

— Фух! — выдохнула она, опускаясь в летное кресло. — Думала, убьют.

— А вот не убили же, — осклабился Усов. — Теперь отдыхай. Лететь нам долго. Ильичу я уже доложил.

Мурка оглядела приборную доску со множеством кнопок, тумблеров и светодиодов.

— Ух ты! Чего тут только нет! Это что?

— Метеолокатор.
— А это?
— Автопилот.
— Научишь пользоваться?
— Автопилотом — точно научу, — сострил Усов.
— Отлично! С детства мечтала. А куда летим?
— Так ведь домой, в Москву.
— Шутник ты, Усов. До Москвы четыреста километров.
— Какие шутки? Ты находишься на борту личного вертолета Ивана Ильича Тяпова. «Ми-38», крейсерская скорость триста километров в час, буфет, вип-салон, кресла для 18 пассажиров. Машина эксклюзивная, на рынок пока не поступала.
— А воздушный коридор?
— Машенька, мы же тяповские.
— А разрешение летать над Москвой?
— Машенька, я же говорю — мы тяповские. Ты не волнуйся.
— А сколько лететь?
— Часа два.
— Быстро. Слушай, а зачем ему вообще вертолет?
— А он на родину летает, в родную деревню. Надо, говорит, два раза в год припадать к корням. Ну, а в поселке Тяпово аэропорт пока что не достроили.
— Понятно. А почему он тебя прислал? Ты разве пилот?
— А что, есть сомнения? — заржал Усов. — Тогда срочно катапультируйся!
В дверь кабины что-то ударило. Пилоты оглянулись, но стук не повторился.
— Знаю я, зачем тебя послали, — продолжила Мурка. — Меня контролировать.
— Контролировать тебя, конечно, надо. Но дело не в этом.
— А в чем?
Усов задумался — видимо, решал, говорить или нет.
— В общем, в любимчиках ты теперь у Ильича, — сказал он наконец серьезным тоном.
— Да ты что?
— Ей-богу. Он новеньких очень любит. Играет с ними, как со щенками песцов. Когда я пришел к нему работать, он знаешь как со мной носился? Сразу на две ступеньки повысил. И уж я ради него задницу рвал так, что тебе и не снилось. А потом он меня забыл. Стал делать вид, что не узнает.

— Почему?

— Завел себе новую игрушку. А теперь вот ты появилась. Так что мой тебе совет, Голубкова: провернешь это дело, получишь деньги — и сваливай. А то наскучишь ему, и все. Останешься с носом.

Маша хотела ответить, но тут в дверь кабины просунулась голова Живого. Из салона доносились какие-то крики.

— Какого хера?! Тебя звали? — огрызнулась Мурка, и тут же, спохватившись, превратилась в княжну Веру: — Поль, надо стучать, когдаходишь!

Живой не заметил перемены тона: судя по выпученным глазам, ему сейчас было не до французского политеса.

— Сажайте вертолет! — заорал он. — Бабст с ума сошел!

— Здесь сажать нельзя, — спокойно ответил Усов.

— Он там шаманит! Сейчас все разнесет!

— Спокойно, — сказала Вера. — Мсье пилот, летите прежним курсом.

С шаманом буду говорить я.

Пока разведчики обсуждали служебные дела, в вип-салоне происходило следующее.

Некоторое время после отлета Бабст сидел на диване и сосредоточенно смотрел в одну точку. Когда вертолет набрал высоту, экспериментатор начал проявлять признаки жизни. Первым признаком стало то, что он потянул к себе гитару.

Костя настроил ее — автоматически, не глядя на гриф — и стал тихо напевать.

Петр Алексеевич прислушался.

— А я еду, а я еду за туманом... — донеслось до него сквозь шум вертолета. — За туманом и за запахом тайги...

Руководитель экспедиции облегченно вздохнул и отвернулся к иллюминатору: похоже, Бабст приходил в себя.

Но оказалось, что успокаиваться было рано.

— Алексеич! Что с ним? — послышался испуганный голос Живого.

Савицкий оглянулся.

Костя менялся на глазах. Лицо его налилось кровью, рот перекосился. Он начал дрожать, как в припадке.

— Пусики, пусики! Шпынь засранный! — заорал он вдруг на весь салон.

— О господи! Вакхова трава! — догадался Паша. — Сейчас вразнос пойдет!

Бабст не заставил себя долго ждать.

Он поднялся с дивана и ухватил Живого за грудки.

— Молчи, гадло! — гаркнул он. — Пасть порву, глаз на жопе будет!

— Кипяченый заговорил! — ахнул Петр Алексеевич.

Он поспешил на помощь Паше. Вдвоем им удалось усадить Бабста обратно на диван. Они сели рядом, держа его за руки.

Костя вдруг ослаб.

— Эх, Мишка... — сказал он плаксивым голосом, обращаясь к Живому. — Я тебя зачем учил? Чтобы ты меня указкой грохнул вместо контрольного? А ну отвечай тридцать шестую орфограмму!

Живой промолчал.

Бабст — или Кипяченый? — неожиданно дернулся, вырвался, упал грудью на стоявшее напротив кресло и припал к иллюминатору. Про Пашу он, похоже, сразу забыл.

Некоторое время зомби молча глядел вниз, а потом обернулся и заорал:

— Пацаны, гляди! Это же Альпы! Ей-богу, Альпы! Эй, куда летим? На Сицилию летим?

— Костя, успокойся, пожалуйста! — мягко сказал Петр Алексеевич.

— К папе Корлеоне летим?

— Да, да, к папе, — поддакнул Живой. — К папе и к маме. Успокойся!

Бабст уселся в кресло.

— К папе — это хорошо. Капо ди тутти капи! Падре падроне! Пахан всех паханов, в натуре! Встречай кипяченую братву, бэд э бинг! Командир, ходу прибавь!

Однако долго высидеть на одном месте Костя не смог. Он снова вскочил и вломился в пассажирский салон.

Ненемцы смотрели на него во все глаза.

— Так... А эти что прищурились? Кто такие? — строго спросил Бабст.

Савицкий и Паша попытались вытащить его назад.

— Это ненемцы, наши друзья, хорошие ребята, — тараторил Живой. — Ты уймись, Костя. Пойдем к нам! На диванчике посидишь, на гитарке поиграешь, водички попьешь!

Но Бабст крепко держался руками за передние кресла. Лицо его снова изменилось, глаза сузились:

— Пацаны! Братки! Компарес! — воззвал он к ненемцам.

Те испуганно молчали.

— Паш ползын! — крикнул вдруг Бабст.

Ненемцы вздрогнули, как один человек.

— Что он говорит? Про меня? — забеспокоился Паша.

— Нет, не про тебя, — дрожащим голосом ответил сидевший в

переднем ряду Заяц. — Кланяюсь, говорит.

Бабст протянул руку Башлыку и представился:

— Атту чулу ян кам Бабст!

— Что это значит? — спросил Петр Алексеевич.

— Говорит, что он знаменитый именитый великий шаман Бабст.

— Врет, не слушайте его! — крикнул Паша.

— А кто он?

— Он кандидат химических наук!

Ненемцы ошарашенно переглянулись и дружно поклонились.

Бабст двинулся вперед, не обращая внимания на хватающие его сзади руки. Ненемцы сидели, робко вжавшись в свои кресла, и на помощь не спешили.

Костя прошелся в шаманском танце по проходу, выкрикивая на ходу:

— Оп курый! Оп курый! Пусики! Пусики! Всех убью, один останусь!
Йырр! Йырр!

При этом новоявленный шаман рычал и плевался.

Затем он развернулся, ринулся к кабине пилота и грохнул в дверь кулаком:

— Коммендаторе, на Сицилию сворачивай!

Савицкий ухватил его сзади и попытался оттащить на диван, но Бабст лягнул его так, что глава экспедиции оказался в пассажирском салоне:

— Руки убери, паццо! Яр танара бударда! Яндан калкан янабыс!
Пудак! Пудак! Оп курый!

— Что это? Что он говорит? — спросил Петр Алексеевич у Башлыка.

Мальчик развел руками:

— Я ведь только ученик, шаман с метлой. Еще не все знаю. Но похоже, друг ваш черным тёсям камлает. Страшное дело!

Ненемцы смотрели на Бабста с выражением ужаса на лицах.

Костя снова ослаб. Он сделал шаг к своему дивану и плюхнулся на него. рука его случайно задела гитару.

Костя взял инструмент.

— А я е-еду, а я е-еду за тума-аном... — затянул он протяжно.

Не закончив фразу, Бабст резко ударил по струнам и крикнул, указывая рукой в иллюминатор:

— Вижу! Вижу!

— Что ты видишь?

— Уй тожунчя кара пака!

— Говорит: вижу черную лягушку размером с корову, — перевел совсем перепуганный Заяц. — Ой, страшно! Яман кам! Черный шаман! Не

долетим до Москвы!

Башлык что-то коротко скомандовал. Ненемцы положили друг другу руки на плечи и затянули песню, звучащую, как молитва:

— Алтай-кудай ярим-сула! — разобрал Петр Алексеевич.

— А ну вас всех к черту! Психи! — крикнул Паша и резко дернул на себя дверь пилотской кабины.

Мурка вышла из кабины первой, оттеснив Живого. Она встала в дверях и по-русски уперла руки в боки:

— Ну, что у вас тут такое?

Взглянув на нее, Бабст застыл. Его сразу как будто парализовало. Он не мог отвести взгляда от княжны. Вера, тоже не отводя взгляда, села напротив него в кресло. Оба сидели молча и смотрели друг на друга. Потом голова Бабста стала клониться набок, а глаза сами собой закрылись.

— Вот что Пайне делает! — радостно провозгласил Башлык.

Ненемцы загалдели.

— Ребята, вы простите его, — обратился к ним Савицкий. — Вы же понимаете, это все трава...

Ненемцы закивали и загалдели еще громче.

Савицкий упал в свое кресло и стал дрожащими руками открывать тяповский джин-тоник. Банка не поддавалась. Заяц подошел и помог ему.

— Ничего, ничего, — успокаивающе сказал он. — Мы, когда этой травы поели, еще хуже себя вели.

Когда вертолет стал снижаться над главным зданием Тяповской мануфактуры, Бабст крепко спал, обняв гитару.

Глава 35

Тяповские апартаменты

Было уже почти одиннадцать вечера. Сбросив высоту, Усов заложил крутой вираж, и в темноте за бортом вспыхнул ярко освещенный прожекторами оранжевый круг с белой буквой «Н» в центре. Вертолет выпрямился и пошел на посадку. Через пару минут шасси мягко коснулось бетона, и шум лопастей стал стихать.

Все прильнули к иллюминаторам.

Прожектора слепили глаза, но в их свете все-таки можно было разглядеть, что вертолетная площадка расположена во дворе высокого здания. По периметру оранжевого круга стояли люди в черной форме. Петр Алексеевич заглянул в иллюминатор с другого борта. Там было видно то же самое: стена дома и шеренга военных. Интересно, зачем они окружили вертолет? Чтобы никто не сбежал?

— Смотрите! Смотрите! Это друг моего брата! — крикнула Вера.

Люди в форме расступались, давая дорогу приземистому мужчине в самом обычном сером костюме. Он уверенным шагом шел к площадке, а за ним на почтительном расстоянии следовала свита из пяти человек.

Паша присмотрелся и ахнул:

— Тяпка! Ей-богу, сам Тяпка нас встречает! Работодатель мой бывший. Ну и друзья у тебя, Вера...

Савицкий тоже узнал алкогольного магната. Впрочем, не узнать его могли разве что немцы: все девяностые годы помидорно-красная физиономия Ивана Ильича постоянно светила стране из телевизора, и ни один газетный фельетонист не обделил своим вниманием колоритную фигуру образцового «нового русского». Вспомнил Петр Алексеевич и странный звонок, раздавшийся в его кабинете лет шесть назад, после первого успеха «Запахов детства». Механический голос предложил ему поработать креативщиком в тяповском холдинге, причем звонивший представился «начальником отдела пропаганды и агитации» и доверительно сообщил, что «сам Иван Ильич вас просили». Так и сказал: «просили».

«Пожалуй, Живой прав, — подумал Савицкий. — Странные все-таки знакомые у Верочки».

Лопаста вертолета замерли. Усов вышел из кабины в салон, распахнул наружную дверь и соскочил на землю.

— Слезайте, приехали!

Затем он подошел к боссу, взял под козырек и кратко отрапортовал о прибытии.

Первой из вертолета выпрыгнула Вера. Она сразу подбежала к Тяпову и о чем-то оживленно заговорила. Петру Алексеевичу и Паше пришлось задержаться: немцы осторожно выгружали Бабста.

Костя сладко спал и даже слегка похрапывал.

— Не кантовать! — командовал Живой. — Заяц, за ногу его не дергай! Не трясите! Не дай бог проснется, будет вам тут вечер авторской песни... Вира!.. Вира... Майна!

Когда груз был аккуратно уложен на землю, Савицкий смог наконец выйти и оглядеться по сторонам. Двор оказался внутренним: со всех сторон площадку окружали высокие здания, напоминавшие в темноте грозные башни замка Кипяченого.

Немцы тоже это заметили. Их лица исказились от ужаса, и они заговорили все разом, размахивая руками.

— Назад прилетели? — спросил Башлык у Петра Алексеевича.

— Да нет, что ты! Это же Москва.

— А! Вот она какая... А мы думали — сейчас господин мэр придет, бить нас будет.

— Ну нет, тут совсем другие начальники. Вон, смотри!

К ним приближался Иван Ильич Тяпов. Действительно, глава знаменитого холдинга в эту минуту совсем не походил на краснопырьевских любителей орфографии: физиономия его сияла, излучая гостеприимство и доброжелательность.

— Здравствуйте, здравствуйте! — заговорил он, пожимая руки Савицкому и Паше. — Можете не представляться, помню вас, а как же! Ну, как долетели? Не трясло? Машинка-то новая, еще не обкатали как следует. Ну, поздравляю с прибытием! Наслышан про ваши подвиги.

— Спасибо за помощь, — сдержанно поблагодарил его Петр Алексеевич.

— Не за что, не за что, всегда рад. А с Мишкой Лиходумовым мы еще разберемся, вы не волнуйтесь. Обнаглел совсем Мишка. Виски он пьет... Так, Усов, ты где?

— Здесь, Иван Ильич!

— Отведи почетных гостей в апартаменты. У меня тут типа мини-вип-отель имеется, — пояснил Тяпов. — Делегации разные приезжают, вот и завел гостиничку на всякий случай. Вы там располагайтесь и товарища своего берите, — показал он на Бабста. — Ишь как притомился, бедный.

Покушаете, отдохнете, тяпушки маленько выпьете, а утром и поговорим. У меня к вам будет деловое предложение.

Тут Иван Ильич хитро подмигнул.

Савицкий задумался. Поворот был неожиданный. Внутренний голос подсказывал, что лучше у Тяпова не задерживаться и никаких дел с ним не иметь. Однако как тогда быть? Ехать домой? Надя и дети по-прежнему на даче, еды дома нет. И не тащить же туда тяжеленного Бабста? Да еще и двенадцать человек немцев! А куда их девать?.. Может, правда остаться?..

— Иван Ильич, можно мы с друзьями посоветуемся?

Тяпов молча развел руками: советуйтесь, мол.

Петр Алексеевич отвел Живого и Веру в сторону.

— Ну, что вы думаете?

— Давай останемся, — сказал Живой. — Задолбало мотаться, сил больше нет.

— И мы должны заботиться о немцах и Косте, — тоном правозащитницы добавила княжна.

— Правильно, зачем нам сейчас куда-то переться, да еще с этим психом? — подхватил Паша. — Того и гляди проснется и опять за туманом поедет.

— Да, да! Косте надо отдохнуть, — закивала Вера. — И главное, Пьер, это немцы. Они же совсем не знают Москвы! Пусть здесь переночуют, а завтра ты их проводишь искать работу. У господина Тяпова отличный отель. Мой брат там ночевал.

— Ну хорошо, хорошо!

Савицкий вернулся к Тяпову, который смиренно стоял и ждал, когда гости наговорятся.

— А наших друзей немцев вы пристроите переночевать? — спросил Петр Алексеевич.

— А как же! — Тяпов расплылся в улыбке. — Вип-номеров на них, правда, не хватит, но мы чего-нибудь придумаем. Москва всех примет!

— Ну, тогда мы остаемся, спасибо.

— А что за деловое предложение, Иван Ильич? — невинным голоском спросил Живой.

— Шустрый ты малый, — похлопал его по плечу магнат. — Погоди до утра, тогда скажу. Ведите!

Четверо людей в форме подхватили на руки Бабста и понесли его в здание, над входом в которое сияли золотые буквы: «УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ». Гости помахали немцам и двинулись следом,

переговариваясь вполголоса.

— Что же за предложение такое? — мучился Паша. — Может, он про эликсир пронюхал? Наслышан, говорит, про подвиги...

— Да, тут что-то нечисто, — задумчиво сказал Савицкий. — Странные знакомые у Верочки.

— А я давно замечаю! И если бы только знакомые!..

— Ну ладно, переночуем, а там посмотрим. Не съест же он нас...

Как только за гостями закрылись двери управления делами, Тяпов перестал улыбаться.

— Голубкова! — вполголоса позвал он.

— Я! — вытянулась Мурка.

— Аппарат давай.

Маша раскрыла сумку и вытащила обернутый в полиэтилен менделеевский аппарат. Тяпов покрутил его в руках, хмыкнул и передал Усову.

— Ингредиенты!

Разведчица достала контейнер и показала на мешок с травой.

— Значит, так, — сказал Иван Ильич. — Ты, Манюся, иди отдохни часок, а потом заходи ко мне. А ты, — обернулся он к Усову, — отвечаешь за секретность операции. Напиток будем гнать у меня в кабинете. Ты, я и начальник научного отдела. Пусть возьмет с собой реагенты для предварительного анализа химсостава. У кабинета поставь удвоенную охрану. И никому ни слова. Задание понял?

— Так точно!

Когда Усов ушел, бывшая княжна поглядела на немцев, робко жавшихся к вертолету и во все глаза смотревших на людей в форме.

— Иван Ильич, а их куда?

— Кого? — не понял Тяпов.

— Немцев. Ну, рабочих, которые у Лиходумова бунтовали. Вот же они стоят.

— Ах, этих...

Тяпов немного подумал, а потом щелкнул пальцами, и рядом с ним вырос человек в черной форме с двумя рюмками на петлицах.

— Зинченко! Проводи гостей столицы в их апартаменты!

— Есть! — осклабился гестяповец. — Граждане гости, следуйте за мной!

Немцы нестройной колонной двинулись за ним через двор. Некоторые с опаской оглядывались на Тяпова, другие улыбались и кивали, прощаясь с французской правозащитницей.

— Сюда, сюда, — показывал лейтенант Зинченко, подводя их к большому железным воротам.

Он махнул рукой привратнику, сидевшему в высокой будке, и ворота отъехали в сторону.

— Заходите, заходите! Вот ваши апартаменты.

Ненемцы зашли, и ворота захлопнулись у них за спиной.

За воротами была пустынная в этот час улица, за ней — заросли кустарника, дальше блестела какая-то водная поверхность. В ней отражались огни огромного и страшного города.

— Москва... — прошептал Башлык.

Апартаменты, предоставленные почетным гостям, оказались не столь обширными. Номер состоял из гостиной и трех спален. Бабста сразу уложили на широкую кровать в самой просторной из спален, а Савицкого и Живого ждал накрытый в гостиной роскошный ужин.

Спросив, не нужно ли что-нибудь еще, тяповские служители бесшумно удалились и прикрыли за собой дверь.

Паша плюхнулся в кресло и сразу налил себе тяповки.

— Уф-ф! Долетели все-таки. Я уже думал, кранты. Это что же такое было, а, Алексеич?

— Ты про Костю? Безусловно, Вакхова трава.

— Это я и без тебя понимаю. Но почему он сначала превратился в Вакха, а потом в Кипяченого?

— Вот и я об этом думаю. По-видимому, механизм действия этой травы таков: человек обращается в свою противоположность. Богомольный юноша Вакх превратился в сумасшедшего юрода. Добродушный учитель Некипелов — в бешеного Кипяченого. При этом оба они сохранили какую-то частичку самих себя. Вакх остался глубоко верующим, а Кипяченый, как мы видели, не утратил интереса к преподаванию русского языка.

— Да уж, видели. И ученичок у него соответствующий. Но я тебя о другом спрашиваю: почему наш друг Бабст, закинувшись травой, вел себя так, как будто в него вселилась целая команда бесов? То он пел эти свои походные песни, то ругался, как Вакх, то орал по-блатному, а под конец вообще ошаманился и закамлал?

— Не знаю, — ответил Петр Алексеевич, накладывая себе салат. — Наверное, подсознание работает. Как у Фрейда: дневные впечатления во сне перепутываются, меняются до неузнаваемости, образуют странные сочетания...

— Ага, понятно. И правит этим балом уродов старушка Либидкина.

— Я думаю, это связано не с либидо, а со смыслом собакинского

эликсира. Как бы тебе объяснить... Вот скажи, как ты думаешь: что такое Вакх?

— Псих ненормальный.

— Нет, ты не понимаешь, — покачал головой Савицкий. — Вакх — юрод. Явление чисто православное, между прочим. На Западе святых дураков никогда не почитали. А в чем смысл юродства?

— Ходить с голой жопой, везде гадить и кричать людям, что не я урод, а вы сами уроды.

— Почти правильно. Ты, Паша, все чувствуешь, но только не умеешь обобщать. Юродство — это перевернутая или скрытая святость. Святой уходит от мира, а юрод живет в миру. Святой постится, а юрод что делает?

— Жрет мясо.

— Вот. Святой соблюдает строгую аскезу, а юрод?

— А юрод трах... не соблюдает строгую аскезу. С колокольчиком ходит. Ну, понятно, понятно. Юрод — святой наизнанку. А Бабст тут при чем?

— Костя — очень хороший человек, — задумчиво сказал Петр Алексеевич. — Даже слишком хороший, хотя, конечно, не святой. Мне кажется, у него нет какой-то одной противоположности, как бы нет своего негатива, понимаешь?

— Гм. Ну.

— Вот поэтому он и заговорил сразу на всех чужих языках. И заметь, — Савицкий поднялся и стал расхаживать по комнате, — он делает это уже не в первый раз, и всегда под действием эликсира. Когда он принял настойку на бонзайской коре, то стал как бонзайцы. И даже круче, чем они. Стал настоящим японцем. А когда принял патины, превратился в Петра.

— Ну хорошо. Так что же тут общего?

— Мне пока трудно ответить. В сущности, ты спрашиваешь о том, что хотел нам сказать этим эликсиром Лев Сергеич. Я не знаю. Но есть у меня подозрение, что речь идет о русской переимчивости.

— Пере... что?

— Переимчивости. Она же всемирная отзывчивость. Еще Достоевский об этом писал.

— А, Достоевский... — Паша зевнул и, чтобы прогнать сон, закинул в горло третью рюмку тяповки. — Достоевский... Ну ладно, до Достоевского мы еще дойдем позже. А пока ты вот что мне скажи: тебе не кажется, что сестричка твоя Вера — просто-напросто засланный казачок?

Петр Алексеевич сел в кресло и тоже налил себе тяповки.

— Если честно, то сегодня у меня появились некоторые подозрения. Как-то уж очень странно, что Тяпов вдруг оказался ее знакомым.

— Ага. А еще страннее вот что. Как-то спросил я ее, как мне в Париже доехать из аэропорта Шарль де Голль до метро Порт д' Орлеан? У меня, мол, там подруга живет в общежитии, все собираюсь навестить.

— Ну и что?

— А то, что она этого не знала. И что такое RER, электричка тамошняя, тоже не знала.

— Может быть, она всегда на машине?

— На машине, да... А вот еще она маман своей все звонила. Спрашиваю ее как-то раз: как там погода в Париже? Жара, говорит, Эйфелева башня плавится. А я посмотрел в сети — плюс пятнадцать.

— Ну и что?

— Ну и то! — заорал Живой. — Шпионка она, твоя сестренка Вера! А может быть, она и не Вера никакая! И не сестренка! И не твоя! Мата Хари, вот она кто!!!

Савицкий замер, не успев донести до рта ложку.

— Эй, кто там Мата Хари? — раздался голос из соседней комнаты.

— Бабст! разбудили!

Паша бросил взгляд на стенной шкаф, прикидывая, можно ли в нем спрятаться, но Костя уже входил в комнату. Смотрел он, однако, не на Живого, а на стол.

— А, тяповка, — поморщился он, с одного взгляда определив главный для себя предмет. — Не фонтан, конечно, но сейчас все сойдет.

Приняв рюмку и крякнув, Костя повторил свой вопрос:

— Я спрашиваю, кто там у вас Мата Хари?

— Паша говорит, что Вера — шпионка Тяпова.

— Какого Тяпова? — не понял Бабст.

— Ивана Ильича. Алкогольного магната, — разъяснил Петр Алексеевич. — Того, чью водку ты только что выпил. И у которого в гостях мы, кстати, находимся. Очень похоже, что Вера шпионила за нами, чтобы узнать рецепт эликсира.

— Да вы что, ребята... с дуба рухнули? — Бабст даже развел руками, не находя слов. — Верочка — шпионка?

— Я не говорю — шпионка, я говорю — очень похоже.

Савицкий рассказал Косте историю воздушного перелета, окончившуюся посадкой во дворе тяповского холдинга. Живой вставлял красочные детали, а после того, как руководитель экспедиции умолк, стал перечислять все случаи, когда Вера вела себя не совсем так, как, по его, Живого, мнению, должна вести себя французская княжна.

— Короче, я подозревал ее с самого первого дня, — заключил он.

— Кого-кого ты подозревал с первого дня? — спросил Бабст, поднимаясь из-за стола. — Веру ты подозревал? А в грызло ты не хочешь?!

Живой тоже вскочил, схватил рыбный нож и изготовился к обороне.

— Костя! Паша! Подождите! Сядьте оба!

Бабста удалось успокоить нескоро. Только приняв двести граммов, он сел в кресло и дал согласие на переговоры:

— Ладно. Давайте разбираться.

— Вот именно, давайте разберемся спокойно, — обрадовался Савицкий. — Паша, если ты ее давно подозревал, то почему ты ни разу нам ничего не сказал?

— А кто бы мне поверил? — пожал плечами Живой. — Любящий брат и еще более любящий академик? Ты только посмотри на него. Он же весь красный, как Тяпка! Если бы я что-то вякнул, меня бы самого выставили из проекта. Вот оно мне надо... Ну, я намекал вам, про миледи говорил... Но при этом ждал, пока она себя выдаст. Вот — привезла сюда, значит, выдала. А лезть против Тяпова — дурных нет. Он человек серьезный, я-то знаю. Даже за черный пиар платит белыми.

— Ты и таким не брезгуешь?

— Шеф, я тебя умоляю. Помнишь лимонад с запахом детской неожиданности?

— Очень было неумно с твоей стороны.

— Я-то что, я бы посмешнее чего придумал. Это Иван Ильич изволил пошутить и велел растиражировать свою шутку по всему Интернету.

— Зачем же ты ко мне приходил, предлагал заплатить, чтобы этой шутки не было? А если бы я заплатил?

— Был бы заказ, а там бы я что-нибудь придумал. Одной рукой был бы за Тяпова, другой — за тебя. Получился бы знатный холивар.

— Шизофреник, — констатировал Бабст.

— А кто это нам говорит? Доктор Фрейд? А ты вообще помнишь, что ты в вертолете вытворял? Оп курый, да?

— Очень плодотворная дискуссия! — прервал их Савицкий. — Значит, так. Подведем итоги. Нам нужно установить, какие у Веры отношения с этим группенфюрером. И я вот что предлагаю: давайте позовем сюда Веру и попросим ее рассказать все начистоту.

— Давайте! — немедленно откликнулся Живой.

Бабст ответил не сразу.

— Ну... давай позовем, — сказал он после паузы. — Только... не дай бог кто-нибудь из вас ее обидит.

Петр Алексеевич подошел к двери и повернул ручку.

Дверь не шелохнулась.

Он нажал на нее плечом. Тот же эффект.

Паша подбежал и постучал в дверь ногой. Никто не откликнулся.

Почетные гости Ивана Ильича Тяпова, не сговариваясь, обернулись и посмотрели на окна. Петр Алексеевич подошел к ним и отдернул занавески.

К окнам были приварены крепкие решетки.

— Все ясно, — сказал Савицкий. — Апартаменты, значит, тюремного типа.

Бабст, не говоря ни слова, кинулся к своему рюкзаку. Он быстро обшарил клапан, а потом вывернул все содержимое на ковер.

Порывшись в вещах, Костя грузно опустился на пол и бессильно уронил руки.

— Украли! — глухо сказал он.

Глава 36

Легенда о великом дегустаторе

После изгнания немцев за ворота Тяповской мануфактуры Маша Голубкова не находила себе места. Сидя в предоставленном ей шефом роскошном «апартаменте», она приводила себя в порядок, но мысли ее все время возвращались к подлому поступку Ивана Ильича.

«А зачем я, собственно, на него работаю? — думала Маша. — Чтобы денег срубить? Нет. Чтоб жилось интересно? Ну да. А где мне было интереснее — полгода на подхвате у Усова или две недели с ребятами в экспедиции? Все, экспедиция кончилась. И испытательный срок тоже. Завтра стану офицером! Форма, кстати, мне офигенно идет, а черная с серебряными петлицами — это вообще будет мега-сексуально. Солдаты, ко мне! Всем восхищаться и глотать слюни три часа. Наверное, дадут неделю отпуска. Сначала пройду под окнами у этого придурка Двурожкина, чтоб знал, от чего отказался. Потом — в караоке и три раза подряд спою “*Bad Romance*”. Потом сниму квартиру на Чистых прудах. Или лучше с видом на Кремль?..»

Она зевнула и стала думать дальше:

«Интересно, а немцы наши как там? До Кремля дошли или в обезьяннике уже сидят? Бедные, вот они с нами попали — еще неизвестно, где хуже, в рабстве у Лиходумова или в Москве без регистрации. У них, небось, вообще никаких документов, они же дикие совсем. И Костя завтра узнает, что у него аппарат украли... Стыдно как-то перед ним. И Петя... Породистый мужик, высокий, задница спортивная... Жаль, что женат. Может, возьмет его Ильич к нам работать? А тут такая я с петлицами. И Костю хорошо бы взять, что он там у себя в музее получает?.. Жалко их всех... Вот кого точно не жалко, так это Живого, уroda наглого. Хоть бы он что-нибудь ляпнул при шефе, чтоб его наши парни отлупили. Так ведь ляпнет и отлупят, а ему только на пользу. Напишет в своем ЖЖ, как его лично Иван Ильич Тяпов по мордасам хлестал, тут к нему сразу тыща френдов набегит и работу узника совести предложат».

Мысли текли медленно — сказывалась дневная усталость. Они цеплялись одна за другую, путались и постепенно перерастали в кинематографические видения.

Легкой походкой, помахивая хвостом и перепрыгивая с поганки на поганку, Мурка-терминатор пробирается сквозь заросли Пандоры.

Вдруг из-под гигантского синего гурда раздается слабый стон. Мурка спрыгивает на землю и наклоняется. Там лежит вражеский солдат с обвисшими дредами. У него перебиты все конечности.

- Спаси меня, Мурка-терминатор! - жалобно взывает он. - Я тебе пригожусь!

- Ха-ха-ха! - смеется жестокая охотница. - А вот я сейчас сниму с тебя кислородную маску и швырну твоё жалкое тело со скалы хищным драконам!

Внезапно сзади раздается дикий рев. Мурка оборачивается и видит огромного тупорылого носорога с красной мордой.

— Москва всех примет! - ревет носорог. - К Ильичу давай! Срочно!

Мурка очнулась. В дверь стучали.

— Маша! Заснула ты там, что ли? — услышала она голос Усова. — Срочно к Ильичу! Пять минут у тебя!

— Сейчас буду!

Быстро натянув на себя черную форму и припудрив нос, агент Голубкова поспешила к боссу.

Иван Ильич сидел за своим столом, а в углу кабинета возился неизвестный Маше бородач в белом халате. Он что-то переливал из пробирки в пробирку и недовольно хмурился. Там же, на специально принесенном лабораторном столике, тикал менделеевский аппарат. Подставленная под кран мензурка была уже наполовину полна.

Усов, успевший облачиться в форму капитана гестapo, стоял у стены, расставив ноги и заложив руки за спину. Он наблюдал за процессом.

— Садись, садись, — махнул рукой Тяпов, не дав Мурке доложить о прибытии. — Видишь, готово почти. Еще десять минут — и пробовать будем.

— А как вы дозировали ингредиенты? — спросила разведчица.

— Да на глазок, как же еще, — поморщился шеф. — Рецепта-то нет у нас. Но ничего, если пошло шибучее, то дозировка — дело десятое, потом найдем оптимальную. Уж в этом-то деле я профессор.

— Надо бы Костю подключить.

— Подключим. И Костю, и прочих твоих приятелей. Ты не гони коней. Сначала, Маша, расскажи-ка мне вот что. Как вел себя объект, выпив этого дела? Прежде чем пробовать напиток, нам надо представлять последствия. Химия химией, а психология тоже важна.

— Так я ведь вам писала.

— А ты в деталях. Время есть.

Агент Голубкова стала докладывать о последствиях употребления

эликсира подопытным Бабстом, ничего при этом не скрывая. По ходу доклада она живо вообразила сначала квартиру Жозефины, потом избу отца Симеона, потом замок Кипяченого. Маша увлеклась, перед ее внутренним взором замелькали знакомые лица, зазвучали голоса, и рапорт превратился в настоящий рассказ. Особенно подробно она описала побелку Фудзиямы. В этом месте даже стоявший с каменным лицом Усов пару раз помотал головой, а бородач в халате забыл про свои пробирки и стал слушать, широко раскрыв глаза.

Недоволен рассказом остался один только Тяпов.

— Хреново, — подытожил он доклад. — Никакой коммерческой выгоды от такого пошла получить нельзя. По крайней мере, легально. А наркотой я не занимаюсь.

Иван Ильич помолчал, о чем-то размышляя.

— Да, хреново, — повторил он. — Усов! Я тебе велел подготовить сводку на краснопырьевских бычков. Сделал?

— Конечно, Иван Ильич.

— Читай!

Усов шагнул вперед, извлек из внутреннего кармана зеленую папочку и начал:

— Некипелов Иван Сергеевич, учитель средней школы номер шесть города Краснопырьевска, заслуженный учитель РФ. Начал принимать настоянный на коньяке экстракт так называемой Вакховой травы в августе 1993 года. Почти сразу наступило шизонарциссическое перерождение личности, в результате чего Некипелов превратился в бандита Кипяченого и захватил власть в городе. Итогом деятельности Некипелова-Кипяченого стала смерть ста пятнадцати человек, причем двенадцать из них были убиты с особой жестокостью. Лиходумов Михаил Иванович, ученик Кипяченого по школе номер шесть...

— Ладно, ладно, хватит, — прервал его Тяпов. — Про Мишку я и так все знаю. Ну, — обратился он к Маше, — значит, это и есть твой менделеевский напиток? Нет, ты сама скажи — надо нам все это? Ну, допустим, пробью я лицензию и запущу этот коктейль в производство. Так что же у нас тут будет? Девяностые годы вернуться? А?

Глазки шефа сузились, лицо налилось кровью.

«Вот носорог тупорылый», — подумала Маша.

— Иван Ильич, — сказала она как можно мягче, — Кипяченый ведь не эликсир принимал, а только настойку Вакховой травы. Это еще ничего не значит. Я же говорю: надо Костю подключать. И Петра Алексеевича Савицкого. Савицкий знает дозировку, а Костя — единственный, кто умеет

обращаться с аппаратом. И единственный, кто принимал все компоненты по очереди вместе с менделеевкой. Кроме того, он очень талантливый химик.

— У нас тут тоже не дураки работают, — Тяпов кивнул в сторону бородача, и тот гордо приосанился. — Шестнадцать докторов наук кормлю.

— Я не сомневаюсь, что на вас работают лучшие силы. Но вы ведь хотели в свое время нанять Петра Алексеевича? И Паша, помнится, ваши продукты пиарил. Так, может быть, самый простой выход — взять их всех троих на работу и создать менделеевскую группу?

— Ха! Соображаешь, — одобрительно хмыкнул босс. — Была у меня такая мысль. Пожалуй, пригласить можно. Мужики толковые, каждый по-своему. Ладно, утром решим. Пусть посидят пока. Ну, что у тебя там? — спросил он у белого халата. — Готов анализ?

Бородач подошел к столу, снял очки и нервно их протер. Вид у него был смущенный.

— Да, готов, — сказал он, не глядя в глаза шефу. — То есть готов предварительный, в самых общих чертах. Окончательный анализ будет завтра к вечеру.

— Ну и что? Чего ты мнешься? Говори самую суть.

— В общем, если не вдаваться в детали, то вывод получается такой: этот состав безусловно вреден для здоровья, а в больших дозах может привести к летальному исходу.

Словно услышав его слова, менделеевский аппарат щелкнул и отключился.

— Та-ак... — протянул Тяпов. — За базар отвечаешь?

— Иван Ильич, когда это я вас вводил в заблуждение? — обиделся химик. — Научный отдел — это не пропаганда и агитация. Мы отвечаем за здоровье людей и за вашу и нашу свободу. Это пойло пить вредно. Точка.

Тяпов встал из-за стола, подошел к аппарату, взял мензурку и посмотрел ее на просвет. Жидкость была мутно-бурая, и ее цвет почему-то заставил Мурку вспомнить варана в кипяченом зверинце. Тяпов понюхал эликсир и закашлялся.

— Тьфу! От одного запаха угоришь, — сказал он, ставя мензурку на место. — Ладно, спасибо тебе, Николай Кириллович, — обернулся он к доктору. — Иди спать. А завтра к трем часам полный анализ и заключение мне на стол.

Когда ученый вышел, босс обратился к агенту Голубковой:

— Я только одного, Маша, не понимаю. Как же этот твой менделеевец, как его... Бабст? Как он это пил?

— Он пил ингредиенты по очереди, а не все три вместе. А кроме того, у него организм луженый, закален годами экспериментов.

Услышав это, Тяпов усмехнулся.

— Луженый, говоришь? Ну ничего, у нас тоже такой организм имеется.

Он повернулся к Усову и приказал:

— Леопольдыча ко мне!

Капитан развернулся налево кругом и вышел.

Агент Голубкова улыбнулась. Про знаменитого Леопольдыча знали все сотрудники холдинга, и не было дня, чтобы про него не сочинили новый анекдот. Когда Маша полгода назад появилась на «Мануфактуре», коллеги тут же рассказали стажерке легенду о великом дегустаторе.

В те славные, теперь почти былинные времена, когда в Москве только-только начал расцветать кооператив «Тяпушка», Иван Ильич вел производство исключительно силами своей семьи. Недавнее предательство людей и песцов, окончившееся судом, сделало его крайне недоверчивым, и привлекать к новому делу посторонних ему совсем не хотелось. Однако у нового бизнеса была своя специфика. Полученный продукт должен был кто-то дегустировать — иначе могло приключиться массовое отравление советских людей, и тогда коммунистическая власть стерла бы ранее судимого Тяпова в лагерную пыль.

Разумеется, ни сыновей, ни дочек, ни супругу, ни самого себя Иван Ильич подвергать риску не собирался. Нужен был дегустатор со стороны, но при этом к первому наемному работнику предъявлялось множество серьезнейших требований. Он должен был уметь держать язык за зубами даже в состоянии сильного алкогольного опьянения, должен был верить в светлое будущее тяповского бизнеса, довольствоваться небольшой зарплатой, а самое главное — этот человек должен был обладать нечеловечески выносливым желудочно-кишечным трактом.

Рекрутинг (впрочем, такого слова тогда еще никто не знал) проводил лично Иван Ильич. В течение двух месяцев он каждый вечер посещал привокзальные шалманы и рюмочные, где вел долгие беседы с контингентом и даже заполнял на каждого кандидата отдельную анкету. Однако подходящий алкоголик никак не находился. Конечно, найти в тогдашней Москве Диогена, не понаслышке знакомого с жидкостью для мытья стекол или с изопропиловым спиртом, не представляло особого труда. Но вот отыскать человека, который, приняв четыреста граммов, не вывернул бы случайному собутыльнику все свои личные и семейные секреты, а также государственную тайну, если таковая имелась в

загашнике, — не удавалось никак.

Леопольдыч сыскался в рюмочной у Курского вокзала. Тяпова этот немолодой дядька поразил тем, что был как две капли воды похож на артиста Джека Николсона, фильм с которым Иван Ильич недавно посмотрел в видеосалоне. Только Николсон, изображавший съехавшего с катушек писателя, был непоседливым, живым и подвижным, как ртуть, а посетитель рюмочной был угрюм и абсолютно спокоен. В то время как другие пьющие граждане дымили папиросами, махали руками и издавали звуки, сливавшиеся в нестройный матерный гул, Леопольдыч стоял в полном одиночестве, глядя в пространство неподвижными, как у удава, глазами и только раз в шесть минут (Иван Ильич проверял по часам) подливал себе в стакан граммов пятьдесят «Столичной». Когда у флегматика иссякла влага, Тяпов встал рядом с ним за столик, отвел полу плаща и показал изготовленную в «Тяпушке» бутылку с такой же столичной этикеткой. Мужик молча кивнул.

Тяпов разлил пойло по стаканам, произнес шутливый тост и сделал вид, что пьет.

Джек Николсон залил в утробу свою порцию и продолжал стоять молча.

— Ну как? — спросил Иван Ильич.

— На глазок разбавляли, — подал голос мужчина.

Говорил он хрипло и тихо, почти шепотом.

— А ты откуда знаешь?

— А чего тут знать? Тридцать три и пять, гидролиз, вода из батареи.

Иван Ильич тихо ахнул. Это была истинная правда: спирт он по дешевке прикупил на гидролизном заводе; воду, что греха таить, брал прямо из радиатора парового отопления; разбавлял на глазок, а крепость раствора сегодня утром сам замерил спиртометром. Получилось тридцать три и пять десятых градуса.

Тяпов простоял с гением дегустации до закрытия заведения, непрерывно подливая и так же непрерывно осыпая молчуна вопросами. Леопольдыч пил все, что наливали, а из вопросов достаивал ответом только те, которые имели отношение к составу и воздействию употребляемых в данную минуту напитков. На вопросы о своей биографии или о планах на будущее он просто не отвечал. Похоже было, что Леопольдыч, подобно некоторым индейцам Южной Америки, жил только в настоящем времени, а настоящее определялось тем, что в данную минуту занимало его пищевод.

Самородок был приглашен на работу в «Тяпушку», и в дальнейшем

Ивану Ильичу ни разу не пришлось пожалеть о своем выборе. Леопольдыч оставался с шефом и в период ООО «Тяпка», и во времена ЗАО «Тяпа», и в эпоху «Тяповских мануфактур». Он дегустировал все продукты, которые производил сначала лично глава холдинга, а потом и его креативщики. А когда возник научный отдел, Леопольдыч чрезвычайно заинтересовал тех сотрудников, которые еще не совсем порвали с фундаментальной наукой. Профессора потихоньку тестировали его новейшими моющими средствами, одеколонами, лосьонами, зубными эликсирами и антистатиками, не говоря уже о классических денатурате и политуре. Но Леопольдыч выжил и не изменил своего химического состава. Как установили тяповские доктора, он представлял собой удивительную аномалию в мире живой природы: кровь Леопольдыча давно переродилась и состояла на 56 процентов из алкоголя и продуктов его распада.

Тяпов питал к Леопольдычу особые, почти человеческие чувства. Старик был единственным сотрудником корпорации, который обращался к грозному боссу на «ты» и, если это было нужно для дела, говорил ему правду. Иван Ильич даже хлопотал о присвоении Леопольдычу звания заслуженного дегустатора-испытателя, для чего было нужно сперва ввести такое звание в российской Федерации. К сожалению, взяткоемкость соответствующего указа оказалась слишком велика, и Леопольдыч получил только медаль «Ветеран труда». Эту медаль он всегда носил на своем черном форменном пиджаке без знаков различия.

Леопольдыч вошел в кабинет и остановился у двери, глядя прямо перед собой в пространство.

— Старина, ты уж меня извини, — обратился к нему Тяпов. — Мы тебя, наверно, с постели подняли?

Вопрос относился к прошлому, и потому ответа не последовало.

— Тут очень важное дело имеется. Вот, погляди на эту муть. Пойло изготовлено с помощью аппарата самого Менделеева. Видишь?

— Ну, — сказал Леопольдыч.

— Тут целая история, я тебе потом расскажу. раздобыли менделеевский аппарат и к нему еще набор черт знает каких веществ. А что получилось — непонятно. Доктора говорят, что пить это дело вредно. В больших дозах летальный... Ты как? Примешь рюмочку?

Леопольдыч подошел к аппарату, взял мензурку и с минуту разглядывал ее на свет.

Потом он понюхал собакинский эликсир — и вдруг поморщился.

Мурка и Усов переглянулись: никогда раньше им не приходилось видеть, чтобы старик проявлял столь бурную реакцию.

Леопольдыч закрыл глаза, открыл рот и аккуратно влил в себя все содержимое мензурки.

Тяпов вскочил с места и подбежал поближе.

Внешне ничего особенного не происходило, но Маше показалось, что по лицу чудного старика разливается какое-то скрытое сияние — как у того же Николсона в фильме Кубрика после стакана бурбона.

Но может быть, это был всего лишь эффект освещения.

Минуты две Леопольдыч молчал.

— Ну! — не выдержал Тяпов. — Что там? Не томи!

Великий дегустатор медленно разлепил губы и тихо ответил:

— Короче, Ваня, не дури. Летального ни у кого не будет, продукт безопасный. Но и пить это пойло народ не станет. Аппарат уничтожь, а остатки вылей куда-нибудь. Только не в нашу речку.

С этими словами старик повернулся и вышел из кабинета.

— Слышала? — спросил Тяпов у Мурки.

— Да, но это ведь может быть неправильный состав! Тут очень важна дозировка...

— Старик врать не будет, — веско сказал глава холдинга. — Я ему верю больше, чем самому себе. Если Леопольдыч сказал — народ пить не станет, то значит, не станет. Ни разу он не ошибался.

Маша была в отчаянии.

— Иван Ильич, расспросите Костю! Он один все понимает!

— А чего спрашивать?

— Ну вы же его на работу хотели взять! И Петю, то есть Петра Алексеевича, тоже... Они все объяснят! Все сделают...

— Ладно, не реви. Поговорю с твоими химиками. Усов, убери-ка все это добро подальше и приведи гостей из пятого апартамента. А ты, Маша, спрячься пока вон туда, за шкаф.

Глава 37

Наполеон Третий

На этот раз красная физиономия Тяпова никакой доброжелательности не выражала. Прошло уже полночи, и хозяин кабинета выглядел усталым и раздраженным. Гостям из пятого апартамента он даже не предложил присесть.

Костя, всего четверть часа назад узнавший о похищении менделеевского аппарата и всех добытых веществ, был даже краснее алкогольного магната. Петр Алексеевич крепко держал друга за локоть. Еще в номере они договорились, что постараются уладить дело мирно, путем переговоров.

Роль голубя мира взял на себя Живой.

— Иван Ильич, большое спасибо за ужин, — начал он, лучезарно улыбаясь. — Очень было приятно выпить родимой тяпушки. Как мы ее пиарили с ребятами в свое время! И по-черному, и по-белому, и по-серому, и в хвост, и в гриву... Помните, конечно?

— Не могу я всех помнить, — буркнул Тяпов. — У меня вашего брата целая конюшня.

— Ну, меня-то вы забыть не могли, — ничуть не смутился гений пиара. — Теперь всей стране известно, от какой фамилии происходит слово «тяпнуть». В онлайн-словари внесено! А чья работа?

Лицо Тяпова чуть подобрело, и Паша это сразу заметил. Он хорошо помнил, что Иван Ильич обожает свою фамилию, и потому поспешил развить успех, ничуть не опасаясь переборщить.

Живой без спроса уселся в кресло перед столом и объявил:

— А недавно я сделал еще одно открытие. Ручное орудие для окучивания картошки из пяти букв знаете?

— Тяпка, — чуть подумав, ответил окучиваемый.

— Точно! И вы не поверите — тоже из ваших мест слово оказалось! Имею неопровержимые доказательства, что тяпку изобрели поморы. Картофель-то в россию через Архангельск завезли, так?

— Так.

— Вот. И предки ваши, стало быть, выращивали его еще до Петра Первого. А чтобы картошку окучивать, нужно что?

— Тяпка.

— Вот! Они ее и изобрели. И назвали в честь изобретателя, предка

вашего. Так всегда бывает — Гей-Люссак там, Бойль-Мариотт, Децибел. В общем, не прикажете ли начать рекламную кампанию? Я думаю, для начала надо передачу на пятом канале замутить. Профессоров русского языка побородатее позовем, Ксюша умные вопросы задавать будет...

— У нас в деревне «тяпшей» топкое место называли, — сказал вдруг Ильич. — А «тяпкий» — это значило «ловкий».

— Гениально! Ловкие Тяповы осушили топкие места, насажали там картошки и окучили ее ручными орудиями. Как это звучит по-древнерусски? Тяпкие Тяповы затыпали тяпши, втяпали картяпки и обтяпали тяпками. Во! Да я вам все слова от вашей фамилии произведу! Давайте, что ли, тяпнем за это?

Ильич расплылся в улыбке, но тут открыл рот Бабст. Петр Алексеевич дернул его за локоть, однако было уже поздно:

— А еще есть выражение «денег тяпнуть». Украсть то есть. Ты куда аппарат дел?

Улыбка на лице потомка поморов исчезла, а красный цвет лица стал гораздо гуще.

— Какой еще аппарат? — спросил он.

Костя сбросил руку Петра Алексеевича и шагнул вперед.

— Ты мне не шути. Аппарат на балансе музея. Это государственная собственность.

— Да? А чего ж ты его в рюкзаке таскал? — удивился Иван Ильич. — Значит, украли у тебя в Пырьевске государственную собственность.

От возмущения Бабст не смог ничего ответить. Несколько секунд он только хватал воздух ртом, как выброшенная на берег рыба, а потом заревел, как носорог, и ринулся на обидчика.

Петр Алексеевич и Паша бросились на Костю и повисли на нем. Скорее всего, разъяренный Бабст раскидал бы их и добрался до тяповского горла, но тут в кабинет влетел лейтенант Зинченко:

— Руки за голову! Всем к стене! Буду стрелять!

В руке у него поблескивал пистолет ТТ.

Следом за начальником охраны вбежали еще пятеро гестяповцев.

Через минуту почетные гости стояли, уперев лбы в стену, заложив руки за голову и расставив ноги на двойную ширину плеч, а Иван Ильич прохаживался у них за спинами и спокойно говорил:

— Да вы соглашайтесь, ребята. Всех ученых дармоедов разгоню, и создадим тут вместо них особый менделеевский отдел. Инновационно-креативный. Петра начальником поставлю, Пашка — зам по маркетингу. Ну а ты, чумовой, будешь замом по науке. И работайте себе спокойно со

своим аппаратом. Согласны?

— Гнида! — ответил на это Бабст.

Зинченко подошел к нему и легонько стукнул ручкой пистолета по затылку.

— Фильтруй базар!

— Да погоди ты, — отмахнулся от него Тяпов. — Петр, ты чего молчишь? Ты же тут главный.

— Иван Ильич, я не буду с вами разговаривать, пока вы не скажете, что с моей сестрой.

— А ничего с ней особенного. Отдыхает себе в апартаменте. Слушай, ну ты же деловой человек! Ну подумай сам, какая тема! Правнук нашел рецепт князя Собакина. Вклад самого Менделеева. Тяпов покаялся и отрезвляет русский народ. Хорошие деньги заработаем, вам всем процент пойдет.

— Я давно понял, что это совершенно не коммерческий продукт, — вздохнув, ответил Петр Алексеевич. — Массовое производство организовать невозможно, потому что аппарат уникален, и компоненты тоже. А сам эликсир представляет чисто научный интерес, пить его просто опасно.

— И не отрезвляет он ни фи́га, — добавил Живой. — Наоборот, крышу сносит.

Тяпов усмехнулся.

— Ну а как же его вот этот ваш Майк Тайсон пил? Думаешь, я не знаю?

— А вы знаете, что с ним после этого было? — откликнулся Паша. — Да он чуть вертолет не грохнул, вместе с нами! Еще и до сих пор на людей бросается. Спросите вон у пилота!

Иван Ильич посмотрел на Усова, который с мрачным видом стоял в углу. Тот чуть заметно кивнул.

— Знаю и это, — сказал Тяпов. — Но надо же разобраться в напитке. Определим химический состав, попробуем сделать аналог аппарата. Ингредиентов наберем заново. Мишка Лиходумов траву свою сам в зубах притащит. Что не найдем — синтезируем. Поработаете месяцок, потом ясно будет. А, Петр? Соглашайся. Ты же сам с этим не справишься, тут ресурс нужен.

— Если вы что-то синтезируете, то получится опять тяповка. И вообще: вызовите сюда мою сестру, тогда будем разговаривать!

— Ах, сестру? Ну давай вызовем сестру. Машенька, поди сюда! А вы присаживайтесь, господа, чего так стоять.

Господа опустили руки и обернулись. Навстречу им из-за шкафа шагнула княжна Вера. Только вместо трогательного походного костюмчика на ней была облегающая фигуру черная форма.

— Сестренка! Жива! — кинулся к ней Петр Алексеевич.

Гестяповка сделала шаг назад.

— Петр Алексеевич, я вам никакая не сестра, — ответила она холодно.
— Я сотрудница отдела внешней разведки.

Костя как подкошенный упал в кресло, согнулся пополам и закрыл лицо руками.

Паша вцепился в свои дреды и несколько раз с силой дернул их в разные стороны.

— А я вам говорил! — закричал он. — Миледи! Мата Хари! Говорил я вам!

Достоин выдержать удар сумел только Савицкий.

— Ну что ж, — сказал он, пытаясь справиться с дрожью в голосе, — все понятно. Промышленный шпионаж.

— А куда в наше время без него? — развел руками Тяпов.

— Значит, нас обвели вокруг пальца. Поздравляю с победой, Иван Ильич. Но работать на вас мы категорически отказываемся. Правда, ребята?

Бабст не ответил: он только посмотрел на Тяпова, и его взгляд был красноречивее всяких слов.

— Лично я беру назад свое предложение относительно рекламы тяпки, — заявил Паша. — Но при этом предлагаю другую сделку: вы нас отпускаете живыми, а я за это обещаю не склонять ваше имя в Интернете.

— Предложение интересное, — кивнул Иван Ильич.

— Послушайте! — вмешалась Мурка. — Ну зачем вы отказываетесь? Я же за вас так просила! И тут в холдинге такие огромные возможности, и научные, и вообще... ребята! Костя!

Бабст встал.

— Мучительнее после их терять... — сказал он глухим голосом.

— Что? — не поняла Маша.

— Ничего. Песня есть такая. Ну что? Пошли отсюда? — обернулся он к своим.

Все посмотрели на Тяпова.

— Так не будете работать? — спросил тот.

— Не будем.

Тяпов оглядел их всех по очереди, задержав взгляд на Бабсте.

— Ну и ладно, — сказал он наконец. — Зинченко, проводи их за ворота!

Начальник охраны удивленно поднял брови.

— Иван Ильич, вы... в буквальном смысле?

— В буквальном. Проводи гостей за ворота, а сам иди спать.

— Есть! Граждане гости, следуйте за мной!

Гестяповцы окружили депортируемых. Зинченко открыл дверь.

Выходя, никто из бывших товарищей даже не оглянулся на Машу.

Когда гости ушли, Тяпов сел в свое кресло и обратился к стоявшим перед ним разведчикам:

— Ну, голуби, слушайте мое окончательное решение. Проект закрыть — это раз. Капитана Усова понизить в звании до младшего лейтенанта — это два.

— За что, Иван Ильич? Я-то чем виноват?

— А за то. Ты думаешь, я разговоры в кабине вертолета не записываю? Это даже по инструкции полагается — в случае катастрофы послушать. Вот и считай, что настала тебе катастрофа. Будешь в другой раз про песцов рассуждать...

Усов поджал губы.

— Дальше, — продолжил Тяпов. — Стажера Голубкову оставить в прежней должности и продлить испытательный срок на три месяца. Будешь молчать в тряпочку — получишь бонус за проявленное мужество.

Мурка опустила голову.

— Похищенный аппарат и другие вещественные доказательства уничтожить, — закончил Иван Ильич. — Вопросы есть?

— Как уничтожить? — вскрикнула Маша. — Это же чудо науки!

— А мне оно нужно, твое чудо? Ты мне и так чуть-чуть голубого песка не подложила... И ведь еще не все кончилось. Не дай бог, журналисты пронюхают. Живой этот вякнет что-нибудь...

— Но он же обещал не склонять!

— Обещал он... Ладно, в любом случае, позиция моя следующая: ни про какой аппарат знать не знаю, никого за ним не посылал, господ Савицкого, Живого и Бабста в глаза не видел. И вы оба помалкивайте. Будете болтать — шкуру сдеру! А наказание вам поделом. В следующий раз, прежде чем лезть ко мне с проектами, два раза подумаете. Всё, свободны!

Маша вернулась в свой «апартамент» и предусмотрительно поставила стул в проем двери, чтобы та не захлопнулась. План у разведчицы был простой: быстро собрать вещи, а потом покинуть тяповское предприятие навсегда. После всего, что она совершила за последнее время, сидеть в стажерах еще три месяца было бы не просто скучно, а оскорбительно и

позорно.

«Пусть подавится своим бонусом, — думала Мурка, бросая в сумку тряпки. — Надо ребят найти. Я им все объясню. Костя меня поймет, он хороший. И Петя... Эх, аппарат бы еще выкрасть!.. »

Когда вещи были почти собраны, стул, не дававший закрыться двери, вдруг сам собой вылетел на середину комнаты.

Мурка-терминатор обернулась.

В дверях стоял ее бывший начальник, бывший летчик и бывший капитан гестапо Усов. На плече он держал огромную сумку.

— Привет, давно не виделись, — сказала Мурка саркастически. — Ты чего тут забыл?

Усов вошел в комнату и прикрыл коварную дверь.

— Попрощаться зашел, — сказал он. — Ты ведь уходишь от нас?

Маша кивнула.

— Ну вот, я и решил сказать бай-бай.

— Ты зачем дверь закрыл? — спохватилась вдруг Мурка. — Отсюда же не выйти теперь!

— Не волнуйся, терминатор. Ключи у меня пока что не отобрали.

Усов поставил сумку на стол, пошарил в ней и достал пузатую бутылку с какой-то жидкостью оливкового цвета. Мурка взглянула на этикетку. Там было написано:

1898

whisky

PULKHEROVSKOE

20 years old

— Ты что? — поразилась Маша. — Это же конкуренты гонят! Правил, что ли, не знаешь?

Согласно правилам внутреннего распорядка «Тяповских мануфактур», сотрудник, пойманный ГПУ за распитием продуктов конкурирующих фирм, подлежал немедленному увольнению.

— Вертел я эти правила, — ответил Усов. — Бокалы есть?

Маша достала две рюмки.

Усов разлил чужеродный напиток и вместо принятого у служащих мануфактуры краткого «Тяпнем!» сказал пространный тост:

— Пью за то, чтобы Ивану Ильичу Тяпову провалиться к чертовой матери в пекло и чтобы его там до скончания веков грызли голубые песцы!

— Ты прямо художник слова, — восхитилась Маша. — Слушай, диссидент, а ты не боишься, что в апартаментах тоже магнитофон работает? А может быть, и кино снимают.

— Я теперь ничего не боюсь.

— Да что с тобой, Усов?

— А ничего. Хватит с меня. Пора открывать клетку и бежать на волю. Как недопёсок Наполеон Третий.

— Кто?

— Книга такая есть, почитай на досуге. Там один песец сбежал со зверофермы на Северный полюс.

— Так ты тоже туда собрался, что ли?

— А почему бы нет? Чем я хуже? Давай-ка еще выпьем!

— Ну, давай... погоди, я хоть шоколадку достану. Гадость это твое пульхеровское.

— Да уж не такая гадость, как тяповка! — громко ответил Усов, обращаясь в самый темный угол, где, вероятно, была спрятана видеокамера.

Разведчики выпили еще по две рюмки, закусили шоколадкой, и бывший капитан сказал:

— А насчет севера я не шучу. Я, Машенька, давно думал в полярную авиацию податься. В ледовые разведчики. Знаешь такую специальность?

— Нет, не слышала.

— Короче, летать на вертолете и путь судам прокладывать. Сейчас на летний сезон как раз люди требуются. Представляешь: летишь часов двенадцать над океаном, а под тобой ничего, кроме белого льда. И никакая красная морда тебе не указ.

— Усов, ты настоящий герой! А я раньше думала, что ты зануда, рожденная ползать.

— Мало ли кто что думал... Я про тебя тоже думал...

— А на Северный полюс доберешься? Как Наполеон Третий?

— Буду стараться. Ну, давай по последней и поехали. У меня машина на стоянке за воротами. Доброшу, куда скажешь.

— А ты водить-то сейчас можешь?

— Полярникам вискарь не страшен. Они чистый спирт пьют.

За ворота вышли спокойно: все тяповские охранники уже спали, а привратник только привычно козырнул Усову.

Когда они сели в машину, будущий ледовый разведчик открыл свою сумку.

— Тут камер нет, так что теперь можно. Долго я думал, какого бы Ильичу песка на прощанье подложить. Думал, думал — и наконец придумал. Короче, держи все это добро, а что с ним делать — решай сама.

И он достал один за другим: менделеевский аппарат, контейнер с

ингредиентами и мешок с Вакховой травой.

Глава 38

Анархическая деспотия

Тяповские мордovorоты отконвоировали незадачливых искателей собакинского наследства к проходной, обменялись какими-то знаками с охранниками и те, приняв в объятия дорогих гостей, решительно выдворили их на улицу.

— Итак, господа, перед нами широко и привольно раскинулась промзона «Тяповская мануфактура», — привычно входя в образ, произнес Живой. Но увидев, что его друзьям, мягко говоря, не до веселья, продолжил уже нормальным голосом: — Видимо, нас выперли через черный ход. Который для рабочих и крестьян, а не для менеджеров и капиталистов среднего звена. Стоянки нет, значит, сюда люди пешочком добираются от ближайшей остановки общественного транспорта.

— И что дальше? — хмуро спросил Бабст.

— Дальше? Пойдем по народной тропе — выйдем к людям. Давайте побыстрее только. А то Иван Ильич тяпнет свои первые утренние сто грамм, передумает нас миловать и прикажет отдать на опыты.

По левую руку от путников возвышался забор — довольно скромный по сравнению с тем, что ограничивал владения Кипяченого. За забором виднелась крепкая алкогольная твердыня. Видимо, Иван Ильич купил по дешевке завод дореволюционной постройки и со временем слегка его модернизировал. К добротному зданию красного кирпича был пристроен новый корпус из стекла и бетона, напоминавший гигантскую бутылку. По правой стороне рос чахлый кустарник, под которым были щедро разбросаны отходы цивилизации: осколки стекла, смятые папиросные пачки и обрывки фольги. За пределами этой полосы отчуждения шумели березы. Где-то в ветвях чуть охрипший соловей старался поскорее довести до конца свою партию.

Путники прошли около километра, а пейзаж все не менялся: слева забор, за забором Тяповская мануфактура, справа — зеленые насаждения, изрядно подпорченные царем природы. Наконец забор свернул налево. Видимо, где-то рядом был главный вход на территорию завода: чахлые кустики, равно как и бытовой мусор, исчезли, и по правую руку показалась парковка. Впереди блестела река, а за ней виднелись пятиэтажные панельные дома. По противоположному берегу неспеша катил желтый трамвай. Мирный район хрущевек соединял с грозной твердыней Тяпова

небольшой мост.

— На ту сторону перейдем — и считайте, что мы спасены, — бодро объявил Живой. — Затеряемся среди сотен тысяч таких же, как мы. Затаимся. Уйдем на дно!

— На дно можно и тут, — мрачно сказал Бабст, указывая на реку.

— Костя, не надо, — мягко тронул его за плечо Петр Алексеевич. Бабст отбросил его руку и зашагал вперед.

Пройдя немного по берегу реки, неудачливые кладоискатели наткнулись на старых знакомых. На земле, скрестив ноги и подложив под себя куски картона, чинно сидели и молча глядели на водную гладь немцы. На корточках, возле самой воды, устроился Заяц. Он мастерил из прутьев вершу.

— Скоро завтракать будем! — весело крикнул повар вместо приветствия. — Сейчас рыбы наловлю, а кашлюрю мы с собой взяли.

— Не, чувак, рыба здесь не водится, — покачал головой Паша. — А если водится, то лучше ее не есть. А то даже ваша карандашиха не спасет. Сюда же Тяпов неудачные образцы спиртосодержащей продукции сливает. Тут знаешь кто выжить может? Адский Йорш! Пива выпил, рыбонькой такой закусил — и добро пожаловать в Кащенко. Вакхова трава аскорбинкой покажется!

Заяц с восхищением посмотрел на Пашу — сколько незнакомых слов! Однако кое-как перевел его речь своим соплеменникам. Немцы недовольно загудели.

— ребята, вам тут сидеть не надо, — сказал Савицкий. — Тяпов — плохой человек. У вас могут быть проблемы.

— Тяпов — очень злой дух. Хуже дракона, — кивнул Башлык. — Мы бы ушли, но надо же вас спасти. Попросили нашу госпожу, пусть пошлет добро в его сердце.

— А где девушка Вера? — спросил Заяц. — За нее мы тоже просили.

— Нету девушки Веры, — отрезал Бабст. — Злой она дух, хуже Тяпова. Пошли отсюда!

Он поправил на плечах лямки рюкзака, взял в руки гитару и, не оборачиваясь, зашагал в сторону моста.

Немцы вскочили на ноги, схватили свои картонки и двинулись за ним. Заяц с сомнением посмотрел на почти готовую вершу, но все же оставил ее на берегу — видимо, в подарок случайным любителям Адских Ершей. Паша и Петр Алексеевич замыкали процессию.

Дойдя до середины моста, Костя аккуратно положил на землю чехол с гитарой, снял рюкзак, отставил его в сторону, подошел к перилам и

перекинул ногу через ограждение, украшенное чугунной шайбой с изображением серпа и молота.

— Держите его! — крикнул Паша, не трогаясь с места. Замер от неожиданности и Савицкий. Зато немцы не растерялись: они повисли на Косте, как стая проворных такс на медведе.

— Отпустите, черти! — крикнул он, пытаясь вырваться.

— Не отпустим! — за всех ответил Башлык. — Ты говорил, что ты великий шаман. Великий шаман никогда не проигрывает злему духу.

Крыть было нечем. Бабст немного посопротивлялся, но вскоре покорился. Немцы отпустили его, но на всякий случай окружили со всех сторон. Костя вскинул на плечи рюкзак, подхватил гитару и пошел дальше.

Еще на мосту Паша принялся изучать гугл-мэпс. Прицокнул языком и явно остался доволен.

— За мной, друзья, мы на правильном пути! — весело крикнул он, указывая на заброшенного вида трамвайную остановку.

Остановку построили на пустыре: вокруг зеленела высокая трава, и даже между шпалами пробивалась какая-то упрямая растительность. Выглянуло солнце. Казалось, что вот-вот из-за ближайшей пятиэтажки выйдет пастух и выведет за собой стадо.

Немцы встревожено пошептались, а затем выслали парламентаря к своим спасителям.

— В Москве хорошо, но плохо, — сказал Заяц. — Нельзя на видном месте всем стоять. Сейчас нас арестовывать начнут.

— А мы от них уедем, — махнул рукой Живой. — Вон семерка наша ползет.

Войдя в трамвай, Паша вдруг сгруппировался, присел — и нырнул под турникет, пулей пролетев в дальний конец салона.

Непривычные к такой акробатике немцы образовали у входа пробку.

— Я сейчас заплачу за всех, — успокоил их Петр Алексеевич.

Пропустив через вертушку весь свой неожиданно возросший отряд, он помог Бабсту протащить рюкзак, передал гитару и последним вошел сам.

Народу в трамвае почти не было. Две школьницы в блестках и пирсинге демонстративно пересели подальше. Старичок прикрылся газеткой с кроссвордами.

Бабст с сомнением оглядел тонированные стекла трамвая и даже поскреб одно ногтем.

— Вот и трамваи у вас в Москве бандитские, — сказал он.

— Не бандитские, а с заботой о гражданах. Чтоб тебе солнце глазки не слепило, — терпеливо объяснил Паша. — Нам сказочно повезло — этот

железный рогатый конь без пересадок домчит нас в анархическую деспотию.

— Куда, Паша? — переспросил Савицкий.

— К хорошим людям. В одну гостеприимную хату. Короче, будет круто, и наших приезжих друзей никто не арестует.

Трамвай плавно тронулся.

Бабст поставил рюкзак на сиденье рядом с собой, обнял его и задремал. Его примеру тут же последовали немцы. Не удержался и заснул даже Петр Алексеевич. Заснули девочки в блестках и пирсинге. Заснул, прикрывшись газетой с кроссвордами, старичок. Чтобы не разбудить их, водитель перестал объявлять остановки. Бодрствовал один только Паша: прижавшись носом к стеклу, он выискивал знакомые ориентиры.

— Так, все, подъем! — неожиданно крикнул он. — На выход, граждане, на выход! Наша остановка!

Все послушно выкатились на улицу. Впрочем, старичок и школьницы, выбежавшие было вслед за остальными, все-таки успели вскочить обратно. Бесшумно закрылись двери, и трамвай исчез, как призрак. На какое-то мгновение не пришедшему в себя после сна Савицкому показалось, что он снова в Краснопырьевке, а история со штурмом замка Кипяченого, вертолетом и похищением аппарата просто ему приснилась.

Трамвай привез их на тихую улицу, неплотно застроенную двухэтажными домиками и гаражами, больше похожими на сараи. Пространство между трамвайными рельсами было замощено камнем. Сходство с Краснопырьевском усилилось, когда справа возник деревянный забор, покрашенный зеленой краской. Красили его недавно — но доски в некоторых местах были оторваны. Сквозь прореху в заборе виднелся дом-призрак с выбитыми окнами и заросший двор. Запахло кладбищенской сыростью.

Паша уверенно перешел улицу: трамвай уже уехал, а никакого другого транспорта тут не было.

— Переулок Достоевского, — прочитал Савицкий. — Понятно, мы в районе Новослободской. Значит, все-таки это Москва.

На углу стояло длинное, неравномерно вросшее в землю одноэтажное здание с вывеской ГАЛЕРЕЯ «ДОСТОЕВСКИЙ»

— Ничего святого в этой Москве! — не удержался Бабст.

— Хочешь, чтоб галерея называлась «Святой Достоевский»? — огрызнулся Паша.

— А! — махнул рукой Костя. По его лицу было видно, что ему уже все

равно.

Двор был огорожен забором — не деревянным, а каменным. Металлические ворота были заперты, но совсем не походили на ворота замка Кипяченого или тяповской твердыни. Из распахнутого окна мансарды доносились звуки пианино.

У дверей галереи курила крупногабаритная дама неопределенного возраста с такими же, как у Живого, дредами.

— Здорово, Пони, здорово, старушечка! — облапил ее Паша.

— Ой, Пашечка! — обрадовалась дама. — А я слышала, ты село какое-то поднимаешь.

— Ложь и клевета.

— А это — интуристы? — неуверенно спросила она, указывая на немцев.

— Это друзья. Диктатор у себя?

— Минут двадцать как за кефиром уехал. Сел на велик и укатил. Ну, я вас проведу. Только вы на гитаре особо там не играйте. рано — спят еще все.

Как бы в ответ невидимый пианист в мансарде ударил по клавишам.

Пони открыла тяжелую деревянную дверь. Компания ступила в кондиционируемый полумрак и спустилась по лестнице в полуподвал. Там обнаружилась самая настоящая галерея. По стенам висели картины — абстрактные и вполне конкретные. По залу, прицениваясь, бродили ранние интуристы. В самом центре помещения, стараясь улыбаться всем и каждому, крутился высокий тоненький юноша в деловом костюме. Он заискивающе улыбнулся Пони, едва кивнул Живому, будто не узнавая его, с интересом взглянул на Савицкого и в недоумении уставился на немцев, с восторгом глядевших по сторонам.

— *Dear guests, these are our artists. The Chukchee art group... Chukchee means...*^[4] Мнэээ... Живой, помогай, как будет архетипический образ? — юноша внезапно прозрел и узнал Пашу, но тот не спешил приходить ему на помощь. Зато заговорил Башлык. По-американски широко улыбнувшись, он произнес:

— *This guy is kidding. Everybody calls us nenemtsy*^[5].

Интуристы заплодировали и зашуршали кошельками.

Пони провела всю компанию через галерею до самой дальней стены, завернула за какую-то ширму, повернула ключ в не приметной двери и пропустила гостей в просторную комнату, выкрашенную в яркие цвета и заполненную пестрыми подушками.

— Садитесь, подождите Диктатора.

— Из-за нас проблем у вашего бизнеса не будет? — озабоченно спросил Савицкий.

— Что вы, наоборот! Они сейчас все скупят после такого представления.

И ушла, закрыв за собою дверь. Живой повалился на подушки, жестом предлагая остальным сделать то же самое.

— Сейчас дождемся Диктатора. А потом пойдем бунтовать народ против Тяпова.

— Бунтовали уже, — хмуро отозвался Бабст. — Тут тебе не Краснопырьевск.

— Так здесь тебе и не храм культуры на грядке!

— Да? И какой же культуры здесь храм?

— Свободной. Дышите, ребзо, дышите. Вы думаете, что дышите воздухом? Нет, вы дышите чистой свободой.

Пока немцы исследовали необычное помещение, Паша коротко рассказал историю галереи «Достоевский».

Лет десять назад ее открыл один оборотистый бизнесмен, чтобы выставлять там картины своей горячо любимой жены. С женой он вскоре развелся, нашел себе другую, а прежней, в знак благодарности за проведенные вместе годы, оставил галерею. Жена была художницей на все сто процентов, деньги считать не умела, дела вести не хотела и поэтому сдала помещение в аренду какому-то знакомому и укатила с любовницей в Голландию. Там с тех пор и живет, там выставки у нее проходят персональные, а те деньги, которые ей присылают за аренду галереи из России, она раздает бедным, на джойнты.

— Сама галерея — это прикрытие, ну и доход, — рассказывал Паша. — А на самом деле в этом доме давно уже живут художники и все лучшие люди столицы. Бесплатно, конечно. Откуда у лучших людей деньги? Заправляет всем Диктатор — человек хороший, щедрый. Вот только злится и впадает в ярость, если при нем начинают ограничивать чью-то свободу. Если его правильно подготовить, он Тяпова со всеми его фашистами в реке одной левой утопит. А правой рукой барахло наше вернет нам. Да, Костя, и аппарат Менделеева — тоже!

Немцы зашептались, указывая куда-то в сторону.

— Журчит. Как будто канализация протекает, — перевел Заяц. — Старая юрта, наверно. Чинить надо.

— Да тут все протекает, все чинить надо! — воскликнул Паша. — Художники — прекрасные люди. Но руками умеют делать только

непрактичное искусство, а чтобы краны поменять — это не к ним.

Дверь, ведущая в галерею, щелкнула, звякнула и распахнулась. Дохнуло холодным кондиционированным воздухом. В комнату уверенным шагом вошел высокий худой загорелый человек в шортах и майке. На плече у него висел фотоаппарат с чудовищным объективом. В левой руке он держал батон, в правой — литровый пакет кефира. Человек откусывал от батона, прихлебывал из коробки и, видимо, наслаждался.

— Здорово, Диктатор! — поприветствовал его Живой.

— Привет, старичок, — степенно ответил тот. — А говорили, ты в каком-то городишке спасаешь мирных граждан от произвола чиновничков.

— Ложь и клевета! — помотал головой Паша. — Я привез замечательных рабочих с севера, жертв капиталистического беспредела. Найдешь им тут место? Пока они не решат, что дальше делать? Могут канализацию починить.

— Пусть остаются, если человечки хорошие, — пожал плечами Диктатор. — Булки хочешь? Тут рядом булочную открыли со своей пекарней — свежайшие.

— Спасибо, сам кушай.

— Люблю я, дорогие будущие граждане моей анархической деспотии, закинуться с утреца кефирчиком с белым хлебушком, — сообщил Диктатор. — Я на такой диете как-то два месяца протянул, когда в Питере на чердаке жил. Пока меня Жозефинушка не подобрала, не отогрела, в люди не вывела. Так, с рабочими понятно, а эти двое что? Турист и спонсор? Туриста, так и быть, впишем на денек. А спонсор пусть платит за постой. Или лучше в гостиницу его отправь.

— Да мы ненадолго. Мы только ребят пристроить, а то им идти некуда, — заискивающе улыбнулся Паша.

— Вот за что я тебя люблю, Живой, так это за широту твоей живой души. Бескорыстный ты проходимец. Оставайтесь все хоть на месяц, раз ребята хорошие. радуга проводит. А мне некогда. У меня тут какие-то бюрократические уроды художника обидели.

Диктатор постучал согнутым пальцем в стену. Через мгновение в комнату вбежала девочка лет семнадцати с волосами, выкрашенными в красный, фиолетовый, рыжий и желтый цвета. Одетая она была в такой же расцветки сарафан до пят. радуга сразу заполнила своим звонким голосом всю комнату:

— Ой, Пашечка, как вырос, как возмужал, как загорел! А что это с тобой за ребяточки? Вы надолго или так, погостить? А я слышала, что ты культуру в каком-то Бобруйске поднимаешь.

«В каком-то Бобруйске» она произнесла с очаровательной интонацией приезжего, укоренившегося в Москве меньше года назад.

— Ложь и клевета, — привычно откликнулся Живой.

— Это рабочие из тундры, починят нам все. Это друзья Живого, они ненадолго, — объяснил Диктатор. — Этим вписку и хавчик. А Пашку в пятую мансарду отведи.

— А, ну понятно, — кивнула Радуга, схватила за руки Пашу и ближайшего немца и потащила их за собой.

Гости завернули за угол, прошли по каким-то мосткам и вышли к узкой деревянной лестнице, ведущей из подвала на первый этаж. Поднявшись по ней, они оказались в комнате, заполненной всевозможными предметами быта, от вантуза до стиральной машины и от электрического чайника до пустой трехлитровой банки. Рядом с утварью копошились двое. Они были заняты каким-то важным делом. Один достал из папки лист бумаги А4 и, не глядя на него, спросил другого:

— Куда?

— Туда! — ответил его товарищ, указывая на ротанговое кресло.

— «Возмущение природных соков», — прочитал первый.

— Годится, — кивнул второй.

К некоторым предметам уже были прикреплены таблички. Так, ершик для унитаза был снабжен надписью «Лелеемый временем», круглый вертящийся табурет сообщал о том, что он «Верностью томим», а теннисная ракетка оказалась не больше и не меньше как «Ответом проискам заката».

— К выставке готовятся, — шепотом пояснила радуга и на цыпочках прошла в сторону следующей двери. За дверью была новая комната. В ней обнаружилось всего два предмета, но они заполняли собой все пространство. Это была кровать, на которой, обнявшись, спали трое, и картина во всю стену, изображавшая Спасскую башню Кремля через несколько десятков лет после всемирного потопа.

В следующей комнате на примусе варили кофе.

— И куда только смотрит пожарный инспектор? — покачал головой Петр Алексеевич.

— ребяточки, вы же сварите кофе нашим гостям? — тут же защебетала радуга.

— Да не вопрос, — отозвался кофевар.

У окна стоял перед мольбертом человек и, не обращая ни на кого внимания, рисовал.

В этой комнате, видимо, тоже предполагалось сидеть на полу, на

подушках. Ненемцы как по команде уселись на свои картонки.

Не зная, чем заняться в ожидании кофе, Савицкий подошел к художнику и заглянул ему через плечо.

На картине был изображен переулок Достоевского, но рядом с галереей стоял подозрительно знакомый домик совершенно из другой эпохи.

— Так это же Прага!

— Угу, — кивнул художник.

— Вы, значит, рисуете сувениры для иностранцев?

— Ы? — не поворачивая головы, промычал тот.

— То есть каждый увезет к себе домой картину, на которой изображена часть его родного города в московских интерьерах?

— Ну, может быть.

— Но ведь идея именно такая? В узнавании?

— Нет. Идея в том, что мне так нравится.

— А предыдущая картина была о чем?

— Кривоколенный. А там кусочек Монмартра.

— И за сколько ее купили?

— А я почему знаю? Может, и не купили. Все, вопросы еще есть?

— Извините, если я что-то не так спросил. Я в искусстве не разбираюсь.

— Да и не надо в нем разбираться, искусство целее будет. Достали уже все на деньги свои дурацкие мерить!

Радуга осторожно оттеснила Петра Алексеевича в сторону.

— Вы не обижайтесь, — шепотом сказала она. — У него когда вдохновение — он всегда злой очень. Хорошо еще, что не обматерил.

— А в обычном состоянии он тих и вежлив, как дореволюционный студент, из милости живущий у одинокой богатой тетки, — подтвердил кофевар.

— А на самом деле продаются его картины? — не отступал Петр Алексеевич.

— Еще как. На них тут все и держится, можно сказать. А сам он неприхотлив: краска, холст, кофе, бутерброды в обмен на готовые картины.

— Наживаетесь на художнике, — мрачно буркнул Бабст.

— Нет. Даем художнику возможность жить и творить так, как он хочет. И поменьше сталкиваться с враждебным миром. Ну вот, готово. Угощайтесь, что ли!

Кофе взбодрил и придал сил. Даже Костя перестал хмуриться. Пройдя еще несколько комнат, гости попали в просторное помещение с тремя

широкими окнами во всю стену, заставленное двухэтажными кроватями. В углу лежали свернутые спальники.

— Ну вот, ребяточки, располагайтесь, — сказала немцам радуга. — Занимайте свободные места, всем должно хватить. Баня тут рядом, на соседней улице. А туалет вот там, за стенкой.

— Слышно, — кивнул Башлык. — Журчит.

— Мы починим! — улыбаясь, пообещал Заяц.

— Вас тут бесплатно поселили, учтите, — сказал Паша. — Можете вообще ничего не чинить, если не хотите. Спокойно живите, ищите себе работу.

— Все равно починим, — сказал предводитель немцев. — Надо вала делать. Благодарность по-русски.

— Какие же вы отличные ребята, — говорил Бабст, обнимая по очереди всех немцев. — Я бы с вами остался, но надо аппарат выручать.

Оставив немцев обживаться, радуга отвела остальных наверх, в «мансарду № 5».

— Во, знакомые места, а то я уже думал, что мы заблудились, — обрадовался Паша. — Здесь живет кто-нибудь сейчас?

— Так, чтоб постоянно, — нет. Но если хорошие ребя-точки вечером приходят, то мы их сюда селим.

— То есть нам под вечер лучше убраться? — уточнил Савицкий.

— Я этого не говорила, я этого не говорила! — пропела радуга, по очереди пожимая всем руки. — А что это у тебя? — спросила она у Живого, указывая на синяк на его правой руке.

— Это... Неудачно тяповки выпил, — не стал вдаваться в подробности Паша и искоса взглянул на Бабста — помнит он или нет, как в вертолете разошелся? Нет, видимо, не помнит.

— Водка? Скучно! — чирикнула на прощание девочка и упорхнула вниз.

— Водка — скучно, — повторил Живой. — Это ведь я придумал. Это мой слоган к молодежной антиалкогольной кампании, которая так и не была запущена.

— Почему? — спросил Петр Алексеевич.

— А потому что Тяпов кучу бабок отвалил, чтобы ее не было. А хорошо было все придумано. Ну, хоть слоган пригодился. Мне, правда, так за него никто и не заплатил.

Глава 39

От чего заплачет Петр?

— Ну, и как нам поможет твой друг Диктатор? — перешел к делу Савицкий, когда на гулкой лестнице стихли шаги радуги.

— Мы сейчас соберемся с мыслями и придумаем, за что художники должны ненавидеть Тяпова, — пояснил Живой, усаживаясь на подоконник. — Тут дело серьезное, нельзя импровизировать.

— А почему бы правду не сказать? Что нас ограбили и нам нужна помощь? — удивился Петр Алексеевич.

— Больно им надо помогать одному бизнесмену разбираться с другим бизнесменом. Для Диктатора и ты, и Тяпов, и даже я — представители иного, чуждого вида.

— А ты-то почему?

— А я хуже всех. Я в душе — художник, но человек слабый, люблю пожрать, дунуть, путешествовать люблю. И потому вступил в финансово-экономические отношения с капиталистическими свиньями. Продаю свой талант за жратву.

— Ты себе льстишь, студент, — заметил Бабст. — Был бы у тебя талант — его бы, небось, заметили.

— Весьма распространенное мнение, не имеющее отношения к реальному положению вещей. Замечают того, кому повезло, а не того, у кого талант. Кстати, я, кажется, придумал, как мы поступим. Ты, Костя, технарь-самородок. Изготовил без единого гвоздя чудо-машинку. Такое... произведение техногенного искусства. Стимпанк-икону практически.

— Паша, говори по-русски, — поморщился Петр Алексеевич.

— Так я и говорю. А сволочуга Тяпов присвоил себе плод труда нашего концептуального друга. И это так оставить нельзя. Вперед, вольные художники!

Словно в ответ на его призыв дверь открылась, и в помещение просочился человек в белом балахоне. Не замечая остальных, он направился напрямик к Живому, и, будто продолжая разговор, прерванный несколькими минутами ранее, плаксивым, почти бабьим голосом затянул:

— Притесняют! Все меня, художника, притесняют. На днях в осквернении символа обвинили, на выставку не пускают...

— Здорово, чувачок. А что ты натворил-то? — поинтересовался Паша. Художник вопросу явно обрадовался:

— Этим бюрократам зашуганным не понравилась моя последняя работа — елочная игрушка «Многокрылая птица власти». Я вырезал из фанеры 12 двуглавых орлов, покрасил бронзовой краской, склеил вместе так, что все 24 головы смотрят в разные стороны, и получилось такое многоголовое и многокрылое чудовище. А они говорят — оскверняешь.

— А если бы ты не орла, а что-нибудь нейтральное сделал? — спросил Живой.

— Но в этом же самый смысл! И потом — назови мне еще один симметричный символ.

— Да пожалуйста — чебурашка! Многоухий покемон счастья.

— Да кому он нужен, этот твой покемон? А про меня даже на всех новостных порталах прописали, в экстремизме обвиняют. Ну-ка, давай зазырим, что там мне еще шьют. Давай, давай! У тебя же есть девайс, а я свой ноут еще весной продал.

Художник грозно наступал на Живого, пока тот не уткнулся спиной в стену и не достал из кармана смартфон, чтобы убедиться — да, действительно, обвиняют и притесняют, да, несправедливо. Только после этого несправедливо притесняемый талант покинул помещение.

— Что-то мне кажется, что помощи нам тут ждать не от кого, — глядя ему вслед, грустно сказал Савицкий.

— Есть от кого, — успокоил его Живой. — Люди все разные, ну и художники тож. Погоди, я сейчас только почту проверю, мне тут пишут что-то... О, май гад! Май гад! Май гаджет! Ой, что у меня есть! Что есть у меня! Кажется, нашему другу Тяпову рано радоваться!

— Что, взорвался его завод? — спросил Бабст.

Живой молча подошел к друзьям и показал им фотографию. На фото — Петр Алексеевич сразу его узнал — был запечатлен знаменитый собакинский штоф, только без пробки. Фотография была цветная, и штоф на ней был главной и единственной деталью. Паша увеличил изображение, так что стало возможно различить рецепт.

— Смотрите! — воскликнул Савицкий. — Этого у нас не было.

И в самом деле.

Бабушкин рецепт заканчивался фразой «*Полоумь-травы Вакховой 3 зол.*». Здесь же — увеличив изображение вдвое — можно было прочитать окончание рецепта:

Отъ всего этаго заплачѣтъ Петръ.

И тогда готово.

— Петр, признавайся, когда нас Тяпов кинул — ты хотел заплакать? — тут же спросил Живой.

— Ну, было в какой-то момент...

— Ну так плачь! От всего этого ты заплачешь — и тогда готово.

— Что готово? — спросил Бабст. — Может, мне тоже заплакать? И тебе заодно? И будет такой арт-объект.

— Перформанс, — машинально поправил Живой.

— Сделал, значит, липу в фотошопе и решил над нами посмеяться? — не унимался Костя. — Спасибо. Нас уже дурили. Мы ученые уже! Ты, Петя, думаешь, это у него в Интернете волшебным образом фотография нашлась? Веришь ему?

— В самом деле, Паша, откуда у тебя это?

— Он настоящий! Бобом Марли клянусь! Сейчас расскажу, только, чур, не драться. Академик, это я тебе говорю.

— Н-ну? — рыкнул Бабст. — Говори!

— Короче, у меня есть ЖЖ. Вот. Я туда пишу. Мне надо, я иначе не могу. И вот, значит, я туда написал...

— Написал он, писатель, — прервал его Костя. — То-то я смотрю, тут все в курсе уже, что ты Бонзайцево опыляешь и Краснопырьевск поднимаешь. Сам все разболтал, а на Верушу свалил, поганец.

— Да я про это под замком писал. Только для самых близких друзей. Что же я, не понимаю?

— Ну и сколько у тебя этих близких друзей? — недоверчиво спросил Савицкий.

— Да немного. Чуть-чуть.

— Так сколько?

— Ну, 483 человека.

— Так. Дальше, — ровным тоном произнес руководитель экспедиции.

— Дальше хотите? Пожалуйста. Когда ты, начальник, заставил меня Вакхову траву по гуглу пробивать — ну, помнишь, на кухне у тебя, — я воспользовался всеми ресурсами и в ЖЖ тоже написал. Мол, народ, никто не в курсе, что такое Вакхова трава и где она растет? Никто не ответил. А я и без них сам все нашел, а пост стирать не стал, потому что там в комментариях хороший, годный флуд случился. И тут, когда мы уже в Питере были, мне пришел ответ от одного френда. Он сейчас во Франции живет.

При упоминании Франции Бабст тяжело вздохнул.

— Вот. И написал он мне знаете что? Ровно то, что у нас на флаконе нашкрябано. «Полоумь-травы Вакховой 3 зол.» А я уже и без него знал про этот «зол». Ну, офигел, конечно, написал ему в личку — мол, а ты откуда знаешь? Мало ли, может, все в курсе уже, рецепт в каждом французском кулинарном журнале отпечатан, а мы, как белорусские партизаны, будем по

лесам бегать.

— Что же ты нам ничего не сказал? — возмутился Савицкий.

— А вдруг это лажа какая-то? Или, что еще хуже — а вдруг правда? И приключениям конец. И травы Вакховой не увидим. Я дурак, что ли, сам себе? И потом я решил — а что, если наша княжна, которая никакая, конечно, не княжна, — агент французских фармацевтов? Ну, не доверял я ей с самого начала. Если женщина не испытывает ко мне симпатии — с ней наверняка что-то не так.

— О женщинах мы еще непременно поговорим, — мягко направил его в нужное русло Савицкий. — Вернемся к делу.

— А дело такое. Мой французский корефан не раз видел эту бутылку, когда был в гостях у каких-то наших эмигрантов. Она у них там в тубзике, в шкафчике пылится. На уровне глаз. Не захочешь — а выучишь рецепт наизусть. Моего-то френда «пatina змеиная» больше всего пленила. Он, кстати, не такой умный, как ты, шеф, так и не прочухал, что это. Короче, попросил я его сфотографировать этот шкалик и картинку мне скинуть. Ну вот, он как до тех гостей дошел, сразу в туалет, сфотал штоф на мобилу и мне послал. Вчера еще вечером послал, между прочим. Это я с тех пор в интернету не вылезал, убиться!

— Паша, это же замечательно! — воскликнул Савицкий. — Вот бабуля будет рада! Давай скорее звонить твоему другу, пусть он мне вышлет штоф по DHL!

— Давай лучше письмо ему напишем.

— Нет-нет, звони! С моего телефона, конечно.

— Да не знаю я его номера. Мы и лично-то не знакомы.

— Какой же это близкий друг? — удивился Костя.

— А что же? Приятный человек, не быдлогопник, пишет интересно, путешествовать любит. Я его и зафрендил. Будет повод — лично познакомимся.

— А Тяпова среди твоих друзей нету случайно? — грозно спросил Бабст.

— Ну какой Тяпов, ты что? Я вот нарочно вам рассказывать не хотел, потому что вы же не врубаетесь совсем в интернету, у вас квадратное мышление вообще.

— Ладно, проехали. Ты, Пашка, все же молодец, благодаря твоей общительности у нас теперь полный рецепт, — попытался снять напряжение Савицкий.

— «От всего этого заплачет Петр», — задумчиво произнес Бабст. — Ну, допустим. Только в любом случае все то, от чего он заплачет, — у

Тяпова в сейфе.

— Петр заплачет... — повторил Савицкий. — Как бы нам снова в Питер ехать не пришлось. А может быть, это как-то с первым превращением связано?

— Снаряд два раза в одну патину не попадает. Может, это растение такое? — предположил Живой. — Какой-нибудь Петров цвет. И по утрам на нем выступает роса...

— ...от всего этого, — закончил Савицкий. — Понимаете? Не просто так, а от всего этого! Полить его, что ли, всем этим надо?

— А может быть, у тебя какой-нибудь родственник был, Петр? И на его могиле стоит памятник? — попытался включиться в мозговой штурм Бабст. — Черт, все равно надо аппарат выручать. Где твои художники, студент?

Паша вскочил и пробежался из угла в угол.

— погоди, погоди! — отмахнулся он. — Нужен подходящий момент. С ними очень сложно. Я сейчас подумаю... Надо что-то такое сделать... Что-то такое... А, вот, знаю! Надо попросить помощи у великой жабы!

Он крутанулся на пятке, схватил стоявший в углу веник и сдернул со стены связку индийских колокольчиков. Колокольчики нацепил на шею — видимо, для красоты, а веником стал помахивать вокруг себя, приговаривая:

— Пусть злая дух Тяпов капут! Пусть добрая дух Менделеев буль-буль в наш бутылка!

— Прекрати паясничать! — поморщился Савицкий.

— Да он просто время тянет, — сказал Бабст. — Не помогут ни фигу его художники.

— Не мешай, так надо! Добрая дух Петр плачет — радость. Злая дух Вера Собакина плачет — еще больше радость! Добрый художник приди, пользу принеси! Враг стань друг! Все друг друг стань брат! Так говорю я, великий шаман, знатный знаток кружений, мастер живописных глюков...

— Тихо! — прервал его вдруг Савицкий. Он приложил палец к губам. Паша замолк, замер, и даже его колокольчики стихли.

Из-за неплотно прикрытой двери на лестницу слышались голоса.

— Да ты успокойся, подружка, — говорила какая-то девушка. — Ты теперь в правильном месте.

— Может, это для тебя оно правильное, — грустно ответила ей «подружка», — а для меня неправильное.

Бабст вздрогнул. Паша ущипнул себя за ногу. Савицкий продолжал прижимать палец к губам.

— В неправильном месте ты работала! Причиняла людям зло.

— Никому я зла не причиняла. Хватит гуру просветленную из себя корчить. Я с тобой как с человеком, а ты со мной как с ребенком.

— А раз никому зла не причиняла — то чего напрягаешься? работу найдешь. А парни сюда иногда знаешь какие приходят?

— Да нужны мне эти хиппи! Я, может, впервые в жизни познакомилась с людьми, у которых было настоящее интересное дело. Не ради денег, а потому что это им надо. И они мне поверили. А я их взяла и обманула!

— Обманывать — плохо. Но если ты раскаялась, то, может быть, они тебя простят?

— Нет, не простят они меня... Я бы ни за что не простила. Ладно, давай ключи, поеду я домой, там посплю и подумаю еще. В конце концов, у меня же Петин адрес есть.

Савицкий посмотрел на Бабста. Бабст с Живым посмотрели на Савицкого. Потом они кивнули друг другу, как три мушкетера, решивших взять малютку д'Артаньяна в свою компанию.

Петр Алексеевич выглянул за дверь. Внизу, на ступеньках лестницы, сидели две девушки. На одной было расписное сари, на другой — знакомая клетчатая рубашечка и голубые джинсы.

— Эй, Вера! — негромко позвал Савицкий. — Поднимайся. Мы здесь, наверху.

Усов, как и обещал, довез Машу Голубкову до дома. Ключи от квартиры она с собой не брала — надеялась на подругу-соседку, самого предсказуемого человека на Земле. Если Нинка не на работе — значит, она дома. Если не дома и не на работе — значит, сидит в своем любимом «Кофе-Хаузе» и почитывает там книгу, завлекая кавалеров.

«Нинка, наверное, встала уже. А вот и прекрасно. Лягу спать, а когда проснусь — оно само собой как-нибудь разрулится», — решила бывшая разведчица. Однако не тут-то было. Самого предсказуемого человека на Земле дома не оказалось.

Позвонив подруге на мобильный, бывшая княжна Собакина узнала о себе много нового от разбуженной Нинки. Но еще больше она узнала о своей соседке.

Футболка с блестками, которая досталась Нинке за то, что она удачно перевела работу по химии на французский язык, оказалась счастливой. Стоило Машинной соседке выйти в ней на улицу, как с нею сразу же познакомился актуальный художник — красавец, каких мало, и к тому же мастер спорта по Камасутре. Естественно, бездомный, безденежный, но

оттого еще более прекрасный. Чтобы все было по справедливости, Нинка и ее новый приятель через день живут то у нее, то у него. И вот сегодня как раз она у него — увы, Машке не повезло. И если она хочет попасть домой, то ей нужно приехать за ключами. Ведь Нинка именно сегодня взяла отгул, чтобы весь день провести со своим возлюбленным, потому что у возлюбленного случился неудачный день. Его гениальное творение, скульптурная композиция «Многокрылая птица власти» кому-то показалась оскорблением государственного символа, и до выставки ее не допустили. И теперь он носится, как наскипидаренный, по всей галерее, пытаясь до вечера создать новый шедевр, не менее концептуальный, но не такой прямолинейный.

— Привет, — сказала Маша, осторожно заглядывая в мансарду, приютившую искателей собакинского наследства.

— Здравались уже, — буркнул Бабст.

Живой наступил ему на ногу. Говорить должен был руководитель экспедиции.

Савицкий жестом предложил бывшей сестре присесть. Она поставила на пол спортивную сумку, а сама пристроилась рядом. В случае чего — она успеет убежать. Да и Нинка осталась внизу: если заслышит что-нибудь подозрительное, созовет сюда всех художников.

— Как тебя зовут-то на самом деле, сестренка? — спросил Петр Алексеевич.

— Мария. Маша Голубкова...

Все помолчали.

— Что там с немцами? — прервала молчание Маша.

— В порядке немцы, — ответил Савицкий. — Мы их сюда привезли, они уже, наверное, канализацию чинят.

— Тогда понятно, почему все ругаются, что в туалет не попасть. А я вот от Тяпова ушла.

— Раньше надо было уходить, — не выдержал Бабст.

— И правда, — поддержал его Паша. — Что нам теперь с того, что ты ушла?

Маша даже не взглянула на него: она смотрела только на Костю. Как же он похудел после первой встречи в музее! Может, это менделеевский напиток так действует? Или просто свежий воздух?

Она повернулась к Живому:

— Да хотя бы то, что в качестве компенсации я забрала у дяди Вани все, что вам принадлежит.

С этими словами Маша расстегнула сумку и вынула из нее

менделеевский аппарат и контейнер с ингредиентами.

Савицкий, Бабст и Живой оцепенели, будто им показали голову Медузы Горгоны. Воспользовавшись их замешательством, Маша выскочила за дверь и через мгновение вернулась с мешком Вакховой травы.

— А это на сладкое, — сказала она, швыряя добычу к ногам Бабста.

— Я тебя люблю! — воскликнул Костя.

Он подбежал к ней, обнял, чмокнул в щеку и тут же кинулся к своему аппарату: не поврежден ли?

— А ты ингредиенты не подменила? — недоверчиво спросил Паша.

— А давай их на тебе все сразу испробуем, — предложила Маша.

— Княжной ты мне больше нравилась, — капризно поджал губы Живой.

— Еще бы! Образ французской княжны идеально соответствует всем фаллократическим стереотипам! А ты — типичная мужская шовинистская свинья!

— А я вот рад, что ты русской оказалась, — тихо сказал Бабст.

— Думаю, что теперь нас здесь ничто не держит, — резюмировал Савицкий. — Пусть художники занимаются своими делами, вместо того чтобы штурмовать тяповскую крепость. Предлагаю поехать к моей бабуле. Мне понравилась версия насчет Петра-родственника. Может, и вправду был такой Петр, а меня в его честь назвали?

— И он, предчувствуя это, горько заплакал, — закончил Паша, снимая с шеи связку колокольчиков.

Глава 40

Эликсир князя Собакина

До станции «Менделеевская» дошли пешком. После раскаленной улицы оказаться в насквозь продуваемом сквозняками метро было очень приятно.

Обычно неунывающий Костя выглядел хмуро. Радость от обретения аппарата быстро прошла, и теперь научный консультант экспедиции плелся позади всех, опустив голову и даже не глядя по сторонам.

— Ты чего? — спросил у него Савицкий, когда они ступили на эскалатор.

— Да так... — ответил тот. — Думаю вот: ничего у нас не выйдет, зря мы все это затеяли.

— Почему?

— Ну, ты же видел, что у Тяпова ни фи́га не получилось.

— Не журишь, академик! — хлопнул его по плечу Паша. — У Тяпки химики тупые, а ты у нас гений.

Бабст криво усмехнулся и, ничего не ответив, снова опустил голову.

Маша тоже стояла понурившись. После того как она перестала быть Муркой, у нее внутри как будто поселились сразу две кошки: одна радостно мурлыкала оттого, что ее приняли обратно в компанию, а другая упорно скребла душу, закапывая все то, что наделала раньше.

— Костя, послушай! — тихонько сказала она, взяв бывшего подопытного за локоть. — Я очень виновата, но теперь я пойду с тобой до самого-самого конца!

— Да, Костя, не падай духом! — поддержал ее Савицкий. — Надо завершить операцию!

Тут кончился эскалатор. Сойдя на твердую землю, Бабст поднял голову, прошел пару десятков шагов — и вдруг замер.

Прямо на него смотрел Дмитрий Иванович Менделеев. Портрет ученого располагался под самым потолком: вокруг огромной бородатой головы парили в воздухе элементы периодической таблицы.

— Дмитрий Иваныч! — ахнул Костя. — Явился, значит! А я ведь со вчерашней ночи не пил ничего...

Вся компания столпилась под барельефом.

— По-моему, авторы этой композиции в школе плохо учили химию, — презрительно фыркнула Маша. — Графические формулы слева и справа от

головы — полная отсебятина. А раскраска квадратов с элементами — вообще за гранью добра и зла.

— Это не отсебятина. Это варианты, которые были в головах ученых до Кекуле, — мягко поправил ее Бабст. — Они, наверно, хотели сон Дмитрия Ивановича изобразить.

— Да неважно, что они там хотели изобразить! Это же знак! — воскликнул Савицкий. — И главное, мы же могли совсем другим путем на «Китай-город» поехать!

— Значит, пг'авильной дог'огой идем, товаг'ищи! — возбужденно картавил Паша. — Так говог'ил Г'амакг'ишна!

— Костя! Ну теперь-то ты веришь, что у нас все получится? — спросила Маша.

— Да уж как тут не поверить, — ответил повеселевший Бабст. — Ладно, попробуем! Как выйдем из метро, надо будет водочки закупить для эксперимента.

— Ура!

— Только не тяповки!

К домику бабули подошли в приподнятом настроении.

— Я только вас очень прошу — не пугайте ее, — предупредил Савицкий. — Помните, что ей девятосто шесть лет.

— Я буду сама любезность, — заверил его Паша.

— Воображаю, — хмыкнул Бабст.

Дверь, как всегда, открыла Полина Андреевна. Пропустив гостей в прихожую, она увидела среди них небритого человека с рюкзаком, гитарой и каким-то мешком — и тихонько ахнула.

— Петр Алексеевич, вы что, запили? Кто это с вами? Бомж? Нет, нет, к Елизавете Львовне я вас не пущу!

Пока Савицкий успокаивал домработницу, заверяя ее, что сам он ничего не пьет, а его друзья — тишайшие люди, Костя снял рюкзак и принялся рассматривать фотографии на стенах. Возле афиши с принцессой Брамбиллой он встал как вкопанный.

— Ни фиги себе! Смотрите! Это же княжна Вера Собакина!

Все, не исключая, разумеется, и Машу, подошли поближе. Действительно, в наполовину прикрытом маской лице лукавой принцессы было явное сходство с мнимой княжной.

— Что там случилось? — донесся из гостиной голос Елизаветы Львовны. — Петя, это ты наконец? Иди сюда немедленно, или я сама к тебе приеду!

Савицкий поспешил в комнату.

Бабуля все так же прямо сидела в кресле-каталке, а на столике у нее под рукой, как и при последнем свидании, стоял бокал с красным вином.

— Здравствуй, бабулечка, — сказал Петр Алексеевич, почтительно целуя ее в щечку. — Как ты себя чувствуешь?

— Я не позволяла себе расслабляться, потому что ждала тебя. И дождалась, слава Богу. Ну? Ты пришел со щитом?

— В общем-то, да. Скорее, со щитом.

— Что значит «в общем-то» и «скорее»? Ты добыл напиток Льва Сергеича?

— Мы добыли аппарат и почти все ингредиенты. Кроме последнего.

— А штоф?

— Штофа пока нет. Но мы знаем, что он находится в Париже.

— Я так и думала. У этих Кошкиных?

— Не могу сказать точно. Но мы до него еще доберемся.

— Ты должен его обязательно добыть, слышишь? Обязательно! Мы поговорим об этом позже. Ну, — обернулась она к дверям, — почему ты не знакомишь меня со своими друзьями?

Участники экспедиции переминались с ноги на ногу, боясь помешать семейному разговору.

— Ах, извини! — спохватился Петр Алексеевич. — Вот, позволь тебе представить: Костя Бабст, главный хранитель музея Дмитрия Ивановича. Без него мы бы ничего не добыли. Это совершенно удивительный человек, настоящий ученый. ради химии он готов на все.

Удивительный человек подошел к бабуле и поцеловал ей ручку.

— Чрезвычайно похож на Костю, — внимательно оглядывая его, заметила Елизавета Львовна. — Он тоже был крупным ученым.

— На деда Костю? Да вроде бы не очень похож, — усомнился Савицкий.

— Ты ничего не понимаешь, а я чувствую, какой он надежный человек. И очень крупный. Это Костя, ну просто как живой!

Бабст недоуменно покосился на руководителя экспедиции.

— Это она про своего мужа, моего деда, — объяснил тот вполголоса. — Потом фотографию покажу.

Настала очередь Живого.

— Бабуля, это Павел. Именно он нашел в Сети наш штоф.

— В какой еще сети? Ты же сказал — в Париже!

— Ну, в Интернете.

— Чудеса! Нет, мне надо обязательно освоить этот ваш Интернет. Петя, ты знаешь, у меня через две недели день рождения — подари мне эту

машинку!

— Драгоценная Елизавета Львовна, — вмешался Паша, — я сам, лично, принесу вам эту машинку, собственными руками установлю ее... вот здесь на трюмо и научу вас ею пользоваться. Перед вами откроется прекрасный новый мир!

— Ах, какой любезный молодой человек! — расчувствовалась бабуля. — Договорились. Я буду хорошей ученицей. Петя, ты знаешь, мне кажется, что сегодня какой-то день свиданий. Когда твой друг заговорил, я поняла, что он чрезвычайно, ну просто чрезвычайно похож на Пашу!

— Так он Паша и есть... То есть... Какого Пашу?

— Как какого? Орлова. Того, который пел тенором. И волосы у него были такие же кучерявые.

— Это еще один муж, — шепнул Савицкий Живому. Тот понимающе кивнул и подошел к трюмо поправить прическу.

— А это Маша... — Петр Алексеевич явно не знал, как представить бывшую княжну. — Она... она...

— Она ужасно на вас похожа, — выпалил вдруг Бабст и тут же смущенно добавил: — Я имею в виду вон ту принцессу в коридоре...

— Да? Что вы говорите? — недоверчиво прищурилась бабуля. — А что? Пожалуй, что-то есть. Здравствуйте, милочка!

Бывшая разведчица скромно кивнула и поспешила ступешаться.

Все расселись вокруг круглого стола. Полина Андреевна принесла чай.

— Ну, рассказывайте! — приказала Елизавета Львовна.

— Бабуля, это очень длинная история. Я даже не знаю, с чего начать.

— Начни с главного. Что было написано на штофе?

— Там оказалась очень странная фраза. «От всего этого заплачет Петр». Я как раз и хотел спросить тебя: у нас в роду не было какого-нибудь Петра, который любил плакать?

Бабуля ни на секунду не задумалась над ответом.

— Нет! — решительно объявила она. — Ни в роду Собакиных, ни в роду Савицких плакс никогда не бывало. Все твои предки были люди мужественные — вот как Костя.

Все посмотрели на Бабста. Хранителю музея, видимо, надоели комплименты и постоянное внимание. Он встал и сказал:

— Ну, ладно, вы тут хвалите друг друга, а я пока приготовлю раствор. Петра мы, правда, так и не нашли, но попробовать все равно надо. Может, и без него что получится.

Он отнес рюкзак к стоящему в углу журнальному столику и приступил к уже привычной процедуре.

Под тиканье менделеевского аппарата Савицкий начал рассказывать бабуле о приключениях последних десяти дней. Паша активно комментировал, Костя изредка отрывался от работы и подавал реплику, чтобы исправить какую-нибудь ошибку, а Маша с ужасом ждала, когда рассказ дойдет до ее предательства. Несомненно, Елизавета Львовна сразу выставит ее вон, и никакое сходство с принцессой на фотографии ей не поможет. Однако благородный Петр Алексеевич умело обошел все скользкие места. У него вышло так, что сразу после прилета из Краснопырьевска они поспешили к бабуле на Яузский бульвар.

— Я в этом и не сомневалась, мой милый! — заключила Елизавета Львовна. — Ну что, готово?

Последний вопрос был обращен к Бабсту. Костя понюхал стакан с мутно-коричневой жидкостью, поморщился, а потом ни слова не говоря отпил из него.

Все ахнули, вскочили и подбежали к отчаянному экспериментатору.

— Да не бойтесь вы, ничего не будет, — спокойно сказал тот, ставя полный стакан возле аппарата.

— Почему?

— Потому что водичка получилась. Можно даже анализа не делать, на вкус все ясно. Мутная водичка, вонючая, с солями, но именно водичка. И никакого эффекта от нее не ждите. Все нейтрализовано.

Паша подбежал к журнальному столику, схватил стакан с раствором, понюхал — и закашлялся.

— Ароматерапия... — выдохнул он, — ...шоковая.

Бабст отобрал у него стакан и поставил его обратно.

Потом подошел к столу и налил себе чаю. Все снова расселись по местам.

— Костя, ты все-таки объясни — что и чем нейтрализовано? — попросил Савицкий. — Я не понимаю.

— Ну, смотри, — начал Бабст. — Я уже давно об этом думаю. Итак, из чего состоит наш эликсир и что его компоненты значат? Во-первых, у нас есть отрезвит. От него человек смотрит на мир так, как будто видит его впервые, и при этом чувствует, что все может. Потом на это дело мы накладываем патину. А это власть. Исчезает робость, привычка к подчинению, человек превращается в царя, императора, самодура, который ни в чем не знает удержу. Теперь он не только чувствует, что все может, но у него еще и есть на это силы. Потом добавляем бонзайской коры — переимчивости, стало быть. Как только смешал — начинаешь сомневаться. Думаешь: ну да, я-то, конечно, все могу, но только вот с кого бы мне

пример взять? Дайте, мол, образец — и я все сделаю. И тут тебе вместо образца — бабах! — полоумь-травы. Только что ты все мог, а теперь тебе, как юродивому, ничего в этом мире не надо. Но и юродивым ты не становишься, потому что патины с корой принял. Вот это и есть нейтрализация.

— И что получается?

— А ничего не получается. Сидишь себе такой же, как в начале, только поганой водички попил. Остается рот чаем прополоскать.

И Костя отпил из чайной чашки.

— Так вот почему у Тяпова ничего не вышло! — воскликнула Маша и тут же прикрыла рот рукой. Но бабуля, похоже, ничего не заметила. — Теперь все понятно. Что же делать?

— А ничего тут не сделаешь, — грустно сказал Живой. — Я так думаю, Алексеич, приколос твой прадедушка. Пошутил. Мол, ищите-свищите, а в конце будет вам водичка из-под крана.

Елизавета Львовна, молча следившая за разговором и, очевидно, не все понимавшая, последнюю фразу поняла очень хорошо.

— Папа не мог так пошутить! — веско сказала она.

— И, кстати, вы забыли про плачущего Петра, — добавила Маша. — Слезы — это ведь тоже водичка с солями.

Савицкий был страшно расстроен:

— Ну, хорошо! «Заплачет Петр»! А где этого Петра искать? Я вот сам сейчас заплачу, может, от этого у нас все получится?

Повисла пауза. Всем было ясно, что поиски зашли в тупик.

Молчание нарушил Паша:

— Ну что вы сидите, как боярская дума? — бодрым голосом спросил он. — Давайте хоть кофейку попьем. Я вам такой сварю, что сразу соображалка заработает. Елизавета Львовна, у вас кардамон есть?

— Откуда я знаю? — пожала плечами хозяйка. — Спросите у Полины на кухне.

— Ребзо, айда на кухню! — скомандовал Живой. — Сейчас шарахнем кофейку по рецепту одной моей подружен-ции — сразу проснемся и все прочухаем. Князь, веди нас!

Петру Алексеевичу ничего не оставалось, как возглавить процессию. Последним брел Бабст.

Не прошло и пары минут, как в комнату ворвалась рассерженная Полина Андреевна.

— Елизавета Львовна, что за табор привел ваш внук? Один небритый, другой лохматый. Лохматый потребовал у меня турку и кофе. Шарит по

полкам, как у себя дома. Ложкой дирижирует, заклинания какие-то пришептывает, зелье варит. Меня вот выгнал. Сказал — не подглядывайте, тетенька, я обещал унести этот секрет с собой в могилу.

— Полина Андреевна, не обижайтесь на него, — умиротворяюще ответила хозяйка. — Паша всегда нервничает перед концертом. А когда он нервничает, он может наговорить много лишнего. Пусть они там колдуют, а вы пока полейте-ка лучше березку. Это вас успокоит.

— Кому бы не мешало успокоиться — так это тому лохматому, в рваных джинсах, — проворчала себе под нос Полина Андреевна, однако послушно взяла с подоконника лейку и подошла к бонсаю, стоявшему на круглом столике в углу, под старинной, потемневшей от времени иконой в золотом окладе.

— Да протрите листья, как бывший хозяин велел! — приказала Елизавета Львовна, подъезжая к деревцу на своем кресле.

— Так вчера только протирала, — сказала Полина Андреевна.

— Вчера, сегодня... — задумчиво пробормотала хозяйка, видимо, углубляясь в воспоминания. Отвлек ее Бабст, вернувшийся из кухни обратно в комнату.

— Можно я у вас тут посижу? — спросил он. — А то там Пашка сварил какой-то смолы. Я кофе вообще-то не очень люблю, а такой дикарский и подавно.

— Паша, когда перед концертом нервничает, всегда готовит что-то несъедобное, — охотно откликнулась Елизавета Львовна. — Помню, он мне как-то жареную картошку в сахарной пудре преподнес. И, представляете, сам съел ее за милую душу, ничего не заметил.

Полина Андреевна покачала головой и ушла в соседнюю комнату.

Бабст подошел к бонсаю и улыбнулся, вспомнив неистового батюшку Симеона. Потом присмотрелся к иконе.

— Скажите, а кто тут изображен? — спросил он.

— Это папина икона. Я нарочно велела поставить рядом березку. Лев Сергеич купил эту икону в Пырьевске. Вы ведь там были, да?

— Да, были. А кто на иконе-то?

— Ну так вот. Продавец говорил, будто икона эта мироточащая. Это все, конечно, предрассудки, но папа за что-то ее очень ценил. Даже велел поместить в богатый золотой оклад. Хотя он не любил попов. Он только меня любил... Помню, идем мы с ним как-то по Кузнецкому, а он и говорит...

— Елизавета Львовна! Скажите: кто изображен на иконе?

— Как кто? Апостол Петр, разве не видите? Он же с ключами!

Различить апостола, а тем более — ключи на потемневшем дереве было не так-то просто.

— А можно поближе посмотреть?

— Пожалуйста, если хотите. Но я вас ненадолго покину, мой друг. Мне пора принимать лекарства. Они мне совсем ни к чему, но я не хочу сегодня расстраивать Полину. У нее и так тяжелый день.

С этими словами бабуля направила кресло-каталку к выходу из комнаты.

Бабст осторожно снял икону со стены и чуть не уронил — весила она, как оказалось, килограммов пятнадцать. Потом повернул ее и присвистнул: тыльную сторону прикрывала железная пластина, закрепленная по углам четырьмя большими винтами.

Он отошел к журнальному столику и аккуратно положил на него икону изображением вниз. Затем порылся в рюкзаке, достал швейцарский нож и осторожно, чтобы не повредить оклад, начал отворачивать винты.

— А может быть, этот Петр — никакой и не Петр, — рассуждал вслух Живой, прихлебывая кофе. — Может быть, это аббревиатура?

— И что же в этой аббревиатуре означает буква «е»? — хмыкнул Савицкий, отставляя в сторону пустую чашку.

— Знаешь, это стопудово что-то очень простое. Типа «скажи друг — и входи». Мне почему-то кажется, что ответ у нас прямо под носом, а мы его не видим, потому что ищем сложные решения.

— Интересно, а куда Костя подевался? — перебила спорщиков Маша.

Словно в ответ на ее слова в дверях кухни вырос Бабст.

— А я, похоже, Петра нашел, — будничным тоном сказал он.

— Как нашел? Какого Петра? Где нашел?

— Да у нас прямо под носом. Пошли, сами увидите.

В гостиной на столике рядом с менделеевским аппаратом лежало странное устройство, которого прежде тут не было: нечто среднее между часовым механизмом и внутренностями прадедушки современного телевизора. Медные цилиндрики разного размера были соединены медными же трубочками, а в центре этого лабиринта тускло отсвечивали шестеренки.

— Вау, какой клевый стимпанк! — воскликнул Паша. — Значит, это аббревиатура, как я и говорил? Паровая Емкость Троекратного расщепления?

— Это Петр, — коротко пояснил Бабст, осторожно поворачивая икону лицом к зрителям.

— Но это же бабулина икона, я ее с детства помню! — изумился Петр

Алексеевич.

— Это апостол Петр с ключами от рая. А Лев Сергеевич поместил в оклад механизм вторичной перегонки, — Бабст снова повернул икону механизмом вверх. — Глядите, вот сюда можно что-нибудь налить.

— А вдруг взорвется? — испугался Паша. — И попадем мы прямо к этому Петру в рай... может быть...

— Значит, чтобы Петр заплакал, надо залить туда наш раствор? — догадалась Маша.

— Зачем? — удивился Савицкий.

— Не знаю, — пожал плечами Бабст. — Думаю, что это какой-то фильтр. Надо попробовать.

— Да знаю я, что это за фильтр, — высунулся Паша. — Только князь Собакин тут совсем ни при чем. Попы с помощью этой хреновины дурили людям головы. Это ведь, небось, так называемая мироточащая икона, да?

— Ну да, — подтвердил Бабст.

— Но мироточащие иконы устроены гораздо проще, — вмешался Савицкий. — С обратной стороны делали углубления, в которые помещалось масло. От тепла масло таяло и выливалось в крошечные дырочки в глазах. Никакого механизма для этого не нужно.

— Так то попы, а то профессиональный химик делал! — заступился за коллегу Бабст и решительно потянулся к стакану с раствором.

Его никто не успел остановить. Следующим движением Костя аккуратно залил раствор в самую большую медную емкость.

Сначала ничего не происходило. Затем шестеренки сдвинулись с места, и раздалось мерное тиканье, похожее на звук, который издавал аппарат Менделеева. Костя поставил икону так, чтобы видеть изображение, и стал вглядываться в лицо Петра. Через минуту глаза святого увлажнились. Бабст резво подбежал к рюкзаку, достал мензурку и подставил ее под благодатные струи.

Искатели княжеского эликсира молча стояли и смотрели, как плачет Петр.

Паша дергал себя за дреды и переминался с ноги на ногу. Савицкий вцепился в спинку стула так, что побелели костяшки пальцев. Маша кусала губы. Один лишь Бабст сохранял внешнее спокойствие.

— Ну вот, Петя, как я и говорила — лекарства мне совсем не нужны. Лучшее лекарство — это хорошие новости и красное вино, — громко объявила Елизавета Львовна, въезжая в комнату.

— Бабуля, у нас как раз хорошие новости, — торжественно произнес Савицкий. — Костя разгадал загадку Льва Сергеевича!

— А я никогда в этом и не сомневалась, — спокойно ответила Елизавета Львовна. — Я потому и вышла за него замуж. Как первый раз в глаза его взглянула — так сразу все и поняла.

Бабст осторожно поднял мензурку и посмотрел на просвет.

Вся муть исчезла. Жидкость была прозрачной и как будто светилась изнутри.

— Н-да, коктейля вышло, конечно, маловато. Как кот наплакал, — критически осмотрев мензурку, сказал Паша. — Но грамм по пятьдесят на брата будет. Давайте, значит, разольем?

— По сорок, — поправила его бабуля. — Я тоже с вами выпью. Достань-ка, Пашенька, пять бокалов из серванта. Там есть такие высокие, мальцевские.

Паша принес бокалы. Костя молча разлил по ним жидкость — ровно-ровно.

Савицкий схватил его за локоть и отвел в сторону.

— Послушай, Костя... Нехорошо поить старушку неизвестно чем.

— А не дать ей выпить папиного напитка — это хорошо?

— Пусть наблюдает со стороны. Так даже интересней.

— Да? А если у нас всех крыша поедет, как у меня в вертолете? Лучше пусть она со всеми вместе.

— Но тут же Полина где-то ходит, — почесал в затылке любящий внук. — В случае чего — они забаррикадируются на кухне и вызовут милицию.

Елизавете Львовне, по-видимому, надоело дожидаться окончания этого спора. Не говоря ни слова, она протянула свою сухонькую ручку, взяла высокий узкий бокал — и мигом его опустошила.

Все ахнули. Бабуля улыбнулась.

Отталкивая друг друга, Савицкий и Бабст ринулись к столу. Живой и бывшая княжна Собакина уже схватили свои бокалы. Все четверо выпили одновременно.

Савицкий сел в кресло, закрыл глаза и прислушался к внутренним ощущениям.

Он был всеми, кто находился сейчас в комнате, и в то же время никем из них.

С остальными, вероятно, происходило то же самое.

— Да! Да! Да! Да! — четыре раза прозвучало в его мозгу эхо.

Привыкнув к новому состоянию, Петр Алексеевич понял, что в этом мире, кроме него, никого нет. Все люди — это он. И он — это все люди.

Он был Жозефиной, которая, надев платье царицы, как раз в этот

момент гоняла Вована бейсбольной битой по коридору коммунальной квартиры. И в то же время он был Вованом, который кричал: «Барыня, помилуй!»

Он был отцом Симеоном, который женился на председателевых дочках. В бонзайской церкви шла свадьба, и батюшка выступал одновременно и в роли попа, венчающего молодых, и в роли жениха. Один бы он ни за что не справился, но невесты помогали ему держать венец: в Бонзайцеве наступила эпоха равноправия.

Он был Виолеттой и Генриеттой, которые по случаю венчания принарядились в воздушные белые кружевные платья, пошитые за одну ночь из лучших маминых занавесок.

Он был главой сельской администрации Пекуниным, который стоял там же, в церкви, позади дочек, но ничего не видел и не слышал, а только шевелил губами, мысленно отвечая на письма от московских цветочных и сувенирных магазинов. Наивысшую цену на «Клен ты мой опавший» предлагало АОЗТ «Айседора», но Герасим думал, что можно запросить и побольше — ведь у него уникальное торговое предложение.

Он был архивариусом Савельевым, который, как и прежде, сидел в склепе под Николо-Ивановской церковью и при свете керосиновой лампы вносил в летопись Краснопырьевска новую запись: *«28 июня 2009 года, Вс. Сегодня открыт Городской культурный центр. Под него выделен замок И.С.Некипелова (Кипяченого). Осуждаю».*

Он был мэром Лиходумовым, который перерезал красную ленточку у ворот нового культурного центра. За его плечом улыбался телекамерам директор библиотеки Николай Иванович Семин.

Он был Стозой Михайловной, которая, стоя между двумя папиными заместителями, гладила по жесткой шерстке поросенка Коленьку. Было ясно, что Дракошина звезда закатилась окончательно.

Он был немцами, которые рисовали на стене галереи «Достоевский» фреску «Ылмыс летающий». На фреске был изображен дракон с винтовыми лопастями, несущий группу маленьких человечков в Москву. Москва была представлена в виде огромной бутылки тяповки с красной звездой наверху.

Он был Нинкиным бойфрендом-художником, который наконец-то создал многоухого покемона счастья. И он был Нинкой, которая как раз сейчас думала, что теперь ради искусства и любви ей придется бегать по парку «Музеон» в костюме этого покемона.

Он был Тяповым, который обсуждал с Леопольдычем новый напиток «Тяпка поморская». И он был Леопольдычем, который пробовал этот

напиток и одобрительно кричал.

Он был Усовым, летевшим на вертолете над бескрайней ледяной пустыней.

Он был Костей Бабстом, очутившимся в самом центре огромного Грушинского фестиваля. На бескрайней поляне, напоминавшей Вакхову, сидели у костров добрые бородатые люди. Все они пели, подыгрывая себе на гитарах, пили водушку не пьянея, а только становясь все добрее и добрее. И было ясно, что фестиваль этот длится круглый год и лето здесь никогда не кончается.

Он был Пашей, который отплясывал на пляже в Гоа в окружении знойных красоток и во все врубающихся своих чуваков. Все они курили маленькие резные трубки, то и дело меняясь ими с соседями, и понимали друг друга без слов. Над бескрайним океаном летел маленький белый кукурузник с гигантской рекламной растяжкой «Паша Живой — наш гуру».

Он был Машей Голубковой, которая, обняв Дженнифер Гарнер, спускалась на парашюте с Останкинской телебашни. Шла съемка пятого сезона русско-американского сериала «Две шпионки».

Наконец, он был бабулей. Шестилетняя кудрявая кукла в платьице с рюшами шла по Кузнецкому. Ее держал за руку высокий старик в синих очках.

— Лизонька, хочешь газированной водички? — спрашивал князь Собакин.

notes

Примечания

1

Самка Дедушки Мороза (*англ.*).

2

Стихи Ю.Визбора.

3

Пер. М.Рыльского.

4

Дорогие гости, это наши художники. Чукотская арт-группа. Чукчи — это... *(англ.)*

5

Этот парень шутит. Все нас называют немцы (*англ.*).

Table of Contents

[Ольга Лукас, Андрей Степанов Элексир князя Собакина](#)

[Пролог](#)

[Часть первая Москва](#)

[Глава 1 Духи предков](#)

[Глава 2 Креативная газировка](#)

[Глава 3 Бабуля](#)

[Глава 4 Живой](#)

[Глава 5 Голубой песец](#)

[Глава 6 Речь держала Мурка, звали Терминатор](#)

[Глава 7 Княжна Вера Собакина](#)

[Часть вторая Петербург](#)

[Глава 8 Жозефина Павловна](#)

[Глава 9 Бабст](#)

[Глава 10 Змеиный город](#)

[Глава 11 Пушкин жжот](#)

[Глава 12 Лик его ужасен](#)

[Глава 13 Прощай, Рамакришна!](#)

[Часть третья Бонзайцево](#)

[Глава 14 Триста восьмой километр](#)

[Глава 15 Нелюдская деревня](#)

[Глава 16 В церкви](#)

[Глава 17 Отец Симеон](#)

[Глава 18 Уникальное торговое предложение](#)

[Глава 19 Girl power](#)

[Глава 20 Утро туманное](#)

[Глава 21 Святая гора](#)

[Часть четвертая Краснопырьевск](#)

[Глава 22 Понт.ру](#)

[Глава 23 Перепозиционирование Краснопырьевска](#)

[Глава 24 Снова в церкви](#)

[Глава 25 В склепе](#)

[Житие Вакха Волосатого](#)

[Глава 26 Кипяченый](#)

[Глава 27 Грамматический террор](#)

[Глава 28 Культурный фронт](#)

[Глава 29 Свободная пресса](#)

[Глава 30 Переговоры](#)

[Глава 31 Ненемцы](#)

[Глава 32 Сильные духи](#)

[Глава 33 Ылмыс летающий](#)

[Часть пятая Опять Москва](#)

[Глава 34 Черный шаман](#)

[Глава 35 Тяповские апартаменты](#)

[Глава 36 Легенда о великом дегустаторе](#)

[Глава 37 Наполеон Третий](#)

[Глава 38 Анархическая деспотия](#)

[Глава 39 От чего заплачет Петр?](#)

[Глава 40 Эликсир князя Собакина](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)